

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 1 (17)

**САРАНСК
2011**

У ч р е д и т е л и:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрченков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я:

Ф. А. Айзатов, И. В. Бахлов, Е. Н. Бикейкин, С. П. Бурланков, Е. В. Глазкова,
Т. М. Гусева, И. В. Зубов, А. М. Каторова, А. Н. Келина, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, О. Е. Поляков, Е. Г. Скворцова, В. В. Ставицкий,
А. Н. Чекушкин, А. В. Чернов, А. М. Шаронов, Н. Г. Юрченкова

Адрес редакции:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

<i>Кильдюшкина И. Г.</i> О позиционировании рыночной инфраструктуры Мордовии	7
<i>Соколов А. В.</i> Рынок вагоноремонтных услуг: несовершенство конкуренции	19
<i>Топорков С. Н.</i> Анализ эффективности и интенсивности использования и обновления основных фондов предприятия	27
<i>Кочетова Ю. М.</i> Электроэнергетика Мордовии: проблемы и перспективы развития	38

ИСТОРИЯ

<i>Кемаев Е. Н.</i> Об этнокультурной принадлежности населения, оставившего Андреевский курган	47
<i>Юрченков В. А.</i> Сражение на Листани в 1444 г.: историографическая традиция и опыт реконструкции	60
<i>Еремкина О. А.</i> Землевладение и землепользование мордовских мурз в XVII в. на примере деревни Мордовская Кандарать (По материалам писцово-книжки «Симбирск и Карсун»)	73
<i>Лаптун В. И.</i> Состояние духовного образования в России накануне духовно-учебной реформы 1808 — 1818 гг.	77
<i>Баулина Н. В.</i> Деятельность Крестьянского поземельного банка в мордовском крае в 1914 — 1916 гг.	81
<i>Чекушкин А. Н.</i> Трансформация национального статуса Мордовии в 1920 — 30-е гг.: политика коренизации	85
<i>Бикейкин Е. Н.</i> Социально-экономическое развитие г. Саранска в условиях реформ второй половины 1960-х гг.	94
<i>Чекушкин А. Н., Храмов А. В.</i> Функционирование национально-культурных автономий в процессе модернизации территориальной системы России (На примере финно-угорских народов Волго-Уральского региона)	109

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Фадеева М. М.</i> Экономические предпосылки сельскохозяйственного переселения мордвы на Урал	114
<i>Шевцова А. А.</i> Имя и этническая идентичность: традиции имянаречения у армян Республики Мордовия	119
<i>Рябов П. В.</i> Садово-парковая скульптура как этнообъединяющий фактор	125

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Моськина С. И.</i> Глаголы бытия в мордовских языках: семантические и словообразовательные особенности (сравнительный аспект)	132
--	-----

Цыпкайкина В. П.	
Особенности выражения темпоральной отнесенности действия в высказываниях с формами повелительного наклонения (На материале мордовских языков)	135
Самосудова Л. В.	
Послелог в эрзянском языке, выражающие пространственные отношения статической локализации	142
Гурьянова Л. А.	
Семантика элатива в эрзянском и венгерском языках	147
Кукушкина Е. А.	
Композиты подчинительного типа с первым компонентом — именем прилагательным в эрзянском и немецком языках	151

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Шеянова И. И.	
«Предания» и «Жизнеописания» В. С. Саюшкина, Р. Ф. Учаева и И. А. Цыбина как первые образцы мордовской народной прозы начала XX в.	157
Шугаева Т. В.	
Специфика изображения событий Великой Отечественной войны в послевоенный период (На примере очерковой прозы)	161
Сапунова Е. Н.	
Смех в творчестве М. В. Моторкина	165

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Шаронов А. М.	
Об эрзянском и мокшанском фольклоре	170
Шаронов А. М., Пащуткина В. Н.	
Верховный бог эрзи и мокши в описании У. Харвы	180
Уханова Ю. Н.	
Эрзянские фольклорные сюжеты о Литове (семейно-бытовые отношения)	186

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Шкердина Н. О.	
Реализация ленинской концепции культурной революции (На примере мордовского края)	193
Щукин Д. С.	
Партийно-государственные органы и творческие союзы МАССР в 1953 — 1985 гг.	206
Сульдина Л. В.	
Культурная политика Мордовии в 1970 — 80-е гг.	215

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Научная деятельность НИИГН в 2010 г.	221
О проведении научно-методических семинаров в НИИГН в 2010 г.	225
Мифы и реальность финно-угорского мира	230

РЕЦЕНЗИИ	245
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	247
СОКРАЩЕНИЯ	251

CONTENTS

ECONOMICS

Kildyushkina I. G. On Positioning of Market Infrastructure in Mordovia	7
Sokolov A. V. Car-repair Services Market: Imperfection of Competition	19
S. N. Toporkov Analysis of Effectiveness and Intensity of Use and Renovation of the Enterprise Basic Assets	27
Kochetova Yu. M. Power industry of Mordovia: Problems and the Prospects for Development	38

HISTORY

Kemaev E. N. On Ethnocultural Belonging of Population, Who Left the Andreevsky Barrow	47
Yurchenkov V. A. Battle at the Listani in 1444: Historiographical Tradition and the Experience of Reconstruction	60
Eremkina O. A. Landownership and Land Tenure of Mordovian Murzas in the XVII Century Based on the Example of Mordovian Kandarat Village (According to Materials of the Cadastre Book «Simbirsk and Karsun»)	73
Laptun V. I. State of the Theological Education in Russia on the Eve of Theological Education Reform of 1808 — 1818	77
Baulina N. V. The Activity of Peasant Land Bank in Mordovian Land in 1914 — 1916	81
Chekushkin A. N. Transformation of National Status of Mordovia in 1920 — 30s: Vernacular Policy	85
Bikeykin E. N. Social and Economic Development of Saransk under the Conditions of the Reforms of the Second Half of 1960s	94
Chekushkin A. N., Khramov A. V. The Functioning of Nation-cultural Autonomies in the Process of Modernization of the Territorial System of Russia (Based on the Example of Finno-Ugric Peoples of the Volga-Ural Region)	109

ETHNOGRAPHY

Fadeeva M. M. Economic Prerequisites for Agricultural migration of the Mordvins to the Urals	114
Shevtsova A. A. The Name and Ethnic Identity: Naming Traditions of the Armenians in the Republic of Mordovia	119
Ryabov P. V. Landscaping Sculpture as the Ethnos Consolidation Factor	125

LINGUISTICS

Moskina S. I. Verbs of Existence in the Mordovian Languages: Semantic and Word Building Features (Comparative Aspect)	132
--	-----

<i>Tsypkaykina V. P.</i> Peculiarities of Expression of the Action Temporal Referring in Statements with the Imperative Mood Forms (Based on the material of the Mordovian languages)	135
<i>Samosudova L. V.</i> Postpositions in the Erzyan Language, Expressing Spatial Relations of Static Localization	142
<i>Guryanova L. A.</i> Semantics of Elative in the Erzyan and Hungarian Languages	147
<i>Kukushkina E. A.</i> Subordinate Type Composites with the Adjective as the First Component in the Erzyan Language and in German	151

HISTORY OF LITERATURE

<i>Sheyanova I. I.</i> «The Legends» and «The Biographies» by V. S. Sayushkin, R. F. Uchaev and I. A. Tsybin as the First Patterns of Mordovian Folk Prose of the Beginning of the XX Century	157
<i>Shugaeva T. V.</i> Specific Character of the Image of the Great Patriotic War in the Postwar Period (According to the Example of Essay Prose)	161
<i>Sapunova E. N.</i> Laughter in Works by M. V. Motorkin	165

FOLKLORE STUDIES

<i>Sharonov A. M.</i> About the Erzyan and Mokshian Folklore	170
<i>Sharonov A. M. , Pashutkina V. N.</i> The Supreme God of the Erzya and the Moksha in the Description by U. Harva	180
<i>Ukhanova Yu. N.</i> Erzyan Folklore Plots About Litova (Home and Family Relations)	186

CULTURAL THEORY AND HISTORY

<i>Shkerdina N. O.</i> Realization of the Leninist Conception of Cultural Revolution (Based on the Example of the Mordovian Land)	193
<i>Schukin D. S.</i> Party and State Organs and Creative Associations of the MASSR in 1953 — 1985	206
<i>Suldina L. V.</i> The Cultural Policy of Mordovia in 1970 — 80s.	215

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

Scientific Activity of NIIGN in 2010	221
About Conducting of Scientific and Methodic Seminars in NIIGN in 2010	225
Myths and the Reality of the Finno-Ugric World	230

REVIEWS	245
----------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	249
--	-----

ABBREVIATIONS	251
----------------------------	-----

ЭКОНОМИКА

УДК 338.49(470.345)

И. Г. Кильдюшкина

I. G. Kildyushkina

О ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ РЫНОЧНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В МОРДОВИИ

ON POSITIONING OF MARKET INFRASTRUCTURE IN MORDOVIA

Ключевые слова: розничный товарооборот, рыночная инфраструктура, государственная торговля, кооперативная торговля, коммерческие структуры, торговое обслуживание населения, удовлетворение покупательского спроса в торговле, коммерциализация.

В статье анализируются основные этапы формирования и развития рыночной инфраструктуры в республике, в частности Саранске. Особое внимание уделяется характеристике торговой сети и сферы общественного питания в период глубоких трансформаций 1-й половины 1990-х гг. Приводится комплекс мер по улучшению развития торговли и малого бизнеса в 2008 — 2010 гг.

Key words: retail turnover, market infrastructure, state trade, cooperative trade, business structures, commercial service of population, satisfaction of purchase requirement in trade, commercialization.

Basic stages of formation and development of market infrastructure in the republic and in Saransk particularly are analyzed in the article. Special attention is paid to characteristic of trading network and the sphere of catering in the period of fundamental transformations in the first half of 1990s. The package for improvement of trade and small business development in 2008 — 2010 is given as well.

В совокупность отраслей народного хозяйства и видов деятельности, оказывающих услуги материального и нематериального характера (сфера услуг¹) в числе других входит сложная сеть по обслуживанию населения (розничная торговля²), которая объединяет универмаги, универсамы, специализированные магазины и предприятия общественного питания³.

Торговля⁴ как важная отрасль социальной сферы представляет собой, во-первых, отрасль хозяйства, экономики и вид экономической деятельности, объектом которой является товарообмен, а также обслуживание покупателей в процессе продажи товаров и их доставки, хранение товаров и их подготовка к продаже; во-вторых — коммерцию, куплю и продажу товаров⁵. Различают оптовую и розничную виды торговли⁶.

В Мордовии, в частности Саранске, несмотря на ее расположение в центре европейской части России, на перекрестке важных транспортных магистралей из Центра на Урал, в Сибирь, Поволжье, Казахстан и Среднюю Азию⁷, активное промышленное развитие началось в XIX в. Рост экономики, торговли, строительства и предпринимательства ускорили проведенная через Саранск в 1893 г. железная дорога, открытие финансово-коммерческих учреждений, страховых агентств: городского общественного банка, общества взаимного кредита, ломбарда и др.⁸

В начале XX в. территория современной Мордовии являлась составной частью экономического поля Российской империи и обладала сетью рыночной инфраструктуры. В Саранске была построена электростанция, пробурено несколько артезианских скважин, функционировали почта, телеграф, телефонная станция, 2 больницы, 2 аптеки⁹. Особую роль в этом сыграло строительство железных дорог. Развитие инфраструктуры стимулировали также создание филиалов банков, открытие акционерных обществ и т. д. Новый толчок в своем развитии получили ярмарки, являвшиеся центрами внутрирегиональных хозяйственных связей. В ярмарочной торговле принимало участие население не только Саранского, но и соседних уездов. Стали появляться посреднические фирмы, занимавшиеся преимущественно скупкой и перепродажей сельскохозяйственной продукции.

События 1917 г. привели к разрушению рыночной инфраструктуры. Временное восстановление некоторых ее позиций наблюдалось в годы НЭПа. Так, в это время возродилась частная торговля.

При социалистическом устройстве общества торговля развивалась относительно планомерно и в целом служила интересам развития производства и повышения благосостояния трудящихся. Через нее реализовывалась основная масса предметов личного потребления. Наличие в стране государственного и кооперативно-колхозного секторов обуславливало одновременное существование трех форм торговли: государственной, кооперативной и колхозно-рыночной. Государственная торговля занималась обслуживанием преимущественно населения городов, промышленных центров и рабочих поселков. Кооперативная торговля осуществляла продажу колхозникам, рабочим совхозов и всем сельским жителям товаров личного потребления, а колхозам и совхозам — некоторых товаров производственного назначения. Колхозно-рыночная форма торговли предусматривала продажу натуральной сельскохозяйственной продукции через систему потребительской кооперации¹⁰. Ведущей формой социалистической торговли товарами народного потребления, основанной на государственной (общенародной) социалистической собственности и осуществляемой государственными торговыми предприятиями и организациями, была государственная торговля, доля которой в розничном товарообороте в 1986 г. составляла 70 %¹¹.

Государственную торговлю вели ряд торговых систем: республиканские министерства торговли, отделы рабочего снабжения и продснабы некоторых отраслей промышленности, транспорта и строительства, торговые организации непромышленных министерств и ведомств (министерства здравоохранения, связи и др.), Госагропром, фирменная торговля промышленных министерств и ведомств. Деятельность государственных торговых предприятий и организаций, а также товарные фонды и цены планировались государством. Координирующим органом как государственных, так и кооперативных торговых организаций являлось Министерство торговли СССР. Подавляющая масса потребительских товаров реализовывалась по государ-

ственным преysкурантским ценам, а опытные партии изделий и особо модных товаров сбывались по договорным ценам между предприятиями-изготовителями и торгующими организациями. Органам Госагропрома на местах предоставлялось право устанавливать розничные цены на плодоовощную продукцию, продаваемую через подведомственные магазины¹².

Позитивная динамика ряда социальных показателей и увеличение розничного товарооборота в дореформенный период функционирования народного хозяйства дали возможность более полного удовлетворения платежеспособного спроса населения в продуктах питания и промышленных товарах, что привело к заметному росту обеспеченности трудящихся предметами длительного пользования, новыми, модными товарами, пользующимися повышенным спросом у населения. Кроме того, дальнейшее развитие получила материальная база торговли, расширилась сеть современных универсальных и специализированных магазинов, в том числе фирменных, организуемых промышленными министерствами, более широко стали развиваться прогрессивные формы торговли, улучшился режим работы торговых предприятий, повысился уровень обслуживания населения, сократились затраты времени покупателей на приобретение товаров¹³.

Основные направления перестройки хозяйственного механизма, осуществляемой в середине 1980-х гг. в целях коренного улучшения торгового обслуживания населения и более полного удовлетворения покупательского спроса в торговле, предусматривали: во-первых, значительное расширение самостоятельной деятельности предприятий и организаций торговли и общественного питания; во-вторых, использование преимущественно экономических методов управления; в-третьих, укрепление хозрасчета; в-четвертых, повышение заинтересованности в конечных результатах работы и ответственности трудовых коллективов за них.

С переходом инфраструктурных звеньев торговли на принципы самофинансирования и самоокупаемости возросло значение экономических рычагов и стимулов, усилилась роль экономических нормативов, что привело к трансформации порядка формирования и использования финансовых ресурсов. Вследствие этого главным источником экономического и социального развития коллектива торгового предприятия стал получаемый им доход. При этом система оплаты труда и материального поощрения тесно увязывалась с конечными результирующими показателями деятельности. Большинство вопросов, связанных с планированием и оперативно-хозяйственной работой торговых точек, передавалось для решения на места. При оценке хозяйственной деятельности предприятий торговли в первую очередь стали учитываться качественные показатели: полнота ассортимента ряда товаров, соблюдение правил торговли, культура обслуживания, отсутствие жалоб со стороны покупателей. Новый хозяйственный механизм ориентировал коллективы на поиск путей и средств эффективного хозяйствования, активное воздействие на промышленность и другие отрасли с императивом увеличения производства и улучшения качества товаров, ускорения НТП¹⁴.

Однако свертывание рыночной инфраструктуры в регионе знаменовало собой утверждение жесткой плановой экономической системы. В середине 1980-х гг. продукция саранских предприятий поставлялась в 60 стран мира¹⁵. В их числе экспортировались электролампы, выпрямители, кабель, инструменты, антибиотики, автосамосвалы, экскаваторы, металлолитее, резинотехнические изделия. Среди многих

других позитивных тенденций развития города было налажено троллейбусное движение, модернизированы транспорт, радио, телефонная связь, открыты магазины и рынки в новых жилых микрорайонах (ТЭЦ-2, Светотехника, Юго-Западный, Химмаш)¹⁶. Формирование новой рыночной системы в Мордовии началось в конце 1980 — начале 90-х гг., когда реализация товаров осуществлялась предприятиями государственной и кооперативной торговли, а также коммерческими структурами.

Несмотря на достигнутые результаты предшествующего исторического периода, сложное социально-экономическое положение республики обуславливалось как общероссийским кризисом, так и спецификой региональной кризисной ситуации, сложившейся в 1990-е гг. Неблагоприятное влияние на развитие региона, в том числе Саранска, оказывали моральная и физическая изношенность основных промышленных фондов, резкое сокращение централизованных инвестиций, низкая конкурентоспособность выпускаемой продукции, ее высокая стоимость и др.¹⁷

В Мордовии в 1-й половине 1990-х гг. в целом сферу розничной торговли представляли 1 848 магазинов и 243 палатки общей торговой площадью 200 053 м², в Саранске — 396 магазинов и 189 палаток общей торговой площадью 53 922 м²¹⁸. Если до 1990 г. общее число магазинов и палаток в системе государственной торговли постоянно увеличивалось, то с 1991 г. обнаружилась тенденция к их устойчивому уменьшению. Это было связано, с одной стороны, с их нерентабельностью, ликвидацией или перепрофилированием в условиях перехода к рынку, с другой — процессом малой приватизации, в ходе которой они перешли в другие формы собственности, своевременно не учтенные статистикой. Первое обстоятельство в наибольшей степени было характерно для предприятий торговли, расположенных в сельской местности, второе — для Саранска и райцентров республики.

В рыночных условиях розничный товарооборот, во-первых, выполняет функцию максимального вовлечения денежных средств населения в сферу обращения, способствуя тем самым сбалансированности товарной и денежной масс (с помощью ценового фактора); во-вторых, характеризует степень насыщения потребительского рынка. Условно все районы республики по товарообороту на душу населения можно разделить на 3 группы: ниже среднего республиканского уровня (180 — 320 тыс. руб.), средний (320 — 350 тыс. руб.) и выше среднего (350 — 520 тыс. руб.) (табл. 1).

Таблица 1

**Среднедушевой розничный товарооборот
в районах Мордовии и Саранске в 1994 г., тыс. руб.**

Район	Товарооборот на душу населения
1	2
<i>Ниже среднего районного уровня (от 180 до 320)</i>	
Атюрьевский	206,0
Большеберезниковский	253,0
Дубенский	211,8
Зубово-Полянский	290,0
Кадошкинский	198,0
Кочкуровский	255,6
Краснослободский	249,2
Старошайговский	190,5
Темниковский	292,1

Окончание табл. 1

1	2
<i>Средний районный уровень (от 320 до 350)</i>	
Ардатовский	335,4
Большеегнатовский	335,4
Инсарский	321,8
Ковылкинский	350,0
Лямбирский	345,6
<i>Выше среднего районного уровня (от 350 до 520)</i>	
Атяшевский	519,5
Ельниковский	372,5
Ичалковский	353,3
Ромодановский	393,7
Рузаевский	364,1
Теньгушевский	390,2
Торбеевский	397,1
Чамзинский	456,2
г. Саранск	741,6

Составлена по: Текущий архив Министерства экономики Республики Мордовия.

По данным табл. 1, наименьшее количество товаров на душу населения приходилось в Старошайговском, Кадошкинском, Атюрьевском и Дубенском районах. В среднем по республике (без Саранска) он составлял 321,9 тыс. руб.

Начиная с 1994 г. в республике наблюдалась тенденция роста объема розничной торговли (табл. 2) и общественного питания как в действующих, так и в сопоставимых ценах. В 1997 г. данный показатель по сравнению с 1994 г. возрос в 7,6 раза, в 1999 г. по сравнению с 1998 г. — в 1,7 раза¹⁹. Это было характерно и для показателей данных сфер Саранска.

Таблица 2

Динамика оборота розничной торговли Мордовии в 1994 — 2000 гг.

Показатель	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Оборот розничной торговли в фактически действовавших ценах, млн руб.	412 644	1 928 220	2 684 758	3 118 371	3 233	5 398	6 837
Оборот розничной торговли, %	—	467,3*	650,6*	755,7*	—	167,0**	211,5**

Составлена по: Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2001 — 2005 годы / Правительство Республики Мордовия. Саранск, 2002. С. 29.

* К уровню 1994 г.

** К уровню 1998 г.

В республике в общем обороте розничной торговли 63,7 % приходилось на торгующие организации, 36,3 % — на рынки. На долю крупных и средних организаций торговли отводилось лишь 9 %. Причем наибольший удельный вес занимала продажа

товаров физическими лицами на вещевых и продовольственных рынках (36 %), а также крупными и средними неторговыми организациями (25 %). В структуре оборота розничной торговли удельный вес продовольственных товаров в 1994 — 2000 гг. составил 60,5 %, непродовольственных — 39,5 %. В общем объеме розничного товарооборота значительно снизился товароборот общественного питания, доля которого составила в 1998 г. 3,2 % (например, в 1990 г. — 7,7 %)²⁰.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. подверглись значительной трансформации показатели соотношения торговых предприятий и организаций городской розничной торговли. Так, в 1999 г. в Саранске из всего розничного товарооборота 15 % занимали предприятия торговли государственной формы собственности, 85 % — негосударственной, в 2002 г. соответственно 8,6 и 91,4²¹. На 1 января 2002 г. к отрасли торговли и общественного питания относилось 1 808 предприятий и организаций от их общего количества 5 132 единицы, к оптовой торговле продукцией производственно-технического назначения — 108²². В 2001 г. оборот розничной торговли и общественного питания составил 79,1 % к уровню предыдущего года (оборот торговли на душу населения — 100,3 % к аналогичному показателю 2000 г.)²³ (табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели торговли в Саранске в 2000 и 2001 гг.		
Показатели	2000*	2001
Общий объем торговли, млн руб.	4 428,2	5 376,3
В том числе:		
розничной торговли	4 327,5	5 248,5
общественного питания	100,7	127,8
Индексы физического объема торговли, % к предыдущему году:		
общий объем торговли	101,2	100,0
объем продовольственных товаров	98,2	96,5
объем непродовольственных товаров	106,6	105,3
Оборот общественного питания из общего оборота торговли, млн руб.	93,7	95,7
Товарные запасы в розничной торговле (на конец года), млн руб. (в днях товарооборота)	58,9 (20)	92,7 (24)
Численность работников (в среднем в год), чел.:		
в сфере розничной торговли	1 632	1 374
в сфере общественного питания	700	701
Оборот розничной торговли и общественного питания по формам собственности, % к итогу	100	100
В том числе:		
государственной и муниципальной	13	13
негосударственной	87	87

Составлена по: Саранск в цифрах : стат. сб. Саранск, 2002. № 249. С. 29 — 30.

* Данные за 2000 г. пересчитаны с учетом результатов сплошного анализа работы малых предприятий в этом году и выборочного анализа деятельности индивидуальных частных предпринимателей в розничной торговле.

Впоследствии тренд доминирования негосударственной формы собственности в сферах розничной торговли и общественного питания усилился благодаря развитию малого предпринимательства и бизнеса в Мордовии, в частности Саранске. Оперативные результаты финансовой деятельности предприятий и организаций всех форм

собственности за 2000 г. в целом указывают на положительные итоги: из 910 825 тыс. руб. прибыли всех отраслей экономики города на торговые точки приходилось 125 943 тыс. руб. (в 2001 г. соответственно 832 639 и 49 073)²⁴.

Основной социально-экономический показатель розничной торговли Саранска и в последующие годы свидетельствовал о благоприятных тенденциях его роста: с 2003 по 2007 г. он увеличился в 2,25 раза (с 7 828,0 до 17 585,1 млн руб.)²⁵.

Существенные организационно-правовые изменения произошли в 1-й половине 1990-х гг. в сфере общественного питания региона. Они сопровождалась передачей значительной части организаций, обслуживавших рабочих, служащих, студентов, учащихся ПТУ (более 71,8 %), из системы торговли на баланс неторговых предприятий (промышленных, сельскохозяйственных, учебных заведений и т. п.) и вхождением в их социальную инфраструктуру. В результате подобных преобразований из 406 единиц общепита Мордовии в собственности государства остались только 168 предприятий (41,4 %), в основном социальной направленности (столовые школ, вузов, ПТУ)²⁶. Сеть негосударственных предприятий общественного питания насчитывала 236 предприятий частной (в том числе 210 — потребительской кооперации) и 2 — смешанной форм собственности. Однако переоценка основных фондов предприятий торговли в городах и районах республики, проведенная в середине 1990-х гг., показала высокую степень износа большей их части. В целом по республике этот показатель составил 69,7 %²⁷.

Формирование новых органов государственной власти в Мордовии и наметившаяся со 2-й половины 1990-х гг. общественно-политическая и социально-экономическая стабилизация способствовали разработке комплекса экономических, политических и культурных мероприятий по реформированию всех сфер жизни. В соответствии с провозглашением в 1995 г. Главой Республики Мордовия Н. И. Меркушкиным девиза «Согласие. Порядок. Созидание» в число приоритетов социально-экономической политики Правительства республики вошло обеспечение достойного уровня жизни ее населения. В связи с целенаправленными и эффективными комплексными мероприятиями, проводимыми органами исполнительной власти, усилиями Правительства, а также местного самоуправления с 1997 г. состояние потребительского рынка в регионе стабилизировалось. Возросла насыщенность розничной торговли товарами, расширился их ассортимент.

Потребительский спрос в значительной степени удовлетворялся за счет продажи товаров на вещевых, смешанных и продовольственных рынках города. На протяжении 1997 — 2001 гг. они обеспечивали более трети общего объема розничного товарооборота и до 1996 г. имели более высокие по сравнению с торговыми организациями темпы роста продажи товаров населению. Однако с 1996 г. наметилась тенденция стабилизации продажи товаров торгующими организациями, наблюдался ее более высокий рост по сравнению с продажей на рынках. Прочное место в розничной торговле занимал малый бизнес, формировавший почти треть общего объема товарооборота.

В условиях снижения уровня денежных доходов населения до середины 1990-х гг. в структуре розничного товарооборота несколько возросла доля продовольственных товаров, что в значительной степени было связано с уменьшением покупок жителями непродовольственных видов товаров из-за несвоевременной выплаты заработной платы, пенсий и пособий (по данным Аналитической справки по Республике Мордовия. 1990-е гг.). В структуре розничного товарооборота продовольственных товаров преобладали мясо и мясопродукты, молоко и молочные продукты, хлеб и хлебобулочные

изделия. В перечне потребительской корзины горожан возросла доля рыбы и рыбопродуктов, овощей, снизилась доля животного масла и сахара. Среди непродовольственных товаров отмечалась высокая доля одежды и обуви, трикотажных изделий.

В 1999 г. в общем обороте розничной торговли региона и Саранска более 70 % приходилось на торгующие организации и около 30 % — на рынки. В структуре оборота розничной торговли и общественного питания удельный вес продовольственных товаров составил более 60 %, непродовольственных — около 40 % (по данным Аналитической справки по Республике Мордовия. 1990-е гг.). Стабилизировалась городская инфраструктура. В Саранске торговлю осуществляли 769 предприятий розничной стационарной сети торговой площадью 78,9 тыс. м², 172 — мелкорозничной торговли (киоски). Дополнительно товары народного потребления реализовались через 12 продовольственных, непродовольственных и смешанных рынков общей площадью 69,4 тыс. м² и торгово-выставочный комплекс «Продукты Мордовии» общей площадью 1,3 тыс. м². Только в 2002 г. за счет строительства жилых домов было открыто 42 магазина общей площадью 2,3 тыс. м², за счет реконструкции ранее действовавших магазинов — 15 предприятий. Закрыто 21 предприятие торговой площадью 1,5 тыс. м²²⁸.

В соответствии с реализацией генерального плана развития Саранска, в целях улучшения его внешнего облика были убраны киоски и установлены павильоны современного дизайнерского исполнения, вписывавшиеся в архитектурный ансамбль города. Заметно изменилась и материально-техническая база отрасли, повысился уровень ее технического оснащения, совершенствуется торгово-технологический процесс, внедряются прогрессивные формы продажи товаров, улучшается модернизация организационной структуры торговли. Устойчиво осуществляется рациональное оснащение предприятий торговли новейшим торгово-технологическим оборудованием, отвечающим требованиям евростандарта.

Применение новейшего оборудования и оптимизация торгово-технологического процесса позволили повысить социальный эффект, выражающийся в сокращении времени на покупку, повышении качества обслуживания населения, удовлетворении спроса на товары. Примерами такой работы являются магазины «Спутник», «Посоп», торговый дом «Ботевград», торговый центр «Алые паруса» и др.

В 2002 г. доходная часть бюджета города на 45 — 50 % формировалась в зависимости от результатов торговой деятельности²⁹. В торговле сформировалась богатая конкурентная среда, чему в немалой степени способствовала самая высокая в отрасли предпринимательская активность. Современный потребительский столичный рынок отмечается относительно высокой насыщенностью товарами. Практически отсутствует товарный дефицит.

Динамика объемов и структуры реализации товаров стала приобретать все более стабильный характер. В частности, оборот розничной торговли в Мордовии только в 2005 г. составил 18 604 343 тыс. руб. (или 121,8 % к предыдущему году), в Саранске — 10 801 329 тыс. руб. (118,8 %)³⁰. Оборот розничной торговли вещевых, смешанных и продовольственных рынков за этот период в республике составил 3 880 731 тыс. руб. (или 105,6 % к прошлому году в сопоставимых ценах), в Саранске — 2 682 391 тыс. руб. (106,3 %). Удельный вес оборота рынков в общем обороте розничной торговли региона достиг 20,9 %, в Саранске — 24,8 %³¹. Оборот розничной торговли на одного жителя республики составил 21 468 руб., в Саранске — 33 102 руб.³²

В 2007 г. оборот розничной торговли вещевых, смешанных и продовольственных рынков в регионе составил 3 692 906 тыс. руб. (или 91,5 % к предыдущему году), в Саранске — 2 449 512 тыс. руб. (88,9 %) ³³. Оборот розничной торговли на одного жителя Мордовии составил 30 259 руб., Саранска — 47 021 руб. ³⁴ В 2008 г. оборот розничной торговли в республике составил 39 519 639 тыс. руб. ³⁵, в том числе в Саранске — 25 044 795 тыс. руб. ³⁶ В Мордовии в целом было продано продовольственных товаров на сумму 19 463 млн руб. (в Саранске — на 11 260 759 тыс. руб.) ³⁷, непродовольственных — на 20 057 млн руб. ³⁸

Оборот общественного питания в Саранске в 2003 — 2007 гг. увеличился в 2,08 раза (с 392,2 до 819,3 млн руб.) ³⁹.

Факторами, ограничивающими деятельность организаций розничной торговли в Саранске в 2007 г., являлись: недостаточный платежеспособный спрос и ассортиментный ряд товаров, дефицит финансовых средств, высокий процент коммерческого кредита, сложности получения кредита, высокие уровень налогов, арендной платы и транспортных расходов, недостаток торговых и складских помещений, а также высокая конкурентная среда ⁴⁰.

С целью содействия развитию внешней торговли, науки и техники в различных отраслях народного хозяйства, расширения международных контактов, популяризации достижений во всех областях экономики, общеэкономической и внешнеторговой информации, организации выставок, ярмарок и деловых встреч коммерсантов ⁴¹, перевода с иностранных языков соответствующей литературы, делового образования предпринимателей, а также экспертизы и сертификации товаров, оценки недвижимости (бизнеса), разработки бизнес-планов, разрешения экономических споров и предоставления информационных, маркетинговых и юридических услуг в 1993 г. была образована Торгово-промышленная палата Республики Мордовия ⁴².

Данная структура объединяет более 100 региональных предприятий и организаций. В 2003 г. палата была удостоена диплома Торгово-промышленной палаты Российской Федерации «За большой вклад в становление предпринимательства в регионе, укрепление торгово-экономических связей российских и зарубежных деловых кругов».

Торгово-промышленная палата республики, чтобы занимать лидирующие позиции в отрасли, использует значительный комплекс инструментов работы на конкурентном рынке ⁴³. В их числе внешнеэкономическая деятельность в регионе и за его пределами, включая Internet, федеральные, региональные и печатные издания, адресная рассылка информации возможным потенциальным субъектам хозяйствования федерального и регионального уровней; мониторинг рынка возможных экспортно-импортных операций, в том числе намерения органов государственной власти и муниципальных образований по реализации комплексных и целевых программ, национальных проектов и адресных инвестиционных программ, размещаемых на конкурсной основе, а также коммерческие предложения и проекты; заключение договоров и соглашений на поставку продукции и предоставление услуг и т. п.

Стабилизирующим фактором развития торговли является то, что практически все виды экономической деятельности охватывает малое предпринимательство. Наибольшее количество малых предприятий (более 80 % от общего их количества в 2007 г.) было сосредоточено в оптовой и розничной торговле — 43,9 % ⁴⁴ (1 792 предприятия в 2008 г., или 41,6 % ⁴⁵). Малый бизнес обеспечивал более 62 % республиканского розничного и более 26 % оптового товарооборотов, более 48 % оборота общественного

питания, более 10 % — организаций, более 7 % объема отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг своими силами⁴⁶. В 2008 г. в Мордовии действовали 4 312 малых предприятий различных организационно-правовых форм⁴⁷. В малых предприятиях региона на постоянной основе были заняты 55 550 чел., из которых 27,4 % приходилось на оптовую и розничную торговлю⁴⁸.

Неотъемлемой частью государственной политики поддержки малого предпринимательства в республике явилась реализация в 2005 — 2007 гг. Комплексной программы развития и государственной поддержки малого предпринимательства в Мордовии, а также развитие объектов его инфраструктуры. В 2006 — 2007 гг. при поддержке республиканского и федерального бюджетов в Саранске были созданы ГУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», НО «Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия», «Дом малого бизнеса», «Информационно-правовой центр поддержки малого предпринимательства», АНО «Гарантийный фонд кредитного обеспечения Республики Мордовия»⁴⁹, функционирование которых в дальнейшем будет содействовать бизнес-среде в получении значительного спектра услуг, инвестиционной, имущественной и информационной поддержке.

В регионе развернут комплекс мер по улучшению развития торговли и малого бизнеса. Комплексная программа развития и государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Мордовия на 2008 — 2010 гг. в целом предполагала осуществление мер, направленных на качественные и количественные преобразования в отрасли, реструктуризацию и реформирование малых предприятий, расширение кооперационных связей между крупными предприятиями республики и малым бизнесом, реализацию инновационных и инвестиционных проектов, эффективное использование и модернизацию простаивающего и неиспользуемого оборудования, пустующих помещений и площадей, на производство, конечную переработку и сбыт сельскохозяйственной продукции, а также дальнейшее развитие цивилизованных форм торговли и общественного питания населения, и ряд других.

В соответствии с Программой комплексного социально-экономического развития ГО Саранск на период до 2012 г. и прогнозом до 2025 г., представленной в Проекте Стратегии социально-экономического развития г. Саранска, формирование новых секторов экономики в ближайшей перспективе сопряжено со значительными изменениями на рынке труда, связанными с увеличением доли торговли и услуг и появлением новых профессий. В функциональном плане городское пространство постепенно преобразуется через создание торгово-развлекательных центров, которые способствуют форматированию новых типов торговли. Недостаточный уровень развития сети общественного питания и торговли и отсутствие эксклюзивных проектов в городской агломерации требуют развитие рынка общественного питания путем создания кофейн, фаст-фудов и т. д., ориентированных на молодежь и средний класс⁵⁰.

Следует указать, что в настоящее время одной из основных тенденций развития российских городов является преобразование торговой недвижимости. Торгово-развлекательная функция в Саранске находится на первой стадии этого процесса по причине отсутствия в нем современных форматов торговли. Запланированное развитие данной функции в городе (в рамках генерального плана) во многом консервирует существующие проблемы. В связи с этим формирование многофункционального центра города обусловлено синхронизацией процессов развития торгового и торгово-

развлекательного секторов, благоустройством территорий, развитием культурной и других функций. Согласно обозначенной стратегии Саранска появятся сетевые операторы торговли и новые объекты торговой недвижимости; увеличится рост объемов розничной торговли.

В настоящее время в Саранске происходит реконструкция рынков — создание их в формате «крытых рынков». Районные рынки города, выполняющие не только торговую функцию, но и публичных центров, создали ситуацию, при которой единственные потенциально свободные площадки заняты второсортными объектами и зарезервированы площадки под торговлю. Заявленные в Саранске площадки под локализацию торговых функций располагаются неравномерно, тем самым не обеспечивая равного доступа населения к торговой инфраструктуре. Кроме того, они консервируют проблемы существующей торговой недвижимости в районах города. Поэтому происходит постепенное перепрофилирование первых этажей центральных улиц из жилой недвижимости в торговую⁵¹.

Таким образом, хаотичное расположение торговых зон, устаревшие площади и оформление магазинов тормозят развитие качественной городской среды. В частности, формирование многофункционального центра Саранска, рассчитанного на разные возрастные и социальные группы населения, возможно в свою очередь при условии достижения наивысшей капитализации данной территории, обеспечения высокой плотности социокультурной и деловой коммуникаций, проведения модернизации и оптимизации сложившихся зон торговли, развития системы городского дизайна (в том числе оформления объектов торговли и общественного питания, озеленения города и т. п.), а также повышения качества торговых объектов (специализированная торговля и т. д.) и учреждений общественного питания, в целом предусматривающих обеспечение соответствующего транспортного доступа к новым торговым зонам республики.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Вечканов Г. С., Вечканова Г. Р.** Современная экономическая энциклопедия. СПб., 2002. С. 637 — 638.

² См.: Краткий экономический словарь / под ред. Г. А. Козлова и С. П. Первушина. М., 1958. С. 343 — 344 ; **Моисеев А. В., Петросян К. Ц., Пилипенко Н. Н.** Экономический словарь-справочник : пособие для учащихся. М., 1978. С. 189 — 191.

³ См.: **Вечканов Г. С., Вечканова Г. Р.** Указ. соч. С. 679.

⁴ Там же. С. 678 — 680.

⁵ См.: **Борисов А. Б.** Большой экономический словарь. М., 2008. С. 741.

⁶ См.: Краткий экономический словарь / под ред. Г. А. Козлова и С. П. Первушина. С. 341 — 342 ; **Моисеев А. В., Петросян К. Ц., Пилипенко Н. Н.** Указ. соч. С. 188 — 189.

⁷ См.: Саранск / Кильдюшкина И. Г. [и др.] // Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 286.

⁸ См.: **Логина Н. Н., Пресняков В. Н.** Социально-экономическая география Республики Мордовия : учеб. пособие. Саранск, 2004. С. 7.

⁹ См.: Саранск. С. 286.

¹⁰ См.: **Моисеев А. В., Петросян К. Ц., Пилипенко Н. Н.** Указ. соч. С. 188 — 189.

¹¹ См.: Краткий экономический словарь / под ред. Ю. А. Белика, Е. Ф. Борисова, Г. Я. Кипермана. М., 1987. С. 338 — 339.

¹² Там же.

¹³ См.: **Моисеев А. В., Петросян К. Ц., Пилипенко Н. Н.** Указ. соч. С. 188 — 189.

¹⁴ См.: Краткий экономический словарь. 1987.

- ¹⁵ См.: Саранск. С. 287.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: **Логинова Н. Н., Пресняков В. Н.** Указ. соч. С. 105.
- ¹⁸ Подсчитано по: Торговля, труд, финансы, бытовое обслуживание населения, население и здравоохранение в январе — декабре 1992 года. Саранск, 1993 ; Текущий архив Министерства экономики РМ.
- ¹⁹ См.: Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2001 — 2005 годы / Правительство Республики Мордовия. Саранск, 2002. С. 28.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: Саранск. С. 287.
- ²² См.: Саранск в цифрах : стат. сб. Саранск, 2002. № 249. С. 5.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: Саранск в цифрах. С. 11.
- ²⁵ См.: Социально-экономическое развитие городского округа Саранск в 2003 — 2007 гг. : стат. сб. Саранск, 2008. № 951. С. 5.
- ²⁶ Подсчитано по: Торговля, труд, финансы... ; Текущий архив...
- ²⁷ См.: Итоги социально-экономического развития города Саранска за 1996 — 2001 годы и перспективы развития города на 2002 год / Администрация г. Саранска. Саранск, 2002 ; Итоги социально-экономического развития города Саранска за 2002 год и перспективы развития на 2003 год / Администрация г. Саранска. Саранск, 2002.
- ²⁸ См.: Итоги социально-экономического развития города Саранска за 2002 год... С. 23 — 26.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: Торговля в Мордовии за январь — ноябрь 2005 года : стат. бюл. Саранск, 2006. № 600 (12). С. 12.
- ³¹ Там же. С. 13.
- ³² Там же. С. 14.
- ³³ См.: Торговля в Мордовии в январе — ноябре 2007 года : стат. бюл. Саранск, 2007. № 600 (11). С. 13.
- ³⁴ Там же. С. 14.
- ³⁵ См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2009. С. 325.
- ³⁶ Там же. С. 329.
- ³⁷ Там же. С. 331.
- ³⁸ Там же. С. 326.
- ³⁹ См.: Социально-экономическое развитие городского округа Саранск...
- ⁴⁰ См.: Конъюнктура потребительского рынка в Республике Мордовия в 3 квартале 2007 года : экспресс-информ. Саранск, 2007. № 611. С. 4.
- ⁴¹ См.: **Моисеев А. В., Петросян К. Ц., Пилипенко Н. Н.** Указ. соч. С. 189.
- ⁴² См.: **Кильдюшкина И. Г., Ишунин К. Д.** Торгово-промышленная палата РМ // Мордовия. Т. 2. С. 418.
- ⁴³ См.: **Новикова Л.** Шведский коммунизм, или Почему они хорошо живут // Вне конкуренции : Деловой журн. Торгово-пром. палаты Мордовии. 2003. Дек. С. 12 — 13 ; **Ларина В.** Поможет ли нам ВТО покорить мир? // Там же. 2004. Июль. С. 2 — 8.
- ⁴⁴ См.: Мордовия : бизнес-каталог. Саранск, 2008.
- ⁴⁵ См.: Мордовия : стат. ежегодник. С. 214.
- ⁴⁶ См.: Мордовия : бизнес-каталог.
- ⁴⁷ См.: Мордовия : стат. ежегодник.
- ⁴⁸ Там же. С. 217.
- ⁴⁹ См.: Мордовия : бизнес-каталог.
- ⁵⁰ См.: Проект Стратегии социально-экономического развития г. Саранска. СПб., 2008. С. 23, 36.
- ⁵¹ Там же. С. 39 — 44.

Поступила 22.10.2010 г.

УДК 338.46:629.483/.485

А. В. Соколов

A. V. Sokolov

РЫНОК ВАГОНРЕМОНТНЫХ УСЛУГ: НЕСОВЕРШЕНСТВО КОНКУРЕНЦИИ

CAR-REPAIR SERVICES MARKET: IMPERFECTION OF COMPETITION

Ключевые слова: вагоноремонтные услуги, капитальный ремонт, деповский ремонт, конкурентоспособность, подвижной состав, дочерние вагоноремонтные заводы, предельный износ, рынок вагоноремонтных услуг.

В статье анализируются современное состояние рынка вагоноремонтных услуг, его основные сегменты и их положение в условиях спада мировой экономики. На основе выявленных тенденций укрупнения мелких игроков на вагоноремонтном рынке предложены приоритетные направления перспективного развития отрасли.

Key words: car-repair services, main repair, depot repair, competitive ability, rolling stock, affiliated car-repair plants, deterioration limit, car-repair services market.

Current state of car-repair services market, its basic segments and their position under the conditions of decrease in the world economy are analyzed in the article. Priority trends for long-range development of the branch are proposed on basis of revealed tendencies of small players consolidation in the car-repair market.

В настоящее время, несмотря на поэтапное структурное реформирование рынка вагоноремонтных услуг, основным фактором функционирования отрасли является доминирование одного игрока в лице ОАО «РЖД». Низкая рентабельность и высокая капиталоемкость ремонтного производства в будущем приведут к консолидации предприятий за счет их слияний и поглощений, а также созданию стратегических альянсов в вагоноремонтном бизнесе, что требует формирования и развития здоровой конкурентной среды в данной отрасли.

Сегодня на рынке услуг по выполнению плановых видов ремонта грузовых вагонов существуют 3 группы конкурентов: вагоноремонтные заводы, вагоноремонтные депо Центральной дирекции по ремонту грузовых вагонов, входящие в холдинг ОАО «РЖД», и частные вагоноремонтные предприятия.

В первую группу наряду с другими предприятиями холдинга входят ОАО: «Рославльский ВРЗ», «Барнаульский ВРЗ» и «Саранский ВРЗ», которые выполняют плановые виды ремонта грузовых вагонов. Вторая группа включает вагоноремонтные депо дорожных Дирекций по ремонту грузовых вагонов, структурно относящиеся к Центральной дирекции по ремонту грузовых вагонов ОАО «РЖД». Третью группу объединяют проданные холдингом с аукциона 22 вагоноремонтных депо, а также новые вагоноремонтные предприятия, построенные частными операторами.

По данным Департамента экономической конъюнктуры и стратегического развития ОАО «РЖД», в 2009 г. на всех вагоноремонтных предприятиях России было

отремонтировано 391 434 вагона, что на 20,6 % меньше, чем в 2008 г. (рис. 1). Это объясняется влиянием на состояние железнодорожной отрасли финансово-экономического кризиса¹.

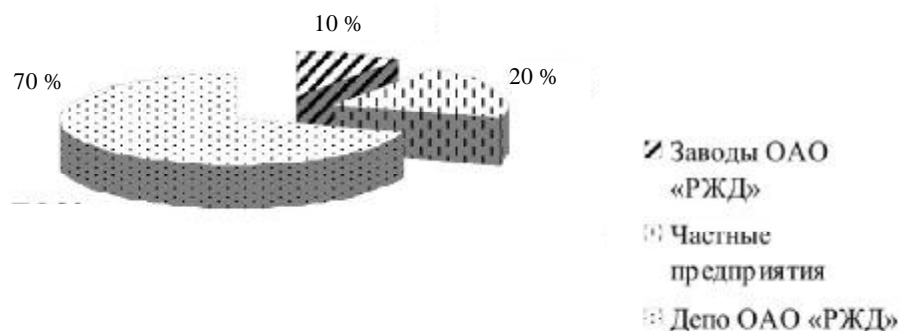

Рис. 1. Доля вагоноремонтных предприятий в общем объеме капитального ремонта грузовых вагонов в 2009 г.

Снижение объема капитального ремонта заводами ОАО «РЖД» на 22,1 % при увеличении его общего объема на 1,6 % произошло вследствие перераспределения заказа холдинга в пользу собственных депо (их доля в 2009 г. по сравнению с 2008 г. увеличилась на 18,2 %)² (рис. 2). Увеличение доли частных предприятий является итогом продажи этим организациям ОАО «РЖД» в 2008 г. части вагоноремонтных депо.

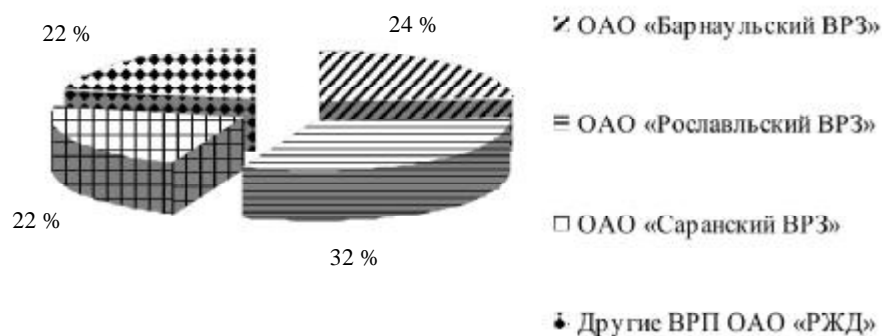

Рис. 2. Доля вагоноремонтных заводов ОАО «РЖД» в общем объеме ремонта в 2009 г.

Следует отметить, что несмотря на продажу 22 вагоноремонтных депо, Центральная дирекция по ремонту грузовых вагонов ОАО «РЖД» продолжает оставаться крупнейшим игроком на рынке ремонта вагонов, владея более 100 вагоноремонтными депо и 20 вагоноколесными мастерскими с общим объемом ремонта в год свыше 450 тыс. вагонов. При этом мощности многих депо задействованы лишь на 70 — 75 %³.

Большинство крупных частных операторов подвижного состава (ОАО «Дальневосточная транспортная группа», ОАО «Уралкалий», ООО «Мечел-Транс», ООО «Металлинвест-Транс», ОАО «Новая перевозочная компания», ООО «БалтТрансСервис», МХК «Еврохим», Объединенная транспортно-экспедиторская компания, ООО «Уралхим-Транс» ОАО «ХК „Новотранс“» и др.) имеет, создает или планирует построить в ближайшее время вагоноремонтные предприятия, которые позволяют выполнять деповской ремонт собственных грузовых вагонов в полном объеме.

В области производства новых грузовых вагонов основными конкурентами дочерних ВРЗ являются такие крупные участники рынка, как ФГУП «Уралвагонзавод», ОАО «Алтайвагон», ОАО «Вагоностроительная компания Мордовии», ЗАО «Промтракторвагон» (Чувашия), вагоностроительные заводы Украины, а также вагоноремонтные заводы России и Украины, приступившие к выпуску собственных моделей универсальных грузовых полувагонов. Наибольшая доля в общем объеме производства новых вагонов принадлежит ОАО НПК «Уралвагонзавод» (рис. 3), а доли трех основных его конкурентов в лице ОАО «Вагоностроительная компания Мордовия», ОАО «Алтайвагон» и ЗАО «Промтракторвагон» меньше соответственно в 2 и более раз. Объем выпуска остальных предприятий отрасли менее 1 000 ед. в год.

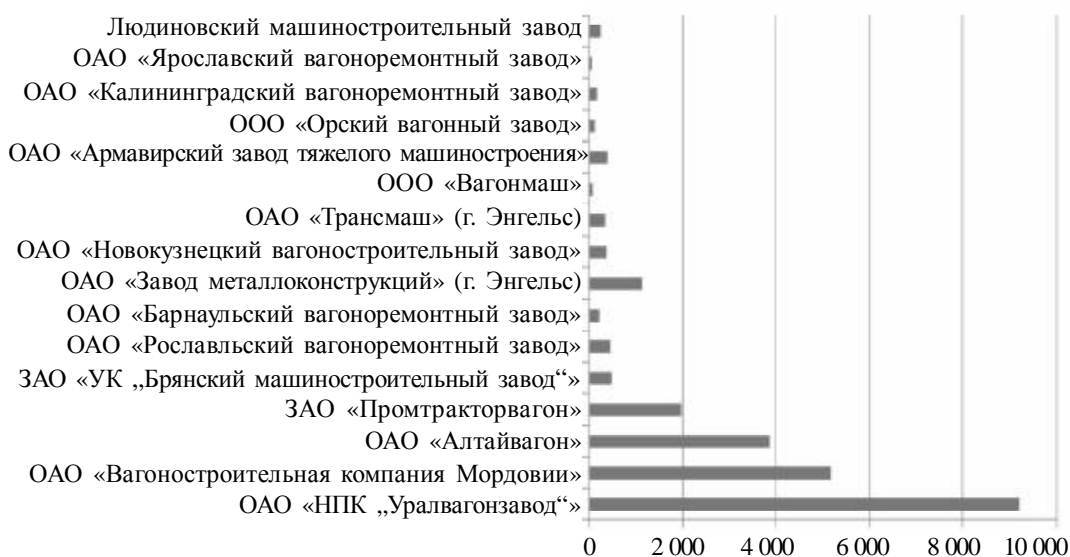

Рис. 3. Показатели крупных участников вагоностроительного рынка в 2009 г.

На наш взгляд, основные факторы риска определяются качественным изменением парка подвижного состава ОАО «РЖД» и ОАО «Первая грузовая компания» и связанным с этим процессом уменьшение заказа на проведение капитального ремонта грузовых вагонов. Кроме того, с передачей грузовых вагонов ОАО «РЖД» в ОАО «Вторая грузовая компания» завершится перевод вагонного парка в собственность частных операторских компаний.

Частные собственники подвижного состава, оплачивающие железнодорожный тариф за доставку своих вагонов в ремонт и обратно, будут направлять в дочерние вагоноремонтные заводы только те объекты ремонта, которые образуются на подведомственном им отделении железной дороги, что составляет незначительную часть необходимого объема ремонта. Как следствие, детерминирующими факторами при этом являются незагруженность производственных мощностей и рост постоянных затрат на единицу продукции. Причиной данной ситуации является зависимость от одного заказчика, у которого находится более чем 90 % портфеля заказов (условно государственного в лице ОАО «РЖД» и ОАО «Первая грузовая компания»). Из трех дочерних вагоноремонтных предприятий только ОАО «Рославльский ВРЗ» снизил долю заказа ОАО «РЖД» в 2009 г. до 60 %, у остальных она на уровне 90 % и более.

Цены на услуги по капитальному ремонту грузовых вагонов зависят от множества факторов, основными из которых выступают объем и качество выполняемых работ в рамках ремонта. Немаловажную роль здесь также играют региональные особенности структуры затрат на ремонтные работы, в частности транспортная составляющая, уровень оплаты труда и т. д.

В Республике Мордовия отрасль тяжелого машиностроения представлена такими заводами, как ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» и ОАО «Рузхиммаш», входящие в промышленный холдинг ОАО «Русская корпорация транспортного машиностроения», созданный в 2007 г. на базе предприятий вагоностроительного комплекса ОАО «Вагоностроительная компания Мордовии» и промышленной корпорации ОАО «Русские машины».

В свою очередь в ОАО «Рузхиммаш» (крупнейшее российское предприятие по производству подвижного состава, уступает лишь ОАО «НПК „Уралвагонзавод“») услуги по ремонту вагонов занимают менее 5 % от общего совокупного товарного объема. Однако вагоноремонтные услуги являются одним из приоритетных направлений его деятельности. Оно выступает как в качестве предприятия, обслуживающего собственные вагоны, так и занимающегося переоборудованием и модернизацией вагонов по заказу операторских компаний.

Производственная программа ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» в первую очередь направлена на оказание вагоноремонтных услуг ОАО «РЖД» и ОАО «Первая грузовая компания», в меньшей степени (около 18 %) на ремонт частных вагонов. Эта программа предусматривает изготовление новых вагонов-цистерн модификации 15-11-02, что позволит загрузить производственные мощности предприятия. Однако выполнять крупные заказы по производству указанных вагонов без переориентации производственных мощностей невозможно.

В условиях снижения заказов ОАО «Саранский вагоноремонтный завод» диверсифицировал свою деятельность, освоил ремонт новых видов вагонов и узлов, ведет поиск потенциальных заказчиков (вагоностроительных заводов и других контрагентов), имеющих потребность в изготовлении грузовой тележки модели 18-100. В 2009 г. предприятие выступило в роли поставщика данной продукции и реализовало 144 изделия.

Таким образом, по оказанию услуг капитального ремонта с продлением срока службы 4-осных цистерн различных модификаций предприятия являются конкурентами. Однако, изучив портфель их заказов, можно отметить, что на данный момент они являются формальными конкурентами. Портфель заказов ОАО «Саранский

вагоноремонтный завод» на 90 % состоит из заказов его головной структуры, в то время как заказы на ремонт подвижного состава ОАО «Рухиммаш» формируют держатели частного парка вагонов.

Необходимо подчеркнуть, что в Мордовии как в производстве новых вагонов, так и при ремонте различной степени сложности существует ряд ключевых факторов, сдерживающих темпы роста производства. Кроме маркетингового вопроса, непосредственно отражающегося на портфеле заказов, остаются нерешенными следующие технологические проблемы:

— дефицит вагонного литья, которое выпускается ограниченным количеством производителей и не позволяет предприятиям, не обеспечивающим себя литьем на 100 %, увеличивать выпуск продукции;

— дисбаланс структуры производственных мощностей, технического и качественного уровня выпускаемой продукции и потребности ОАО «РЖД» и частных операторов. Концентрация производственно-ремонтных мощностей превосходит потребность операторских компаний в республике, т. е. в регионе и близлежащих областях отсутствуют крупные заказчики;

— отставание технологий российских предприятий и неразвитое производство комплектующих. Одним из наиболее значимых факторов как для региона, так и для страны в целом, ограничивающих уровень конкурентоспособности отечественных предприятий, является отставание существующих и перспективных технологий от мировых аналогов, а также отсутствие производства ряда комплектующих, без которых невозможно создание техники, соответствующей мировому уровню. Так, межремонтный пробег американских и европейских вагонов доходит до 1,2 млн км, в России — 210 тыс. км. Литье, которое используют вагоностроители США, имеет коэффициент прочности 2, в России — не выше 1,3 при требованиях ОАО «РЖД» не ниже 1,8. В итоге в США нагрузка на ось вагонов составляет до 30 т, в России вагоны с 25-тонной нагрузкой еще находятся на стадии предсерийных испытаний. В области разработки и сертификации новых вагонов наблюдается довольно слабое продвижение, например, освоение выпуска вагонов-хопперов для перевозки сыпучих компонентов, производство которых в России практически не осуществлялось, а поставки украинских предприятий носили эпизодический характер и были ориентированы на страны СНГ и дальнего зарубежья. ОАО «Рухиммаш» в 2006 г. сертифицировало модель 19-9734-01 (для перевозки минеральных удобрений и зерна), однако в серийное производство ее не запустило. В связи с возникновением дефицита зерновозов и соответственно ростом спроса предприятие выпустило опытный образец хоппера-зерновоза модели 19-9814 и направило его на сертификацию (серийный выпуск данной модели в 2010 г. не начался)⁴;

— высокий уровень физического и морального износа технологического оборудования. Уровень износа технологического оборудования составил около 65 % против 52 % в промышленности в целом. Причем, несмотря на реализацию нескольких крупных инвестиционных проектов по открытию новых производств, темпы обновления основных фондов отрасли остаются чрезмерно низкими. Так, Саранский ВРЗ образовался в 2003 г. на базе ФГУП «Саранский тепловозоремонтный завод», т. е. изначально иной производственный профиль предприятия заставляет и сегодня выстраивать производственную структуру в соответствии с требованиями технологического цикла ремонта и производства;

— ценовая политика предприятий в условиях посткризисного времени и незначительного роста спроса на услуги ремонта и производство вагонов. Несмотря на отсутствие запаса рентабельности у производителей подвижного состава, в республике наблюдается повышение цен на вагоны. Значительный рост уже нельзя объяснить повышением цен на сырье, составляющее до 80 % в себестоимости продукции, так как с начала 2010 г. рост отпускных цен на металлопродукцию составил 18 %⁵. Необходимо отметить, что повышение цен на республиканском рынке является следствием роста цен на мировом рынке. Например, с начала 2009 г. Вагоностроительная компания Мордовии увеличила цены на ходовой полувагон на 26 % (до 1,7 млн руб.), с ноября 2009 г. — на 36 %. С марта по июнь 2009 г. Уралвагонзавод повысил цены на полувагон с люками (модель 12-132) на 23 % (до 1,6 млн руб.), на цистерну для светлых нефтепродуктов (модель 15-5103-07) — на 34 % (до 1,9 млн руб.)⁶. Крупнейший украинский производитель подвижного состава Азовмаш с августа по октябрь 2009 г. увеличил цены на похожий полувагон (модель 12-1704-04) на 30 %, с ноября — на 42 %. В 2009 г. в ОАО «Алтайвагон» люковый полувагон стоил 1,7 млн руб. Этому предшествовал 3-месячный рост цен на 30 %, а полугодовой — на 37 %. Стахановский завод на Украине повысил цены на продукцию в последнем квартале 2009 г. на 17 % (до 56,5 тыс. долларов). Однако в полугодовом исчислении рост ее стоимости составил 53 %⁷.

Стоимость 80-футовой платформы завода «Трансмаш» увеличилась в 2009 г. на 16 %, до почти 2 млн руб. (без НДС). Заметим, что мало кого интересующие короткие 40-футовые платформы подорожали за IV квартал 2009 г. на 12,5%, до 1,3 млн руб. При этом аналогичный рост наблюдался и в полугодовом исчислении. Хоппердозатор модели ВМП-770 был стабилен в цене полгода (2,1 млн руб.). Следовательно, вагоностроители поднимают цены не в связи с рентабельностью или со стоимостью металла, а вследствие спроса на продукцию. В условиях его роста возможно увеличение цен за квартал на 50 %.

Особую актуальность для операторских компаний на фоне продажи ОАО «РЖД» 22 ремонтных депо и повышения цен на комплектующие и материалы приобретает более дешевый деповский ремонт. Подчеркнем, что ремонт в условиях депо характеризуется меньшим объемом работ, поэтому предполагаются его более низкие цены. Так, капитальный ремонт грузовых вагонов в зависимости от вида вагона и сложности работ обходится собственнику ориентировочно в 40 — 55 тыс. руб. без учета НДС (приведена только стоимость услуги без учета затрат на запчасти и оборудование). На вагоноремонтных заводах, где производится более качественный ремонт (все узлы и детали заменяются на новые), стоимость такой услуги возрастает до 40 %⁸.

Базовая стоимость капитального ремонта частного подвижного состава на специализированном вагоноремонтном заводе для единичных заказов составляет 74,7 тыс. руб. (без учета дополнительных работ по замене непригодных для ремонта узлов и деталей). При заключении договора на 20 и более вагонов в месяц базовая стоимость капитального ремонта составляет 65 тыс. руб.⁹ Данная ценовая политика позволяет увеличить конкурентоспособность предприятия и привлечь заказчиков. Таким образом, сохраняя «тело цены» (прямые затраты), возможно регулирование накладных расходов, исходя из общего объема заказа.

Ниша частного бизнеса в общем объеме ремонта составляет всего 12 — 15 %. До кризисного периода из-за высокой цены услуг на предприятиях ОАО «РЖД» и

длительных простоев в ожидании ремонта некоторые частные компании предпочитали ремонтировать свои вагоны в странах СНГ — на Украине, в Белоруссии и Казахстане. Сегодня они отказались от этого. С 16 марта 2010 г. на предприятиях отрасли ввели новый прейскурант, предусматривающий в среднем снижение цен на 10 %. Это удалось сделать за счет оптимизации издержек, прежде всего, снижения цен на запчасти и материалы. Кроме того, стали чаще применять использованные узлы и детали. С целью оптимизации затрат на каждом рабочем месте вводят хозрасчет.

Представители федеральных органов власти, заговорив о качестве ремонта и сохранности вагонного парка, подняли актуальную тему. По данным анализа статистических данных, проведенного Первой грузовой компанией, выяснилось, что треть вагонов отправляется в текущий отцепочный ремонт из-за низкого качества деповского ремонта и столько же — из-за недопустимого обращения во время перевозочного процесса. 90 % повреждений подвижной состав получает в местах массовой погрузки-выгрузки. При этом 60 % из них вовремя не выявляется. Прием вагонов с подъездных путей на текущий момент практически сведен к нулю. Между тем оценить масштаб проблемы позволяют такие цифры: в 2009 г. только в морских портах было выявлено 54 тыс. повреждений подвижного состава, половина из них — в Мурманске¹⁰.

По мнению вице-президента ОАО «РЖД» А. В. Воротилкина, в настоящее время целесообразно сформировать систему сохранности вагонного парка: «Создав общую систему контроля, мы тем самым минимизируем расходы на ремонт поврежденных вагонов, и они будут более интенсивно использоваться для перевозки грузов»¹¹ (однако это часто осложняется незамеченными мелкими поломками и нахождением виновного, что в функции холдинга как содержателя на своем балансе специального штата приемщиков-осмотрщиков без инвентарного парка не входит). На наш взгляд, в целях сохранения вагонного парка необходимы разработка общего регламента взаимодействия и жесткого порядка компенсации ущерба (совместно с федеральными органами власти), введение единого классификатора повреждений вагона.

Согласно данным ОАО «РЖД», касающимся качества ремонта вагонов, в 2009 г. собственники подвижного состава предъявили претензий на 12 млн руб. Всего в Центральную дирекцию ремонта вагонов поступило 1 628 претензий, 345 из них были отклонены из-за отсутствия доказательств и ненадлежащим образом оформленных документов. Однако в целом коэффициент качества ремонта остался высоким — 0,3 — 0,8¹². Следует указать, что качество ремонта на предприятиях ВРЗ в 1,7 раза выше, чем в частных депо. Хотя бывает наоборот. Например, компания «Дальвагонремонт» вложила более 10 млн руб. в 3 депо, которые были приобретены у ОАО «РЖД». После ремонта находившихся в плохом состоянии цехов и покупки нового дефектоскопного оборудования компания организовала свой ОТК, в котором производится входной и выходной контроль продукции. В 2009 г. она подала заявку на добровольную сертификацию ремонтного производства с целью повышения качества, что является главным конкурентным преимуществом¹³.

На основе анализа проблем тяжелого машиностроения выделим наиболее существенные и характерные для вагоноремонтной отрасли, которые значительно усилил спад мировой экономики:

- морально и физически устаревшее оборудование, низкое качество работ и производительность труда;
- отсутствие навыков работы в конкурентной среде;

- неотлаженность и неустойчивость взаимоотношений со сторонними заказчиками;
- обострение конкуренции со стороны вагонных депо и заводов;
- угроза потери крупного клиента в лице ОАО «РЖД» в случае неконкурентоспособности цен и качества услуг;
- рост себестоимости при неэффективной работе;
- активизация вагоностроительных предприятий;
- возможность перераспределения структуры рынка в части смещения потребности в сторону закупки новых вагонов (этому способствует также решение ОАО «РЖД» об отмене капитального ремонта с продлением срока службы полувагонов, а в дальнейшем цистерн, которые составляют наибольшую долю грузовых вагонов с предельным износом).

Эти проблемы известны специалистам-отраслевикам. Однако сложно однозначно ответить на вопросы о ситуации на рынке после окончания реформ и влияния на него кризиса по причине его высокой капиталоемкости и невысокой степени рентабельности ремонтного производства. По мнению экспертов, такой бизнес могут позволить себе только крупные игроки, а небольшим компаниям, не входящим в состав многопрофильных холдингов, выжить в современных условиях будет нелегко. Высока ставка на консолидацию предприятий за счет их слияний и поглощений, но не исключен более мягкий вариант — создание стратегических альянсов, ассоциаций и некоммерческих партнерств. Все зависит от того, сумеет ли бизнес договориться. В любом случае следует признать, что до открытой и честной конкуренции в сфере ремонта пока далеко, и появление вместо одной крупной монополии нескольких более мелких вряд ли изменит подобную ситуацию.

Резюмируя вышеобозначенное, следует отметить, что главным итогом реформирования отрасли вагоноремонтных услуг в первую очередь станут создание соответствующей нормативно-правовой базы, четкое структурное распределение функций участников рынка и контролирующих органов. Кроме того, для нормального функционирования тяжелого машиностроения необходимы государственная поддержка; построение здоровых конкурентных отношений между непосредственными участниками рынка, которое будет мощным фактором развития и модернизации одной из крупнейших отраслей транспортного хозяйства России.

Библиографические ссылки

¹ См.: Годовой отчет ОАО «Барнаульский ВРЗ». С. 13 [Электронный ресурс] // Архив предприятия. URL: <http://www.b-vrz.ru> (дата обращения 08.10.2010).

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Отраслевое исследование «Железнодорожное машиностроение России и СНГ: производство и конъюнктура рынка грузового подвижного состава». С. 8 [Электронный ресурс] // Отраслевое исследование — Рынок грузового железнодорожного транспорта России и стран СНГ. Итоги 2009 года : сайт. URL: <http://www.advis.ru> (дата обращения 13.10.2010).

⁵ См.: Российские производители ПС спекулятивно увеличивают цены. С.12 [Электронный ресурс] // Материал маркетингового исследования рынка подвижного состава : сайт. URL: <http://www.infranews.ru> (дата обращения 13.10.2010).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ См.: Годовой отчет ОАО «Саранский ВРЗ». С. 27 [Электронный ресурс] // Архив предприятия. URL: <http://www.saranskvrz.ru/> (дата обращения 08.10.2010).

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ См.: **Андреева Т.** Рынок... без конкуренции [Электронный ресурс] // Материалы круглого стола на тему «Проблемы эксплуатации и ремонта подвижного состава в условиях кризиса»: сайт. URL: <http://www.dvtg.ru> (дата обращения 13.10.2010).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Поступила 10.11.2010 г.

УДК 330.142.211:005.336.3

С. Н. Топорков

S. N. Toporkov

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОБНОВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

ANALYSIS OF EFFECTIVENESS AND INTENSITY OF USE AND RENOVATION OF THE ENTERPRISE BASIC ASSETS

Ключевые слова: машиностроение, основные фонды, эффективность, обновление, фондоотдача, фондоемкость, фондорентабельность.

В статье дается общая характеристика состояния машиностроительного комплекса и основных промышленно-производственных фондов Мордовии. На примере ОАО «Рузхиммаш» проведен анализ эффективности и интенсивности использования и обновления основных фондов.

Key words: machine-building, basic assets, effectiveness, renovation, yield of capital investments, funds capacity, funds profitability.

The general characteristic of state of the machine-building industry and basic industrial and production funds of Mordovia is given in the article. Based on the example of JSC «Ruzkhimmash» the analysis of effectiveness and intensity of use and renovation of basic assets is made.

Основные фонды являются одним из важных факторов любого производства. Их состояние и эффективное использование прямо влияют на конечные результаты хозяйственной деятельности предприятия.

Условия перехода к рыночной экономике побуждают трудовые коллективы к постоянному поиску резервов повышения эффективности использования всех материально-вещественных факторов производства, в том числе основных фондов. Их состояние и использование — один из важных аспектов аналитической работы, так как именно они являются материальным воплощением научно-технического прогресса — главного фактора повышения эффективности любого производства.

Более полное и рациональное использование основных фондов и производственных мощностей предприятия способствует улучшению всех его технико-экономических показателей: росту производительности труда, повышению фондоотдачи, увеличению выпуска продукции, снижению ее себестоимости, экономии капитальных вложений.

В период рыночных преобразований машиностроительный комплекс России, как и вся экономика государства, оказался в глубоком системном кризисе, который выразился не только в падении объемов производства, но и в еще большей степени в инвестиционной сфере. В машиностроительном комплексе темпы снижения инвестиций превысили темпы падения объемов производства в более чем 2 раза. Это привело к резкому ухудшению состояния основных промышленно-производственных фондов, которые по своему техническому уровню значительно отстают от уровня развитых стран.

Одной из главных причин резкого спада машиностроительного производства являются низкий технический уровень всех производственных операций и моральный износ техники. В настоящее время используется техника, сданная в серийное производство в 1960 — 70-х гг. Коэффициент износа производственных фондов в целом по машиностроительному комплексу составляет более 50%. При этом коэффициент выбытия опережает коэффициент обновления в почти 3 раза, что свидетельствует об отсутствии технического обновления основных фондов. Поэтому сегодня задача обновления основных производственных фондов (ОПФ) является наиболее актуальной.

ОАО «Рузхиммаш» — ведущий поставщик оборудования для химической, нефтяной, газовой и других отраслей промышленности, а также для транспортировки газа, нефтепродуктов и кислот. Приоритетным направлением его деятельности является вагоностроение. Это единственное крупное в Мордовии предприятие, выпускающее вагоны специального назначения (табл. 1).

Таблица 1

**Основные технико-экономические параметры
и результаты финансово-хозяйственной деятельности в 2006 — 2009 гг.**

Показатели	2006	2007	2008	2009	Соотношение 2009 и 2006, %	Отклонения 2009 к 2006, +, -
1	2	3	4	5	6	7
Реализация товарной продукции, тыс. руб.	7 898 682	7 875 264	6 694 107	7 752 022	98,1	- 146 660
Товарная продукция, тыс. руб.	7 993 090	8 465 405	7 537 037	7 578 606	94,8	- 414 484
Численность ППП*, чел.	4 895	4 953	4 954	4 244	86,7	- 651
Выработка на 1 работника ППП*, тыс. руб.	1 632,9	1 709,2	1 521,4	1 785,7	109,4	153
Себестоимость товарной продукции, тыс. руб.	7 497 305	8 060 121	6 969 994	7 660 513	102,2	163 208
Среднемесячная заработная плата, руб.	7 804	11 822	14 129	13 109	167,9	5 305
Затраты на 1 руб. товарной продукции, коп.	93,8	95,3	92,5	101,1	107,8	7
Балансовая прибыль, тыс. руб.	122 865	232 204	286 406	-1 053 684	- 857,6	- 1 176 549
Выручка, тыс. руб.	6 762 456	8 580 830	10 430 069	7 716 019	114,1	953 563
Валовая прибыль, тыс. руб.	339 945	506 512	909 582	- 53 699	- 15,8	- 393 644

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Чистая прибыль (нераспределенная прибыль / непокрытый убыток), тыс. руб.	74 814	169 147	317 605	- 943 485	- 1 261,1	- 1 018 299
Рентабельность собственного капитала, %	7,9	15,3	22,3	- 195,2	- 2 470,5	-203,1
Рентабельность активов, %	2,5	3,3	4,5	- 13,7	- 549,6	- 16,2
Коэффициент чистой прибыльности, %	1,1	2,0	3,0	- 12,2	- 1 111,8	- 13,3
Рентабельность продукции (продаж),%	4,2	5,2	8,2	-1,8	- 44,1	- 6,1
Оборачиваемость капитала	4,7	5,2	4,7	5,8	124,3	1,1

Составлена по: Данные ежеквартальной и годовой отчетности ОАО «Рузхиммаш».

* Производственно-промышленный персонал.

Размер выручки напрямую зависит от общего экономического состояния отрасли, в которую входит предприятие. Ее увеличение в стране наблюдалось в период с 2006 по 2008 г. Однако в 2009 г. с усилением кризиса размер выручки по сравнению с 2008 г. снизился на 26% (или на 2 714 050 тыс. руб.) и составил 7 716 019 тыс. руб.

Как видно из табл. 1, абсолютные показатели прибыльности предприятия в 2009 г. имели отрицательные значения. Валовая прибыль в этом году имела также отрицательное значение в связи с 4-летним периодом деятельности предприятия в условиях удорожания себестоимости продукции. Поэтому в 2009 г. по сравнению с 2008 г. оно понесло убытки.

Значения относительных показателей эффективности деятельности предприятия позволяют сделать вывод о ее снижении. Показатели рентабельности за 2009 г. по сравнению с предыдущими годами имели также отрицательные значения. Рентабельность активов по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года снизилась. Это означает, что на рубль активов предприятия в 2008 г. приходилось 0,05 руб. чистой прибыли, в 2009 г. — 0,14 руб. чистого убытка. Рентабельность продукции (продаж) отражает долю прибыли (убытка) от продаж в каждом заработанном предприятием рубле.

Долю чистой прибыли (убытка) в 1 руб. проданной продукции, работ и услуг предприятия отражает коэффициент чистой прибыльности. Данные показатели имели отрицательное значение в 2009 г., что также свидетельствует об ухудшении эффективности деятельности предприятия.

Коэффициент оборачиваемости капитала характеризует деловую активность предприятия в использовании капитала, показывает количество полных оборотов, совершаемых капиталом за рассматриваемый период времени¹. Коэффициент оборачиваемости капитала ОАО «Рузхиммаш» в 2009 г. имел положительное значение. Динамика данного показателя свидетельствовала об увеличении деловой активности предприятия.

Положительным фактом является то, что ОАО «Рузхиммаш» на протяжении 4 финансовых лет не имело непокрытого убытка. Однако в результате анализа приведенных в табл. 1 данных можно сделать вывод об общем ухудшении эффективности деятельности предприятия в 2009 финансовом году (рис. 1, 2).

Рис. 1. Величина выручки и прибыли

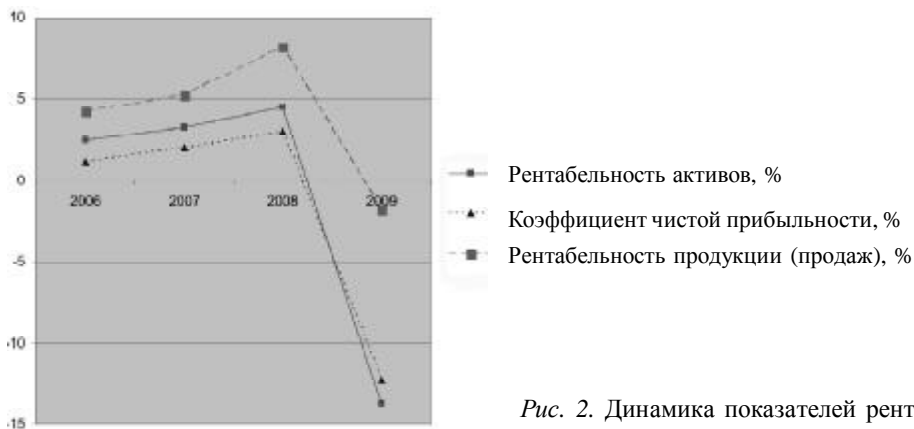

Рис. 2. Динамика показателей рентабельности

Изучению состояния, динамики и структуры основных средств предприятия уделяется особое внимание, так как они занимают большой удельный вес в его долгосрочных активах². От их количества, стоимости технического уровня, эффективности использования во многом зависят производственные и финансовые результаты деятельности предприятия. Рассмотрим эти показатели на основании данных ОАО «Рузхиммаш» за 2006 — 2009 гг. (табл. 2 — 5).

Таблица 2

**Наличие, динамика и структура
основных производственных фондов в 2006 г., тыс. руб.**

Основные средства производства	Наличие на начало отчетного года	Поступило	Выбыло	Наличие на конец отчетного периода	Величина прироста, %	Величина прироста, +, -
1	2	3	4	5	6	7
Здания	106 955	0	925	106 030	99,1	- 925
Сооружения и передаточные устройства	26 030	3 191	475	28 746	110,4	2 716

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Машины и оборудование	180 304	141 932	1 251	320 985	178,0	140 681
Транспортные средства	34 559	92 437	763	126 233	365,3	91 674
Производственный и хозяйственный инвентарь	3 038	4 546	15	7 569	249,1	4 531
Рабочий скот	0	120	0	120	—	120
Многолетние насаждения	228	0	0	228	100,0	0
Другие виды	2 375	404	3	2 776	116,9	401
Итого	353 489	242 630	3 432	592 687	167,7	239 198

Составлена по: Данные ежеквартальной и годовой отчетности ОАО «Рузхиммаш».

Как видно из табл. 2, в 2006 г. наибольший удельный вес в структуре основных фондов как на начало, так и на конец отчетного периода занимали машины и оборудование. За отчетный период 2006 г. объем основных фондов увеличился на 67,7 %.

Таблица 3

**Наличие, динамика и структура
основных производственных фондов в 2007 г., тыс. руб.**

Основные средства производства	Наличие на начало отчетного года	Поступило	Выбыло	Наличие на конец отчетного периода	Величина прироста, %	Величина прироста, +, -
Здания	106 030	77 097	11 240	171 887	162,1	65 857
Сооружения и передаточные устройства	28 746	16 339	2 776	42 309	147,2	13 563
Машины и оборудование	320 985	106 483	3 502	423 966	132,1	102 981
Транспортные средства	126 233	64 820	142 273	48 780	38,6	-77 453
Производственный и хозяйственный инвентарь	7 569	4 743	101	12 211	161,3	4 642
Рабочий скот	120	0	0	120	100,0	0
Многолетние насаждения	228	0	0	228	100,0	0
Другие виды	2 776	1 592	14	4 354	156,8	1 578
Итого	592 687	271 074	159 906	703 855	118,8	111 168

Составлена по: Данные ежеквартальной и годовой отчетности ОАО «Рузхиммаш».

В 2007 г. машины и оборудование также занимали наибольший удельный вес среди основных фондов, как и в 2006 г. За отчетный период 2007 г. произошли существенные изменения в их наличии и структуре. Если в 2006 г. объем транспортных средств многократно увеличился, то в 2007 г. он заметно сократился и практически вернулся к своему прежнему уровню. Основные фонды возросли на 18,8 %.

Таблица 4

Наличие, динамика и структура основных производственных фондов в 2008 г., тыс. руб.

Основные средства производства	Наличие на начало отчетного года	Поступило	Выбыло	Наличие на конец отчетного периода	Величина прироста, %	Величина прироста, +, -
Здания	171 887	20 000	29 361	162 526	94,5	- 9 361
Сооружения и передаточные устройства	42 309	11 925	2 411	51 823	122,5	9 514
Машины и оборудование	423 966	203 171	5 833	621 304	146,5	197 338
Транспортные средства	48 780	229 753	1 178	277 355	568,6	228 575
Производственный и хозяйственный инвентарь	12 211	6 060	211	18 060	147,9	5 849
Рабочий скот	120	0	0	120	100,0	0
Многолетние насаждения	228	0	0	228	100,0	0
Другие виды	4 354	1 004	8	5 350	122,9	996
Итого	703 855	471 913	39 002	1 136 766	161,5	432 911

Составлена по: Данные ежеквартальной и годовой отчетности ОАО «Рузхиммаш».

В 2008 г. машины и оборудование также занимали наибольший удельный вес в основных фондах, достигнув значения 54,7% от общего их объема. За отчетный период 2008 г. объем транспортных средств составил 24,4 % от объема основных фондов. Стоимость ОПФ возросла на 61,5 %.

Таблица 5

Наличие, динамика и структура основных производственных фондов в 2009 г., тыс. руб.

Основные средства производства	Наличие на начало отчетного года	Поступило	Выбыло	Наличие на конец отчетного периода	Величина прироста, %	Величина прироста, +, -
Здания	162 526	211 136	- 2 705	370 957	228,2	208 431
Сооружения и передаточные устройства	51 823	21 650	- 959	72 514	139,9	20 691
Машины и оборудование	621 304	167 200	- 6 374	782 130	125,9	160 826
Транспортные средства	277 355	5 680	- 16 914	266 121	95,9	- 11 234
Производственный и хозяйственный инвентарь	18 060	1 715	- 316	19 459	107,7	1 399
Рабочий скот	120	0	- 60	60	50,0	- 60
Многолетние насаждения	228	0	0	228	100,0	0
Другие виды	5 350	47	- 60	5 337	99,8	- 13
Итого	1 136 766	407 428	- 27 388	1 516 806	133,4	380 040

Составлена по: Данные ежеквартальной и годовой отчетности ОАО «Рузхиммаш».

За отчетный период 2009 г. машины и оборудование занимали наибольший удельный вес в основных фондах, хотя их доля сократилась до 51,6 % от общего объема фондов. Сократилась также доля транспортных средств (на 6,9 %). Это было вызвано существенным приростом объема зданий — он увеличился в 2,3 раза, составив четверть всех основных средств. Стоимость ОПФ возросла на 33,4 %.

Таблица 6

Структура основных производственных фондов на конец 2006 — 2009 г.

Основные средства производства	Стоимость на конец года, тыс. руб.				Удельный вес, %			
	2006	2007	2008	2009	2006	2007	2008	2009
Здания	106 030	171 887	162 526	370 957	17,9	24,4	14,3	24,5
Сооружения	28 746	42 309	51 823	72 514	4,8	6,0	4,6	4,8
Машины и оборудование	320 985	423 966	621 304	782 130	54,2	60,2	54,7	51,6
Транспортные средства	126 233	48 780	277 355	266 121	21,3	6,9	24,4	17,5
Инвентарь	7 569	12 211	18 060	19 459	1,3	1,7	1,6	1,3
Рабочий скот	120	120	120	60	0,02	0,02	0,01	0,0
Многолетние насаждения	228	228	228	228	0,04	0,03	0,02	0,02
Другие виды	2 776	4 354	5 350	5 337	0,5	0,6	0,5	0,3
Итого	592 687	703 855	1 136 766	1 516 806	100,0	100,0	100,0	100,0

Из табл. 6 видно, что удельный вес машин и оборудования в 2007 г. значительно увеличился (на 6,1 %) за счет уменьшения доли транспортных средств, хотя их стоимость также увеличилась (на 102 081 тыс. руб.). Повышение удельного веса активной части фондов характеризует прогрессивность их структуры, рост технической оснащенности предприятия, способствует увеличению выпуска продукции, росту фондоотдачи. Причем темпы увеличения стоимости машин и оборудования должны, как правило, опережать темпы роста других основных фондов. Заметные изменения произошли в транспортных средствах. Их удельный вес на конец 2008 г. по сравнению с 2006 г. увеличился на 3,1%.

Техническое состояние основных фондов характеризуется степенью их изношенности, обновления, выбытия, возрастным составом оборудования. Показателем степени изношенности основных фондов, в т. ч. оборудования, является коэффициент износа, который определяется отношением стоимости износа основных средств к их первоначальной стоимости. Как правило, чем ниже коэффициент износа основных фондов, тем лучше их состояние³.

Степень обновления основных фондов — это отношение стоимости вновь поступивших основных фондов за отчетный год к стоимости основных фондов на конец периода. Она показывает величину введенных в действие основных фондов за тот или иной период. Коэффициенты износа и обновления исчисляются как по всем фондам, так и по их активной части, а также по группам оборудования и рассматриваются обычно в динамике за ряд лет.

Более высокий коэффициент обновления активной части фондов по сравнению с аналогичным коэффициентом всех основных фондов положительно влияет на показатель фондоотдачи.

Коэффициент выбытия исчисляется отношением стоимости выбывших основных фондов за отчетный год к их стоимости на конец периода. Он показывает долю основных фондов, ежегодно выбывших из производства. Его рост означает обновление материальной базы предприятия.

Для этого рассчитываются следующие показатели:

1) коэффициент обновления

$$K_{об} = ОФ_{п} / ОФ_{к},$$

где $ОФ_{п}$ — поступившие основные фонды за отчетный период,
 $ОФ_{к}$ — основные фонды на конец отчетного периода;

2) срок обновления

$$T_{об} = ОФ_{п} / ОФ_{н},$$

где $ОФ_{н}$ — основные фонды на начало отчетного периода;

3) коэффициент выбытия

$$K_{выб} = ОФ_{выб} / ОФ_{н},$$

где $ОФ_{выб}$ — выбывшие основные фонды за отчетный период;

4) коэффициент прироста

$$K_{пр} = ОФ_{пр} / ОФ_{н} = (ОФ_{п} - ОФ_{в}) / ОФ_{н},$$

где $ОФ_{пр}$ — прирост основных фондов за отчетный период;

5) коэффициент износа

$$K_{изн} = ОФ_{изн} / ОФ_{к},$$

где $ОФ_{изн}$ — износ основных фондов за отчетный период;

6) коэффициент годности

$$K_{г} = (ОФ_{к} - ОФ_{изн}) / ОФ_{к} \text{ (табл. 7).}$$

Таблица 7

**Динамика технического состояния
основных производственных фондов в 2006 — 2009 гг.**

Показатель	Уровень				Соотношение, %			Отклонение к 2006, +, -		
	2006	2007	2008	2009	2007 и 2006	2008 и 2006	2009 и 2006	2007	2008	2009
Коэффициент обновления	0,409	0,385	0,415	0,269	94,08	107,79	64,70	-0,024	0,030	-0,147
Срок обновления, лет	1,457	2,186	1,491	2,790	150,07	68,22	187,07	0,730	-0,695	1,299
Коэффициент выбытия	0,010	0,270	0,055	0,024	2 778,9	20,54	43,48	0,260	-0,214	-0,031
Коэффициент прироста	0,677	0,188	0,615	0,334	27,72	327,91	54,36	-0,489	0,427	-0,281
Коэффициент износа	0,250	0,276	0,229	0,233	110,40	82,97	101,75	0,026	-0,047	0,004
Коэффициент годности	0,750	0,724	0,771	0,767	96,53	106,49	99,48	-0,026	0,047	-0,004

По данным табл. 7, коэффициент обновления в 2009 г. был значительно выше коэффициента выбытия. Это свидетельствует о том, что на предприятии происходило обновление основных фондов, главным образом, за счет замены старых, изношенных фондов, что привело к накоплению устаревшего оборудования и сдерживало рост экономической эффективности основных фондов. За рассматриваемый период техническое состояние основных средств на предприятии несколько улучшилось за счет более интенсивного их обновления (рис. 3).

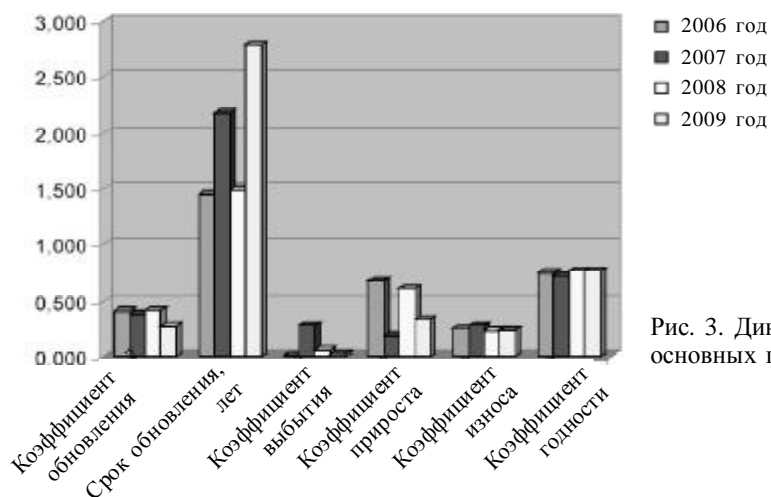

Рис. 3. Динамика состояния основных производственных фондов

Эффективность использования ОПФ характеризуется соотношением темпов роста выпуска продукции и основных фондов, а также показателями фондоотдачи, фондоемкости, фондовооруженности и производительности труда. Обобщающим показателем является фондоотдача. В расчетах плана экономического и социального развития фондоотдача исчисляется исходя из объема продукции в сопоставимых ценах и среднегодовой стоимости ОПФ (собственных и арендованных), кроме фондов, находящихся на консервации и в резерве, а также сданных в аренду. Основные фонды учитываются по полной балансовой стоимости (без вычета износа).

Фондоотдача может рассчитываться по отношению как ко всей стоимости ОПФ, так и к стоимости машин и оборудования. Это дает возможность проследить эффективность использования наиболее подвижной и решающей части основных фондов — оборудования. Наиболее обобщающим показателем эффективности использования ОПФ является фондорентабельность⁴. Ее уровень зависит не только от фондоотдачи, но и от рентабельности продукции (табл. 8).

Таблица 8

Анализ фондорентабельности и фондоотдачи в 2006 — 2009 гг.

Показатель	2006	2007	2008	2009	Соотношение 2009 и 2008, %	Отклонение 2009 к 2008, +, -
1	2	3	4	5	6	7
Прибыль от реализации продукции, тыс. руб.	339 945,0	506 512,0	909 582,0	- 53 699,0	- 5,9	- 963 281
Объем продукции, тыс. руб.	7 993 090,0	8 465 405,0	7 537 037,0	7 578 606,0	100,5	41 569
Среднегодовая стоимость, тыс. руб.:						
ОПФ	473 088,0	648 271,0	920 310,5	1 326 786,0	144,2	406 476
активной части ОПФ	358 488,5	495 629,5	732 888,5	1 035 623,5	141,3	302 735
машин и оборудования	250 644,5	372 475,5	522 635	701 717,0	134,3	179 082
Удельный вес активной части ОПФ	0,76	0,76	0,80	0,78	98,02	- 0,02

Окончание табл. 8

1	2	3	4	5	6	7
Удельный вес машин и оборудования:						
в активной части ОПФ	0,70	0,75	0,71	0,68	95,02	-0,04
в общей сумме ОПФ	0,53	0,575	0,568	0,53	93,13	-0,04
Фондорентабельность, %	71,9	78,1	98,8	-4,1	-4,1	-102,9
Рентабельность продукции, %	4,2	5,9	12,1	-0,7	-5,9	-12,8
Фондоотдача ОПФ, руб.	16,9	13,1	8,2	5,7	69,7	-2,5
Фондоотдача активной части фондов, руб.	22,3	17,1	10,3	7,3	71,2	-2,9
Фондоотдача машин и оборудования, руб.	31,9	22,7	14,4	10,8	74,9	-3,6

По данным табл. 8, можно сделать следующие выводы: если в 2009 г. по сравнению с предыдущим наблюдалось небольшое увеличение выпуска продукции (на 41 569 тыс. руб., или на 0,5 %), то прибыль от ее реализации оказалась отрицательной, т. е. предприятие понесло убыток на сумму 53 699 тыс. руб. В процентном выражении падение уровня прибыльности заметно еще больше — он уменьшился на 106 %. Рентабельность отражает конечные финансовые результаты деятельности предприятия. Уровень рентабельности продукции в ОАО «Рузхиммаш» в 2009 г. снизился на 12,8 % и принял отрицательное значение (-0,7 %). Показатель фондоотдачи в этом году уменьшился на 2,5 руб. Соответственно еще заметнее уменьшились фондоотдача активной части и фондоотдача машин и оборудования (рис. 4).

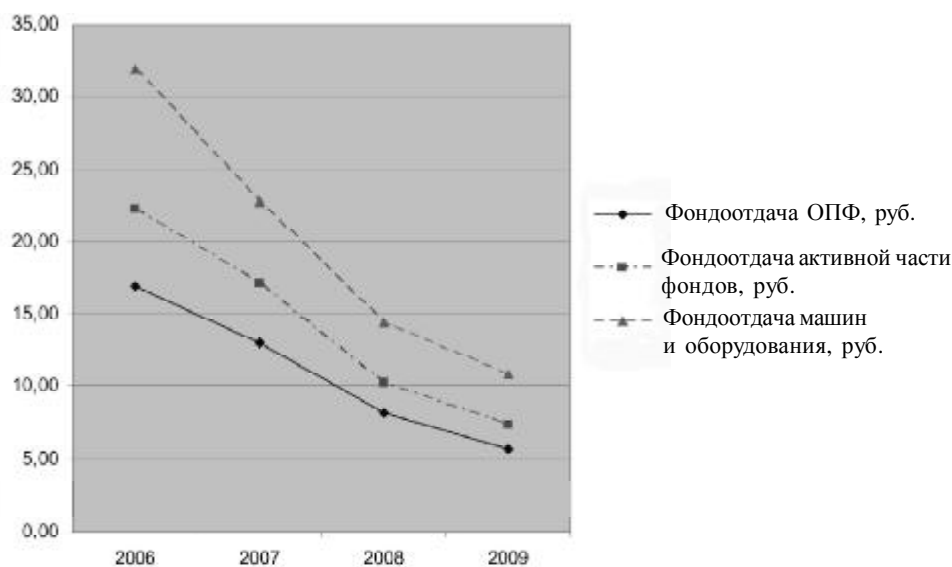

Рис. 4. Фондоотдача основных производственных фондов

Фондорентабельность характеризует величину прибыли, которую получает предприятие с одного рубля ОПФ. Если в 2008 г. оно получило 99 коп. прибыли на каждый рубль ОПФ, то в 2009 г. данный рубль принес 4 копейки убытка. В отчетном периоде фондорентабельность упала на 102,9 %.

Учитывая снижение фондоотдачи и увеличение фондоемкости в ОАО «Рухиммаш», можно сделать вывод о неэффективном использовании ОПФ на предприятии. Увеличение стоимости фондов шло гораздо более высокими темпами, чем рост объема выпуска продукции. Эффективность обновления ОПФ зависит от объема произведенной товарной продукции и величины прироста основных фондов (табл. 9).

Таблица 9

**Эффективность обновления
основных производственных фондов в 2006 — 2009 гг.**

Показатель	2006	2007	2008	2009	Соотношение 2009 и 2008, %	Отклонение 2009 к 2008, +, –
Товарная продукция, тыс. руб.	7 993 090	8 465 405	7 537 037	7 578 606	100,5	41 569
Прирост ОПФ, тыс. руб.	239 198	111 168	432 911	380 040	87,8	– 52 871
Эффективность обновления, %	33,4	76,1	17,4	19,9	114,5	2,5

Таким образом, за рассматриваемый период эффективность обновления основных фондов достигла максимума в 2007 г., когда каждый дополнительно вложенный в основные средства рубль принес 76,15 руб. продукции. В 2008 г. эффективность, наоборот, была крайне низкой. При существенном увеличении объемов ОПФ величина произведенной товарной продукции снизилась почти на 1 млрд руб. В 2009 г. ситуация несколько изменилась в положительную сторону. Однако последствия финансового кризиса не позволили достичь прежнего уровня эффективности обновления основных фондов.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Богдановская Л. А., Виногоров Г. Г., Мигун О. Ф.** Анализ хозяйственной деятельности в промышленности : учебник. М., 1995. С. 250 — 252.

² См.: **Бочаров В. В.** Комплексный финансовый анализ. СПб., 2005. С. 274 — 277.

³ См.: **Пимахов С.** Анализ проблем обновления основных производственных фондов российских предприятий [Электронный ресурс] // Пром. маркетинг. 2004. № 4. URL: http://unlease.ru/service/project_members/editions/industrial_marketing/article_008/ (дата обращения 01.10.2010).

⁴ См.: **Россоха Е. В., Синяк Н. Г.** Анализ влияния оценки основных фондов на доход предприятия // Экономика. Финансы. Управление. 2004. № 5. С. 88 — 95.

Поступила 04.10.2010 г.

УДК 338.45:621.31(470.345)

Ю. М. Кочетова

Yu. M. Kochetova

ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА МОРДОВИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

POWER INDUSTRY OF MORDOVIA: PROBLEMS AND THE PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Ключевые слова: электротехника, инновации, прогресс, промышленность, развитие, перспективы.

В статье рассматриваются перспективы инновационного развития электротехнической промышленности в Мордовии. Подчеркивается, что новшества — важный двигатель прогресса электротехнической сферы и промышленности в целом. Говорится о необходимости стратегического развития инновационной деятельности в электротехнике. Представлены точки зрения компетентных сторон.

Key words: electrical engineering, innovations, progress, industry, development, prospects.

The prospects for innovation development of the electrical engineering industry in Mordovia are considered in the article. It is emphasized that innovations are the motive power for the progress of electrical engineering branch and the industry as a whole. The need for strategic development of innovation activity in electrical engineering is discussed. The points of view of competent parts are represented.

В настоящее время инновации получают все большее распространение в разных сферах человеческой деятельности вследствие высокого развития национальной инновационной среды, формирующей основу устойчивого экономического роста каждого субъекта и объекта хозяйствования. В условиях инновационной активности необходимым элементом выступает обеспечение конкурентоспособности технологических новшеств.

Следует подчеркнуть, что существуют различные подходы к определению инноваций. Так, Адам Смит в монографии «The Wealth of Nations», изданной в 1776 г., утверждал, что организационным механизмом капитализма служит не только рыночная система (соотношение спроса и предложения), но и конкуренция, которая заставляет удовлетворять все возрастающие потребности посредством понижения цен и улучшения качества, а также делать это наиболее эффективным способом с помощью перехода на новые технологии, т. е. использования инноваций. Этот постулат со временем приобрел более широкое значение. Существенным при этом стало применение на свободных рынках компании действенного фактора современного процесса борьбы за потребителя — инноваций.

В основе теории инновационного пути развития экономики лежит понятие «инновация» («нововведение»), которое расшифровывается как внесение в разнообразные виды человеческой деятельности новых элементов (видов, способов), повышающих их результативность¹ (табл. 1).

Таблица 1

Систематизация научных подходов к дефиниции «инновация»		
Группа ученых-экономистов	Автор	Определение инновации
Зарубежные исследователи, внесшие вклад в вопросы инновационного развития	К. Р. Макконел С. Л. Брю	Запуск в производство нового продукта, внедрение нового производственного метода или применение новой формы организации бизнеса ²
	Ф. Котлер	Идея, товар или технология, запущенные в массовое производство и представленные на рынке, которые потребитель воспринимает как совершенно новые или обладающие некоторыми уникальными свойствами ³
	Б. Твисс	Процесс, в котором изобретение или идея приобретает экономическое содержание ⁴
	Ф. Никсон	Совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых и улучшенных промышленных процессов и оборудования ⁵
	Й. А. Шумпетер	Новая научно-организационная комбинация производственных факторов, мотивированная предпринимательским духом. Рассматривал инновацию как средство предпринимательства для увеличения прибыли ⁶
Отечественные исследователи, занимающиеся проблемами определения инноваций и их роли в современном мире	В. Б. Агранович	Философская категория, так как она «отражает динамику современной жизни во всем многообразии ее взаимосвязей, пронизывает все сферы жизни общества, помогает раскрыть логику его развития, способствует выделению и синтезу мировоззренческих и методологических моментов, является неотъемлемой частью осмысления человеком своего опыта жизни и, следовательно, приобретает онтологическое значение» ⁷
	Б. А. Райзберг Л. Ш. Лозовский Е. Б. Стародубцева	Нововведения в области техники, технологии, организации труда и управления, основанные на использовании достижений науки и передового опыта, а также на употреблении этих новшеств в самых разных областях и сферах деятельности ⁸
	Г. Г. Азгальдов А. В. Костин	Нововведения в любой сфере человеческой деятельности, представляющие собой процесс (или результат процесса) в определенном временном промежутке и направленные на необходимое и достаточное выполнение определенных условий ⁹
	А. С. Царев	Универсальная категория, проявляющаяся в различных сферах общественной жизни: технико-технологической, экономической, политической, социальной и духовной ¹⁰
Ученые, занимающиеся рассмотрением инноваций на региональном уровне	М. В. Лаврентьева	Естественное следствие человеческой потребности к выдвижению и претворению новых идей, которое может выигранным образом изменить жизнь компании и вывести ее в лидеры отрасли ¹¹
	В. Н. Кечемайкин	Необходимая составляющая экономического развития. Может быть продуктом работы как ученых, которые гонятся за знаниями, так и предпринимателей, которые нацелены на получение большей прибыли за счет внедрения новейших технических разработок ¹²

Многие экономисты используют понятийный аппарат «инновация» для обозначения абстрактного новшества независимо от сферы его приложения, имеющего определенный экономический эффект. Это отечественные ученые Л. И. Абалкин, А. А. Алпатов, В. П. Бабурин, П. Л. Виленский, В. Н. Лившиц, Т. П. Прудникова, М. А. Федотова и др. и зарубежные И. Ансофф, Р. Брейли, Дж. Бэйли, Р. Келли, Т. Коллер, М. Миллер, Ф. Модильяни, Ф. Шерер, Дж. Фишмен, К. Уилсон. Однако, по нашему мнению, инновация — это есть новшество и подразумевает его конкретное внедрение. Сама идея, изобретение не являются инновациями до тех пор, пока они не нашли своего потребителя¹³.

Потребности людей в любой сфере деятельности растут опережающими темпами вместе с увеличением численности населения по сравнению с возможностями их удовлетворения. Неудовлетворенные потребности рожают конфликты. Поэтому необходимы изобретения новых способов удовлетворения этих потребностей. При этом в силу вступает закон соревнования (конкуренции). Тот, кто первым и наиболее удачно осуществил назревшую инновацию, вознаграждается сверхприбылью при технологической или экономической инновации политическим или социокультурным успехом и т. п. Следовательно, *инновации — это общеэкономическая закономерность, двигатель и побудительный мотив прогресса общества во всей его многогранности*. По своей сути инновация преследует повышение результативности, главный императив которой состоит в поиске не только новой идеи, но и ее материального обеспечения.

Электроэнергетика входит в число наиболее передовых отраслей как в России, так и в Мордовии. Рынок инноваций в области электротехники и электроэнергетики представлен рядом крупных и мелких предприятий. Их быстрый рост и высокая степень наукоемкости предполагают стабильно высокую инновационную активность, что связано, главным образом, с быстрой реконструкцией энерго мощностей в стране. В 2005 — 2009 гг. электроэнергетика имела устойчивый рост спроса на свою продукцию, поэтому большинство передовых заводов начало в этот период модернизацию¹⁴. Одновременно с этим электротехническая промышленность является одной из самых наукоемких отраслей экономики, требующая инноваций. Для активизации инновационных процессов создаются национальные инновационные системы, которые служат основой развития инновационной составляющей. Инновации позволяют повысить интенсивность развития региона, эффективно использовать механизмы получения и передачи результатов научно-технической и инновационной деятельности в его хозяйственной практике¹⁵.

Уровень спроса, сложившийся на внешнем и внутреннем рынках республики на продукцию различных отраслей промышленности, определяет перспективу их развития. Машиностроение и электроэнергетика — это отрасли, имеющие перспективы выхода на мировые рынки сбыта и нуждающиеся в повышении эффективности производственного потенциала и государственной поддержке. Инновационная политика в отношении их отличается по характеру, степени, масштабам поддержки, необходимой для обновления и модернизации производственного потенциала на основе реализации современных российских достижений науки и техники. Активная модернизация всего электроэнергетического комплекса, предусмотренная в программе развития электроэнергетики России до 2020 г., обеспечит всей энергомашиностроительной отрасли региона устойчивый рост и наличие рынков сбыта.

ОАО «Электровыпрямитель» входит в число ведущих предприятий региональной экономики и является единственным в стране производителем всей номенклатуры полупроводниковых приборов силовой электроники.

6 июля 2010 г. состоялась встреча Главы Республики Мордовия Н. И. Меркушкина с генеральным директором предприятия В. В. Чибиркиным. На ней обсуждались вопросы его развития, итоги работы в первом полугодии. По словам В. В. Чибиркина, на предприятии началось массовое промышленное производство светодиодных энергосберегающих светильников для офисов и жилых помещений на основе новых разработок ученых Мордовии.

Для этих проектов «Электровыпрямитель» готовит новые производственные мощности, технологическое оборудование, создает новые рабочие места. Будет сформирована сеть дилерских центров по реализации продукции по всей России. На встрече также были рассмотрены вопросы дальнейшего развития высокотехнологичного производства, повышения конкурентоспособности продукции, укрепления социальной сферы предприятия.

Мордовские производители с 2009 г. в полном объеме могут удовлетворять все потребности в электротехническом оборудовании, при этом успешно конкурируя между собой. Размещение заказов на заводах обеспечивает рост загрузки производственных мощностей предприятий-смежников, функционирующих в разных регионах России. Это поставщики материалов черной и цветной металлургии, производители электрокабеля и изоляционных материалов, трансформаторных масел в нефтехимии, комплектующих изделий. Однако предприятия республики, специализирующиеся на производстве энергооборудования, продолжают практику закупок у зарубежных производителей (ООО «Саранскабель-Оптика», ОАО «Электровыпрямитель»). Причем аналогичная по своему техническому уровню импортная продукция является более дорогостоящей.

Некоторые аспекты инновационного развития электротехнических предприятий региона отражены в табл. 2.

Таблица 2

Анализ инновационного развития ведущих предприятий электротехнической отрасли Мордовии

Критерий инновационного развития	ОАО «Электровыпрямитель»	ООО «Саранскабель-Оптика»	ОАО «Орбита»
Уровень инновационного развития	Высокий	Высокий	Средний
1	2	3	4
Система управления инновационным развитием	Инновационное развитие рассматривается как средство обеспечения стратегического преимущества предприятия, для которого собственно инновации являются основным видом деятельности	Инновационное развитие рассматривается как вид деятельности, продуктом которого являются конкретные научные, научно-технические и иные результаты. Они могут использоваться как основа нововведений в других отраслях	Управление инновационным развитием — последовательность характерных этапов (например, динамика уровня технологии и соответствующие ему финансовые и производственные показатели)

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Организация управления инновационным развитием	Совершенствование организации управления инновационным развитием предприятий позволяет более эффективно использовать имеющиеся ресурсы предприятия, активизировать инновационную деятельность и обеспечивать конкурентные преимущества в средне- и долгосрочной перспективе	Организация управления инновационным развитием предприятия состоит из нескольких взаимосвязанных этапов; определяется миссия предприятия на основе анализа факторов косвенного и непосредственного воздействия, ставятся долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные цели его развития	Организация управления инновационным развитием заключается в выборе стратегии инновационного развития, которая предопределяет путь инновационного развития
Факторы инновационной активности	Инновационная политика республики; денежно-кредитная политика организаций, выступающих в роли инвесторов. Реализация инновационных проектов часто связана с использованием заемных средств, что требует учета высокой степени риска подобных инвестиций; поведение потребителей, от которого во многом зависит наличие спроса на появляющиеся в результате развития инновационных отношений новшества	Инновационная политика республики; стратегии конкурирующих фирм. Значение этого фактора определяется возможностью других хозяйствующих субъектов влиять на структуру рынка, интенсивность конкурентной борьбы, корректировать получение необходимых материальных ресурсов; эффективные отношения с персоналом, широкое вовлечение его в инновационный процесс	Инновационная политика республики; финансовое положение предприятия, дающее представление о его финансовой устойчивости, степени зависимости от внешних источников финансирования инноваций, платежеспособности и, как следствие, возможности получения кредита для реализации инновационных проектов; научно-технический потенциал, характеризующий возможности предприятия в области НИОКР; производственный потенциал, характеризующий производственную базу предприятия, возможность выпускать ту или иную продукцию, производственную мощность; кадровый потенциал, определяющий уровень профессиональной квалификации персонала предприятия, необходимый для осуществления инноваций

На наш взгляд, в условиях растущей конкуренции один из путей успешного развития предприятий электротехнической отрасли Мордовии являются модернизация и расширение номенклатуры продукции. При этом, как правило, компании предстоит завоевать собственную долю рынка, занятого другими игроками. Кроме значительных денежных вливаний, грамотной, продуманной стратегии развития и высокого профессионализма рабочих и служащих для решения задач развития и модернизации производства с целью повышения конкурентоспособности предприятия в целом целесообразно выпускать качественную продукцию, способную привлечь внимание заказчиков.

При анализе структуры хозяйственно-экономического управления электроэнергетикой в 2005 — 2009 гг. были выявлены ее существенные недостатки, в том числе отмеченные на региональном уровне. К ним можно отнести следующие:

— высокий уровень монополизма при практическом отсутствии конкуренции, что лишает стимулов технического совершенствования отрасли и обеспечения экономической эффективности ее предприятий;

— жесткая зарегулированность отечественного рынка электроэнергии и мощности при чрезвычайной неразвитости конкурентных механизмов;

— недостаточный учет региональной экономической, социальной и природной специфики, а также федеративных принципов государственного устройства России, основанных на разделении властных функций между федеральными и территориальными органами.

Лишь незначительное число российских предприятий вывели свои продукты на мировые технологические рынки, не опасаясь прямой конкуренции со стороны известных концернов и соизмеряя свои желания и возможности. Однако перспективы дальнейшего продвижения изделий на мировом рынке неопределенны. Вкладывая значительные финансовые ресурсы в свое развитие, можно создать неплохой продукт, одновременно учитывая миллиардные вложения гигантов мировой электроэнергетики в подобные разработки. Поэтому ситуация коренным образом может измениться, если будет вновь введена государственная поддержка отечественных электротехнических компаний (не в форме прямого финансирования, а через современные кредитные схемы, налоговые и таможенные послабления и т. д.)¹⁶, что сейчас активно обсуждается Правительством и Государственной Думой Российской Федерации.

Говоря о рынке инноваций в области электротехнической промышленности, Мордовию следует назвать регионом инноваций. При реализации инновационной политики Правительство республики руководствуется Законом Республики Мордовия от 1 октября 2008 г. № 94-З «О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года». По данным рейтингового агентства «Эксперт РА», инновационный потенциал региона имеет устойчивую тенденцию к повышению (рис. 1).

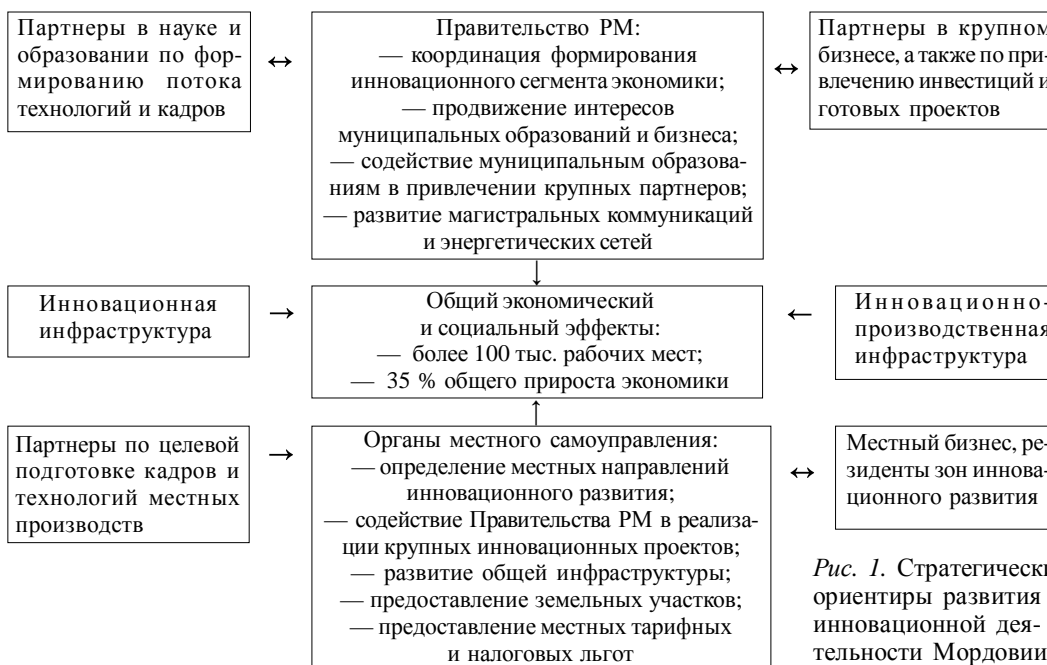

Рис. 1. Стратегические ориентиры развития инновационной деятельности Мордовии

В результате целенаправленных действий Правительства и бизнес-сообщества Мордовии была сформирована благоприятная инновационная инфраструктура, представленная региональными институтами развития: ЗПИФ «Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия»; АНО «Гарантийный фонд кредитного обеспечения Республики Мордовия»; ГУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия»; АУ «Региональный центр микрофинансирования Республики Мордовия»; Центр трансфера технологий при МГУ им. Н. П. Огарева; ЗПИФ смешанных инвестиций «Региональный фонд инвестиций в субъекты малого и среднего предпринимательства Республики Мордовия».

В соответствии с приоритетными направлениями развития науки, техники и технологий в республике осуществляется поддержка научно-инновационных проектов организаций средствами республиканского бюджета. Значительное место среди них занимают проекты крупных научных центров, в том числе МГУ им. Н. П. Огарева, ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия». Реализация данных мероприятий в Мордовии направлена на переход научно-производственного комплекса республики на инновационный путь развития (рис. 2).

Рис. 2. Схема инновационного развития Мордовии

В соответствии с распоряжением Правительства России от 12 сентября 2008 г. № 1326-р в Мордовии реализуется государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», утвержденная распоряжением Правительства России от 10 марта 2006 г. № 328-р. Среди главных целей основания технопарка выступает создание в нем соответствующих условий для реализации инновационного потенциала и коммерциализации инноваций, обеспечения спроса на них путем размещения в технопарке ведущих российских и международных компаний в сфере оптических и электронных технологий. Технопарк будет специализироваться на разработке оптических (оптические и оптико-электронные приборы, приемники оптического излучения, волоконная, нано и интегральная оптика, лазерные приборы, оптоволоконное оборудование, светотехника) и электронных (оптоэлектроника, лазерные технологии и наноструктуры, энергосберегающие технологии, электротехника, компоненты со сверххарактеристиками, АСУ) технологий, а также на создании приборов нового поколения на их основе.

В связи с реализацией проекта создания технопарка в Мордовии необходимо отметить несколько ключевых событий 2009 г., связанных с этим. Первое — подписание с Федеральным агентством «Росинформтехнологии России» соглашения о предоставлении республиканскому бюджету субсидий из федерального бюджета на развитие объектов технопарка в размере 456 979,5 тыс. руб. (средства уже поступили в бюджет республики). Второе — выкуп АУ «Технопарк-Мордовия» имущественного комплекса ВНИИИС им. А. Н. Лодыгина, на площадке которого создан «Инновационно-производственный комплекс компонентов элементной базы» (он оснащен важными инфраструктурными элементами). Третье — посещение республики официальной делегацией ГК «РоснаноТех» во главе с генеральным директором корпорации А. Б. Чубайсом. Визиту предшествовали встречи в разных форматах: плодотворная работа представителей ГК «РоснаноТех» на II Российском форуме «Российским инновациям российский капитал» и VII Ярмарке бизнес-ангелов и инноваторов, многочисленные визиты в Мордовию специалистов и руководителей с целью развития республиканских проектов в области нанотехнологий.

После тщательного изучения делегацией 24 нанотехнологических проектов предприятий и организаций региона с точки зрения научно-технической реализации, инвестиционной привлекательности и возможного экономического эффекта проект «Создание производства оптического волокна» прошел все стадии научно-технической и финансовой экспертизы в ГК «РоснаноТех», и было принято решение о его финансировании (госкорпорация выделила 44,8 % уставного капитала, средства Газпромбанка составили 50,6, Республики Мордовия — 4,6 %) ¹⁷. А. Б. Чубайс высоко оценил созданные в Мордовии условия для развития инновационных проектов, среди которых он выделил проекты ООО «Сарансккабель-Оптика», ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Орбита», ЗАО «Цветлит», успешно работающие в данном направлении. По результатам обсуждения вопросов развития nanoиндустрии в республике и направлений сотрудничества между ГК «РоснаноТех» и Республикой Мордовия утвержден протокол, в котором намечены совместные действия по продвижению в регионе инновационных нанотехнологических проектов и созданию nanoиндустрии.

В конце 2009 г. с рабочим визитом Мордовию посетили заместитель Председателя Государственной Думы Российской Федерации, президент Российского газового общества В. А. Язев и представители госкорпорации РОСНАНО. Продолжением развития инновационных проектов в сфере нанотехнологий стало участие Мордовии в октябре 2009 г. во II Международной выставке-форуме по нанотехнологиям в г. Москве, на которой республиканским опытом развития инновационной инфраструктуры заинтересовались представители других регионов. Мордовия имеет реальную возможность успешно демонстрировать наукоемкую продукцию и оборудование, устанавливать новые деловые контакты, расширять рынки сбыта своей продукции.

По словам многих руководителей республики, Мордовия является «сердцем» электротехнической промышленности России: ее доля в общем объеме продукции отрасли в 2009 г. составила 22,8 %. Сознывая возрастающее значение электротехники, генеральный директор ООО «Мордовэкспоцентр» Л. А. Агеев подчеркнул, что традиционно в Мордовии уделяется приоритетное внимание ее развитию: с 1972 г. республиканские предприятия представляют свою продукцию на выставке «Электро», а благоприятные условия работы на площадках «Экспоцентра», значительное количество контактов и заключение реальных договоров свидетельствуют

об эффективной форме продвижения продукции региона на мировой и региональные технологические рынки электротехнической продукции.

Таким образом, научно-технический прогресс, признанный важнейшим фактором экономического развития мирового масштаба, в зарубежной и отечественной литературе связывается, прежде всего, с инновационными процессами. Несмотря на объективные сложности инновационной экономики Мордовии, у региона есть определенные перспективы. Они во многом связаны с инновационным потенциалом в электротехнической отрасли. Активно содействуя его реализации, в сфере промышленности можно найти дополнительные источники ее развития и повышения конкурентоспособности на российском и международном рынках.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Аакер Д.** Стратегическое рыночное управление / пер. с англ.; под ред. Ю. Н. Каптурельского. СПб., 2007. С. 110.
- ² **Макконел К. Р., Брю С. Л.** Экономикс. М., 2003. С. 529.
- ³ **Котлер Ф.** Основы маркетинга. М., 2006. С. 344.
- ⁴ **Твисс Б.** Управление научно-техническими нововведениями. М., 2000. С. 98.
- ⁵ **Никсон Ф.** Роль руководства предприятия в обеспечении качества и надежности. М., 2005. С. 29.
- ⁶ **Шумпетер Й. А.** Теория экономического развития. М., 2006. С. 112.
- ⁷ **Агранович В. Б.** Инновации в транзитивном обществе: социально-философский анализ : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. Томск, 2007. С. 22.
- ⁸ **Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.** Современный экономический словарь. М., 1999. С. 301.
- ⁹ **Азгальдов Г. Г., Костин А. В.** Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия // Экон. стратегии. 2008. № 2. С. 162 — 164.
- ¹⁰ **Царев А. С.** Социальная инновация как универсальное начало общественного бытия // Власть / Ин-т социологии РАН. 2010. № 1. С. 64 — 66.
- ¹¹ **Лаврентьева М. В.** Программно-целевое регулирование научно-инновационной деятельности промышленных комплексов : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. Саранск, 2003. С. 44.
- ¹² **Кечемайкин В. Н.** Совершенствование управления инновационными процессами (на примере промышленных предприятий Республики Мордовия) : дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. Саранск, 2001. С. 56.
- ¹³ См.: **Абалкин Л. И.** Логика экономического роста. М., 2002. С. 95.
- ¹⁴ См.: **Осика Л. К.** Операторы коммерческого учета на рынках электроэнергии. Технология и организация деятельности. М., 2007. С. 19.
- ¹⁵ См.: **Дорошенко И. В.** Региональная экономика и размещение производительных сил. М., 2006. С. 59.
- ¹⁶ См.: **Брик А.** Путь России к процветанию в постиндустриальном мире // Вопр. экономики. 2007. № 5. С. 19 — 41.
- ¹⁷ См.: Наука и инновации [Электронный ресурс] : сайт. URL: // <http://rmeconomics.e-mordovia.ru>. (дата обращения 22.10.2010).

Поступила 10.11.2010 г.

ИСТОРИЯ

УДК 329(470.345)

Е. Н. Кемаев

E. N. Kemaev

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО АНДРЕЕВСКИЙ КУРГАН

ON ETHNOCULTURAL BELONGING OF POPULATION, WHO LEFT THE ANDREEVSKY BARROW

Ключевые слова: автохтонное население, миграция, инокультурное влияние, городецкая культура, пьяноборская культура, сарматы.

Статья посвящена проблеме этнокультурной интерпретации материалов Андреевского кургана. Приводится подробная историография данного вопроса. На основании анализа различных точек зрения автор пришел к заключению о том, что основой населения, оставившего данный памятник, явились носители традиций позднего этапа существования городецкой культуры, подвергшиеся сарматскому завоеванию.

Key words: autochthonic population, migration, influence of other culture, the Gorodetskaya culture, the Pyanoborskaya culture, the Sarmatians.

The article is devoted to the problem of ethnocultural interpretation of materials of the Andreevsky Barrow. Detailed historiography of this question is given. According to analysis of various points of view the author comes to conclusion that population, who left this monument, was based on the representatives of traditions of the late stage of the Gorodetskaya culture, who were conquered by the Sarmatians.

Андреевский курган является памятником, объективная интерпретация материалов которого крайне важна для достоверной реконструкции этнокультурных процессов, проходивших в Окско-Сурском регионе на рубеже и в начале нашей эры. Однако до настоящего времени не выработано единой, принимаемой всеми исследователями концепции происхождения и развития культуры населения, оставившего его.

Автор раскопок памятника П. Д. Степанов на основании анализа вещевого материала и характера захоронений выделил 4 культурных компонента:

1) позднегородецкий, представленный керамикой грубой, ручной лепки, без орнамента, горшковидной формы. Подчеркивалось, что аналогичная керамика в совокупности с характерным для городецких памятников Присурья пирамидальным грузилом от ткацкого стана была обнаружена на соседнем селище;

2) прикамский (точнее пьяноборский), характеризующийся наличием в вещевом материале прямоугольных пряжек, нагрудных блях, «сапожков», «уточек», «гусиных лапок»;

3) южный (сарматский), которому свойственны кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием, мелкие железные, трехперые черешковые наконечники стрел, золоченые стеклянные бусы, бронзовая чаша, бронзовый кованый котелок, фибулы «*Avcissa*»;

4) древнемордовский (впускные захоронения), отличающийся плоскими бронзовыми нагрудными застежками, бронзовыми шейными гривнами, железными и бронзовыми сьюльгами разных типов, бусами. П. Д. Степанов подчеркнул, что присутствие древнемордовского компонента дает основание рассматривать Андреевский курган как памятник самого раннего этапа формирования древнемордовской культуры типа Кошибеево-Сергач, несколько отличного от типа Селиксы¹. Данное положение представляется спорным, так как большинством современных исследователей андреевские и кошибеевские древности не расцениваются как мордовские.

В монографической публикации материалов раскопок исследователь наметил генеральную линию развития культуры рассматриваемого памятника. Он полагал, что возможно говорить о городецкой основе культуры Андреевского кургана. В качестве доказательства данного тезиса привел керамические комплексы: «В этом памятнике мы находим вещи городецкой культуры — горшки»². Далее подчеркнул, что тип захоронения и остальной вещевой материал следует рассматривать как древнемордовский. «Это были люди времен городецкой культуры, но воспринявшие и переработавшие элементы культуры ананьинских и пьяноборских племен, то есть создатели древнемордовского культурного комплекса»³. Накануне начала нашей эры в их среду вторглись конники-завоеватели (савромато-сарматский компонент) и установили свою власть. Однако пришельцы растворились в массе аборигенов. Таким образом, с точки зрения П. Д. Степанова оформилась древнемордовская племенная культура⁴.

Г. А. Архипов согласился с мнением П. Д. Степанова об истоках культуры Андреевского кургана в местной, городецкой, среде⁵. Кроме того, исследователь отметил значительное влияние сармат на финно-угорский мир⁶. В целом Андреевский курган интерпретировался им как памятник, продолжавший традиции городецкой культуры и легший в основу мордовской материальной культуры и этноса⁷.

А. Х. Халиков полагал, что данный памятник (как и исследованный им Писеральский могильник) был оставлен смешанными племенами, вобравшими в свою культуру позднепьяноборские, позднесарматские и южносибирские (тюркоязычные) черты⁸.

Ю. А. Зеленева пришел к выводу о совместном сарматско-пьяноборском проникновении в Среднее Поволжье. Общими элементами с сарматской погребальной обрядностью назвал следующие: расположение могил вокруг центральной; наличие погребений с плечиками в комплексе с меридиональной ориентировкой; деревянные конструкции в могилах; обряд положения в могилу четырех конечностей и черепа лошади (автор сослался на материалы Калиновского могильника, оговорившись, что данное явление для сармат является достаточно редким). Он привел в качестве аргумента, свидетельствующего в пользу сарматской принадлежности грунтовых погребений Андреевского кургана, местонахождение несколько южнее Староардатовского I кургана, который согласно его трактовке является типично позднесарматским. Ю. А. Зеленева отметил, что лингвисты выделили поздние сарматские заимствования в восточно-финских языках⁹. Наряду с этим исследователь придерживается

скептического мнения относительно выделения П. Д. Степановым городецкого компонента в материалах Андреевского кургана. В частности, он подчеркнул, что «наличие последнего весьма сомнительно или, по крайней мере, он очень незначителен»¹⁰.

Оригинальную интерпретацию рассматриваемых древностей привел К. А. Смирнов. Согласно его гипотезе имеются 2 самостоятельных могильника, оставленных разными группами населения и относящихся к разному времени. Один могильник образован грунтовыми погребениями, характерными для населения, в значительной степени воспринявшего сарматскую культуру (рубеж нашей эры), другой — впускными погребениями, присущими населению, которое может быть связано с городецкой культурой (I — II вв. н. э.)¹¹.

Важно отметить, что положение о разделении материалов Андреевского кургана на 2 независимых друг от друга хронологических комплекса не нашло поддержки у исследователей. Так, В. В. Гришаков на основании изучения методом кластер-анализа ожерелий бус, состоящих за редким исключением из античного импорта, успешно датированного Е. М. Алексеевой, пришел к заключению, что захоронения в могильнике на первоначально созданной насыпи производились без каких-либо перерывов в течение короткого промежутка времени. По его мнению, время функционирования памятника — середина I — начало II в. н. э.¹²

В. И. Вихляев для датировки памятника привлек вещи, широко представленные в восточных (сарматских) и западных (римских) древностях, что позволяет на основании аналогий из хорошо разработанных восточно- и западноевропейских хронологических систем выделить вещевой материал, который с уверенностью можно отнести к нескольким хронологическим отрезкам:

1) I тыс. до н. э. — оковки наконечников ножен мечей и кинжалов из цветных металлов, бронзовая италийская чаша;

2) начало нашей эры (до II в.) — кинжалы с кольцевым навершием, длинные двулезвийные мечи с прямым перекрестием без навершия, спиральные браслеты, удила с гвоздевидными и очковидными псалиями;

3) I — начало II в. н. э. — «маркоманские» пряжки, длинные пряжки с перекладиной, фигурные железные пряжки, фибулы «*Avcissa*»;

4) I и последующие вв. — пряжки с подвижным язычком; однолезвийные мечи с серповидным навершием, имеющие конические утолщения на концах;

5) II и последующие вв. — галло-римский котелок, длинные двулезвийные мечи без перекрестия и навершия, гривны с пробитой петлей и крючком, гривны с утолщением на конце крючка¹³.

Причем В. И. Вихляев отметил, что грунтовые могилы содержат материал конца I тыс. до н. э. — начала II в. н. э. Здесь нет вещей, появившихся или получивших широкое распространение во II в. н. э., что позволяет датировать совершение этих погребений I в. н. э. Во впускных погребениях не обнаружены предметы, датируемые I тыс. до н. э., но хорошо представлены предметы I — начала II в. н. э. и получившие распространение во II в. н. э. Выделяется группа погребений с датирующими вещами не позднее начала II в. н. э., что позволяет исследователю датировать впускные могилы Андреевского кургана концом I — II в. н. э.¹⁴

В. И. Вихляев полагает, что обряд грунтовых погребений имеет степное кочевническое происхождение. Его такие элементы, как наличие насыпи, большие прямоугольные могильные ямы, обкладка их стенок и дна деревом, сооружение в могилах

помостов и плечиков, помещение в них черепов и чучел лошадей, имеют аналогии в сарматской культуре. Кроме того, сам уровень общественного развития населения, оставившего данный памятник (четко прослеживаемое социальное расслоение — погребения военных вождей, зависимого населения), более соответствует уровню развития сармат первых веков нашей эры, чем местных племен данного и последующего раннемордовского времени¹⁵. Вместе с тем исследователь указал, что пришельцы-кочевники в Сурско-Волжско-Свияжском междуречье столкнулись с носителями местных финно-угорских культур — городецкой и прикамского облика (пьяноборской?), вследствие чего погребальный обряд изменился (переход к погребениям в простых могильных ямах в грунтовом могильнике с наметившейся рядовой планировкой) под воздействием населения с культурой прикамского облика, а в керамическом комплексе продолжали преобладать традиции городецких племен. В костюме, по его мнению, отразились особенности обеих групп¹⁶.

Соглашаясь с А. Х. Халиковым, объединившим андреевские и писеральские древности в один тип памятников, В. И. Вихляев полагает, что возможно выделение особой андреевской археологической культуры в Среднем Поволжье, к которой, по его мнению, наряду с вышеобозначенными памятниками относятся Андреевское селище, Писеральские и Климкинские курганы, близок по культурному облику Староардатовский курган, ряд памятников междуречья Суры и Свияги¹⁷.

С. Э. Зубов пришел к заключению, что, несмотря на кажущееся обилие доводов в пользу присутствия сарматского компонента в памятниках андреевско-писеральского типа, эта версия аргументирована исследователями довольно слабо, генетическая связь городецкой культуры с обозначенными погребальными комплексами вообще декларативна. Пьяноборский компонент достаточно четко обозначен в отдельных категориях погребального инвентаря, но не в погребальной обрядности¹⁸.

Согласно его точке зрения рассматриваемые памятники оставлены исключительно пришлым населением, которое никоим образом генетически не связано с местными (городецкими) племенами, поэтому наличие керамики местного производства в погребальных комплексах Андреевского кургана интерпретируется им как результат завоевания и использования ее для своих нужд¹⁹.

С. Э. Зубов отметил близость погребального обряда Андреевского кургана с обрядом Кипчаковского курганно-грунтового могильника, исследованного им на р. Сюнь в Приуралье. По его мнению, Кипчаковский могильник принадлежал пьяноборским племенам, в среду которых влилась небольшая группа зауральского угорского (горохово-саргатского) населения²⁰.

Автор изложил собственное видение происхождения культуры населения, оставившего памятники андреевско-писеральского типа, в форме гипотезы «военного выплеска», когда родоплеменная верхушка не давала возможности молодым воинам занять подобающее положение в обществе. Объединившись вокруг удачливого предводителя в военный отряд, такая группа воинов отправлялась на завоевание своей территории. При удачном стечении обстоятельств эта дружина занимала главенствующее положение на завоеванной территории. С собой они приносили оружие и традиции погребальной обрядности, все остальное получали от завоеванного населения, в том числе жен и наложниц. Будучи малочисленными по отношению к местному населению, завоеватели достаточно быстро растворялись в местной среде²¹.

Однако налицо противоречие. Представляется, что процесс ассимиляции пришедшего населения не мог быть одномоментным. Подобного рода явления, как правило, происходят постепенно и носят длительный характер. Преобладающее местное население не могло не привнести свои элементы в погребальную обрядность, что в рассматриваемом памятнике выразилось в керамических комплексах, соотносимых с городецкими.

В. В. Гришаков указал на близость материалов основных погребений Андреевского кургана и захоронения в Староардатовском I кургане. В качестве аргументов он привел погребальный обряд, имеющий, по мнению исследователя, сарматский облик; набор вооружения (своеобразные наконечники копий с длинной втулкой и коротким широколезвийным пером, двулезвийные мечи, кинжалы с кольцевым навершием, трехлопастные наконечники стрел); поясные наборы, изготовление которых было связано с единым культурным очагом, предположительно относимым исследователем к пьяноборскому миру²².

Староардатовское погребение и центральная могила 25 Андреевского кургана интерпретируются им как фиксирующие начало проникновения принципиально нового населения в местную позднегородецкую среду. Материалы остальных основных погребений Андреевского, как и Писеральских и Климкинских курганов, отражают следующий этап данного процесса, характеризующий взаимодействие пришедшего и местного населения²³.

Касаясь проблемы этнокультурного и социального состава пришельцев, а также характера их миграции, В. В. Гришаков соглашается с позицией С. Э. Зубова о вероятном участии зауральского (саргатского) компонента, усложненного пьяноборским, в формировании памятников андреевско-писеральского горизонта²⁴.

Г. И. Матвеева занимает принципиальную позицию, суть которой заключается в отрицании участия сарматского компонента в формировании культуры Андреевского кургана. В частности, исследователь полагает, что могилы грунтовых погребений рассматриваемого памятника отличаются от сарматских по форме и размерам. Так, среди них нет таких характерных для ранне- и среднесарматского времени типов могил, как подбойные и квадратные с диагональным положением погребенных. Запечки в сарматских погребениях встречаются довольно редко (могилы с ними составляют не более 4 %) и, как правило, имеют конструктивное назначение в качестве опоры перекрытий. Однако запечки, обнаруженные в могилах 25 и 50 Андреевского кургана, по наблюдению П. Д. Степанова, не имели твердых перекрытий и были сразу засыпаны землей²⁵.

Грунтовые могилы Андреевского кургана имели мощную деревянную обкладку стенок, а в сарматских погребениях дерево чаще всего применялось для перекрытий и лишь в широких, особенно в квадратных могилах с диагональным положением погребенных, стенки облицовывались деревом. Погребенные в грунтовых могилах были ориентированы головами на север или северо-восток, что совершенно не характерно для ранне- и среднесарматских погребений, имеющих южную ориентировку, иногда с отклонениями на восток или запад. В Андреевском кургане не отмечен также культ огня, обычный для сарматских погребений²⁶.

Г. И. Матвеева оспаривает сарматскую атрибуцию наличия в могилах черепов, костей конечностей и возможно шкур лошадей. Она отмечает, что в сарматских погребениях в качестве напутственной пищи встречаются только куски мяса овцы или

лошади. Черепа вместе с костями конечностей не найдены ни в одном сарматском погребении. Наиболее ранней аналогией, по мнению автора, являются ритуальные захоронения черепов и конечностей лошадей не в сарматских могильниках, а в почвенном слое между могилами пьяноборского Камышлы-Тамакского могильника²⁷.

Кроме того, Г. И. Матвеева указывает, что височные проволочные подвески из Андреевского кургана имеют от 3 — 5 оборотов до 14 и более, а сарматские — 1,5 — 2,0 оборота. Немногочисленны, по ее мнению, и типично сарматские предметы вооружения, «их не более, чем в любом пьяноборском могильнике»²⁸.

Обычай ношения человеческих челюстей в качестве трофея характерен для пьяноборских памятников Южного Приуралья (Кипчаковский могильник, Серенькино городище). В Кипчаковском курганно-грунтовом могильнике исследователь видит истоки появления курганного обряда в Окско-Сурском регионе. Это объясняется влиянием гафурийских племен, знавших подобную форму погребальной обрядности с IV — I вв. до н. э. Роднит, по мнению автора, Андреевский курган с пьяноборскими могильниками преобладание северной, северо-восточной и восточной ориентировки погребенных в совокупности с их противоположной ориентировкой, а также наличием большого количества украшений и предметов одежды пьяноборского типа²⁹.

Г. И. Матвеева приводит большое количество аналогий в вещевом материале Андреевского кургана и латенизированных культурах Центральной и Восточной Европы раннеримского времени: однолезвийные мечи с рукоятями, имеющими навершие в виде рожек с коническим утолщением на концах; копья с ребристым листовидным пером и длинной втулкой; двушипные железные наконечники стрел; железные наральники (погребение 50); «маркоманские» пряжки; фибулы «*Avcissa*»; бронзовая италийская чаша; галло-римский котелок. Эти материалы, по мнению автора, свидетельствуют об участии в генезисе культуры населения, оставившего Андреевский курган, «людей центральноевропейского происхождения»³⁰.

В итоге Г. И. Матвеева пришла к выводу об основной роли пьяноборского компонента в формировании культуры памятников андреевско-писеральского типа. Кроме того, она отметила отсутствие в вещевых комплексах рассматриваемого памятника вещей зауральского происхождения, отрицая тем самым участие саргатско-гороховского населения в этнокультурных процессах междуречья Суры и Волги начала нашей эры³¹.

Последней по времени работой, посвященной проблеме этнокультурной интерпретации материалов памятников писеральско-андреевского типа, является монографическое исследование В. В. Гришакова и С. Э. Зубова³².

Исследователи полагают, что население, оставившее вышеобозначенный круг памятников, было сформировано на основе двух компонентов: местного и пришлого. Ведущим, определяющим компонентом они назвали пришлый зауральский, привнесенный мигрантами-завоевателями. Авторы подчеркнули, что в связи с этим особое внимание следует уделить не столько вещевому инвентарю, сколько элементам погребальной обрядности, аналогии которым они видят в памятниках зауральских культур раннего железного века³³.

По мнению ученых, местный финно-угорский компонент был сформирован на основе позднеродецких и позднепьяноборских племен. Исследователи указали, что наличие некоторых категорий материальной культуры, принципиально иная погребаль-

ная обрядность позволяют рассматривать население городецкой культуры лишь в качестве зависимого, завоеванного³⁴. Поэтому местный компонент поработанного автохтонного населения расценивается как вторичный³⁵.

Об участии пьяноборских племен, по мнению исследователей, свидетельствуют появившийся погребальный обряд ингумации с преимущественно северной и восточной ориентировкой, реже южной, а также многочисленность украшений пьяноборского облика в женских погребениях и близкого к пьяноборскому — комплекса вооружения в мужских погребениях. Авторы подчеркнули, что рассматриваемое население с пьяноборскими племенами находилось в тесной связи, однако отсутствие многих этнодиагностирующих признаков собственно пьяноборской культуры не дает оснований напрямую связывать памятники писеральско-андреевского типа с пьяноборскими в контексте этнического единства³⁶. В данном случае неясным остается характер связи и, следовательно, механизм распространения прикамского погребального обряда.

В. В. Гришаков и С. Э. Зубов придерживаются скептического мнения относительно выделения в материалах Андреевского кургана сарматского этнокультурного компонента. Ученые отметили, что не все из признаков, расценивавшихся ранее исследователями как сарматские, можно связывать именно с сарматской культурой. Они, с одной стороны, не характерны для нее самой, с другой — встречаются за пределами данной культуры. Вследствие этого признаки не представляют надежный источник для этнокультурных параллелей³⁷. Авторы сослались на позицию А. Х. Халикова, заключающуюся в том, что население, оставившее памятники писеральско-андреевского типа, «находилось в связи с сарматами, но не было ими»³⁸.

Отстаивая теорию «малых миграций», В. В. Гришаков и С. Э. Зубов изложили следующее видение течения этнокультурных процессов на территории Западного Поволжья: согласно их теории материалы Андреевского и Староардатовского курганов свидетельствуют о вторжении в регион военизированной группы зауральского населения. Причем таких миграционных военных «выплесков» незначительных в количественном отношении групп чужеродного населения на территорию рассматриваемого региона было несколько. Свидетельством тому являются Писеральский и Климкинский курганные могильники. Хронологическая дистанция между двумя группами памятников и некоторые отличия в погребальной обрядности позволяют, по мнению исследователей, рассматривать, как минимум, два вектора событийного развития³⁹.

В первом случае можно предположить, что Писеральско-Климкинская группа памятников является прямой этнокультурной преемницей Андреевско-Староардатовской группы, население которой мигрировало на север. В данном контексте более уместно пользоваться термином, впервые введенным в научный оборот А. Х. Халиковым, — «писеральско-андреевский тип», объединяющим вышеназванные памятники в единую систему⁴⁰.

Во втором случае Андреевско-Староардатовская и Писеральско-Климкинская группы памятников оставлены двумя отдельными по времени миграционными группами, родственными в определенном смысле и вышедшими из территориально близких мест первоначального проживания. В данном контексте правомерно говорить о существовании двух культурно-хронологических горизонтов: Андреевка — Староардатово и Писералы — Климкино⁴¹.

Богатые и самобытные материалы Андреевского кургана продолжают оставаться предметом дискуссии. Каждый исследователь выступает со своей, отличной от других, точкой зрения на роль участия различных компонентов в этнокультурных процессах, результатом которых явилось сложение населения, оставившего рассматриваемый памятник.

Прежде всего, необходимо отметить, что положение, безапелляционно отрицающее участие сарматского компонента в генезисе культуры андреевского населения, которое в последних работах приобретает характер тенденции, представляется спорным. Вопрос об исходной прародине и этнокультурной принадлежности пришлого населения еще далек от однозначного разрешения. Те или иные варианты видения данной проблематики в настоящее время можно рассматривать лишь в качестве рабочих гипотез, перспективных для дальнейшей работы.

В частности, такие элементы погребальной обрядности, как наличие курганной насыпи, расположение могил вокруг центральной, являются типичными для сарматской культуры. Тот факт, что курганный обряд захоронения и иерархическая планировка погребений отмечены и в других культурах⁴², ни коим образом не может свидетельствовать против их сарматской атрибуции в андреевских материалах. Кроме того, совершение захоронений в насыпях уже существовавших курганов — также отличительная сарматская черта⁴³.

Невозможно согласиться с положением Г. И. Матвеевой о том, что северная ориентировка была совершенно не характерна для сарматских погребений. Так, А. В. Симоненко отметил, что в Северном Причерноморье на среднесарматском этапе, датируемом им I — серединой II в. н. э., отличительной чертой памятников является практика впускных захоронений в подпрямоугольных ямах с ориентацией в северном полукруге⁴⁴. Данное явление исследователи объясняют инокультурным влиянием⁴⁵.

Отсутствие диагонального положения погребенных, облицовка стенок могил деревом при отсутствии перекрытий и иные детали погребальной обрядности, в целом не типичные для суловской культуры, также могут найти свое объяснение. Так, сарматы занимали огромную территорию. Их общность включала большое количество племенных союзов, обладавших своими специфическими чертами погребальной обрядности и материальной культуры. Сарматский мир объективно не мог быть однородным. Наряду с этим нельзя упускать из внимания то обстоятельство, что если пришлые конники-завоеватели, оставившие свои захоронения в Андреевском кургане, принадлежали к сарматскому миру, то они прожили определенное время вдали от центра своей культуры в иноплеменном, пусть и подчиненном, окружении, что не могло не отразиться на их материальной и духовной культуре.

По замечанию Г. А. Архипова, любая археологическая культура имеет центр своего развития, где наиболее ярко проявляются ее характерные черты. Чем дальше граница культуры от центра, тем больше вероятность отличия некоторых ее особенностей в силу слабой связи этой культуры с центром или в силу воздействия на нее других культур, соседствовавших с ней. Последнее нередко играло решающую роль, и мы видим на периферии смешанную культуру. Как правило, на периферии, в зоне контакта возникала новая культура, впитавшая в себя элементы этих культур⁴⁶.

Многие образцы вооружения, особенно ранних погребений рассматриваемого памятника, могут быть соотнесены с сарматскими. Прежде всего, это двулезвийные

мечи с прямым перекрестием без навершия, кинжалы с кольцевым навершием, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел⁴⁷.

Кроме того, кольчуги, обнаруженные в 25/1 и 50 погребениях, вероятно, восходят к сарматской культуре. А. М. Хазанов высказал предположение о постепенном распространении кольчуги в первых веках нашей эры и вытеснении ею комбинированного доспеха у сармат⁴⁸. М. Г. Мошкова отметила, что письменные источники свидетельствуют о широком распространении доспехов среди сарматских вождей и знати, а причиной крайне редкой встречаемости подобного рода материалов в погребениях назвала их дороговизну⁴⁹.

Специфика видового набора вооружений (большое количество наконечников копий и дротиков, наличие прямого однолезвийного клинкового оружия) при немногочисленности типично сарматских образцов находит объяснение в удаленности рассматриваемого памятника от исконной сарматской территории, сарматских производственных центров.

Тот факт, что черепа и кости конечностей лошади не обнаружены в сарматских погребениях, не может однозначно опровергать сарматскую атрибуцию грунтовых погребений Андреевского кургана. Так, в разграбленной могиле одного из Калиновских курганов в центре могильной ямы были обнаружены 2 черепа и отдельные кости лошади⁵⁰. Данный факт позволяет сделать предположение о том, что культ коня не был чужд для сармат как кочевого народа по своему хозяйственному укладу, основной военной мощью которого являлась на рассматриваемом хронологическом отрезке тяжеловооруженная конница⁵¹.

Противники сарматской атрибуции приводят аналогии из пьяноборских памятников, возводя данное явление к влиянию зауральского населения. Однако существенным отличием следует признать тот факт, что в могильниках пьяноборцев кости животных обнаружены в межмогильном пространстве либо в почвенном слое над погребением⁵², а в Андреевском кургане — внутри погребальных комплексов.

В связи с этим важно упомянуть, что такая деталь конского снаряжения, как железные удила, снабженные бронзовыми псалями, представлявшими собой короткий стержень в виде русской буквы «В», к которому с двух сторон припаяно по овальному кольцу из круглого в сечении бронзового дрота, инкрустированные прямоугольными бронзовыми пластинками и обнаруженные в Никольском могильнике, имеют единственное сходство с железными «очковидными» псалями из Андреевского кургана⁵³.

Относительно набора украшений у сарматских племен необходимо отметить, что он во многом определялся составом этой продукции в городах Северного Причерноморья⁵⁴. Поэтому височные кольца, обнаруженные в Андреевском кургане, отличные, по мнению Г. И. Матвеевой, от материалов сусловской культуры, не опровергают сарматское присутствие, поскольку для последних данная категория украшений не являлась этномаркирующей, как, например, спиралевидная привеска с бипирамидальным грузиком для мордвы.

Наиболее вероятным путем проникновения вещевого материала западного происхождения, находящего аналогии в латенизированных культурах, следует считать не миграцию центральноевропейского населения, механизм которой представляется крайне непростым для обоснования, а проникновение посредством кочевников

сармат, с которыми этнически родственная им господствующая часть андреевского населения имела торговые контакты. Бесспорным является факт, что степная полоса, занимаемая кочевыми племенами сармат, представляла собой магистраль перемещения вещей, происхождение которых может восходить от италийских мастерских до производственных центров Средней Азии.

В составе андреевского населения, видимо, численно преобладали носители традиций финно-угорской культуры, а точнее позднего этапа существования городецкой культуры. Убедительным свидетельством данному положению выступают керамические комплексы. Отрицание С. Э. Зубовым роли керамики в реконструкции этногенетических процессов не может быть признано обоснованным, учитывая ее ритуальный характер и успешную практику привлечения данного рода материалов исследователями⁵⁵.

Керамика Андреевского кургана наиболее близка по аналогии к гладкостенным городецким сосудам. На это обращали внимание П. Д. Степанов, В. В. Гришаков, В. И. Вихляев. Последним было продемонстрировано сходство форм тулова, типов венчиков и днищ на конкретном материале Теньгушевского городища⁵⁶.

Пришлое сарматское население было представлено воинами (все грунтовые погребения за исключением одного — мужские), которые объективно не могли быть носителями своих племенных керамических традиций. Они были вынуждены использовать сосуды местного производства даже в ритуальных целях. Именно поэтому в Андреевском кургане не были представлены характерные для сарматской культуры сосуды с узким дном и «раздутыми» плечиками; сосуды с высоким, расширяющимся сверху или прямым горлом; кувшины и кружкообразные сосуды с петлевидными ручками.

Факт военного завоевания и последовавшего за ним взаимного влияния пришлого кочевого и преобладавшего количественно автохтонного населения обусловил постепенное смешение культурных традиций. Отсюда вытекают и отсутствие псевдорогожной техники изготовления керамики, и существенные различия с сарматской погребальной обрядностью, прогрессирующие в течение времени.

Имеются основания полагать, что выходцы из Прикамья не могли выступать в качестве основы населения, оставившего Андреевский курган, по причине того, что в материалах не представлены круглодонные сосуды. Вообще для пьяноборских древностей помещение сосудов в погребения не характерно и отмечается в единичных случаях. «Принципиально разный подход в изготовлении керамической посуды»⁵⁷ является вполне справедливым и важным в вопросе достоверной реконструкции этнокультурных процессов в рассматриваемом регионе. В писеральско-андреевских погребальных комплексах она представлена плоскодонными горшками и банками с примесью шамота, изредка украшенными по венчику защипами или насечками. Пьяноборской культуре свойственна достаточно стандартизированная, в подавляющем большинстве круглодонная керамика с примесями речной раковины и украшенная чаще всего пояском ямок по шейке горшка⁵⁸. Если различия в составе керамического теста могли обуславливаться наличием ресурсов на месте изготовления, то расхождения в форме сосудов и технике отделки венчиков носят принципиальный характер.

Наличие прикамского импульса признается всеми исследователями, и это положение не вызывает сомнений. Однако представляется, что все ограничивалось

влиянием центра производства металлических изделий, которое прослеживается на очень широкой территории. Полная смена погребальной обрядности не может быть следствием территориальной близости, экономических контактов или притока части населения в позднегородецкую среду. Подобные изменения в такой консервативной сфере культуры древних племен необходимо объяснять либо ассимиляцией, либо сменой религиозных представлений. Есть основания полагать, что появление грунтовых погребений у местных (городецких) племен может найти объяснение в повышении значения производящего хозяйства и соответственно земледельческих культов в религиозной системе (земля стала восприниматься местом посмертного перерождения)⁵⁹, что было усилено сарматским завоеванием, подчинением племенам, издавна практиковавшим обряд ингумации.

В связи с этим необходимо отметить, что северная и северо-восточная ориентировки, так широко представленные в погребениях Андреевского кургана и, как правило, связываемые исследователями с влиянием пьяноборского мира, вполне могут найти свое объяснение во внутреннем развитии культуры наследников позднегородецких традиций. То или иное положение погребенного относительно сторон света имело сакральный смысл для древнего населения, поэтому вполне возможно возводить истоки данного явления к архаичным верованиям, корни которых были общими для всего финно-угорского мира. Косвенным подтверждением данной гипотезы может быть названо широкое бытование северных ориентировок в среде финно-угорских племен на протяжении длительного времени.

Альтернативной версией может выступать предположение о том, что сарматы прошли через территорию, занятую пьяноборскими племенами, и частично вовлекли в процесс миграции местное население. В данном случае на территорию позднегородецкого населения вторглись уже не сарматы как таковые, а этнически неоднородное население с преобладанием сарматоидного компонента. При подобном варианте развития событий находят объяснение специфические черты ранних погребений в Андреевском кургане, в целом не характерные для суловской культуры и в чем-то близкие пьяноборской (прежде всего, преобладание северной и северо-восточной ориентировок погребенных).

С данным предположением во многом согласуется тот факт, что исследователи отмечают снижение количества сарматских памятников в Южном Приуралье в среднесарматский период, т. е. на интересующем нас хронологическом отрезке⁶⁰. В свете того, что в начале новой эры почвенно-ландшафтные условия в более южных районах (Прикаспии) изменились в худшую сторону в отличие от условий более дренированных возвышенных равнин Волго-Донского междуречья, Саратовского Заволжья, долины Волги⁶¹, вектор миграции сарматских племен с высокой долей вероятности может быть намечен именно в направлении рассматриваемого нами региона.

Относительно участия зауральского населения в этнокультурных процессах Окско-Сурского региона необходимо сказать, что в погребальной обрядности Андреевского кургана не прослеживаются такие элементы, как ровики вокруг кургана, «шатровые» надмогильные конструкции, перекрытие могильной ямы поперечным накатом из бревен, причем последнее было отмечено также во впускных саргатских погребениях⁶², что позволяет усомниться в этом процессе носителей традиций саргатской культуры.

В монографии В. В. Гришакова и С. Э. Зубова со ссылкой на исследование Н. П. Матвеевой отмечается, что в присутствии иранских элементов в этнокультурной составляющей саргатской общности, даже возможном их преобладании, «многими исследователями усматривается сарматский компонент в памятниках писеральско-андреевского типа»⁶³. Однако более вероятно, что аналогии рассматриваемых древностей в саргатской культуре находят объяснение не в прямом этническом контакте с зауральским населением, а в участии ираноязычного компонента в этнокультурных процессах на территории, занимаемой саргатской общностью.

Следует упомянуть, что исследователи западносибирских древностей указывают, что ряд приемов погребальных конструкций с использованием дерева не был результатом внутреннего развития культуры автохтонного населения, а явился следствием внешнего влияния со стороны ираноязычного мира. В частности, Л. Н. Корякова пришла к выводу, что проникновение ираноязычных групп, вероятно, сопровождалось установлением на первых порах даннической зависимости саргатского населения, а затем формированием аристократии, ведшей свою генеалогию от южных кочевников, представителей которой хоронили в «шатровых» курганах. Дальнейшая интеграция кочевых групп в состав основной массы западносибирских племен привела к трансформации такого обряда, как шатровые конструкции, которые были первоначально полыми, высокими, а со временем стали ниже и в самых поздних вариантах представляют собой горизонтальные платформы или многослойные перекрытия из бревен, жердей, хвороста и травы⁶⁴.

Таким образом, Андреевский курган является памятником, материалы которого зафиксировали военное завоевание сарматами части Сурско-Свияжского региона, населявшего носителями традиций позднего этапа существования городищской культуры. В иноплеменном, численно преобладавшем окружении, вдали от ядра сусловской общности пришельцы постепенно утратили свою культурную традицию. В результате произошло сложение качественно иного населения с самобытной и богатой материальной культурой, впоследствии принявшего участие в этнокультурных процессах Окско-Сурского междуречья.

Библиографические ссылки

¹ См.: Степанов П. Д. Андреевский курган // Этногенез мордовского народа : материалы науч. сессии. 8 — 10 дек. 1964 г. Саранск, 1965. С. 50 — 51.

² Степанов П. Д. Андреевский курган : К истории мордов. племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980. С. 46 — 47.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же.

⁵ См.: Архипов Г. А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976. С. 95.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ См.: Халиков А. Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. Йошкар-Ола, 1987. С. 15 — 22. (Археология и этнография Марийского края ; вып. 12).

⁹ См.: Зеленец Ю. А. Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988. С. 81 — 82. (Археология и этнография Марийского края ; вып. 14).

¹⁰ Там же. С. 84.

- ¹¹ См.: **Смирнов К. А.** О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья : материалы науч. конф. Пенза, 1992. С. 6.
- ¹² См.: **Гришаков В. В.** Некоторые аспекты датирования Андреевского кургана в Нижнем Посурье (на примере бус) // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности : материалы науч. конф. Саранск, 1999. С. 30 — 36.
- ¹³ См.: **Вихляев В. И.** Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. С. 43 — 45.
- ¹⁴ Там же. С. 45 — 46.
- ¹⁵ Там же. С. 51.
- ¹⁶ Там же. С. 52 — 57.
- ¹⁷ Там же. С. 43.
- ¹⁸ См.: **Зубов С. Э.** К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П. Д. Степанова... С. 46.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 47 — 48.
- ²¹ Там же. С. 49.
- ²² См.: **Гришаков В. В.** Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск, 2000. Вып. 2. С. 52.
- ²³ Там же. С. 53.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: **Матвеева Г. И.** К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология Восточноевропейской лесостепи : материалы науч. конф. Пенза, 2003. С. 287 — 288.
- ²⁶ Там же. С. 288.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 291.
- ³⁰ Там же. С. 290.
- ³¹ Там же. С. 292.
- ³² См.: **Гришаков В. В., Зубов С. Э.** Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009. 173 с.
- ³³ Там же. С. 92.
- ³⁴ Там же. С. 74.
- ³⁵ Там же. С. 92.
- ³⁶ Там же. С. 84.
- ³⁷ Там же. С. 76.
- ³⁸ Там же. С. 84.
- ³⁹ Там же. С. 92 — 93.
- ⁴⁰ Там же. С. 93.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: **Мошкова М. Г.** Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 177.
- ⁴⁴ См.: **Симоненко А. В.** Северное Причерноморье в системе сарматской культурно-исторической общности // Проблемы истории и культуры сарматов : материалы науч. конф. Волгоград, 1994. С. 16.
- ⁴⁵ См.: **Мошкова М. Г.** Указ. соч. С. 179.
- ⁴⁶ См.: **Архипов Г. А.** Указ. соч. С. 105.
- ⁴⁷ См.: **Хазанов А. М.** Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 10, 19, 37.
- ⁴⁸ Там же. С. 61.
- ⁴⁹ См.: **Мошкова М. Г.** Указ. соч. С. 185.
- ⁵⁰ Там же. С. 179.

- ⁵¹ См.: Хазанов А. М. Указ соч. С. 92.
⁵² См.: Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С. 15.
⁵³ См.: Мошкова М. Г. Указ. соч. С. 186.
⁵⁴ Там же. С. 190.
⁵⁵ См.: Гришаков В. В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993. 196 с.
⁵⁶ См.: Вихляев В. И. Указ. соч. С. 55 — 57.
⁵⁷ Гришаков В. В., Зубов С. Э. Указ. соч. С. 84.
⁵⁸ Там же. С. 85.
⁵⁹ См.: Кызласов И. Л. Мировоззренческая основа погребального обряда // Рос. археология. 1993. № 1. С. 98 — 112.
⁶⁰ См.: Мошкова М. Г. Указ. соч. С. 177.
⁶¹ См.: Демкин В. А. Почвенно-ландшафтные условия Нижнего Поволжья и Южного Урала в сарматское время // Проблемы истории и культуры сарматов. С. 76.
⁶² См.: Могильников В. А. Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 299.
⁶³ Гришаков В. В., Зубов С. Э. Указ. соч. С. 86 — 87.
⁶⁴ См.: Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988. С. 157.

Поступила 01.11.2010 г.

УДК 94(470.345)

В. А. Юрченков
V. A. Yurchenkov

СРАЖЕНИЕ НА ЛИСТАНИ В 1444 г.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

BATTLE AT THE LISTANI IN 1444: HISTORIOGRAPHICAL TRADITION AND THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION

Ключевые слова: сражение, мордва, мордовские князья, татары, царевич Мустафа, московские воеводы, рязанцы, военно-политическая история.

В статье анализируется сражение на Листани в 1444 г., в ходе которого действиями русских войск в союзе с мордвой был разбит и уничтожен татарский отряд во главе с царевичем Мустафой. Предпринимается попытка на основе сопоставления историографической традиции с летописными свидетельствами реконструировать события 1443 — 1445 гг. и определить их место в истории мордовского народа и края.

Key words: battle, the Mordvins, Mordovian princes, the Tatars, Mustafa the Prince, the Moscow governors, the Ryazanians, military and political history.

The battle at the Listani in 1444 where Russian troops together with the Mordvins defeated and annihilated the Tatar detachment headed by Mustafa the Prince is analyzed in the article. On basis of comparison of historiographical tradition with annalistic evidences the attempt to reconstruct events of 1443 — 1445 and to determine their place in the history of Mordovian people and the land is made.

Сражение на Листани в 1444 г. при всей его проработке в историографии, видимо, является одной из недооцененных страниц в истории народов формировавшегося Российского государства. В результате битва оказалась на периферии военно-политической истории и рассматривалась чаще всего как региональное явление.

Об этом сражении написано сравнительно немного. Краткий историографический обзор следует начать с **В. Н. Татищева**, который выделил ряд принципиальных моментов в ходе битвы. Он попытался свести воедино данные летописей и составить связный рассказ о тех событиях¹. Историк подчеркнул ключевые, по его мнению, обстоятельства в развитии ситуации: «Мустафа на Рязань. Полон продал. Просит пристанища. Войска на Мустафу. Мордва на нартах. Татары побиты. Мустафа убит. Лыков»². Он наметил основные элементы в ходе битвы, указал на значение природных факторов и т. п. Касаясь роли мордвы, обратил внимание на ее приход «на нартах с сулицами, и с рогатинами, и с саблями»³.

Первый русский историк и последний летописец **Н. М. Карамзин** при характеристике 1444 г. почти дословно повторил слова Никоновской летописи о нашествии царевича Мустафы. Стоит отметить интересный момент — в его трактовке Рязанское княжество фактически отсутствует. Он вел речь о вступлении Мустафы в Рязанскую область, спасая которую великий московский князь «Василий послал Князя Оболенского с Московскою дружиною и с Мордвою выгнать Царевича из наших пределов»⁴. Иными словами, в понимании Н. М. Карамзина московское войско защищало собственные пределы, и в этом принимала участие подчиненная великому московскому князю мордва, иначе он не мог бы послать ее вместе с войском князя Василия Оболенского. Историк, описывая битву на Листани, указал на то, что удар по войску Мустафы наносился с двух сторон: «С одной стороны наступали на него Воеводы Московские с конницею и пехотою, вооруженною *ослопами* или палицами, топорами и рогатинами; с другой Рязанские *Козаки* и Мордва на лыжах, с сулицами, копьями и саблями»⁵. Исследователь подчеркнул ожесточенность боя и мужество татарских воинов: «Никогда Татары не изъявляли превосходнейшего мужества: одушевленные словами и примером начальника, резались как иступленные и бросались грудью на копьа. Мустафа пал Героем, доказав, что кровь Чингисова и Тамерлана еще не совсем застыла в сердце Монголов; другие также легли на месте; пленниками были одни раненные»⁶. Он отметил также подчеркнуто уважительное отношение русских воинов к противнику: «...И победители, к чести своей, завидовали славе побежденных»⁷. В исследовании Н. М. Карамзин обратил внимание и на последствия битвы на Листани в 1444 г., когда «через несколько времени Татары Золотой Орды — желая, как вероятно, отомстить за Мустафу — воевали области Рязанские и Мордовские; но не сделали ничего важного»⁸.

С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», следуя за летописью, фактически повторил рассказ Н. М. Карамзина. Однако в отличие от «нашего последнего летописца» ход боя у него представлен несколько иначе: «Несчастные татары, полузамерзшие, бесконные, не могшие владеть луками по причине сильного вихря, должны были выдержать нападение с трех сторон: от воевод московских, от мордвы и от казаков рязанских, которые упоминаются тут в первый раз»⁹. Исследователь акцентировал внимание на тройственности удара, который наносился, по его мнению, с трех сторон (Н. М. Карамзин, как отмечено, полагал, что наступление на татар шло с двух сторон). С. М. Соловьев также подчеркнул ожесточенность боя:

«Татары резались крепко, по выражению летописца, живыми в руки не давались и были сломлены только превосходным числом неприятелей...»¹⁰. На последний момент он указал практически первым в историографии, хотя это утверждение не было подкреплено фактическими данными и, по сути, носило гипотетический характер. Наконец, исследователь отметил роль природного фактора в ситуации 1444 г.: «...Зима была лютая, с большими снегами и сильными вьюгами»¹¹. Татарские воины были полузамерзшими и не могли «владеть луками по причине сильного вихря»¹².

При рассмотрении битвы на Листани в 1444 г. в российской историографии особо следует отметить написанную в 1858 г. «Историю Рязанского княжества» **Д. И. Иловайского**, который, повторяя рассказ своих предшественников, попытался совместить их подходы. Он также обратил внимание читателя на жесточенность битвы, значение природного фактора и т. п. Однако в работе исследователя появился принципиально новый момент. Д. И. Иловайский исходил в своих штудиях не только из летописного материала и сочинений своих предшественников, но и из личных наблюдений. Так, описывая битву, он четко представил место ее проведения: «Рязанцы выслали царевича из Переяславля, и он, кое-как укрепившись на берегу Листани, верстах в десяти от города, приготовился к отчаянной обороне»¹³. И далее: «В устье речки Листани, имя которой прославлено геройской защитой царевича Мустафы... возвышается огромный курган, на котором укрепились татары, но он совершенно закрыт густым лесом»¹⁴. В сноске Д. И. Иловайский указал: «Место около кургана представляет теперь собой чистое поле, но в окрестностях все еще слывет под именем „чащи“»¹⁵.

В 1889 г. увидела свет монография **А. В. Экземплярского** о великих и удельных князьях Северной Руси, в которой в биографии Василия Темного дает краткий очерк битвы на Листани¹⁶. Автор попытался свести воедино немногочисленные описания сражения и ситуации вокруг него. Интерес представляют его рассуждения по поводу участия мордвы в битве: «Великий князь послал на татар сильную рать под воеводством кн. Василия Оболенскаго и Андрея Федоровича Голтяева. С этими воеводами шла и мордва на лыжах, потом к ним пристали *рязанские казаки* и толпы пеших ратных людей, также на лыжах, с сулицами, рогатинами, саблями, топорами и даже ослопами (дубинами)»¹⁷.

В конце XIX в. в историографии стали ставиться частные вопросы, связанные с битвой на Листани. Так, профессор Казанского университета **И. Н. Смирнов** в историко-этнографическом очерке о мордве в 1892 — 1894 гг. поднял проблему принадлежности мордовских воинов, участвовавших в сражении 1444 г.¹⁸

В XX в. особого интереса к битве на Листани не просматривалось, правда, упоминание о ней присутствовало во всех более или менее серьезных работах по истории феодальной войны в первой половине XV в. или истории образования Российского централизованного государства. Стоит отметить, что в это время историки стали обращать внимание на детали сражения, интерпретацию его отдельных фактов и сюжетов. Так, **Г. В. Вернадский**, кратко характеризуя разгром Мустафы, назвал его джучидским князем. По его мнению, отряд Мустафы был достаточно сильным и, судя по всему, принадлежал к Сарайской орде, управляемой Кучук-Махмедом¹⁹. Он считал, что мордовские лыжники усилили соединение московских войск, направленное на помощь Рязани²⁰. Происхождение Мустафы и роль мордвы в его разгроме интересовали также **М. Г. Сафаргалиева**²¹.

В 1951 г. известный ленинградский историк **В. В. Мавродин** при анализе процессов образования единого Русского государства обратил внимание на то, что «властители отдельных областей, выделявшихся из ослабевшей Орды, в поисках новых земель все ближе и ближе подходят к Москве»²². В этом смысле набег Мустафы трактовался им как достаточно типичное явление²³. Характеризуя ситуацию 1444 г., академик **Л. В. Черепнин** выделил момент антитатарского восстания в Рязани во время подхода к ней великокняжеской рати²⁴. Таким образом он пытался объяснить непонятное поведение Мустафы при приближении войск Василия II.

Один из крупнейших специалистов по истории российского феодализма **А. А. Зимин** рассматривал поход царевича Мустафы как составную часть общетатарского давления на Русь, поставив его в связь с набегом 1441/42 г. на рязанские украинны²⁵. Он также подчеркнул роль «двора» при разгроме Мустафы²⁶. В последних своих работах **Н. С. Борисов** обратил внимание на определенную обусловленность похода Мустафы, его включенность в общеордынскую политику. Он очень образно написал по этому поводу: «Жестокостью тянуло и из Степи, где одряхлевшая Золотая Орда, словно издыхающий дракон, вдруг испускала языки дыма и пламени»²⁷. Исследователь указал на участие в битве на Листани не просто мордвы как его предшественники, а мордовских князей²⁸.

В региональной историографии сражение на Листани рассматривалось чаще всего как пример совместной борьбы русского и мордовского народов против золотоордынского ига²⁹. Определенные изменения произошли под воздействием работ **В. А. Юрченкова**, который предложил трактовать битву как показатель изменения отношений мордвы и великокняжеской власти³⁰. Следует отметить монографию **С. В. Святкина**, давшего оригинальную трактовку тактики мордовских воинов в битве на Листани³¹.

Таким образом, в изображении сражения на Листани сложилась определенная историографическая традиция, опираясь на которую при анализе летописного материала попытаемся реконструировать события 1443 — 1445 гг.

В начале XV в. русские князья, пользуясь серьезным политическим и социально-экономическим кризисом в Золотой Орде, фактически прекратили выплату дани, что породило ответную реакцию в виде набегов, в совокупности составляющих фон общеордынского нажима на русские княжества. Одним из них стал набег во главе с Мустафой. Никоновская летопись называет его царевичем³². Аналогично он титулуется в Симеоновской³³, Воскресенской³⁴ и Ермолинской³⁵ летописях. Вслед за источниками Н. М. Карамзин³⁶, Д. И. Иловайский³⁷, А. В. Экземплярский³⁸, А. А. Зимин³⁹, Н. С. Борисов⁴⁰ именовали его царевичем. В. Н. Татищев и С. М. Соловьев называли Мустафу султаном⁴¹, а Г. В. Вернадский — джучидским князем⁴². М. Г. Сафаргалиев высказал предположение о том, что Мустафа был ханом, которого разбил узбекский хан Абулхаир⁴³. К гипотезе М. Г. Сафаргалиева стоит отнестись серьезно, поскольку сохранились монеты, чеканенные в Астрахани без даты с именем хана Мустафы-бен — «Гиас-ад-дина, Бен Таштимура»⁴⁴. А. Г. Гаев и И. В. Зайцев считают Мустафу сыном «Гийас ад-Дина б. Шадибека» и одним из противоборствующих ханов 1440-х гг., выпускавших монеты в Хаджи-Гархане⁴⁵. Однако более убедительна точка зрения Р. Ю. Почекаева, ведущего происхождение Мустафы от основателя Казанского ханства Улуг-Мухаммада⁴⁶. Его аргументация строится на интерпретации ряда источников и логике исторических событий. Во-первых, у Улуг-Мухаммада

был сын с таким именем⁴⁷. Во-вторых, в источниках упоминается «Мустафа, царь Казанский», т. е. член казанской династии Чингизидов, основанной Улуг-Мухаммадом⁴⁸. Кроме того, последующие враждебные действия Улуг-Мухаммада против Москвы можно рассматривать еще и как месть за гибель сына.

Отталкиваясь от летописей, будем считать Мустафу царевичем, т. е. одним из потомков Чингизхана или *огланом*. В XIII — начале XIV в. этот термин было принято употреблять только для обозначения представителей правящего рода Чингизидов. Позднее термин «царевич» становится постоянным компонентом многих имен⁴⁹. По мнению Б. Я. Владимирцова, царевичами были члены рода Чингизидов, имевшие «право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел-улус»⁵⁰. Он обозначал их термином «k`be`hn — k`beghn», «слово, звучащее собственно „сын“»<sup>51</sup>. И далее: «Все k`beghn`ы, таким образом, имеют право на удел, т. е. на часть общего достояния, на часть народа-государства»⁵².

Исходя из подобных представлений, можно согласиться с мнением Р. Ю. Почекаева, что Мустафа был сыном Улуг-Мухаммада и принадлежал как и его отец к числу многочисленных «царевичей»-изгоев, появление которых было вызвано ожесточенными усобицами в Золотой Орде. Однако ему менее повезло. В ходе битвы на Листани он был убит, на что указывают Никоновская, Воскресенская и Симеоновская летописи⁵³. Н. М. Карамзин стал автором версии о мужестве и храбрости Мустафы на поле боя. По его мнению, он отверг предложение о сдаче в плен: «Мустафа не хотел слышать о таком стыде и бился до изнурения последних сил... Мустафа пал Героем...»⁵⁴.

Неизвестно, насколько карамзинская версия гибели царевича соответствует истине. Однако сам набег представлял собой достаточно типичное для Средневековья предприятие, связанное с внезапностью нападения и грабежом рязанских земель, о чем сообщают русские летописи. Так, в *Никоновской летописи* говорится: «Мустафа царевичь прииде на Рязань со множеством Татарь ратию, и повоева власти и села Рязанския, и много зла Рязани учинил»⁵⁵. *Симеоновская летопись* указывает: «Пришедшу же царевичю Мустофе на Рязань с множеством Татарь ратью, и повоева власти Рязанские, и много зла учини»⁵⁶. В *Воскресенской летописи* читаем: «Пришедшу царевичю Мустофе на Рязань съ множеством Татарь ратью, и повоева волости Рязанския, много зла учини»⁵⁷.

Погром был страшный, рязанцы не смогли организовать сопротивление. Мустафа захватил «огромный полон», вывел большое количество пленников в степь и предложил рязанцам выкупить их. В Никоновской летописи отмечается: «И отъиде съ полономъ многимъ, и ста на Поле, и посылаше въ Рязань, продая имъ полонь»⁵⁸. Комментируя ситуацию, Р. Ю. Почекаев с известной долей иронии заметил: «Не придумав ничего умнее, царевич решил продать пленников здесь же, в рязанской земле, рассчитывая, вероятно, что их выкупят родственники»⁵⁹. Однако в принципе подобный подход соответствовал практике того времени. Д. И. Иловайский по этому поводу отмечал: «В рассказе о царевиче Мустафе мы видели, что татары вышли из Рязанской земли с множеством полону, потом остановились в степи и открыли торг, предложив соседям выкупить пленных, а рязанцы не замедлили воспользоваться этим предложением»⁶⁰. Он привел предания о том, что на тракте из Рязани в Тамбов в селе Якимицы существовали еженедельные воскресные торги с татарами, которые «иногда посещали и князья рязанские с княгинями и со всеми чадами и домочадца-

ми»⁶¹. Никоновская летопись сообщает о том, что рязанцы выкупили своих пленных у Мустафы⁶².

На дальнейшее развитие ситуации повлиял природно-климатический фактор. Дело в том, что на XV в. падает так называемый малый ледниковый период. За столетие русские летописцы отметили более 150 экстремальных природных явлений⁶³. В 1442 г. была жестокая зима, лютые морозы, вызвавшие гибель многих людей и большого количества скота. На следующий год вновь была студеная зима, погибло много скота и т. п.⁶⁴ В 1444 г. «поле все въ осень пожаромъ погоре, а зима люта и велми зла, и снези велици и ветри и вихри силни»⁶⁵. Войско Мустафы оказалось в сложнейшей ситуации: не хватало корма лошадям, начался их падеж, люди также стали испытывать голод. В этих условиях ордынский царевич принял неожиданное решение: он отправил в Рязань своих людей с просьбой разрешить его отряду перезимовать в городе. «Мустафа же паки прииде въ Рязань на миру, хотя зимовати въ Резани; бе бо ему супротивно на Поли... И того ради миромъ прииде въ Рязань и хоте зимовати въ Резани нужи ради великиа»⁶⁶.

Позиция Мустафы в данном случае была понятна — он просился на зимние квартиры, желая переждать ненастье и морозы. А вот решение рязанцев вызывает удивление: они открыли татарам, которые несколько месяцев назад грабили и жгли их волости и села, ворота своей столицы — Переяславля Рязанского. Н. М. Карамзин отмечал: «Граждане Переяславские, не смея отказать им, впустили их в свои жилища»⁶⁷. Д. И. Иловайский высказался на этот счет с большей долей удивления: «Мустафа, по неизвестной причине, был впущен в Переяславль Рязанский без сопротивления; татары его расположились отчасти в городе, отчасти в окрестностях»⁶⁸. Весьма неправдоподобно выглядит объяснение происшедшего, предложенное Н. С. Борисовым: «Рязанцы, поразмыслив, впустили „царевича“ в город. Очевидно, они надеялись, что в будущем тот оплатит им добром за добро»⁶⁹.

В 40-е гг. XV в. Переяславль Рязанский являлся столицей княжества, которое поддерживало относительно нормальные отношения с Москвой. Кроме того, он был достаточно крупной военной крепостью, оформившейся в результате объединения двух частей, которые были расположены между реками Лыбедью и Трубежом. Город находился в месте, образуемом устьем Лыбеди (озеро Карасево). Его территория имела форму прямоугольника. Холм, на котором он был построен, окружали со всех сторон рвы. Западная сторона была защищена валом в пять сажен высоты и три — ширины. У его подножия шел глубокий ров, наполненный водой (озеро Быстрое). Три остальные стороны спускались отвесно в Трубеж (северная) и Лыбедь. Крепость имела деревянные стены. В углах и между ними возвышались до 12 башен. Было двое главных ворот: Рязанские — южные, выходившие на конную площадь, и Глебовские — западные⁷⁰. Появление здесь крупного татарского отряда, фактически гарнизона, серьезно меняло соотношение сил в регионе. Ордынские ханы, и прежде всего Улуг-Мухаммад, получали хороший плацдарм для возможных последующих действий. Именно поэтому московское правительство реагировало быстро и адекватно. Василий II направил против Мустафы отборные силы, цвет своего воинства — двор. В *Никоновской летописи* по этому поводу говорится: «Услышавъ же на Москве сиа князь великий Василей Васильевич и посла противу его князя Василия Оболенского и Андреа Федоровича Голтыева, да двор свой съ ними»⁷¹. *Симеоновская летопись* отмечает: «Слышавъ же то князь великия Василей Васильевич

посла противу его князя Василья Оболенскаго и Андреа Голтыяева, да двор свой съ ними»⁷². В *Воскресенской летописи* указывается: «Слышавъ же то князь велики Василей Васильевичъ посла противу его князя Василиа Оболенского и Андреа Голтыяева, да двор свой съ ними»⁷³.

Великий князь придавал походу большое значение, о чем свидетельствовал подбор воевод. Во главе московских войск был поставлен самый талантливый на тот момент военачальник — князь Василий Иванович Оболенский. Он был одним из самых верных сподвижников Василия Темного. Разгром Мустафы явился его первым крупным воинским успехом. Позднее, в 1445 г., будучи наместником Мурوما, он взял в плен мурзу Бегича, который по поручению хана поддерживал Дмитрия Шемяку. В 1450 г., командуя войсками великого князя, одержал победу в сражении с войсками Шемяки под Галичем и вынудил последнего бежать в Новгород. Его имя встречается среди бояр на мене земель около 1456 — 1462 гг. и на докладе великому князю судного дела около 1462 — 1464 гг. В 70-е гг. XV в. он присутствовал на местническом суде среди бояр Ивана III. Постригся в монахи под именем Варсонофий. Был родоначальником княжеских фамилий Стригиных, Ярославовых, Нагих и Телепневых⁷⁴. В помощь князю Василию Оболенскому был определен Андрей Федорович Голтыяев, который принадлежал одной из самых могущественных старомосковских фамилий. Он был правнуком Андрея Кобылы, служившего московским князьям еще в середине XIV в. Битва на Листани для него также была первой воинской победой. К сожалению, его воинский талант не получил развития, в 1445 г. он был «убит на Суздальском бою»⁷⁵. Кроме того, в походе участвовал коломенский наместник Василий (по иным источникам — Илья) Иванович Лыков, находившийся в родственных отношениях с князьями Оболенскими. Он погиб в битве на Листани. Об этом отмечается в летописях следующее: в *Никоновской* — «А въ великого князя полку убили Татарове Илью Ивановича Лыкова»⁷⁶, *Симеоновской* — «А въ великаго князя полку убили Татарове Илию Ивановича Лыкова»⁷⁷, *Воскресенской* — «А великого князя въ плъку убили Татарове Илию Ивановича Лыкова»⁷⁸, в *Ермолинской* — «Тогда же убьень бысть на томъ бою Василей Ивановичъ Жукъ Лыковъ, Коломенской наместникъ»⁷⁹.

Особо стоит отметить участие в походе и битве «Государева двора». Так, в летописях читаем: в *Никоновской*: «...да двор свой съ ними»⁸⁰, *Симеоновской*: «... да двор свой съ ними»⁸¹, в *Воскресенской*: «...да двор свой съ ними»⁸². Обычно под «Государевым двором» понимается корпорация государевых служилых людей⁸³, слой, откуда «бралась кадры для замещения важнейших административных должностей, а также наиболее видные русские военачальники»⁸⁴. Однако в случае со сражением на Листани следует согласиться с Н. С. Борисовым, который трактовал двор в ситуации 1444 г. как отборное войско, «цвет войска»⁸⁵.

В сражении на Листани участвовали как союзники москвичей и рязанцев мордовские воины. В *Никоновской* летописи отмечается: «И приидоша на нихъ Мордва на ртахъ съ сулицами и съ рогатинами и съ саблями»⁸⁶. При трактовке этого сообщения В. Н. Татищев указал, что мордва прибыла к месту сражения на нартах⁸⁷. Однако уже Н. М. Карамзин внес поправку, понимая под «ртами» обыкновенные лыжи⁸⁸. Его мнение получило поддержку среди специалистов. А. В. Экземплярский писал по этому поводу: «Мордва и казаки шли *на ртахъ*, по объяснению Карамзина, на лыжах»⁸⁹. Поправка согласуется и с миниатюрой Лицевого летописного свода,

где мордва изображена именно на лыжах. Эта миниатюра воспроизведена в книге В. А. Юрченкова⁹⁰.

В связи с сообщением Никоновской летописи возникает вопрос о том, какую мордву имел в виду ее автор. Первым ответить на него попытался И. Н. Смирнов, который писал: «Московское правительство в XV и XVI вв. стояло в непосредственных отношениях с кадомской мордвой и распорядилось местными землями. В 1452 г.*, без сомнения, эта мордва действовала в составе ополчения, которое Василий Темный отправил против ордынского царевича Мустафы»⁹¹. М. Г. Сафаргалиев считал, что «мордовское население, выступавшее вместе с войсками великого князя, либо находилось под властью Москвы, либо добилось самостоятельности, освободившись из-под власти татар»⁹².

Определенную ясность в ситуацию позволяют внести духовные и договорные грамоты русских князей, которые зафиксировали мордовские земли в числе владений Москвы. Впервые «места Мордовские» упомянуты из дошедших до нас грамот в dokonчании великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем около 1401 — 1402 гг. Владимир Андреевич Храбрый признавал за своим племянником Василием I права на Нижний Новгород «с волостми, и что к нему потягло, и Муром с волостми, и что к нему потягло, и Мещеры с волостми, и что к ней потягло, и в та места в Татарская и в Мордовская»⁹³. Признание было основано на том, что эти земли уже были («как было») «за отцом» Василия I — великим московским князем Дмитрием Донским, и «за его дедом» — великим суздальско-нижегородским князем Дмитрием Константиновичем. Dokonчание отразило московскую победу над суздальско-нижегородским князем Семеном Дмитриевичем и включение подчиненных ему мордовских земель под юрисдикцию Москвы. 25 ноября 1402 г. было заключено dokonчание между великим московским князем Василием I и великим рязанским князем Федором Ольговичем. В нем говорилось о «Мордовских местах», которые «оттаимал» еще Дмитрий Донской⁹⁴. Судя по контексту, речь шла о землях в Мещере. В 1434 г. в договоре между великим московским князем Юрием Дмитриевичем и великим рязанским князем Иваном Федоровичем речь вновь шла о «местах Мордовских» в Мещере⁹⁵. Иными словами, в начале XV в. великим московским князьям подчинялась мордва, жившая в районе Мурома и Мещеры, а после присоединения Нижегородского княжества — и в районе Нижнего Новгорода. В связи с этим точка зрения И. Н. Смирнова о кадомской мордве как участнице битвы на Листани выглядит вполне правдоподобной.

Н. С. Борисов высказал мысль об участии в сражении на Листани мордовских князей⁹⁶. Он был поддержан Р. Ю. Почекаевым, который уточнил их военно-политическую ориентацию: «Великий князь Василий II выслал против ханского сына войска, к которым присоединились мордовские князья, враждебные Улуг-Мухаммаду»⁹⁷. С подобными высказываниями, видимо, необходимо согласиться, поскольку на существование князей у мордвы в это время указывает Московский летописный свод конца XV в., сообщая о том, что на Пьяну «князи Мордовьстии подведоша рать Татарскую из Мамаевы Орды»⁹⁸. Наконец, позднее они фигурируют в духовной грамоте 1504 г. Ивана III⁹⁹.

* И. Н. Смирнов допустил ошибку, датируя сражение на Листани 1452 г.

Получив известие о приближении московского войска и их союзников, рязанцы приняли решение обратиться к Мустафе с просьбой покинуть город. В *Никоновской летописи* замечено: «А царевич Мустафа былъ тогда въ Рязани въ граде Переславле; Рязанци же выслаша его изъ града, онъ же вышедъ изъ града и ста туто же подь градомъ Переславлемъ»¹⁰⁰. *Симеоновская летопись* сообщает: «А Мустафа былъ въ городе, Рязанци же выслаша его изъ града, онъ же вышедъ изъ града и ста тутоже подь градомъ»¹⁰¹. Скудность сведений не позволяет прояснить ситуацию. Ведь Мустафе не было смысла покидать город, в нем удобнее было бы организовать оборону. Тем более, татарский полководец вывел воинов в степь, и они оказались в чрезвычайно сложной ситуации: «Понеже зима бе люта и снежна, а Татарове конми обмерли, и отъ мраза и студени великиа померзли, и бысть въ них скорбь многа; а сено велми дорого»¹⁰². Причины оставления города с его укреплениями и выходами в степь неясны. Л. В. Черепнин пытался объяснить это антитатарским восстанием в Рязани при получении известия о приближении московской рати: «Когда великокняжеская рать подходила к Рязани, там вспыхнуло антитатарское восстание, Мустафа был вынужден уйти из города»¹⁰³. А. А. Зимин, не объясняя, писал: «Прослышав о движении великокняжеской рати, рязанцы предусмотрительно постарались поскорее избавиться от непрошеного гостя, который в это время находился в самом Переславле-Рязанском»¹⁰⁴. Н. С. Борисов указал: «Узнав о приближении московского войска, рязанцы велели татарам покинуть город»¹⁰⁵.

Мустафа покинул Переяславль Рязанский и остановился на реке Листани, ниже Рязани, южнее Ольгова монастыря. «Татары же отнюдь охудеша и померзоша, и безконни быша, и от великаго мраза и студени великиа и ветра и вихра луки их и стрелы ни во что же быша; снези бо бяху велици зело»¹⁰⁶. Фактически ордынцы оказались в безвыходном положении. Глубокие сугробы не давали им возможности сражаться в конном строю. Самых же коней у степняков почти не осталось. Неприхотливые степные лошади разрывали копытами снег и добывали мерзлую траву. Однако необычайно сильные снежные заносы оставили их без привычной пищи и обрекли на голодную смерть. Между тем сражаться в пешем строю, да еще среди сугробов, татарам никогда не приходилось. Мустафа тем не менее попытался организовать оборону. Он укрепился на берегу Листани, заняв возвышенность — курган, во времена Д. И. Иловайского поросший лесом¹⁰⁷. Однако в этой обстановке у татар не было шансов на победу.

Московские воеводы учли все обстоятельства сложившейся ситуации и окружили войско Мустафы. С. В. Святкин сделал вполне справедливое, на наш взгляд, предположение, что, судя по количеству снега («снези бо бяху велици зело»), первыми атаковали татар мордовские воины и рязанские казаки на лыжах. Быстро покрыв по глубокому снегу разделявшее их с воинами Мустафы расстояние, они привели последних в замешательство. Только потом в сражение с разных сторон вступили остальные полки¹⁰⁸. Началось избиение татар, сражение приобрело ожесточенный характер. Об этом в летописях говорится следующее: в *Никоновской* — «Татарове же никако же давахуся в руки, но резашася крепко»¹⁰⁹, *Симеоновской* — «И бысть имъ бой крепокъ, и поможе Богъ христианомъ»¹¹⁰, в *Воскресенской* — «И бысть имъ бой крепокъ, и поможе Богъ христианомъ»¹¹¹. В. Н. Татищев написал: «И был у них бой великий и сильный весьма на речке Листани, и начали одолевать христиане. Татары же никак не давались в руки, но резались крепко»¹¹². В конце концов, победили объединенные русские полки и мордва.

В ходе битвы отличился Федор Васильевич Басенок, впервые тогда появившийся на страницах летописи («тогда же мужествова Феодоръ Васильевичъ Басенокъ»)¹¹³. Федор Басенок позднее станет, пожалуй, одним из самых знаменитых воевод Василия Темного. Когда в 1446 г. Василий будет свергнут с великокняжеского престола и ослеплен по приказу Дмитрия Шемяки, он откажется присягать Шемяке и будет закован в цепи. Однако Басенку удалось бежать в Коломну, затем Литву. Уже в 1447 г. он появился на Руси с сильным войском, в 1449 г. отразил неожиданное нападение Шемяки на Кострому. В 1450 г. участвовал в битве под Галичем Костромским, где нанес Шемяке поражение. В январе 1452 г. был вторым воеводой в походе на Устюг Великий. Софья Витовтовна в 1453 г. пожаловала «боярину» Федору Васильевичу Басенку несколько своих сел. В 1455 г. он разбил татар, перешедших Оку, которыми руководил сын Седи-Ахмата Салтан. Последним его военным предприятием была победа над новгородцами в 1456 г. при соотношении 200 человек против 5 000, которая привела к заключению выгодного для Москвы Яжелбицкого договора с Новгородом Великим. В январе 1460 г. сопровождал Василия Темного в Новгород, подвергся нападению новгородцев и едва спасся от смерти. Примерно в 1461 — 1462 гг. назван среди бояр, подписавших духовную Василия II. Неожиданно в 1463 г. впал в немилость и был ослеплен. В 1473 г. оказался в Кирилловом монастыре, где еще прожил семь лет и два месяца. По предположению Я. С. Лурье был близок к лицу, составившему летописный текст за 40-е — начало 60-х гг. XV в.¹¹⁴ Кроме того, в сражении на Листани отличился Григорий Васильевич Глебов («а Григорья Васильева сына Глебова застрелили в челюсть»)¹¹⁵. Он был старшим сыном боярина Василия Глебовича Сорокоумова Большого. Из-за тяжелого ранения на Листани позднее получил прозвище Криворот. По семейным преданиям, он служил при Василии Темном дворецким («боярин, а был дворецкой на Москве по свою смерть без перемены»). С. Б. Веселовский считал его наместником в Бежецке около 1455 — 1462 гг. Возможно, именно Криворот около 1462 — 1464 гг. присутствовал среди бояр на докладе одного судного дела великому князю. Вероятно, ему были в те годы доложены два земельных акта¹¹⁶.

Во время сражения «много Татаръ избиша, и самого царевича Мустофу убиша, и князей съ нимъ многихъ Татарьскихъ избиша; а князя Ихмутъ-мурзу яли, да князя Азбердея, Мишереванова сына, яли и иныхъ многихъ Татар поимали»¹¹⁷.

Так, участвуя в битве на Листани на стороне Москвы и Рязани, мордва бросила вызов всему степному сообществу, и прежде всего Улуг-Мухаммаду. Ответные действия не заставили себя ждать. В сентябре 1444 г. «... приходиша Татарове на Рязанския Украины. Тоя же осени воеваша татарове Мордву»¹¹⁸. В конце года они захватили Муром¹¹⁹, разорив, видимо, окрестные мордовские земли. Однако именно в 40-е гг. XV в. в мордовском крае произошел перелом военно-политической ситуации. Мордва начала не только просто тяготеть к Московскому княжеству, но и активно участвовать на его стороне в борьбе с осколками Золотой Орды. Сражение на Листани в 1444 г. может служить ярким свидетельством этого перелома.

Библиографические ссылки

¹ См.: Татищев В. Н. История Российская : в 3 т. М., 2003. Т. 3. С. 347.

² Там же.

³ Там же.

- ⁴ **Карамзин Н. М.** История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 168.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 168 — 169.
- ⁹ **Соловьев С. М.** История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 3 — 4. С. 392.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ **Иловайский Д. И.** История Рязанского княжества. М., 2009. С. 230.
- ¹⁴ Там же. С. 259.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: **Экземплярский А. В.** Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. : биограф. очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. СПб., 1889. Т. 1. С. 166 — 167.
- ¹⁷ Там же. С. 166.
- ¹⁸ См.: **Смирнов И. Н.** Мордва : историко-этногр. очерк. Саранск, 2002. С. 80.
- ¹⁹ См.: **Вернадский Г. В.** Монголы и Русь. М. ; Тверь, 1997. С. 322 ; **Vernadsky G.** The Mongols and Russia. Yale, 1953. P. 316.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: **Сафаргалиев М. Г.** Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 210, 257 — 258.
- ²² **Мавродин В. В.** Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 150.
- ²³ Там же. С. 150 — 151.
- ²⁴ См.: **Черепнин Л. В.** Образование Русского централизованного государства в XIV — XV веках. М., 1960. С. 769.
- ²⁵ См.: **Зимин А. А.** Витязь на распутье : Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 95.
- ²⁶ См.: **Зимин А. А.** Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 21.
- ²⁷ **Борисов Н. С.** Иван III. М., 2003. С. 73.
- ²⁸ Там же. С. 74.
- ²⁹ См.: Очерки истории Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1955. Т. 1. С. 50 ; **Мокшин Н. Ф.** Этническая история мордвы XIX — XX века. Саранск, 1977. С. 74 ; Навеки вместе : ист. очерки. Саранск, 1985. С. 32.
- ³⁰ См.: **Юрченков В. А.** Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991. С. 107 — 108 ; **Его же.** Мир истории. Саранск, 1997. С. 75 — 76 ; **Его же.** Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007. Т. 1. С. 132 — 133.
- ³¹ См.: **Святкин С. В.** Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н. э. Саранск, 2001. С. 114.
- ³² См.: Полное собрание русских летописей. Т. 12. VIII : Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. С. 61. (Далее: ПСРЛ).
- ³³ См.: ПСРЛ. Т. 18 : Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 192.
- ³⁴ См.: Русские летописи. Т. 3: Воскресенская летопись. Рязань, 1998. С. 154. (Далее: РЛ).
- ³⁵ См.: ПСРЛ. Т. 23 : Ермолинская летопись. М., 2004. С. 151.
- ³⁶ См.: **Карамзин Н. М.** Указ. соч. С. 168.
- ³⁷ См.: **Иловайский Д. И.** Указ. соч. С. 230.
- ³⁸ См.: **Экземплярский А. В.** Указ. соч. С. 166.
- ³⁹ См.: **Зимин А. А.** Витязь на распутье. С. 95.
- ⁴⁰ См.: **Борисов Н. С.** Указ. соч. С. 73.
- ⁴¹ См.: **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 347; **Соловьев С. М.** Указ. соч. С. 392.
- ⁴² См.: **Вернадский Г. В.** Указ. соч. С. 322 ; **Vernadsky G.** Op. cit. P. 316.
- ⁴³ См.: **Сафаргалиев М. Г.** Указ. соч. С. 210.
- ⁴⁴ См.: **Марков А. К.** Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896. С. 532.

⁴⁵ См.: **Гаев А. Г.** Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. 4. Нумизматический сборник. Т. 3. Н. Новгород, 2002. С. 43 ; **Зайцев И. В.** Между Москвой и Стамбулом : Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004. С. 29.

⁴⁶ См.: **Почекаев Р. Ю.** Цари ордынские : Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010. С. 208, 372.

⁴⁷ См.: Таварих-и гузида-йи нусрат-наме («Избранные летописи из книги побед») // Материалы по истории казахских ханств XV — XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 39 — 40.

⁴⁸ См.: **Исхаков Д. М.** О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 64 — 66.

⁴⁹ См.: **Федоров-Давыдов Г. А.** Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 46.

⁵⁰ **Владимирцов Б. Я.** Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 99.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 61 — 62 ; Т. 18. С. 192 ; РЛ. Т. 3. С. 154.

⁵⁴ **Карамзин Н. М.** Указ. соч. С. 168.

⁵⁵ См.: ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 61.

⁵⁶ Там же. Т. 18. С. 192.

⁵⁷ РЛ. Т. 3. С. 154.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 61.

⁵⁹ **Почекаев Р. Ю.** Указ. соч. С. 208 — 209.

⁶⁰ **Иловайский Д. И.** Указ. соч. С. 301.

⁶¹ Там же. С. 302.

⁶² См.: ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 61.

⁶³ См.: **Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.** Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 179.

⁶⁴ Там же. С. 293.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 61.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ **Карамзин Н. М.** Указ. соч. С. 168.

⁶⁸ **Иловайский Д. И.** Указ. соч. С. 230.

⁶⁹ **Борисов Н. С.** Указ. соч. С. 73.

⁷⁰ См.: **Иловайский Д. И.** Указ. соч. С. 254 — 255.

⁷¹ См.: ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 61.

⁷² Там же. Т. 18. С. 192.

⁷³ См.: РЛ. Т. 3. С. 154.

⁷⁴ См.: **Зимин А. А.** Формирование боярской аристократии в России... С. 48 ; Дворянские роды Российской империи. Т. 1 : Князья. СПб., 1993. С. 169.

⁷⁵ **Зимин А. А.** Формирование боярской аристократии в России... С. 209.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 62.

⁷⁷ Там же. Т. 18. С. 192.

⁷⁸ РЛ. Т. 3. С. 154.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

⁸⁰ Там же. Т. 12. VIII. С. 61.

⁸¹ Там же. Т. 18. С. 192.

⁸² РЛ. Т. 3. С. 154.

⁸³ См.: **Кобрин В. Б.** Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 30.

⁸⁴ **Зимин А. А.** Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 198 — 199.

- ⁸⁵ **Борисов Н. С.** Указ. соч. С. 73.
- ⁸⁶ ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 62.
- ⁸⁷ См.: **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 347.
- ⁸⁸ См.: **Карамзин Н. М.** Указ. соч. С. 168, 354.
- ⁸⁹ **Экземплярский А. В.** Указ. соч. С. 167.
- ⁹⁰ См.: **Юрченков В. А.** Мордовский народ... С. 132.
- ⁹¹ **Смирнов И. Н.** Указ. соч. С. 80.
- ⁹² **Сафаргалиев М. Г.** Указ. соч. С. 258.
- ⁹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. М. ; Л., 1950. С. 44.
- ⁹⁴ Там же. С. 54.
- ⁹⁵ Там же. С. 85.
- ⁹⁶ См.: **Борисов Н. С.** Указ. соч. С. 74.
- ⁹⁷ **Почкаев Р. Ю.** Указ. соч. С. 209.
- ⁹⁸ ПСРЛ. Т. 25 : Московский летописный свод конца XV в. М. ; Л., 1949. С. 193.
- ⁹⁹ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей... С. 356.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 62.
- ¹⁰¹ Там же. Т. 18. С. 192.
- ¹⁰² Там же. С. 61 — 62.
- ¹⁰³ **Черепнин Л. В.** Указ. соч. С. 769.
- ¹⁰⁴ **Зимин А. А.** Витязь на распутье. С. 96.
- ¹⁰⁵ **Борисов Н. С.** Указ. соч. С. 73.
- ¹⁰⁶ См.: ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 62.
- ¹⁰⁷ См.: **Иловайский Д. И.** Указ. соч. С. 259.
- ¹⁰⁸ См.: **Святкин С. В.** Указ. соч. С. 114.
- ¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 62.
- ¹¹⁰ Там же. Т. 18. С. 192.
- ¹¹¹ РЛ. Т. 3. С. 154.
- ¹¹² **Татищев В. Н.** Указ. соч. С. 347.
- ¹¹³ ПСРЛ. Т. 23. С. 151.
- ¹¹⁴ См.: **Веселовский С. Б.** Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 438 — 441 ; **Насонов А. Н.** История русского летописания XI — начала XVIII вв. М., 1969. С. 307 — 309, 351 — 353, 358 — 359 ; **Каштанов С. М.** Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 389 — 390 ; **Зимин А. А.** Формирование боярской аристократии в России... С. 252 — 253 ; **Его же.** Витязь на распутье. С. 96, 112, 118, 134, 164, 166, 168, 171 — 174, 181, 204, 270 ; **Борисов Н. С.** Указ. соч. С. 155 — 156, 186 — 187.
- ¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 151.
- ¹¹⁶ См.: **Веселовский С. Б.** Указ. соч. С. 325 ; **Зимин А. А.** Формирование боярской аристократии в России... С. 214 — 215.
- ¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 12. VIII. С. 62.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ Там же.

Поступила 01.10.2010 г.

УДК 94(470.345):332.24

О. А. Еремкина

O. A. Eremkina

**ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ
МОРДОВСКИХ МУРЗ В XVII в.
НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВНИ МОРДОВСКАЯ КАНДАРАТЬ
(По материалам писцовой книги «Симбирск и Карсун»)**

**LANDOWNERSHIP AND LAND TENURE OF MORDOVIAN MURZAS
IN THE XVII CENTURY BASED ON THE EXAMPLE
OF MORDOVIAN KANDARAT VILLAGE
(According to Materials of the Cadastre Book
«Simbirsk and Karsun»)**

Ключевые слова: писцовая книга, землевладение, землепользование, Мордовская Кандарать, мордовские мурзы, станичная конная служба.

В статье рассматриваются величина наделов мордовских мурз, способы отвода и межевания земли, данные по именному составу населения.

Key words: the cadastre book, landownership, land tenure, Mordovian Kandarat, Mordovian murzas, village horse service.

The size of allotments of Mordovian murzas, methods of allocation and surveying of the land, data of the nominal structure of population are considered in the article.

В XVII в. российское правительство активно начало раздавать мордовские земли светским и духовным феодалам. Первоначально они отводились преимущественно по поместному праву служилым людям, которые делились на 2 категории: «по отечеству» и «по прибору». Земельные владения получали также служилые мордовские князья. В их числе значились Еделовы, Ичаловы, Издеберские, Павловы, Ромодановы, Кижедеевы и др. По данным писцовой книги «Симбирск и Карсун. Книга писцовая письма и меры стольника Ивана Вельяминова да подьячего Афанасия Андреева 1685 — 1686 гг.», в эти годы в Карсунском и Симбирском уездах мордовские мурзы, несшие станичную службу, проживали в 7 деревнях. Им принадлежало 6 460 дес. земли и земельных владений, 20 470 копен сенных покосов. На один двор падало от 18 до 94 дес., а на одного человека мужского пола от 9 до 33 дес.¹

Долгое время писцовая книга считалась утерянной. В 1970 г. она была обнаружена в РГАДА доктором исторических наук Н. В. Заварюхиным. Книга дает представление о землевладениях служилых мордовских мурз, казаков, солдат, стрельцов и служилых чувашей, содержит описание помещичьих земель. Согласно указам царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича в 1685 — 1686 гг. стольник И. Н. Вельяминов и подьячий Афанасий Андреев в г. Карсуне и Симбирске уточняли владельцев земель, которые они получали в течение многих лет. Из их описаний

видно, что были земли великих государей, патриаршие, стрелецкие, казачьи, солдатские, мордовских и татарских мурз, посопной мордвы. Сведения о нижней границе отвода земельных угодий взяты из «строельных книг Бориса Приклонского 157 году» (1649) и грамоты великих государей².

Сегодня деревня Мордовская Кандарать входит в с. Ермоловское Вешкаймского района Ульяновской области. В 1996 г. в ней проживали 47 чел., преимущественно мордовской национальности, которые работали в СПК «Рассвет», в 2010 г. — 8 чел.

В 1685 — 1686 гг., как видно из писцовой книги, в 33 дворах д. Мордовская Кандарать насчитывалось 63 чел. мужского пола. «А дворы их писаны по скаске деревни Кандарати пятидесятника мурзы Несмеяна Тихонова с товарищи»³. Большинство дворов были многолюдными, и только один — бобыльским: «Во дворе Бобыль Нестерка Жданов, у него сын Планка пяти лет»⁴.

В это время в деревне проживала мордва. Почти все население принадлежало князьям Издеберским: «Во дворе Яким мурза княж Издеберский. Во дворе Насмеят мурза Тихонов княж Издеберский. Во дворе Ледей Китаев княж Издеберский....»⁵. Среди имен жителей встречались как дохристианские мордовские и древнерусские (Котяч, Насмеят, Ариш, Кежай, Лядюш, Шумила, Шака, Надежа, Назай, Ледей, Учеван, Новдай, Нуштяс, Назай, Тинюш, Кафта, Живай, Нюняй, Тетюш, Розилом, Мямай, Нехорош, Потеш), так и тюркского происхождения (Китем, Китай, Аркай, Акай, Алемай, Чигир, Чина, Косим, Самурук, Мамут, Алмакай, Ибрям). Были распространены русские имена: Яким, Иван, Обросим, Захарка, Шумила, Наумка, Денис, Кузьма, Данилка, Ерофей, Терентей, Михайла, Василей, Гаврилка, Осип, Кормила, Тихон, Микитка, Дорофей, Анисим, Нестор, Илья, Семен, Кирилл, Розилом, Деметей, Левонтей, Андрей, Трифон. Главы семейств носили в основном мордовские имена. Своих детей они называли русскими именами, что говорит о постепенном переходе мордвы к русской культуре: «Во дворе Ледей Китаев княж Деберский, у него сын Андрей пяти лет. Во дворе Аркай Бегушев у него братья Акай, Алемай. У Аркай сын Трифон шести лет, у Акая сын Кирила пяти лет. Во дворе Новдай Бекшеев, у него сын Левонтей полу году. Во дворе Тинюш Череватов, у него сын Андрей женат. Во дворе Ариш мурза Стараев княж Издеберской. У него детей Захарка да Мямай женат. Во дворе Нюняй Ешесев у него сын Самурук, у Самурука сын Тихон трех лет. Во дворе Нюняй Демаев княж Издеберской, у него сын Андрей десяти лет»⁶.

В строельных книгах Бориса Приклонского отмечалось, что княжеским мурзам Деберского родства Сеньке Чильдясову с «товарищи» (20 чел.) у истока р. Кандаратки (ныне Белый ключ) были отведены подворные и подгородные места, напротив земель карсунских конных казаков, в длину «по дватцати по пяти сажен, а поперег по дватцати сажен»⁷. А возле усадеб под пашню им выделили «у вершины речки Кандаратки порозжие земли длинного поля против указу по дватцати чети человеку в поле, а в дву потому ж, да сенные покосы по осмидесяти по одной копне с пол копною человеку. И того тысеца шесть сот дватцать две копны с пол копною»⁸. 10 сентября 1685 г., как указывается в строельных книгах, станичным мордовским мурзам, князьям Издеберским — пятидесятнику Несмеяну Тихонову «с товарищи» (20 чел.) отмерили и отмежевали по 20 чети земли на человека, или по 10 дес. Всего они получили 400 чети в поле, «а в дву потому ж», или по 200 дес. на человека. На сенные покосы выделили 163 дес., что составило 1 630 копен, или 81,5 копна на

человека. Всего мордовским мурзам д. Мордовская Кандарать было выделено под четвертную пашню на всех трех полях «тысяча двести четвертей, а десятинами шесть сот десятин, а с санными покосами семь сот десять десятин»⁹.

Межа земли мордовских мурз начиналась в 15 сажнях от р. Кандаратки. Там были поставлены 2 столба с гранями. Около них выкопаны ямы. Через каждые 100 сажень на меже ставились по 2 столба с гранями, а рядом с ними выкапывались ямы. «Десятые два столба стояли возле дороги, «тою дорогою ездят из села Кандарати в село Потьму»¹⁰. От этих столбов вперед по меже на 425 сажень стоял дуб «з гранми, одна грань Бориса Приклонского меж земли стрелецких и мордовских мурз деревни Кандарати. Другая грань меж стрелецкой и казачьей земли села Вельдеванской слободы конных казаков Микитки Петрова с товарищи. А третья грань меж казачьей и мордовских мурз. И те две грани Василия Лаговчина. А тот дуб стоит меж их земель»¹¹. Рядом с дубами и столбами, как подчеркивалось, выкапывали ямы для четкого разделения межи глубиной 2 аршина. Межа земли мордовских мурз проходила через дубраву, рядом с большим черным лесом. Затем поднималась вверх до истока р. Кандаратки, шла до дуба с гранями. Это расстояние равнялось 2 348 сажням. Далее поворачивала направо и спускалась вниз по правой стороне реки до «починных столбов», что составляло 3 060 сажень. Земля д. Мордовская Кандарать граничила с землями стрельцов Кандарацкой слободы, конных казаков Вельдиванской слободы Микиты Петрова «с товарищи», конных казаков Кандарацкой слободы Петрушки Зотова «с товарищи», стрельцов г. Большого Карсунова.

В писцовой книге об этом говорится так: «А на меже одни столб и дуб стоит на правой стороне межи до большого черного лесу на земле деревни Кандарати мордовских мурз. А другие столбы и дубы стоят на левой стороне межи, на стрелецкой земле до дуба, что тот дуб стоит меж земли стрелецкой и мордовских мурз. И казачьей земли и от того дуба до большого ж черного лесу столб и дуб стоят на правой же стороне межи на земле деревни Кандарати мордовских мурз, а на левой стороне межи столбы и дубы стоят на казачьей земле села Вельдеванской слободы конных казаков. А на столбах и на дубах одни грани указывают вперед по меже, а другие грани указывают назад по меже. Подле столбов и дубов ямы копаны во все стороны по сажени, а в глубину по два аршина. А межа положена меж столбов и дубов в сажень. И от починных столбов едучи по меже до дуба з гранми, что тот дуб стоит меж стрелецкой и мордовских мурз и казачьей земель. Направе земля деревни Кандарати мордовских мурз. А на леве стрелецкая земля города большого Карсунова. И от того дуба едучи по меже до большого черного лесу до дуба и до столба з гранми. На праве земля мордовских ж мурз. А на леве земля села Вельдеванской слободы конных казаков Микитки Петрова с товарищи. И от того дуба и от столба едучи по меже подле большого черного лесу до дуба з гранми. На праве земля мордовских ж мурз, а на леве большой черной лес. И от того дуба едучи по речке Кандарати наниз до посинных столбов з гранми. На праве земля мордовских ж мурз, а на леве земля за речкою Кандараткою села Кандарацкой слободы конных казаков Петрушки Зотова с товарищи. Той меже утин»¹².

Отвод земли требовал точности, для того чтобы впоследствии не возникали спорные вопросы. На меже земли мордовских мурз были поставлены в целом 16 столбов с гранями. Дубы с гранями, которые росли на меже, характеризовались следующим образом: «А у дуба вершина суха. А от того дуба и от столба через

дуброву и реткодубом вперед по меже девяноста сажень до развилкового дуба и скол у того дуба подожен»¹³. Межу определяли мордовские мурзы Кузьма Алтынцева, Осип Четаев, Чегир Телекаев. «И в тем жить им мордовским мурзам в большом черном лесу и до Суры реки для хороминного и дровяного лесу. А дельные (дерево, в котором гнездились дикие пчелы, предназначено для собирания меда) деревья не портить»¹⁴. При отводе и межевании земли обязательно присутствовали понятые, которые своими знаменами и подписями подтверждали правильность этого процесса. Среди них были карсунский казак Захарко Кузнецов, казак Кандарацкой слободы Кириушка Тарасов, станичные казаки Кивацкой слободы Алешка Рогожин, Ивашка Мещеряк, казаки Станичной слободы Дениска Макаров, Вавилка Муравьев, служилой мордвин д. Кивати Сайгушка Деваев¹⁵.

В д. Мордовская Кандарать у мордовских мурз работали 3 небольшие водяные мельницы с горизонтально лежащим колесом (калатовки). Они имелись у Терешки Чекаева, Мемутки Илюшева, Чегирки Телекаева, которые платили за них в казну великих государей оброк по 13 алтын и 2 деньги в год¹⁶.

Количество земли и размеры сенных покосов служилой мордвы Карсунского и Симбирского уездов сильно варьировались в разных населенных пунктах. По нашему мнению, это объясняется тем, что мордовские мурзы несли весьма отличную друг от друга службу (таблица).

Таблица

Землевладения мордовских мурз

Населенный пункт	Количество							
	дворов	людей во дворах, душ муж. пола	земли, дес.	сенокосных покосов, копен	земли на двор, дес.	сена на двор, копен	земли на чел., дес.	сена на чел., копен
Мордовская Кандарать	33	63	600	7 600	18	230	9	120
Верхнемордовская Туварма	19	71	810	2 100	42	110	11	29
Мордовская Кивать	17	39	1 200	1 560	70	91	30	40
Беловодье	39	102	1 800	4 080	46	104	17	40
Кулавки	7	20	660	800	94	114	33	40
Новая Выставка	15	51	880	4 400	58	293	17	86
Вельмисов								
Починок	10	32	510	680	51	68	16	21
Всего	140	378	6 460	21 220				

Составлена по: РГАДА. Ф. 1209. Кн. 441. Л. 233 — 244, 255 — 262.

Таким образом, для служило-надельных земельных владений мордовских мурз в Карсунском и Симбирском уездах в XVII в. были характерны обусловленность военной службой и податными обязанностями; небольшие наделы, но «в полные оклады»; отсутствие права увеличивать их выше положенной нормы; совместные владения угодьями в пределах определенной служилой группы и равные индивидуальные наделы на общей земле; выделение угодий только вокруг поселений; ограничение права отчуждения наделов рамками определенной служилой группы.

Библиографические ссылки

- ¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441.
- ² Там же. Л. 1 об.
- ³ Там же. Л. 97 об.
- ⁴ Там же. Л. 97.
- ⁵ Там же. Л. 96 об. — 98.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. Л. 98.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 98 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 99.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 99 об. — 100 об.
- ¹³ Там же. Л. 99 об.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.

Поступила 25.10.2010 г.

УДК 94(470.345):37:271.2

В. И. Лапгун

V. I. Lapgun

**СОСТОЯНИЕ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
НАКАНУНЕ ДУХОВНО-УЧЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1808 — 1818 гг.**

**STATE OF THEOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIA
ON THE EVE OF THEOLOGICAL EDUCATION REFORM OF 1808 — 1818**

Ключевые слова: духовное образование, духовно-учебные заведения, реформа, Русская православная церковь, духовная академия, духовная семинария.

В статье анализируется состояние духовного образования в России в начале XIX в., а также выявляются причины, побудившие правительство начать духовно-учебную реформу 1808 — 1818 гг.

Key words: theological education, theological educational institutions, reform, Russian Orthodox Church, theological academy, theological seminary.

The state of the theological education in Russia in the early nineteenth century is analyzed in the article. The reasons why the government started the theological education reform of 1808 — 1818 are also revealed.

Начало XIX столетия в истории России было ознаменовано целым рядом либеральных преобразований, предпринятых молодым императором Александром I. С первых лет своего царствования он начал уделять большое внимание организации в России народного образования, в том числе реформированию системы духовно-учебных заведений.

Начавшаяся работа велась необычайно активно. Так, уже 8 сентября 1802 г. был опубликован царский манифест об учреждении министерств, в котором были определены основные функции и обязанности Министерства народного просвещения. Вместе с тем был подготовлен и проведен в законодательном порядке достаточно сложный план расширения и систематической организации народного образования в стране. Его основные положения были изложены в «Предварительных правилах народного просвещения», опубликованных в январе 1803 г.¹

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что с приходом к власти Александра I Россия впервые получила по-настоящему *систему* народного образования, которая была строго организована, объединена общей целью и обеспечена финансовыми средствами.

Русская православная церковь (РПЦ) также не была отстранена от проведения в жизнь мероприятий по организации в стране системы народного просвещения. Например, в императорском указе Святейшему синоду, датированном 24 января 1803 г., говорилось о необходимости участия духовенства в просвещении народа. Александр I также информировал Святейший синод о том, что сообщил Сенату предварительные правила народного просвещения, проведение в жизнь которых «во многих отношениях зависит от просвещения, ревности и деятельности духовенства»².

В связи с этим духовному ведомству предписывалось отпустить нужное число семинаристов для замещения учительских должностей в училищах и гимназиях. Следовательно, в начавшихся преобразованиях светской школы РПЦ отводилось одно из ведущих мест. Подтверждением тому является указ «Об устройстве училищ», изданный 25 января 1803 г. и предписывающий Сенату согласовывать свои действия со Святейшим синодом. В части указа, где речь шла о новом устройстве приходских училищ, говорилось о том, что за них отвечают приходские священники³.

После того как был дан ход реформе светского образования, император и правительство обратили самое пристальное внимание на проблемы духовного образования, состояние которого также требовало кардинальных преобразований.

Необходимо отметить, что с момента издания Духовного регламента и на протяжении всего XVIII столетия духовно-учебное дело в России достигло определенных успехов. Об этом красноречиво свидетельствуют и статистические данные. Так, к началу царствования Александра I в стране была создана довольно широкая по сравнению со светской сеть духовно-учебных заведений с несколькими десятками тысяч воспитанников.

Во главе духовного образования стояли 4 академии — Московская, Киевская, Санкт-Петербургская и Казанская, причем 2 последние получили этот статус лишь в декабре 1797 г. согласно именному указу Павла I⁴. Насчитывалось 35 средних духовно-учебных заведений-семинарий: Архангельская, Астраханская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Волынская, Вятская, Екатеринославская, Иркутская, Калужская, Костромская, Курская, Минская, Могилевская, 3 Московские, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Слободско-Украинская (Харьковский коллегиум), Смоленская, Тверская, Тамбовская, Тульская, Тобольская, Черниговская, Ярославская и Оренбургская⁵.

В этот период функционировали 76 низших духовных училищ. Из них 7 в Новгородской епархии, 3 — Московской, 4 — Санкт-Петербургской, 2 — Казанской, 5 —

Тобольской, 2 — Ярославской, 5 — Тверской, 2 — Могилевской, 9 — Курской, 1 — Рязанской, 2 — во Владимирской, 1 — в Вологодской, 2 — Тульской, 2 — Воронежской, 2 — Иркутской, 4 — Костромской, 4 — Оренбургской, 18 — в Слободско-Украинской⁶.

К началу осуществления духовно-учебной реформы 1808 г. в четырех академиях обучались 3 889 учащихся, в 35 семинариях (кроме Тамбовской, о которой в это время не было сведений) — 20 018 и в 76 училищах — 4 619 учащихся⁷.

Однако это была лишь внешняя сторона организации духовно-учебного дела в России, его внутреннее содержание оставляло желать много лучшего. Духовные школы по-прежнему находились в крайне хаотическом состоянии и не имели строгой организации: у них не было ни четко установленной учебной программы, ни единого для всех внутреннего режима, ни соответствующей методики обучения. Будучи исключительно епархиальными учреждениями, духовно-учебные заведения находились в непосредственном подчинении епархиальных архиереев, а значит, они отражали все многообразие местных условий и, что немаловажно, архиерейских пристрастий.

Кроме того, существовавшие в школах порядки были довольно архаичными и мало способствовали развитию духовно-учебного дела. Например, в дореформенный период в семинарию принимали учеников в возрасте от 10 до 25 лет. Известны случаи, когда неуспевающих семинаристов по 10 лет держали в одном классе⁸.

Одной из главных проблем духовных школ являлось отсутствие учителей с высоким образовательным цензом. Чаще всего это были лица, не окончившие даже семинарии, как правило, приходские священники, обремененные своими прямыми обязанностями. Такие люди не могли быть хорошими педагогами. Поэтому в дореформенный период учебно-воспитательный процесс в большинстве семинарий находился на очень низком уровне.

Правда, в конце XVIII — начале XIX в. духовным ведомством предпринимались попытки введения в духовно-учебные заведения единообразных методов обучения. Однако они не достигли цели. В частности, в 1785 г. Святейший синод издал распоряжение о применении в духовных школах методики обучения, использовавшейся в народных училищах, и упорядочил распределение предметов по классам. В 1798 г. вышел синодальный указ, в котором предлагалась унифицированная программа обучения для академий и частично для семинарий⁹.

Кроме того, с 1800 г. по распоряжению духовного ведомства в епархиях стали учреждаться так называемые русские школы. Для них была определена единая учебная программа: чтение, церковный устав, письмо, катехизис и священная история, а также предметы, относящиеся к должности¹⁰. Данные учебные заведения предназначались для подготовки причетников. С 1803 г. также были узаконены русские школы повышенного типа с более широкой программой обучения¹¹.

Как отмечалось, все попытки придать духовно-учебному делу более четкую организацию, по сути, оказались бесплодными. Духовные школы по-прежнему продолжали жить каждой своей жизнью, находясь в полной зависимости от епархиального архиерея и не подчиняясь какой-либо установленной норме. В связи с этим назрела насущная необходимость кардинального преобразования российской духовной школы.

Следует заметить, что мысль об улучшении состояния духовно-учебных заведений занимала императора Александра I фактически с самого начала его царствования. По словам профессора П. В. Знаменского, в 1801 г. он поручил могилевскому

архиепископу Анастасию Братановскому составить проект их преобразования¹². Судя по всему, последний по неизвестным нам причинам затянул с выполнением поручения императора. Однако проблемы духовной школы по-прежнему требовали скорейшего их разрешения. Поэтому Санкт-Петербургский митрополит Амвросий (Подобедов), известный своей деятельностью по преобразованию Казанской семинарии, в ноябре 1804 г. обратился к царю с предложением реформировать духовно-учебные заведения и получил в ответ повеление «сделать предначертание»¹³.

Справедливости ради отметим, что не все исследователи конца XIX — XX в. соглашались с версией, что Амвросий был главным инициатором реформы. В частности, свои сомнения по этому поводу высказал П. В. Знаменский. Он охарактеризовал митрополита так: «Амвросий не отличался особенно высокими талантами... решение высших, сложных вопросов церковной жизни превышало его личные способности, которых доставало только на ведение текущих, отчасти синодальных, а больше одних епархиальных дел; — вопросы этого высшего порядка и поднимались и решались при нем другими членами Синода. Но он зато был аккуратен, исполнительен, очень деятелен и обладал дорогою в его положении способностью применяться к современному положению дел, держать себя с тактом, не только не мешать своим более способным сотрудникам, но и ценить их работы и даже быть между ними видным и полезным президентом»¹⁴.

В связи с этим известный историк духовного образования был склонен предполагать, что в основу реформы легли идеи архимандрита, а с 1804 г. епископа Старорусского и викария Санкт-Петербургского митрополита Евгения (Болховитинов). Как бы то ни было активная работа по подготовке проекта духовно-учебной реформы была начата осенью 1804 г. и завершена летом 1808 г.

Библиографические ссылки

¹ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР : XVIII — первая половина XIX в. М., 1973. С.198.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 27. Л. 2.

³ См.: Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. СПб., 1830. Т. 27. № 20597. (Далее: ПСЗ).

⁴ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (царствование императора Павла I). Пг., 1915. С. 137.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: **Титлинов Б. В.** Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1908. Вып. 1. С.6.

⁸ См.: **Благовещенский А.** История старой Казанской академии. Казань, 1875. С. 149.

⁹ См.: ПСЗ. Т. 25. № 18726.

¹⁰ Там же. № 19532.

¹¹ Там же. № 20670.

¹² См.: **Знаменский П. В.** Основные начала духовно-училищной реформы в царствование Александра I. Казань, 1878. С. 11.

¹³ См.: **Прилежаев Е. М.** Царствование Александра I в истории русской духовной школы // Христианское чтение. 1878. Кн. 1. С. 259.

¹⁴ **Знаменский П. В.** Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I. Казань, 1885. С. 5 — 6.

Поступила 01.10.2010 г.

УДК 94(470.345):336.712

Н. В. Баулина

N. V. Baulina

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА В МОРДОВСКОМ КРАЕ В 1914 — 1916 гг.

THE ACTIVITY OF PEASANT LAND BANK IN MORDOVIAN LAND IN 1914 — 1916

Ключевые слова: крестьянство, состояние сельского хозяйства, поземельный банк, ипотечное кредитование, земледелие, Первая мировая война.

В статье рассматривается деятельность Крестьянского поземельного банка в условиях Первой мировой войны, которая нанесла большой ущерб как крупным помещичьим, так и мелким крестьянским хозяйствам.

Key words: the peasantry, the condition of agriculture, land bank, the mortgage lending, agriculture, the First World War.

The activity of Peasant land bank under the conditions of the First World War, which caused heavy damage both to large landowners and small peasant farms, is considered in the article.

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., втянула в свою орбиту все страны Европы, в том числе Россию. С наибольшей силой она отразилась на крестьянах. Упадок в их хозяйстве отмечался с первых дней мобилизации. Начало войны совпало с началом уборки урожая, когда особенно требовались рабочие руки. Нередко крестьян вызывали колокольным звоном на мобилизационные пункты прямо с полей.

Отправке на фронт подлежало большинство мужчин призывного возраста. В связи с этим земские статистики весенний сев 1915 г. называли трудным и сообщали, что «надо было изворачиваться и с семенной нуждой, и с недостатком рабочих рук у значительной части хозяйств. Это отразилось в первую очередь на беднейшей части крестьян. Они разорялись, продавали скот и землю, кормились случайными заработками, нищенством. Газета „Вестник Пензы“ уже в июле 1914 г. сообщала, что в „последнее время в деревне усиливается продажа надельной земли“¹.

Большие трудности для крестьян составляли реквизиции на нужды армии лошадей и крупного рогатого скота. Крестьянам оставляли старых лошадей. Возросли натуральные повинности. Так, в Ардатовской волости в июне 1914 г. крестьяне должны были поставить 177 подвод. В сентябре-октябре того же года для подвоза призывников в армию из Темниковского уезда были мобилизованы 402 подводы. Темниковский исправник признал, что окрестное население «сильно обременено поставкой подвод»².

Уход мужчин на войну, уменьшение численности рабочего скота, слабая насыщенность аграрного сектора сельхозмашинами и орудиями обработки земли привели к сокращению посевных площадей. В мордовском крае они уменьшились на 15 %. В годы войны глубокие изменения произошли как в крестьянских, так и в помещичьих хозяйствах. Особенно в очень трудном положении оказались помещики в связи с

сокращением отхода на аграрные работы сельских жителей. Проблема недостатка рабочей силы становилась все острее. Помещики требовали привлечь военнопленных. Летом 1916 г. в Ардатовском, Инсарском, Саранском и Краснослободском уездах в помещичьих хозяйствах эксплуатировалось около 2 000 военнопленных. В этих уездах принудительно работали также беженцы, примерно около 20 тыс. чел. Вся эта ситуация приводила к разорению помещичьих хозяйств. Так, если в 1914 г. подесятинная обработка пашни обходилась в 2 руб. 50 коп., то в 1915 г. в 5 — 8 руб., а в 1916 г. — в 12 — 15 руб.³

Мордовский край принадлежал к числу таких районов России, где помещичье и монастырское землевладение сохранилось гораздо в большей степени, чем в других районах страны. Земельная площадь края составляла 2 459 351 дес., в том числе 603 577 дес. (24,5%) находились в частной собственности, 532 474 дес. (21,6%) принадлежали казне, церкви и учреждениям и 1 323 300 (53,9%) — крестьянам⁴.

В мордовском крае было 780 крупных землевладельцев, имевших 403 тыс. дес. земельных угодий. В среднем на каждого приходилось по 520 дес. Из 780 помещиков 203 владели 273 000 дес. Насчитывалось 175 200 крестьянских дворов, которым принадлежали примерно 1 314 000 дес. удобных и неудобных земель, т. е. в среднем на один двор приходилось по 7,5 дес. Монастыри (их было 14) владели большим количеством земли. Так, Параскево-Вознесенский монастырь с. Пайгарма (ныне Рузаевского района) имел 1 530 дес. В целом в собственности монастырей и церковей находились 62 000 дес. земельных и лесных угодий⁵.

Крестьянский поземельный банк, имея своих представителей практически во всех уездах и волостях мордовского края, отслеживал и анализировал ведение дел в хозяйствах, которые были кредиторами или находились в ведении банка. Банк предложил программу, по которой ему предоставлялись сведения, касающиеся влияния войны на хозяйственное положение населения в Пензенской губернии (В этот период Саранский, Инсарский и Краснослободский уезды входили в данную губернию).

В 1-м пункте программы говорилось о предстоящем урожае 1915 г. Так, в этом году прогнозировались хорошие урожаи всех хлебов. Однако с июня по сентябрь шли дожди, которые повлияли на урожай. В среднем в губернии с 1 дес. было собрано 80 пуд. ржи, 75 пуд. овса, 55 пуд. проса, 75 пуд. гречи, 525 пуд. картофеля. В этом году с 1 дес. суходольных лугов было скошено до 300 — 400 пуд. травы, влажных лугов — до 200 — 300 пуд., искусственных — до 500 — 800 пуд.⁶

Эксперты банка при выяснении причин большого роста цен на продукты питания обратили особое внимание на повышение в губернии заработной платы в связи с сокращением числа рабочих. Процесс повышения начался еще до войны, особенно в 1905 — 1906 гг. во время передачи помещичьей земли крестьянам. В это время даже был избыток рабочей силы из-за большого числа мало- и безземельных крестьян. Однако вскоре крестьяне в поисках заработка стали покидать свою губернию. Многие из них переселились в Сибирь на «новые земли». Другие уезжали работать на фабрики, заводы, в Донецкий угольный бассейн, на кавказские нефтяные и рыбные промыслы, в южнорусские степи на строительство дорог⁷.

С каждым годом частновладельческие хозяйства Пензенской губернии испытывали все большие затруднения в поиске рабочих рук и уже до войны прибегали к услугам женщин из Тульской губернии, рабочих-белорусов Витебской и других губерний. Поэтому часто цены за свой труд диктовали сами сельхозработчие. Так, вспаш-

ка 1 дес. земли по сравнению с ценами прошедших лет (2 руб. 50 коп.) стоила 15 — 16 руб., в том числе земли солдаток, частновладельческих хозяйств и рядовых крестьян. Такая высокая цена стала причиной позднего посева овса единоличниками на своих отрубных участках⁸.

Крестьянский поземельный банк особое внимание уделял реализации собранного урожая, ибо именно отсюда шли деньги на погашение кредитов, взятых у банка крестьянами за выкуп помещичьей земли. Закупка хлебов проходила 2 периода. В 1-м периоде наблюдалась лихорадочная скупка запасов хлеба по произвольным ценам, устанавливаемым на местных рынках сбыта по предварительному соглашению торговцев. В итоге, перепродав этот хлеб, спекулянты получали прибыль от 100 до 300%. Поземельный банк попытался парализовать спекуляцию хлебом, открыв свою ссыпку. Однако из-за несогласованности предельных цен разных ведомств (военного, Министерства земледелия, учреждения Красного Креста) она особых результатов не дала. Здесь сыграли немаловажную роль недостаточная осведомленность населения о деятельности учреждения по заготовке хлеба, недоведение качества зерна до кондиционных требований, инертность крестьянина-земледельца, предпочитавшего сыпать хлеб первому попавшемуся хлебопромышленнику с наименьшими для себя хлопотами⁹.

Реализация хлеба урожая 1915 г. по сравнению с прежними годами была длительной. Это было обусловлено затяжным характером уборки и молотбы, а в основном с твердыми высокими ценами на хлеб. Земледелец даже при таком урожае в связи с выгодной реализацией его части погашал важнейшие долги перед Крестьянским поземельным банком. Во 2-м периоде землевладелец особо не спешил с продажей остальных запасов хлеба. Население в полной мере оценило значение правительственных заготовок через банк за твердую цену. При ссыпке хлеба выиграли те районы, которые находились вблизи от заготовительных пунктов, прилегающих к станциям. В наиболее отдаленных местах посредники скупали хлеб на 25 — 30 % ниже существовавших твердых цен¹⁰.

В целом цены на продовольствие с начала войны и до марта 1916 г. выросли в почти 2 раза (таблица).

Таблица

Движение цен на сельхозпродукцию в мордовском крае в 1914 — 1916 гг., коп. за пуд

Продукция	Июнь 1914	Март 1915	Июнь 1915	Сентябрь 1915	Декабрь 1915	Март 1916
Рожь	81 — 90	109 — 120	99 — 107	104 — 112	107 — 121	110 — 125
Овес	66 — 76	108 — 123	96 — 120	90 — 108	100 — 118	106 — 115
Просо	125 — 133	155 — 163	173 — 192	188 — 222	222 — 233	240 — 270
Греча	155 — 187	200 — 210	220 — 225	230 — 280	287 — 325	305 — 315
Картофель	14 — 21	22 — 47	31 — 37	25 — 31	35 — 49	45 — 53
Сено	41 — 47	45 — 55	34 — 41	34 — 44	39 — 51	40 — 50

Составлена по: ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 986. Л. 151.

Поземельный банк особое внимание уделял получению кредитов крестьянами, и прежде всего, на выкуп помещичьих земель. Он максимально содействовал насаждению единоличной собственности в хозяйственном быту сельского населения, и ему

удалось создать для этого условия. Собственники в свою очередь начали объединяться в кредитные товарищества, так как прямой путь к кредитованию мелким хозяйствам был недоступен. Кредиты же нужны были для закупки сельхозмашин, семян. У сельского населения наблюдался приток денежных средств. Доказательством тому служил тот факт, что к концу 1915 г. опустевшие кассы кредитных товариществ пополнились возвращенными ссудами, возросло число вкладов.

Наибольшее количество ссуд банк выдал на покупку земель из собственных запасов. Большие площади земли были приобретены товариществами. В обеспечении земель правительство видело залог будущего благосостояния крестьян. Не находя возможности наделить их землей, необходимой для безбедного существования крестьян, оно выделило им земельный надел, который мог послужить ядром для будущего развития крестьянского земледелия. Такие условия освобождения крестьян заключали в себе необходимость громадного перераспределения недвижимой собственности, что обуславливало их стремление к покупке недостающего количества земли у помещиков или государства.

В рассматриваемый период многие крестьянские хозяйства не смогли расплатиться с банком. Так, по данным отчетов Пензенского отделения Крестьянского поземельного банка за 1914, 1915 и 1916 гг., видим, что единоличники уплатили 63,0 %, товарищества — 74,0 % и сельские общества — 73,9 %. «Недоимки» имели тенденцию из года в год увеличиваться. В 1914 г. они составляли 951 340 руб., к 1 января 1915 г. — 1 439 841 руб., в 1916 г. — 1 501 946 руб. В 1916 г. принимались меры к взысканию платежей заемщиков: у крестьян было отобрано большое количество хуторов¹¹.

Из рапортов уездных исправников на имя губернатора и Пензенского губернского правления следует, что некоторые крестьянские хозяйства платили нерегулярно или вообще не платили как в Краснослободском уезде¹².

Таким образом, начавшаяся мировая война, неурожай 1915 г. из-за погодных условий и его поздняя реализация отразились на поступлении платежей в банк. Однако работа, начатая Крестьянским поземельным банком, не приостанавливалась и шла вплоть до 1917 г.

Библиографические ссылки

¹ См.: История Мордовской АССР с древнейших времен до наших дней / под ред. А. В. Клеянкина. Саранск, 1984. С. 163.

² Там же.

³ ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 986. Л. 148.

⁴ См.: **Купряшкин Т. Е.** Революция 1905 — 1907 годов на территории Мордовской АССР. Саранск, 1941. С. 8.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 986. Л. 147.

⁷ Там же. Л. 149.

⁸ Там же. Л. 150.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 151.

¹¹ НА НИИГН. И-1389. Л. 151.

¹² См.: Вехи развития земельного банка. Саранск, 2010. С. 53.

Поступила 30.09.2010 г.

УДК 323.17(470.345)

А. Н. Чекушкин
A. N. Chekushkin

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА МОРДОВИИ В 1920 — 30-е гг.: ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ

TRANSFORMATION OF NATIONAL STATUS OF MORDOVIA IN 1920 — 30s: VERNACULAR POLICY

Ключевые слова: национальная политика, статус региона, партийные органы, делопроизводство, национальные языки, политика коренизации, выдвиженчество.

В статье рассматривается трансформация национального статуса Мордовии в 1920 — 30-е гг. в процессе преобразования Мордовского округа в Мордовскую автономную область и Мордовской автономной области в существовавших границах в МАССР сквозь призму политики коренизации и выдвиженчества национальных кадров на местах.

Key words: the national policy, status of the region, party organs, office management, national languages, the native-born policy, nomination.

Transformation of national status of Mordovia in 1920 — 30s during the process of reorganization of the Mordovian district into the Mordovian autonomous province, and the Mordovian autonomous province in the existed boundaries into MASSR is considered in the article through the prism of the native-born policy and nomination of indigenous personnel at the local level.

Национальная политика в рамках РСФСР и СССР прошла к 1930-м гг. трудную эволюцию. В Декларации прав народов России, опубликованной 3 ноября 1917 г. в газете «Правда» за подписями И. В. Сталина и В. И. Ленина (именно в такой последовательности), отмечалось, что «Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: 1) равенство и суверенность народов России; 2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»¹. Следующим актом стала принятая III Всероссийским съездом Советов Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа, провозгласившая Россию Федерацией советских национальных республик на основе свободного союза наций. В то же время внимание большевиков к национальному вопросу в немалой степени зависело от устойчивости их власти.

В практической деятельности в 1919 — 1920 гг. партийные органы руководствовались как программными документами начала Октябрьской революции, так и тактическими соображениями в условиях Гражданской войны. С началом сильнейшего экономического и внутривластного кризиса 1921 г. проблема межнациональных отношений вновь заняла одно из центральных мест в партийных документах. X съезд РКП(б) принял пространную резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», где говорилось, что после того как помещики и буржуазия свергнуты и Советская власть провозглашена народными массами, задача партии

состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера, на родном языке... для ускорения подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных кадров по всем областям управления, и прежде всего в области просвещения»².

На XII съезде РКП(б) были конкретизированы основные задачи практической работы в государственно-административной, культурной и хозяйственной сферах. В качестве главных препятствий в национальном строительстве резолюция съезда назвала великодержавный шовинизм, экономическое неравенство и местный национализм³. Эти документы стали идеологической, а фактически юридической базой, на которой проводилась национальная политика среди мокши и эрзи. Полностью отраженные затем в Конституции СССР 1924 г. они получили статус закона. Следует указать, что национальная политика этого периода отличалась достаточно трезвой оценкой политической обстановки. Она не только привела к практическому воссозданию, а затем и расширению многонациональной державы, но и сделала ее единой и прочной, способной выиграть самую великую из войн.

Одним из важнейших факторов, способствовавшим процессу национально-культурного строительства, надо признать достаточно весомое (и при этом энергичное) мордовское представительство в губернских и уездных исполкомах края, особенно в Пензенской и Самарской губерниях. Сильнейшим стимулирующим фактором стало также оформление автономий соседних с мордвой народов: марийцев, татар, чувашей и др. Сила этого примера должна была сыграть (и сыграли — вспомним движение автономистов, организовавших достаточно заметное движение за автономию) в борьбе за возрождение мордовской государственности роль эффективного катализатора, тем более что успехи названных государственных образований в развитии экономики, и особенно национальной культуры, грамотности, были весьма наглядными.

Однако существовала масса причин, которые мешали быстрому проведению политических мероприятий по национальной политике. Одной из них была дисперсность проживания народа. По этому поводу И. А. Яшкин отметил: «Главная трудность была связана с разбросанностью мордвы»⁴. Другая сдерживающая причина — настороженность к этому вопросу административного аппарата в губерниях мордовского края. Даже в условиях строгой партийной дисциплины, когда решения X и XII съездов РКП(б) должны были беспрекословно выполняться, некоторые руководящие работники, среди которых секретарь Саратовского губкома партии Малецкий (в 1921 г.) и председатель Пензенского губернского исполкома Лютин (в 1923 г.), открыто высказались против мордовской автономии⁵. Чаще всего встречался открытый саботаж. К факторам, затруднявшим организацию мордовской автономии, исследователи традиционно относили экономическую и культурно-политическую отсталость народа, под которой подразумевались его недостаточная втянутость в про-

мышленное производство, общая малая доля грамотных среди народа, почти полное отсутствие национально-профессиональной деятельности в основных духовных (литературе, музыкальном, театральном, изобразительном искусстве и т. д.) и научной сферах⁶. Однако, на наш взгляд, это не совсем верный подход, так как происходила корреляция этих сфер с культурными сферами более мощного народа или группы стран, символизирующих на современном этапе развитие мировой цивилизации. Говоря о недостатке квалифицированных кадров, следует отметить, что общенациональный подъем и сложившийся круг интеллигенции естественным образом могли обеспечить заполнение основных профессиональных сфер, в том числе науки, ориентированной преимущественно на изучение языка, фольклора, истории мордовского народа⁷.

В период раннего становления государственности мордовского народа наблюдалась деятельность группы автономистов, действия которой носили «антипартийный характер» и были направлены на искусственное инспирирование общественного мнения мордвы в пользу немедленного образования автономной единицы. Поэтому вопрос о их работе был поставлен в ноябре 1925 г. на расширенном пленуме партколлегии ЦКК ВКП(б), где, осуждая деятельность «автономистов», ЦКК обратила внимание на ряд обстоятельств, которые содействовали созданию группировки⁸. Среди них отсутствие внимания на культурно-хозяйственные нужды мордвы, кадровые проблемы, противодействия властей и их медлительность в рассмотрении вопроса создания мордовской автономной единицы. Деятельность мордовских автономистов можно охарактеризовать как попытку самостоятельной работы (вне рамок партийных организаций) части коммунистов в области решения проблем национально-культурного и общественно-государственного строительства мордвы.

Формирование национальных кадров управления на базовой территории мордовской автономии целенаправленно началось в 1924 г. с выделения национальных сельских Советов и волостей. Уже с 1925 г. мордовское население имело представительство в президиумах некоторых уездных и губернского исполнительных комитетов. После образования Мордовского округа процесс расширения национальных кадров осуществлялся по конкретной программе. 21 января 1929 г. бюро обкома ВКП(б) приняло по докладу Г. А. Полумордвинова постановление «О проведении национальной политики в округе», в котором, в частности, говорилось:

«А) При проведении перевыборов Советов закончить перевод работы Советского и общественного аппарата в мордовских районах и селениях на их родной язык; усилить подбор работников из мордвы в средние звенья окружного аппарата, а также технических работников, не ограничиваясь при этом подготовкой их на имеющихся курсах низовых Советских работников, и более решительно выдвижение из числа находящихся на практической работе батраков и бедняков из мордвы.

Б) Учитывая значение Мордовского округа как национального, где концентрируется работа по созданию мордовских учреждений культуры для обслуживания запросов мордовского населения не только всей Средне-Волжской области, а также и вне ее, и отмечая наличие известных достижений в этом направлении (Мордовская областная СПШ, педтехникум, печать и ряд курсов), предложить АППО обкома и подотделу нацмен наметить в месячный срок конкретные меры по дальнейшему укреплению мордовских культурных учреждений и учебных заведений и работы их по подготовке кадров работников из мордвы»⁹.

К маю 1930 г. выполнить указанное постановление в основном удалось. Тем не менее в центральном областном аппарате мордва составляла лишь около 20 % при ее доле в населении 40 %. Несколько лучше дело обстояло со служащими районных исполкомов. В них уже в 1929 г. насчитывалось 33,4 % мордвы и 3,0 % татар. В сельских Советах, как говорилось, коренизация была проведена еще до образования округа. Также выдерживалось национальное соотношение среди членов и председателей районных исполкомов. В высших областных органах мордва составляла большинство¹⁰.

Основными причинами слабого пополнения аппарата мордвой и татарами следует признать недостаточное количество среди них квалифицированных кадров и определенное противодействие этому среднего звена управления. Для обучения национальных кадров в 1928 г. в Саранске была открыта Мордовская советско-партийная школа с трехгодичным сроком обучения и 4 отделениями: советского строительства, организационно-партийной работы, пропагандистов и колхозного строительства. Директором был назначен В. Д. Мартынов¹¹.

В связи с преобразованием Мордовского округа в Мордовскую автономную область проблемы общественно-политического строительства в регионе приобрели новую направленность. Они были обусловлены изменениями как границ области, так и национального состава (табл. 1).

Таблица 1

Изменение национального состава Мордовии в 1928 — 1930 гг., тыс. чел. (%)				
Национальный состав	Мордва	Татары	Русские	Всего
До преобразования	457,3 (33,5)	70,8 (5,1)	837,9 (61,4)	1 366,2 (100)
После преобразования	497,8 (38,4)	70,6 (5,5)	726,5 (56,1)	1 294,9 (100)

Составлена по: **Васильев Т. В.** Мордовия. Саранск, 1931. С. 142.

Как видно из табл. 1, в результате административных преобразований численность мордвы и татар в Мордовской автономной области увеличилась, других национальностей сократилась. Кроме этого данные преобразования привели к общему сокращению численности населения в области. Увеличение численности мордвы способствовало более острой постановке вопроса обеспечения национально-кадровым составом новой административной единицы.

В рассматриваемый период особое внимание уделялось процессу перевода делопроизводства на национальные языки. Он был очень неравномерен и встретил ряд трудностей, которые не были до конца преодолены. Они были обусловлены следующими обстоятельствами:

— во-первых, принадлежностью мордвы к младописьменным народам, поэтому разработку документации на мордовских языках пришлось начинать с нуля, без соответствующей литературы и навыков в организации делопроизводства на национальных языках;

— во-вторых, наличием незначительного количества квалифицированных кадров мордовской национальности, способных организовать и возглавить делопроизводство на национальной основе;

— в-третьих, ведением делопроизводства государственными учреждениями на русском языке. Вследствие этого национальным учреждениям приходилось вести переписку с ними на русском языке, затем переводить на мордовский (для отчета), что создавало определенные трудности;

в-четвертых, недопониманием многими работниками государственных учреждений значения данного важного мероприятия, что во многом было связано с представлениями об ассимиляции мордвы;

в-пятых, нажимом сверху, требованием отчетов с повышенным процентом коренизации без действенной помощи приводило к рождению «фиктивных» данных и отпискам вместо действительной работы, что устраивало вышестоящие органы власти и давало возможность отчитаться перед правительством об «успешном выполнении задач национальной политики партии», включая вопросы национального образования¹².

Перевод делопроизводства на мордовские языки начали проводить с середины 1920-х гг. в ходе коренизации государственных учреждений. В частности, в 1925 г. в Пензенской губернии на мордовском языке велось делопроизводство в 2 волостных исполкомах и 65 сельских Советах. Особые трудности испытывали судебные органы, что неоднократно подчеркивалось в докладах о переводе делопроизводства на мордовские языки. Как правило, судоговорение на мордовских участках велось на мордовском языке, а судопроизводство на русском языке. Однако известны факты, когда судебные работники мордовской национальности отказывались вести судоговорение на родном языке. Такой случай описал Г. К. Ульянов: «...очень многие (жители села Атяшево) с горечью и обидой отмечали пренебрежительное отношение к мордовскому языку со стороны националов-чиновников. По адресу таких „изменников своему народу“ сыпались энергичные эпитеты: „Вот где настоящая бюрократизма“, вот „зазнайки“. Чуть повыше поднялся — сейчас и язык свой бросает, ты ему по-мордовски, а он отвечает по-русски»¹³.

К 1 декабря 1931 г. перевод делопроизводства на родной язык осуществлялся не на должном уровне (табл. 2).

Таблица 2

Показатели коренизации в Мордовской автономной области

Район	Число мордовских сельсоветов	Мордовское население, %	Число мордовских сельсоветов, в которых делопроизводство переведено на родной язык	
			полностью	частично
Ардатовский	22	51,2	9	6
Атяшевский	19	54,2	10	8
Дубенский	16	61,6	—	14
Зубово-Полянский	24	79,7	—	6
Игнатовский	9	55,0	1	8
Инсарский	9	22,9	—	—
Ичалковский	7	35,5	—	4
Ковылкинский	28	50,0	—	—
Кочкуровский	13	68,2	13	—
Краснослободский	11	15,5	—	4
Ромодановский	1	1,4	—	1
Рузаевский	12	36,5	4	8
Саранский	8	—	—	6
Старошайговский	10	32,4	—	9
Темниковский	11	33,3	—	5
Теньгушевский	9	49,8	—	8
Торбеевский	11	36,9	—	—
Чамзинский	12	29,8	—	5
Итого	232		37(15,9 %)	92 (40,0 %)

Составлена по: Образование Мордовской АССР (1917 — 1937 гг.) : док. и материалы. Саранск, 1981. С. 164.

По данным табл. 2 видно, что перевод делопроизводства не был налажен, причем в ряде районов такая работа вообще не велась¹⁴. В дальнейшем дело в этом направлении продвигалось медленно, хотя принимались различные постановления и резолюции. В постановлении Средневолжского краевого комитета ВКП(б) от 23 февраля 1931 г. отмечено: «Закончить перевод делопроизводства на родной язык в национальных районах и селах не позднее 1 января 1932 г., обязав всех областных работников в определенные сроки изучить мордовский язык»¹⁵.

На V Пленуме Средневолжского краевого исполкома (1932 г.) подчеркивалось, что перевод делопроизводства полностью или частично осуществлен в 41 % мордовских сельских Советах¹⁶. По данным М. С. Букина, эта цифра составила 37 %¹⁷. По показателям на 1 июля 1933 г. в национальных сельских Советах из 203 канцелярских дел на мордовский язык было переведено 20, а частично 47. Делопроизводство на родном языке не велось ни в одном исполкоме¹⁸.

Первый съезд Советов МАССР внес свою лепту в издание постановлений о скорейшей коренизации: всем сельским Советам предписывалось перевести работу на родной язык полностью в 1935 г., «а во всех республиканских учреждениях и организациях ввести параллельное делопроизводство на мордовском и русском языках»¹⁹. Однако, по данным Президиума ЦИК МАССР за 1936 г., это решение не было выполнено и наполовину²⁰.

Подводя итоги, следует отметить, что коренизация в области перевода делопроизводства на национальный язык продвигалась крайне медленно. Это было вызвано рядом объективных причин: недостатком кадров, средств, отсутствием опыта ведения делопроизводства на мордовских языках (новые инструкции «О правилах ведения делопроизводства» были отправлены на места лишь в 1928 г.), неразработанностью мордовского языка. Однако были причины, связанные непосредственно с проведением национальной политики Советским государством. Опыт показал, что без национального центра, без мордовской государственности (республики), которая имела бы экономическую, культурную и политическую самостоятельность, коренизация несостоятельна.

Работа по переводу делопроизводства на родной язык, как отмечалось, тормозилась недостатком кадров, особенно в районных и областном исполкомах, которые требовали отчета на русском и мордовском языках. С самого начала этот перевод был поставлен в жесткие условия. Отсутствие самостоятельности местных органов власти привело к областному переходу на русский язык либо к формальным отпискам на областном уровне. Постоянные отчеты вели к раздуванию штатов, фальсификации данных, привлечению очень загруженных национальных учителей. Работники мордовских организаций не понимали, для чего проводить двойную работу по переводу отчетов на 2 языка, было бы легче их составлять и вести деловые бумаги сразу на русском языке. Отсутствие самостоятельности подавляло инициативу, сковывало работу и вызывало недовольство мордовским языком.

Важнейшим условием успешной коренизации государственных органов являлся вопрос подготовки национальных кадров. В ходе национального строительства были необходимы квалифицированные работники, знающие родной язык и способные организовать работу на местах, умеющие привлечь широкие массы мордовского народа в дело решения экономических, культурных, социальных и политических проблем. Поэтому в ходе коренизации государственного аппарата остро встал вопрос о нацио-

нальных кадрах. Это обстоятельство требовало от советских органов особой внимательности при привлечении старых специалистов на сторону советской власти. Наиболее грамотными были представители так называемых господствующих классов: зажиточные крестьяне и их дети, священнослужители, интеллигенция, именно та, которую было принято называть классово чуждыми элементами.

Другим важным условием решения кадрового вопроса стали подготовка новых специалистов на разных курсах и выдвиженчество. Для подготовки квалифицированных специалистов из рабочих и крестьян через высшие и средние учебные заведения требовались, во-первых, их соответствующая подготовка хотя бы на уровне начального образования, во-вторых, средства для организации обучения и необходимое для обучения время. Можно сказать, что практически не было ни первого, ни второго.

Единственным выходом из создавшегося положения было выдвижение на руководящие должности наиболее способных рядовых работников. Это было сопряжено со многими трудностями. Они были вызваны тем, что до революции представители мордовской национальности не назначались на административно-хозяйственные должности, так как у них не было опыта руководящей деятельности. Основная масса населения состояла из крестьян, большей частью неграмотных, политический опыт которых заключался лишь в участии в общих сходках и собраниях. Часть населения представляла, что руководящие должности могут занимать только «выходцы из господствующих классов русской национальности». Те же представители мордовской национальности, которые добивались какой-либо государственной должности, не подчёркивали свою национальную принадлежность²¹.

Наибольшее число выдвиженцев из мордвы направлялось в местные Советы. В ходе коренизации при открытии национальных сельских Советов и переходе делопроизводства на родной язык требовалось большое количество как руководящих, так и технических работников. Сельским и волостным Советам ежедневно приходилось решать множество вопросов с населением. Поэтому от уровня подготовленности кадров во многом зависело проведение мероприятий советской власти на местах, особенно по национальному вопросу. В этом отношении в селах с преобладающим мордовским населением было не совсем благополучно. Дело в том, что в местном государственном аппарате работали старые служащие, которые не могли, а порой не хотели в должной мере способствовать скорейшему возрождению мордовского народа²².

Следует указать, что начиная с 1930-х гг. выдвиженцы являлись самой динамичной частью советских учреждений, так как они представляли глубинные народные слои. С выдвиженцами в советский строй стал вливаться слой людей из простонародных масс с огромным творческим потенциалом, сыгравших большую роль в годы революций начала XX столетия. Именно их, по-видимому, следует считать той социально-политической опорой государственной машины, сталинской власти, которая сложилась в 1930 — 40-е гг. Для качественного улучшения работы советских органов требовалось повысить общеобразовательный уровень и подготовку аппарата управления. На первых порах повышение квалификации и политической подготовки выдвиженцев проводилось на различных курсах и другими формами краткосрочной учебы. Судя по архивным данным, руководителями и лекторами на курсах были национальные работники, знавшие мордовский язык и имевшие практические

навыки. Некоторые из них прошли курсы партийно-советского строительства при ЦК партии²³.

Постоянной проблемой организации курсов был недостаток средств. Их недобдуманная организация во время полевых работ, выборов также тормозила работу, потому что они прерывались на это время²⁴. Кроме того, на учебу шли, как правило, не самые грамотные представители мордовской национальности. Центральные партийные органы «спускали» разнарядки на количество выдвиженцев из рабочих, бедняков и партийцев²⁵.

Если судить о партийной принадлежности выдвиженцев, то можно заметить, что предпочтение отдавалось членам партии, которые, как правило, выдвигались на более ответственную работу в органах, имевших существенные полномочия и контролировавших деятельность других организаций²⁶.

Итак, подготовка и выдвижение национальных кадров проходили очень медленно. Если в первые годы советской власти уделялось внимание их образовательной подготовке и профессиональным навыкам, то по мере складывания жесткой административно-командной системы в поле зрения оказались партийная принадлежность и преданность новой власти²⁷. Выдвиженчество и коренизация были превращены в очередную политическую борьбу с мнимыми классовыми врагами и уклонами от линии складывавшейся авторитарной власти, направленной на подбор и воспитание послушных и непротиворечивых работников, готовых на беспрекословное выполнение приказов.

Идеологизированность и борьба с «классовыми врагами» нанесли ощутимый ущерб качественному росту национальных кадров. Как подчеркнул В. С. Ивашкин, «в органы партийного, государственного аппарата пришли новые люди», многие из которых по своему образовательному уровню и опыту практической работы чаще всего уступали своим предшественникам. Так, Председателем Президиума Верховного Совета МАССР был выдвинут М. А. Чембулатов, имевший трехклассное образование. Он заменил на этом посту Н. Г. Сурдина, который окончил Военно-хозяйственную академию, Институт красной профессуры, имел большой опыт работы на разных ответственных должностях²⁸.

Таким образом, национальная политика в 1930-е гг. была в основном многофакторным процессом, выступавшим основным элементом общественно-политической жизни. Грубое вмешательство в религиозную жизнь страны, закрытие церквей нанесли психологическую травму огромному числу людей, возбудили неприязненное отношение к коммунистической диктатуре широких масс населения. В то же время ликвидация массовой неграмотности, повсеместное развертывание системы школьного образования и культурно-просветительных учреждений в совокупности с расширением социальных перспектив и национально-государственным строительством стимулировали умственную деятельность мордовского населения, вызвали в нем энтузиазм и поддержку политики партии. Создание социального слоя мордовской интеллигенции способствовало более высокому интеллектуальному развитию народа.

Однако это породило ряд новых проблем, порой крайне негативных. Во-первых, данная ситуация касалась всей социалистической интеллигенции автономии независимо от национальности. Лишь отдельные представители рабочих и крестьян могли осознать достижения мировой культуры, поднимаясь по лестнице «ликбез — рабфак — вуз». Для основной массы выдвиженцев это была непосильная задача.

Чаще всего результатом такого быстрого восхождения являлись лишь усвоение минимума специальных знаний и приобретение ортодоксальной политической ориентации без масштабного мышления и широкой эрудиции. Во-вторых, собственно мордовская интеллигенция, воспринимая через русский язык и в значительной мере через призму русского, к тому же социалистического, менталитета традиционные стереотипы европейской культуры, по сути, весьма далекие от мордовского народного мировосприятия, обусловленного особенностями его национального типа и структуры, духовно отрывалась от своего народа, «становилась ненародной», что приводило к дополнительной «утечке умов» из мордовской среды, ставило саму интеллигенцию в стрессовую психологическую ситуацию, усугублявшуюся ее маргинальным нравственным настроением.

Библиографические ссылки

- ¹ Декреты Советской власти 1917 — 18 гг. М., 1957. Т. 1. С. 40.
- ² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1940. Ч. 1. С. 385.
- ³ Там же. С. 493 — 495.
- ⁴ **Яшкин И. А.** Мордовская социалистическая нация — детище Октября. Саранск, 1978. С. 86.
- ⁵ Там же. С. 86 — 87.
- ⁶ См.: **Васькин И. А.** Национальное возрождение мордовского народа. Саранск, 1964. С. 51.
- ⁷ См.: **Абрамов В. К.** Мордовский народ (1897 — 1939). Саранск, 1996. С. 240.
- ⁸ См.: **Васильев Т. В.** Мордовия. Саранск, 1931. С. 131 — 132.
- ⁹ Образование Мордовской АССР (1917 — 1937 гг.): док. и материалы. Саранск, 1981. С. 126 — 127.
- ¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп.10. Д. 6. Л. 35.
- ¹¹ См.: **Абрамов В. К.** Указ соч. С. 272.
- ¹² См.: **Ульянов Г. К.** Национально-культурная проблема в мордовской деревне // Коммунист. образование. 1931. № 10.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: **Васильев Т. В.** Указ. соч. С. 55.
- ¹⁵ См.: Образование Мордовской АССР... С. 174.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: **Букин М. С.** Становление Мордовской советской национальной государственности (1917 — 1941 гг.). Саранск, 1990. С. 132.
- ¹⁸ См.: Мордовия на переломе : Итоги третьего Пленума облисполкома Мордов. автоном. обл. 7 — 10 июня 1932 г. Саранск, 1932. С. 51.
- ¹⁹ Образование Мордовской АССР... С. 209.
- ²⁰ Там же. С. 229 — 230.
- ²¹ См.: **Васильев Т. В.** Указ. соч. С. 167.
- ²² См.: **Ивашкин В. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917 — 1941). Саранск, 1972. С. 55.
- ²³ ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 125. Л. 18.
- ²⁴ Там же. Оп. 3. Д. 97. Л. 21.
- ²⁵ См.: Образование Мордовской АССР... С. 129.
- ²⁶ Там же. С. 228.
- ²⁷ Там же. С. 210.
- ²⁸ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 200 ; 2004. Т. 2. С. 379.

Поступила 26.10.2010 г.

УДК 94(470.345-21)

Е. Н. Бикейкин

E. N. Bickeykin

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ г. САРАНСКА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SARANSK UNDER THE CONDITIONS OF THE REFORMS OF THE SECOND HALF OF 1960s

Ключевые слова: реформа, экономика, промышленность, строительство, транспорт, связь, социокультурная сфера, инфраструктура, городское хозяйство.

В статье анализируется хозяйственная реформа второй половины 1960-х гг. и ее влияние на социально-экономическое развитие г. Саранска в годы восьмой пятилетки. Особое внимание уделяется развитию промышленности и строительной индустрии, а также динамике хозяйственной и социокультурной инфраструктуры города.

Key words: reform, the economy, industry, building, transport, communication, social and cultural sphere, infrastructure, municipal services.

The economic reform of the second half of 1960s and its influence on the social and economic development of Saransk during the eighth five-year plan is analyzed in the article. Special attention is paid to the development of industry and building as well as to the dynamics of the economic and social and cultural infrastructure of the town.

Вторая половина 1960 — начало 70-х гг. проходили под знаком начала наиболее радикальной за все годы советской власти хозяйственной реформы. Преобразования оказали серьезное влияние на развитие как Мордовии в целом, так и Саранска в частности, определив векторы социально-экономического развития города на ближайшие десятилетия.

Одним из основных направлений хозяйственной реформы было совершенствование экономического стимулирования, включавшее в себя изменение ценообразования в пользу низкорентабельных производств. Переход к системе экономического стимулирования привел к коренной перестройке работы промышленных предприятий Мордовии. Примером может служить Саранский завод автосамосвалов, на котором весной 1967 г. были проанализированы условия перехода на эту систему. Первоначально были выявлены серьезные недостатки в работе предприятия. На основе анализа его деятельности определены внутренние резервы и намечены конкретные шаги по реорганизации производства. Среди них особое место заняли действия администрации завода по организации труда с учетом работы предприятия при пятидневной неделе. Было предложено «повести решительную борьбу с расточительством», добиться экономического расходования материальных ресурсов и денежных средств. Большое внимание уделялось улучшению качества выпускаемой продукции¹.

Аналогичные процессы проходили и на других промышленных предприятиях. Так, с 1 июля 1966 г. на систему экономического стимулирования перешел завод «Электровыпрямитель». Основными оценочными показателями его деятельности стали

объем реализации продукции и прибыль². Подобный подход позволил заводу достаточно успешно выполнить правительственные задания 1967 — 1968 гг., сочетая интересы предприятия и государства. Выступая 24 января 1968 г. на республиканском партийно-хозяйственном активе, директор предприятия И. И. Васильев сказал: «У нас и до реформы были неплохие показатели, но сейчас они значительно улучшились. Несмотря на рост оборудования, мы повысили фондоотдачу. В 1966 г. на рубль основных фондов она была равна 6 руб. 82 коп., а за минувший 1967 г. ее величина составила 8 руб. 10 коп. Особенно радует то, что мы вот уже два года работаем ритмично. Для нас это очень большое дело. Все плюсы и минусы хозяйствования как в зеркале отражаются в прибыли. Мы в 1967 г. получили прибыли на 63,7 % больше, чем в 1966 г. (в сопоставимых ценах)»³.

Система экономического стимулирования ставила оплату труда работников промышленности в непосредственную зависимость не только от результатов их индивидуального труда, но и от общих итогов работы предприятия. На заводе «Электровыпрямитель» в 1967 г. фонд материального поощрения составил 1 551 тыс. руб., из которых в виде премий рабочим было выплачено 670 тыс. руб., ИТР и служащим — 478 тыс. руб. Среднюю заработную плату рабочего планировалось довести до 82 руб. 07 коп., фактически она равнялась 85 руб. 65 коп. В связи с премиями заработная плата составила до 92 руб. 15 коп. В среднем вместе с премиями она равнялась 99 руб. 73 коп., т. е. в 1967 г. по сравнению с 1966 г. заработная плата рабочего повысилась на 8,3 %⁴. В целом по республике средняя заработная плата в промышленности в 1967 г. по сравнению с 1965 г. повысилась на 8 %⁵.

Существенной составляющей хозяйственной реформы была коррекция системы планирования. Прежняя плановая система не заинтересовывала промышленные предприятия в эффективной, качественной работе, ограничивая хозяйственную самостоятельность и инициативу. Новые принципы планирования должны были исправить эти недостатки. Народно-хозяйственным планом на 1966 — 1970 гг. предусматривались высокие темпы развития машиностроения и металлообработки, химического производства, промышленности строительных материалов. Производство промышленной продукции должно было возрасти в 2 раза, в том числе электротехнической и приборостроительной — в 3,0 раза, станкостроительной и инструментальной — в 4,0 раза, производство цемента — в 1,9 раза. Были определены плановые показатели по конкретным промышленным предприятиям республики. Так, предполагалось, что выпуск продукции в ПО «Светотехника» увеличится в 2,2 раза, на предприятиях «Мордовэнерго» — в 2,3 раза⁶. Большое внимание в пятилетнем плане было уделено новому промышленному строительству. Предполагалось ввести в эксплуатацию заводы литейный и «Резинотехника».

Во второй половине 1960-х гг. в республике началась работа по специализации и кооперированию производства путем укрепления предприятий и создания хозрасчетных производственных объединений. Об эффективности данных мероприятий свидетельствует пример работы объединения «Светотехника». Объем промышленного производства здесь за восьмую пятилетку возрос в 2,5 раза, производительность труда — в 1,7 раза, рентабельность производства — в 3,8 раза, фондоотдача — в 1,4 раза⁷.

Объединение «Светотехника» сыграло большую роль в решении проблемы малых городов и улучшении размещения производительных сил по территории республики.

В годы восьмой пятилетки, столкнувшись с дефицитом рабочей силы в Саранске и невозможностью привлечь ее со стороны, объединение «пошло» за трудовыми ресурсами в малые города и районы республики. Так, были созданы его филиалы в г. Рузаевке, Ардатове, Темникове, а также в рабочих поселках Кадошкино, Чамзинка, селах Большие Березники, Атюрьево. Благодаря «Светотехнике» Саранск уже в 1960-е гг. стал одним из крупнейших центров светотехнической промышленности не только страны, но и Европы. В связи с этим электрическая лампочка представляла символ главной специализации промышленности города и была изображена на гербе Саранска.

Значительное внимание на предприятиях города уделялось научно-техническому прогрессу, развитию технического творчества, вопросам научной организации труда и управления. Только в 1970 г. на промышленных предприятиях было внедрено свыше 1 200 мероприятий по научной организации труда, новой технике и передовой технологии, позволивших условно высвободить 1 500 чел.⁸ Поэтому неслучайно наиболее быстрыми темпами во второй половине 1960-х гг. развивались такие наукоемкие отрасли, как машиностроительный комплекс и металлообработка. Это достаточно ярко просматривалось на примере ведущих предприятий Саранска — ПО «Светотехника», заводов «Электровыпрямитель», приборостроительного, автосамосвалов, кабельного и др.

Одним из ведущих предприятий Мордовии был завод «Электровыпрямитель», которым пятилетнее задание по выпуску продукции и росту производительности труда было выполнено 9 сентября 1970 г. За годы пятилетки объем производства продукции на предприятии возрос в 3,5 раза, при этом 75 % прироста ее получено за счет повышения производительности труда за пятилетку в 2,5 раза. Переход завода в числе первых предприятий в июле 1966 г. на новый порядок планирования и экономического стимулирования способствовал значительному повышению рентабельности производства. Общий размер прибыли возрос за пятилетку в 29 раз, рентабельность — в 16 раз⁹. На заводе было освоено 118 новых видов изделий, большинство которых аттестовано на уровне мировых стандартов¹⁰. В результате применения в народном хозяйстве страны разработанных изделий получен экономический эффект в сумме свыше 50 млн руб.¹¹ Ветеран завода В. Петров о работе над одним из новых видов продукции вспоминал: «Завод набирал темпы. Спрос на преобразовательную технику с каждым годом возрастал. ...Старая сплавная технология была очень трудоемкой. И тогда возникла дерзкая мысль. Разработать и внедрить новую технологию. Сделать полупроводниковые приборы надежными, долговечными и менее сложными в изготовлении. Эту мысль подал доктор физико-технических наук В. М. Тучкевич. Он вместе с главным инженером завода И. А. Тепманом и возглавил группу заводских разработчиков. Создание новой технологии было по существу революцией в полупроводниковой технике. Ведь такие всемирно известные электротехнические монополии, как „Дженерал электрик“ (США), „Сименс“ (ФРГ), „Тосибо“ (Япония) работали по сплавной технологии. А где-то в Мордовии, мало тогда кому известном даже в Советском Союзе Саранске решили создать, да еще в промышленных условиях, новую технологию изготовления приборов. Это вызвало недоверие к новым разработкам в среде ряда видных ученых страны, да и на самом заводе нашлись противники, шли жаркие споры. И все же сторонники новой диффузионной технологии победили»¹².

За большую трудовую победу в создании и освоении производства принципиально новых полупроводниковых выпрямительных устройств группе работников завода (И. И. Васильеву, А. Д. Булкину, И. А. Тепману, И. Г. Учайкину и Л. Н. Крылову) в 1966 г. была присуждена Ленинская премия. Этот факт явился знаменательным событием, отразившим достижения не только коллектива завода, но и всей растущей индустрии Мордовии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1967 г. завод «Электровыпрямитель» первым среди промышленных предприятий города и республики был награжден орденом Трудового Красного Знамени¹³.

С хорошими технико-экономическими показателями закончил восьмую пятилетку завод автосамосвалов. За этот период объем производства продукции здесь вырос на 93 %, среднегодовой темп прироста составил 14 %. Около 98 % прироста продукции получено за счет повышения производительности труда. При этом следует заметить, что в 1970 г. весь прирост продукции получен за счет роста производительности труда, а численность промышленно-производственного персонала по сравнению с предыдущим годом сократилась на один процент. Большое внимание на заводе уделялось более эффективному использованию основных производственных фондов. Совершенствование действующих и внедрение новых технологических процессов позволили увеличить фондоотдачу на более чем 72 %, т. е. с 6 руб. 85 коп. в 1965 г. до 11 руб. 75 коп. в 1970 г.¹⁴

Примером удачного внедрения в производство достижений научно-технического прогресса служил завод «Саранскабель». В 1964 — 1965 гг. на предприятии была обновлена большая часть машинного парка, установлено свыше 100 единиц нового оборудования. Руководство завода пошло по пути реконструкции и создания единого производственного пространства. Поощрялись усилия коллектива, направленные на модернизацию и автоматизацию производственных процессов. В 1965 — 1966 гг. началось внедрение автоматических линий под условным названием «Телефон». По существу, это был комплексно-автоматизированный участок, способствовавший сокращению отдельных технологических операций. Это позволило перевести на другие работы 56 чел. и освободить некоторые производственные площади. В период реконструкции вносилось до 100 рационализаторских предложений в год. Во второй половине 1960-х гг. сложилась система повышения качества продукции и она давала результаты. В 1968 г. 83 % готовой продукции было аттестовано по первой категории качества, 17 % — по второй. Через 3 года 34,9 % продукции относилось к высшей категории качества, 58,6 — первой и 6,5 % — ко второй¹⁵.

Особенно быстрыми темпами росло производство химического и медицинского оборудования, приборов, средств автоматизации и другой продукции, имеющей важное значение в техническом прогрессе. В 1970 г. по сравнению с 1965 г. производство автосамосвалов увеличилось на 43,8 %, экскаваторов — на 64,5 %, химического оборудования — в более чем 2 раза. За годы восьмой пятилетки освоено серийное производство свыше 300 новых видов изделий. Только в 1970 г. изготовлено около 80 новых образцов машин, приборов, аппаратов. Работники предприятий машиностроения и металлообработки республики выпустили продукции сверх плана на сумму свыше 46 млн руб.¹⁶

Значительный вклад в развитие научно-технического прогресса вносили рационализаторы и изобретатели. В 1970 г. в Саранске их насчитывалось около 5 тыс. чел. От них поступило более 6 тыс. рацпредложений и изобретений, от внедрения которых

получена экономия свыше 5 млн руб. За восьмью пятилетку она составила около 26 млн руб.¹⁷

Вторую половину 1960-х гг. можно считать этапным временем для легкой промышленности Мордовии. На Саранской швейной фабрике был расширен ассортимент и улучшен внешний вид трикотажных и швейных изделий¹⁸.

В это время окончательно оформилась территориальная организация пищевой промышленности республики, сформировались довольно сложные узлы и центры по переработке сельскохозяйственной продукции. Самым крупным центром такого типа стал Саранск, где размещались заводы комбикормовый, ликероводочный, молочный, консервный, мясокомбинат, элеватор.

Рассматриваемый период был переломным также в истории электроэнергетики Мордовии. Большую роль в этом сыграло дальнейшее увеличение мощностей ТЭЦ-2 в Саранске, являвшейся не только самой крупной в республике, но и одной из крупнейших ТЭЦ Волго-Вятского экономического района.

В 1967 г. из общего количества предприятий региона 45 находились в ведении союзно-республиканских министерств, 12 — местных Советов. Среди всей вырабатываемой продукции свыше 50 видов главнейших учитывалось Госпланом. Предприятия города реализовывали свою продукцию не только в пределах Советского Союза, но и во всех социалистических странах, а также некоторых капиталистических. Так, завод «Электровыпрямитель» в конце 1960-х гг. отправлял свою продукцию в 40 стран мира, завод медицинских препаратов — в 33 страны. Продукцию с маркой маслозавода знали во всех областях СССР, а также в Венгрии, Дании, Англии, Финляндии и других странах¹⁹.

В 1966 г. было положено начало дружественным связям мордовского и болгарского народов в связи со строительством Ботевградского завода полупроводников. Ботевград стал городом-побратимом Саранска. В 1978 г. установлены прямые дружественные связи с польскими городами Гожув-Велькопольски и Серадз. Основным содержанием этой дружбы являлись трудовая взаимопомощь, обмен передовым опытом.

Наиболее тесные контакты сложились с Ботевградом. Экономическое сотрудничество осуществлялось посредством взаимных поставок разнообразных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Со стороны Мордовии эта задача реализовывалась преимущественно через экспорт продукции заводов Саранска. Предприятия Саранска отправляли в Болгарию грузовые автомашины, медикаменты, электроосветительные приборы, электропреобразующие устройства, полупроводниковую, кабельную продукцию. Наибольший удельный вес в экономических и научно-технических связях с Болгарией принадлежал заводу «Электровыпрямитель». С лета 1967 г. «Электровыпрямитель» был назначен головным предприятием по оказанию технической помощи в организации и освоении производства силовых кремниевых вентилях на новостроящемся заводе полупроводников в Ботевграде²⁰.

Итоги социально-экономического развития города в годы восьмой пятилетки были подведены на XXXI городской партконференции, состоявшейся 8 января 1971 г. В отчетном докладе секретарь Саранского ГК КПСС М. Т. Храмов констатировал, что «...промышленность города досрочно 27 октября 1970 г. выполнила пятилетний план по объему производства. Прирост промышленной продукции за пятилетие составил 70 %, производительность труда выросла на 31 %. Около 80 % роста

промышленной продукции достигнуто за счет роста производительности труда. За отчетный период объем промышленного производства увеличился на 36,5 %, выпущено сверхплана на 46,7 млн руб. промышленной продукции, получено свыше 5 млн руб. сверхплановой прибыли, экономия от снижения себестоимости составила около 3,5 млн руб. Страна получила сверх плана более 500 экскаваторов, 467 автосамосвалов, около 12 млн различных электрических ламп, свыше 29 тысяч электрических аппаратов и приборов, 5,9 млн условных банок консервов и много другой промышленной продукции²¹.

На данной конференции было объявлено, что к 1971 г. в городе в основном завершен перевод предприятий на новые условия планирования и экономического стимулирования. В результате предпринятых мероприятий на предприятиях заметно улучшились экономические показатели работы. Объем реализации продукции в 1970 г. увеличился по сравнению с 1967 г. на 40,6 %, прибыль возросла на более чем 40,0 %²².

На предприятиях, переведенных на новую систему планирования и экономического стимулирования, фондоотдача в 1970 г. по сравнению с 1965 г. повысилась на 10 % (табл. 1).

Таблица 1

**Рост фондоотдачи ряда промышленных предприятий Саранска
(1965 — 1970 гг.)**

Завод	Выработка валовой продукции на рубль основных фондов, руб.		1970 к 1965, %
	1965	1970	
Кабельный	2,8	3,8	133,4
«Электровыпрямитель»	2,5	4,8	193,5
Приборостроительный	1,5	2,7	177,6
Экскаваторный	4,0	5,9	147,0
Медоборудования	0,8	1,3	156,1

Составлена по: **Есин С. Г.** Экономическое и социальное развитие Мордовской АССР в девятой пятилетке. Саранск, 1973. С. 15.

Данные табл. 1 показывают, что наибольший рост фондоотдачи за годы пятилетки наблюдался на заводах приборостроительном и «Электровыпрямитель». По выработке валовой продукции на рубль основных фондов лидировал экскаваторный завод.

Во второй половине 1960-х гг. началось активное массовое участие предприятий Саранска в жизни села Мордовии. Так, коллективы 53 предприятий и организаций города шефствовали над 54 колхозами и совхозами республики. Трудящиеся предприятий принимали активное участие в уборке урожая, оказывали помощь в механизации животноводческих ферм и ремонте сельскохозяйственной техники. Только в 1969 — 1970 гг. в уборке урожая участвовало свыше 15 тыс. чел., более 500 механизаторов и 700 автомашин²³. Эта добрая традиция сохранялась и в последующие годы.

Вместе с ростом промышленности рос и рабочий класс, и инженерно-техническая интеллигенция. Например, в данный период 5 тружеников саранских предприятий были удостоены звания Героя Социалистического Труда: И. М. Нестеров (1966 г.), Г. С. Баринов (1966 г.), В. И. Бубнов (1971 г.), А. И. Дудорова (1971 г.), Ф. Е. Матросова (1971 г.).

Однако среди общих положительных результатов промышленного развития Саранска отмечались и недостатки. Так, в городе существовала группа промышленных предприятий, не выполнявших народно-хозяйственные планы. В восьмую пятилетку их насчитывалось от 5 до 10. Они ежегодно срывали план по реализации готовой продукции и недодали государству изделий за эти годы на сумму свыше 10 млн руб. Например, только резиновый комбинат в 1970 г. недодал 360 т формовых резинотехнических изделий, пивоваренный завод — 39 тыс. декалитров пива, кирпичный завод — 5 752 тыс. шт. кирпича, керамзитный завод — 39,5 тыс. м³ керамзита²⁴.

На ряде предприятий города (комбинат крученых изделий «Сура», фабрика декоративных тканей, кирпичный завод, маслозавод) наметилась тенденция снижения темпов роста производства. Некоторые из них систематически не выполняли планы снижения себестоимости продукции. Только за 9 месяцев 1970 г. 12 предприятий и строительных организаций допустили удорожание себестоимости выпускаемой продукции на общую сумму около 1 259 тыс. руб. Большие перерасходы против плановой себестоимости отмечались на резиновом комбинате — 656,0 тыс. руб., заводе медпрепаратов — 153,0 тыс. руб., КПП треста «Мордовпромстрой» — 125,0 тыс. руб., КПП «Саранскжилстрой» — 9,7 тыс. руб., пивоваренном заводе — 53,0 тыс. руб. На других предприятиях снизилась фондоотдача. Особенно низкая фондоотдача наблюдалась на заводах медпрепаратов, «Рембыттехника» и медоборудования²⁵.

Перед городскими властями стояла немаловажная проблема контроля использования на предприятиях техники, оборудования и производственных мощностей. На некоторых предприятиях по нескольку лет не монтировались и не использовались оборудование и механизмы. На 1 октября 1970 г. на 17 предприятиях имелось неустановленного оборудования на сумму свыше 1,5 млн руб. Не лучшим образом дело обстояло с загрузкой оборудования на заводах. По городу коэффициент загрузки составлял 0,5, а коэффициент сменности — 1,45. Особенно неблагоприятно с загрузкой оборудования складывалось в объединении «Светотехника», на заводах автосамосвалов, литейном, инструментальном и точных приборов²⁶.

Существование определенных проблем было связано с трудовой дисциплиной, текучестью кадров, непроизводственными потерями рабочего времени. Так, в 1969 г. последние составили 150 тыс. человеко-дней. Это примерно равнялось тому, что предприятия недодали продукции на сумму более 4,5 млн руб., что равнялось месячному выпуску продукции такого завода, как «Электровыпрямитель». Особенно велики потери рабочего времени наблюдались в объединении «Светотехника», на резиновом комбинате, заводе медоборудования, мясокомбинате. Текучесть кадров на предприятиях города составляла 23 % от числа работающих. Наиболее неблагоприятная ситуация по данному показателю была на хлебокомбинате, заводах электроламповом, медпрепаратов, литейном, точных приборов, кабельном²⁷.

Вместе с тем вышеперечисленные негативные проявления в области промышленного развития города в рассматриваемый период не были доминирующими и определяющими тенденциями. Подтверждением сказанному является тот факт, что бурное развитие промышленного потенциала Саранска к началу 1970-х гг. объективно привело к значительному росту хозяйственной и социокультурной инфраструктуры города.

В 1971 г. территория городских земель составляла 53,1 км² (в 1967 г. 51,7 км²). Протяженность Саранска с севера на юг равнялась 9,0 км, с востока на запад — 6,7 км (в 1967 г. 5,7 км). В городе насчитывалось 236 улиц (в 1967 г. 230) общей протяженностью 220 км (в 1967 г. 185)²⁸.

В административном подчинении Саранска находились 3 поселковых Совета. Общая площадь администрируемых городским Советом земель составляла 220 км². Из общей земельной площади совхозов 31,1 тыс. га под пашней было занято 21,3 тыс. га, сенокосными угодьями 0,5 тыс. га, пастбищами 4,1 тыс. га. В 1971 г. предполагалось произвести мяса всех видов скота и птицы (в живом весе) 9,3 тыс. т, молока 10,9 тыс. т, картофеля 3,7 тыс. т, овощей 8,5 тыс. т. За годы восьмой пятилетки пригородные совхозы повысили урожайность и добились увеличения валовых сборов зерна, овощей и продуктов животноводства. Задания пятилетки по продаже зерна были выполнены на 165 %, мяса на 139 %, молока на 142 % и овощей на 103 %²⁹.

За 1960-е гг. численность населения города увеличилась в 1,8 раза (на 1 января 1961 г. она составляла 108,5 тыс. чел., на 1 января 1967 г. 154,0 тыс. и на 1 января 1971 г. 196,4 тыс. чел.)³⁰. Данное обстоятельство было связано, прежде всего, с резко возросшими кадровыми потребностями городской экономики.

В 1970 г. в Саранске насчитывалось 427 различных предприятий, организаций и учреждений, в которых общественным трудом были заняты 119,6 тыс. чел. В городе работали 64 крупных промышленных предприятия, объем производства которых за 1960-е гг. возрос в более чем 3 раза и составил в 1971 г. 607 млн руб. Заметно возросла и численность работающих в промышленности и строительстве. Так, если в 1967 г. в данной сфере трудились 61,4 тыс. чел., то в 1971 г. 82,1 тыс. чел.³¹

Быстрыми темпами развивалось бытовое обслуживание населения, торговля и коммунальное хозяйство города. К концу 1960-х гг. 158 предприятий бытового обслуживания оказывали населению 280 видов услуг. Если в 1967 г. объем бытовых услуг составил 2,7 млн руб., то в 1970 г. 4,4 млн руб. В 1968 — 1970 гг. в городе было открыто 50 ателье, различных мастерских и приемных пунктов. На 1 января 1967 г. в системе горпищеторга работали 50 магазинов на 382 рабочих места, 28 палаток и киосков на 28 рабочих мест; горпроторга — 45 магазинов на 336 рабочих мест и 28 палаток и киосков на 28 рабочих мест; горхлебторге — 36 магазинов на 91 рабочее место; книготорга — 9 магазинов на 28 рабочих мест и 8 киосков на 8 рабочих мест; коопторга — 9 магазинов на 19 рабочих мест. На предприятиях общественного питания наиболее крупным являлся трест столовых, в который входили 56 столовых на 5 587 посадочных мест, 60 буфетов на 1 718 мест, 5 кафе на 384 места, 3 ресторана на 274 места, фабрика-кухня на 300 мест³². К 1971 г. население пользовалось услугами 568 предприятий торговли и общественного питания с розничным товарооборотом более 161,3 млн руб.³³

Коммунальным обслуживанием населения и благоустройством города занимались 25 предприятий и организаций. В 1968 — 1970 гг. было газифицировано 10 тыс. квартир, проложено 48 км газопроводов, 20 км водопроводно-канализационных сетей, заасфальтировано 110 тыс. м² дорог и тротуаров, введено в строй головные очистные сооружения, комплекс объектов Пензятского водозабора мощностью 20 тыс. м³ воды в сутки³⁴. К началу 1970-х гг. коммунальное хозяйство имело 148,0 км водопроводных и 103,0 км канализационных сетей, 220,0 км линий уличного освещения, 201,0 км газовых и 72,2 км тепловых сетей³⁵.

В то же время не все коммунальные проблемы решались должным образом. А. И. Березин, работавший в 1969 — 1970 гг. первым секретарем Саранского горкома КПСС, вспоминал по этому поводу: «...проблем, как и сегодня, в городе хватало, прежде всего — строительство жилья, дорог, благоустройство улиц, дворов. И тогда много хлопот было с водой. Горводоканализация только набирала мощности, а население росло значительно быстрее за счет притока рабочей силы на новые предприятия. Как ни грустно, проблему с водой мы так и не смогли решить до конца»³⁶.

Значительные сдвиги произошли в совершенствовании городского транспорта. В январе 1966 г. вступил в действие троллейбусный парк. В 1967 г. в Саранске действовали 4 троллейбусных и 21 автобусный маршрутов и насчитывалось 56 троллейбусов и 120 автобусов³⁷. К 1970 г. автобусные и троллейбусные маршруты имели протяженность свыше 186 км³⁸.

В годы восьмой пятилетки дальнейшее развитие в Саранске получили средства связи. В этот период число телефонных абонентов увеличилось на более чем 1 500 чел. и к концу пятилетки составило свыше 7 000 чел. В северо-западном районе города была введена в эксплуатацию АТС на 1 500 номеров, проложен ряд магистральных линий, в юго-западном районе проектировалось строительство АТС на 4 000 номеров³⁹. Вместе с тем в городе, и особенно в пригородных совхозах, телефонная связь работала неустойчиво, а существовавшие мощности не позволяли увеличить число абонентов.

Во второй половине 1960-х гг. существенно повысилось материальное благосостояние горожан: заработная плата выросла на 21,1 %, около 40 тыс. жителей улучшили свои жилищные условия⁴⁰.

Стремительное индустриальное развитие Саранска в рассматриваемый период вызвало строительный бум. Это время ознаменовалось новыми крупными стройками в центральной части и на окраинах города: интенсивно возводились северо-западный, юго-западный, северо-восточный микрорайоны на десятки тысяч жителей.

В 1967 г. Совет министров РСФСР утвердил выполненный московским Гипрогором генеральный план Саранска с проектной численностью населения в 1980 г. 300 тыс. чел. Жилой фонд намечалось увеличить в более чем 4 раза — до 3 600 тыс. м². Развитие города предусматривалось осуществлять по главной композиционной оси — р. Инсар в южном направлении. Новое жилищное строительство планировалось реализовывать на свободных территориях (более 65 %) и на реконструируемых, которые высвобождались в связи со сносом ветхого деревянного фонда (более 34 %), а промышленное — в северной и южной зонах. Город по проекту был разделен на 4 планировочных района: центральный, северо-восточный, северо-западный и юго-западный⁴¹.

В 1966 — 1970 гг. в Саранске велось активное строительство новых промышленных объектов. В частности, был сдан в действие ряд крупных предприятий, в том числе заводы «Центролит», медицинского оборудования, ликеро-водочный, «Ремстроймаш», домостроительный комбинат, а также цех по производству конденсаторов и электроламп объединения «Светотехника»⁴². 18 декабря 1966 г. состоялся пуск первой очереди завода «Резинотехника».

В 1970 г. объем капитальных вложений по Саранску составил 50 174 тыс. руб. Он выполнялся 33 подрядными и субподрядными организациями⁴³. В целом за пятилетку капитальные вложения по городу составили 228 млн руб., что было значительно больше по сравнению с предыдущей пятилеткой⁴⁴.

За годы восьмой пятилетки жилой фонд Саранска увеличился на 30 %. Было введено в действие 384 тыс. м² жилой площади, детских школьных учреждений на более чем 2 900 мест, общеобразовательных школ на 5 888 ученических мест⁴⁵. Общий жилой фонд города к концу 1970 г. состоял из 9 403 домов жилой площадью 1 178 тыс. м², в том числе 947 тыс. м² обобщественной⁴⁶. На каждого жителя, таким образом, приходилось в среднем 6,2 м² жилой площади.

Однако в области капитального строительства отмечались существенные недостатки. Одной из главных проблем было затягивание сроков строительства. Например, жилые дома в городе, как правило, строились более года при норме 8 — 9 месяцев, а такие организации, как трест «Коммунстрой», СУ ТЭЦ-2, РСУ-14, ПМК-280 строили дома по 2 — 3 года. В 1970 г. жители Саранска недополучили 24 тыс. м² жилой площади или свыше 800 семей лишились двухкомнатных квартир. В связи с нарушением сроков строительства незавершенное производство составило 70 млн руб. Потери городского народного хозяйства составили около 10 млн руб., т. е. сумму, которую расходовали в год на строительство жилья⁴⁷. В результате только за 1969 — 1970 гг. в Саранский горком КПСС поступило 1 048 (всего 1 975) писем и заявлений по квартирным вопросам, т. е. более 50 % всех писем и заявлений⁴⁸.

В годы восьмой пятилетки в городе расширилась сеть научных и культурных учреждений. К началу 1970-х гг. в мордовских государственных университете и педагогическом институте обучалось свыше 18 тыс. студентов, в 6 техникумах — 7 тыс. учащихся. Кадры для промышленности готовили 7 профтехучилищ, в которых числилось 3 тыс. учащихся. В средних общеобразовательных школах насчитывалось свыше 35 тыс. чел. В городе функционировали 4 научно-исследовательских института⁴⁹.

В Саранске действовало значительное количество культурных очагов: театр музыкальной комедии и драмы, театр кукол, национальный ансамбль песни и танца «Умарина», 10 кинотеатров, 10 клубов, 24 библиотеки, 8 музыкальных и художественных школ, картинная галерея, краеведческий музей. Заметно усилилась тяга жителей к театру и кино. Так, в 1971 г. кинотеатры ежедневно посещали 12 тыс. чел.⁵⁰

Пристальное внимание власти уделяли развитию таких средств пропаганды и агитации, как печать, радио и телевидение. В 1970 г. население города имело свыше 37,5 тыс. телевизоров, 37,0 тыс. радиоточек, около 40,0 тыс. приемников. Издавались 4 республиканских газеты и 2 журнала. Подписка на газеты и журналы и приобретение их через розницу жителями в 1971 г. составило 245 тыс. экземпляров против 160 тыс. в 1968 г.⁵¹

Дальнейшее развитие получило здравоохранение. В годы восьмой пятилетки построены самая большая в Саранске больница № 4 и родильный дом, новое здание станции переливания крови, открыты поликлиники на 150 посещений в смену и для детей. В целом в городе насчитывалось 8 больниц и 6 диспансеров на 2 655 коек, 11 поликлиник на 4 880 посещений, роддом, станция скорой медицинской помощи, 2 санитарно-эпидемиологических станции, 13 аптек и ряд других учреждений. В лечебно-профилактических учреждениях работали 5,4 тыс. врачей и средних медицинских работников⁵². Однако растущие запросы населения города и материальная база лечебных учреждений все еще не обеспечивали потребности в поликлинической и стационарной помощи. В городе недоставало 223 врачей и около 550 средних медицинских работников⁵³.

В результате бурного развития Саранска, выразившегося в резком увеличении объема городского хозяйства, промышленности, строительства и стремительном развитии культуры, к началу 1970-х гг. обнажилась одна из серьезных проблем города — его практически неуправляемость.

В сложившихся условиях горком КПСС и исполком горсовета, повседневно занятые текущими делами, не в состоянии были продуманно решать перспективные вопросы развития города. Поэтому возникла идея об образовании городских районов Саранска. Городские власти данный вопрос начали ставить перед обкомом и Советом министров МАССР еще в 1967 г. В результате в 1971 г. в Совет министров РСФСР было направлено письмо за подписью Председателя Совета министров МАССР А. О. Пиксаева с просьбой об образовании в Саранске 3 городских районов. Однако после ряда согласований в этом году в ЦК КПСС было направлено письмо за подписью секретаря обкома КПСС А. И. Березина с просьбой об образовании в Саранске двух районов и о создании в них двух городских райкомов КПСС. (В приложении к письму данные районы были обозначены как западный и восточный)⁵⁴.

В связи с этим предприятия, организации и другие учреждения были отнесены к одному из двух районов (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение предприятий, организаций и других объектов
в предполагаемых районах Саранска в 1970 г.**

Показатели	Всего	В том числе в районах	
		Западном	Восточном
1	2	3	4
Население, тыс. чел.	196,4	98,6	97,8
Пенсионеры, многодетные и одинокие матери, тыс. чел.	20,6	9,4	11,2
Члены и кандидаты в члены КПСС, тыс. чел.	16,3	7,7	8,6
Первичные парторганизации, ед.	320	121	199
<i>Промышленность</i>			
Предприятия, ед.	64	22	42
Валовая продукция, тыс. руб.	607 088	297 276	309 812
Работники промышленности и строительства, тыс. чел.	77,1	37,1	40,0
<i>Предприятия бытового обслуживания населения, ед.</i>			
Фабрика по ремонту обуви	1	1	—
Цеха по ремонту и пошиву обуви	2	—	2
Приемные пункты по ремонту и пошиву обуви	17	7	10
Протезная мастерская	1	—	1
Фабрика индивидуального пошива одежды	1	—	1
Ателье по пошиву одежды	8	4	4
Цеха по пошиву одежды	2	1	1
Металлообрабатывающий завод	1	—	1
Завод «Рембыттехника»	1	—	1
Обособленные цеха завода «Рембыттехника»	4	—	4
Приемные пункты завода «Рембыттехника»	15	9	6
В том числе:			
часовые	9	6	3
по ремонту аппаратуры	6	3	3
Фабрика радиоремонта	1	—	1
Мебельная фабрика	1	1	—

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Салоны бытовых услуг	2	1	1
Пункты горсправки	3	1	2
Пункты заправки авторучек	3	2	1
Цех по ремонту мебели	1	—	1
Зеркальный цех	1	—	1
Фабрика химчистки и крашения	1	—	1
Приемные пункты по химчистке	14	6	8
Фабрика трикотажных изделий	1	1	—
Приемные пункты по трикотажным изделиям	12	7	5
Прачечные тресты банно-прачечного хозяйства	2	1	1
Прачечная самообслуживания	1	1	—
Приемные пункты прачечной	6	3	3
Прачечные фабрики химчистки	1	—	1
Комбинат бытового обслуживания	1	—	1
Мастерская по изготовлению искусственных цветов и венков	1	—	1
Предприятие по ремонту жилья	1	—	1
Бюро услуг	1	—	1
Фабрика фоторабот	1	—	1
Фотоателье	9	3	6
Фабрика парикмахерских услуг	1	—	1
Парикмахерские	26	9	17
Объект услуг по автоперевозкам автоуправления	1	—	1
Бани	6	3	3
В них мест	573	301	272
Душевые	3	1	2
В них мест	60	20	40
Пункты проката	4	2	2
<i>Лечебные учреждения</i>			
Больницы	11	6	5
Поликлиники	8	4	4
Детские консультации	2	2	—
Медсанчасти	5	3	2
Врачебные здравпункты	5	2	3
Фельдшерские здравпункты	48	24	24
Женские консультации	3	1	2
Горсанэпидстанция	1	—	1
Республиканская санэпидстанция	1	—	1
Станция скорой помощи	1	—	1
Диспансеры	5	3	2
Родильный дом	1	1	—
Аптеки	9	4	5
Детские ясли	20	9	11
В них детей, тыс. чел.	1,9	0,7	1,2
<i>Учреждения науки и просвещения</i>			
Научно-исследовательские институты	4	1	3
ВУЗы	2	1	1
В них студентов, тыс. чел.	18,5	3,0	15,5
ССУЗы	6	—	6
В них учащихся, тыс. чел.	7	—	7

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Школы:			
средние	25	13	12
восьмилетние	6	1	5
начальные	5	—	5
рабочей молодежи	14	4	10
в них учащихся, тыс. чел.	35,4	17,6	17,8
Детские сады			
В них детей, тыс. чел.	10,7	6,7	4,0
<i>Учреждения культуры</i>			
Библиотеки	20	8	12
Музыкальные школы	5	3	2
Художественная школа	1	—	1
Клубы	10	3	7
Киноустановки	10	3	7
Кинотеатры	8	3	5
<i>Жилой фонд</i>			
Количество жилых домов	9 403	5 299	4 104
В них жилой площади, тыс. м ²	1 178	653	525
В том числе обобщественной	947	523	424
<i>Предприятия торговли</i>			
Магазины горпищеторга	36	17	19
Магазины торгового «Гастроном»	11	5	6
Магазины горпротторга	50	16	34
Магазины горхлеботорга	36	18	18
Универмаги	2	1	1
Магазины горкоопторга	5	1	10
Столовые, рестораны, кафе треста столовых	174	94	80
Магазины спецплодоовощторга	11	6	5
Магазины прочих систем	27	8	19
Розничный товароборот, тыс. руб.	161 334	84 682	76 652
<i>Коммунальное хозяйство</i>			
Гостиницы	2	—	2
В них мест	585	—	585
Водопровод — протяженность сети, км	139,9	85,0	54,9
Водопроводные колонки	250	116	134
Артезианские скважины	40	18	22
Канализация — протяженность сети, км	93,1	46,3	46,8
Троллейбусные линии, км	58,2	32,8	25,4
Линии уличного освещения, км	195	111	84
Газовые сети, км	182	87	95
Газифицированные квартиры	31 900	16 535	15 365
Тепловые сети, км	64,5	34,9	29,6
Котельные	57	32	25
Сберегательные кассы	29	11	18
Отделения связи	21	9	12
Городские парки	2	1	1

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-333. Оп. 49. Д. 140. Л. 5 — 9.

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что в основу разделения города на районы были положены, главным образом, параметры социально-экономического развития. Разработчики плана максимально равномерно распределили по предполагаемым районам потенциал городского хозяйства. В первую очередь, они обратили внимание на равномерность таких показателей, как число членов и кандидатов в члены КПСС, валовая продукция промышленных предприятий, количество трудящихся в промышленности и строительстве, количество жителей.

В результате предпринятых шагов в 1972 г. административно-территориальное деление города существенно изменилось — образованы Ленинский и Пролетарский районы.

Ленинский район условно был разделен на 3 части — центр (в него вошла большая часть центра города), северо-запад (район телецентра и лампового завода) и юго-запад. Кроме того, в административное подчинение Ленинского района входили Горяиновский и Напольно-Тавлинский сельсоветы, рабочие поселки Зыково, Луховка, Николаевка, Ялга. Наиболее крупным жилым массивом Ленинского района (как и сегодня) является юго-запад. В рассматриваемый период этот микрорайон быстро рос и благоустраивался. Вместе с жилыми домами строились магазины, школы, детские сады. Появились предприятия пищевой промышленности, бытового обслуживания населения, самая крупная в городе больница № 4 и родильный дом, несколько специализированных лечебных диспансеров. В годы девятой — одиннадцатой пятилеток выросли жилые кварталы из 9-этажных домов с квартирами улучшенной планировки. Вступила в строй водогрязелечебница. Юго-западный микрорайон находится на небольшом расстоянии от центра, поэтому выгодно отличается от других мест города, а также вдали от крупных промышленных предприятий и с двух сторон окружен лесом. Недалеко от жилых домов в живописном лесу с 1965 г. функционирует туристическая база «Зеленая роща»⁵⁵. В 1977 г. юго-западная часть Ленинского района получила официальное название «Октябрьский».

В Пролетарский район был отнесен образованный в начале 1960-х гг. Северо-западный жилой микрорайон. Впоследствии в результате подведения итогов конкурса на название жилых микрорайонов Саранска решением исполкома горсовета от 27 июля 1977 г. он стал называться микрорайон «Светотехника»⁵⁶.

За первые 10 лет существования микрорайона были заселены 83 многоквартирных дома, введены в эксплуатацию 5 школ, 13 магазинов, 8 детских садов, 5 медицинских учреждений, 2 библиотеки, почтамт, АТС. Вначале дома строились кирпичные малоэтажные. В последующие годы возводились 5-этажные из сборных железобетонных панелей. На Светотехстрое впервые в городе стали строить панельные дома повышенной этажности. К 1 января 1971 г. в микрорайоне проживали почти 25 тыс. чел.⁵⁷

Таким образом, широко развернувшееся промышленное, жилищно-коммунальное и культурно-бытовое строительство в Саранске привело к быстрому росту экономики города и превратило его к началу 1970-х гг. в крупный индустриальный и культурный центр республики.

Библиографические ссылки

¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 5. Д. 218. Л. 2 — 5.

² См.: «Электровыпрямитель»: годы и люди. Саранск, 1991. С. 123 — 124.

³ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 5. Д. 266. Л. 12.

- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Д. 261. Л. 94.
- ⁶ См.: **Моисеев Е. В.** Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития (исторический аспект) : дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Саранск, 2004. С. 209.
- ⁷ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 8. Л. 8.
- ⁸ Там же. Ф. 333-П. Оп. 3. Д. 276. Л. 14 — 15.
- ⁹ Там же. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 8. Л. 8.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: **Есин С. Г.** Экономическое и социальное развитие Мордовской АССР в девятой пятилетке. Саранск, 1973. С. 12.
- ¹² **Петров В.** Одержимость // «Электровыпрямитель»... С. 50 — 51.
- ¹³ См.: Саранск : ист.-экон. очерк. Саранск, 1985. С. 129.
- ¹⁴ См.: **Есин С. Г.** Указ. соч. С.13.
- ¹⁵ См.: Над землей гудят провода...: из истории завода «Саранскабель». Саранск, 1995. С. 44 — 46.
- ¹⁶ См.: Советская Мордовия : Делегату XXI Мордов. обл. парт. конф. Саранск, 1971. С. 13 — 14.
- ¹⁷ ЦГА РМ. Ф. 333-П. Оп. 3. Д. 276. Л. 15.
- ¹⁸ См.: Советская Мордовия. С. 23.
- ¹⁹ ЦГА РМ. Ф. 333-П. Оп. 3. Д. 204. Л. 1.
- ²⁰ Об этом подробнее см.: Саранск. С. 177 — 187.
- ²¹ ЦГА РМ. Ф. 333-П. Оп. 3. Д. 276. Л. 8.
- ²² Там же. Л. 9.
- ²³ Там же. Л. 23.
- ²⁴ Там же. Л. 9.
- ²⁵ Там же. Л. 10.
- ²⁶ Там же. Л. 11.
- ²⁷ Там же. Л. 12.
- ²⁸ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 10 — 11; Оп. 3. Д. 204. Л. 1, 3.
- ²⁹ Там же. Оп. 3. Д. 276. Л. 101.
- ³⁰ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 10 — 11; Оп. 3. Д. 204. Л. 1.
- ³¹ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 5 ; Оп. 3. Д. 204. Л. 1.
- ³² Там же. Оп. 3. Д. 204. Л. 2.
- ³³ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 3.
- ³⁴ Там же. Оп. 3. Д. 276. Л. 20.
- ³⁵ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 13 ; Оп. 3. Д. 204. Л. 2.
- ³⁶ **Березин А. И.** Другой системы я не знал // Анатолий Березин. Личность и эпоха. Саранск, 2001. С. 62.
- ³⁷ ЦГА РМ. Ф. 333-П. Оп. 3. Д. 204. Л. 2.
- ³⁸ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 13.
- ³⁹ Там же. Оп. 3. Д. 276. Л. 15.
- ⁴⁰ Там же. Л. 101.
- ⁴¹ См.: Культурный ландшафт города Саранска (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование) / науч. ред. и сост. А. А. Ямашкин. Саранск, 2002. С. 41.
- ⁴² См.: Шаги пятилетки. Цифры и факты // Блокнот агитатора. 1967. № 2 ; Задания пятилетки выполняются успешно. Цифры и факты // Там же. 1968. № 15 ; Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Мордовии (1926 — 1970 гг.) : док. и материалы. Саранск, 1977. С. 341.
- ⁴³ ЦГА РМ. Ф. 333-П. Оп. 49. Д. 140. Л. 13.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 3. Д. 276. Л. 17.
- ⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 13.

⁴⁷ Там же. Оп. 3. Д. 276. Л. 18.

⁴⁸ Там же. Л. 47.

⁴⁹ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 11.

⁵⁰ Там же. Оп. 3. Д. 276. Л. 28.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 11.

⁵³ Там же. Оп. 3. Д. 276. Л. 25.

⁵⁴ Там же. Оп. 49. Д. 140. Л. 5.

⁵⁵ См.: **Куклин В. Н.** Биографии саранских улиц. Саранск, 1990. С. 63 — 64.

⁵⁶ Там же. С. 76.

⁵⁷ Там же. С. 79 — 81.

Поступила 21.09.2010 г.

УДК 323.17(470.4/.5)(=511.1)

А. Н. Чекушкин, А. В. Храмов

A. N. Chekushkin, A. V. Khramov

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ
АВТОНОМИЙ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ
(На примере финно-угорских народов Волго-Уральского региона)**

**THE FUNCTIONING OF NATION-CULTURAL AUTONOMIES
IN THE PROCESS OF MODERNIZATION
OF THE TERRITORIAL SYSTEM OF RUSSIA
(Based on the Example of Finno-Ugric Peoples
of the Volga-Ural Region)**

Ключевые слова: национально-культурные автономии, национальная политика, политика государства, территориальная система, этнокультурная самоидентификация, финно-угорские народы.

В статье анализируются особенности функционирования национально-культурных автономий, проводившиеся через Федеральный закон «О национально-культурной автономии», применительно к современным территориальным процессам финно-угорских народов Волго-Уральского региона.

Key words: nation-cultural autonomies, the national policy, the policy of the state, territorial system, ethnocultural self-identification, Finno-Ugric peoples.

Peculiarities of nation-cultural autonomies functioning, which were realized through the Federal law “About the nation-cultural autonomy”, in connection with modern territorial processes of Finno-Ugric peoples of the Volga-Ural region are analyzed in the article.

В 1990 — 2000-е гг. в России появилось большое число общественных объединений, поднимающих вопросы правового обеспечения национального развития дисперсно проживающих групп этносов и каждого отдельного гражданина, принадлежащего к данному этносу. Так возникает спаянность индивидуальных прав человека и гражданина и коллективных прав этноса, не имеющего территориальных форм автономии. Наиболее эффективным институтом реализации этих прав стала национально-культурная автономия (НКА), представляющая экстерриториальную форму национальной самоорганизации этнических групп, диаспор и малочисленных народов. НКА согласно Федеральному закону от 1996 г. является гарантируемой государством формой национально-культурного самоопределения народов и этнических групп, реализуемой на основе их самоорганизации в целях сохранения самобытности и свободного развития своих культуры, языка и традиций. Законом автономии предоставлены широкие права по сохранению самобытности, языка, развитию образования и культуры народов России; получению поддержки от органов государственной власти и местного самоуправления; созданию средств массовой информации, по сохранению и обогащению исторического и культурного наследия и т. д. Реализация указанных прав — важное средство выявления и удовлетворения этнокультурных запросов представителей автохтонных этнических групп и диаспор в достижении межнациональной стабильности и предупреждении конфликтов, поэтому институт НКА является проводником национальной политики и мощным инструментом возрождения, сохранения и развития самобытности, родного языка, культуры и традиций этих групп и диаспор¹.

Становление НКА как нового явления в постсоветской России можно разделить на 2 периода. Первый ограничен рамками второй половины 1990-х гг., второй связан с начальными годами XXI в., когда заметно изменилось отношение к национальной политике. Свидетельство тому — фактическая бесплодность законодательной и исполнительной ветвей власти в принятии новых нормативных актов, ранее заявленных обществу. Речь, прежде всего, идет о законопроекте «О правовых основах государственной национальной политики в Российской Федерации». Следует также отметить капитальную переработку в 2002 — 2009 гг. существовавшего Федерального закона «О национально-культурной автономии» и ликвидацию профильного министерства. В адрес данного закона приводились доводы об его излишней декларативности, противоречивости и усложненности процедурных норм, которые до сих пор остаются непонятыми большинству людей, вовлеченных в этот вид общественной деятельности².

Ю. И. Ерофеев — член экспертного совета Комитета Государственной Думы по делам национальностей, отметил, что, обсуждая Федеральный закон «О национально-культурной автономии», я в первую очередь обратил свое внимание на всякого рода надуманные функции типа «защита национальных интересов граждан Российской Федерации», а также дефиниций вроде «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории» и т. д.³ В настоящее время НКА объявлена видом общественного объединения, какими являются, например, политические, профсоюзные, молодежные, благотворительные и другие образования. Главной, отличительной чертой НКА, как этого требует закон, обязана стать

этнокультурная деятельность в самом широком смысле этого слова, тем более что национальная составляющая в прежнем названии общественного объединения изъята из существующей терминологии⁴.

Наряду с обсуждением данного закона сегодня в Российской Федерации происходят глобальные преобразования в государственно-территориальном устройстве страны, которые непосредственно касаются и финно-угров. Начался процесс реформирования федеративных отношений в России, укрупнения субъектов Российской Федерации. Налицо образование нового субъекта Федерации — Пермского края (с 1 декабря 2005 г.), путем объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Целью объединения явились восстановление в рамках единого субъекта эффективного механизма функционирования экономики региона и повышение на этой основе уровня жизни населения.

В данной ситуации экономический фактор оказался решающим. Неслучайно на референдуме 7 декабря 2003 г. за создание Пермского края проголосовало 83,8 % избирателей, принявших участие в областном референдуме, и 89,9 % — в окружном. Принятый в 2004 г. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» предусматривает обеспечение представительства коми-пермяков в органах власти⁵.

Объединительная политика государства в данном случае обязана учитывать как экономические, так и национальные интересы народов субъектов федерации, опираясь на Федеральный закон «О национально-культурной автономии», который должен регулировать определенный баланс интересов между национальными, политическими и экономическими составляющими региона.

Специфические особенности процесса этнонационального самоопределения финно-угорских народов, проживающих за пределами «своих» национально-территориальных образований и имеющих отличительные свойства, оказывают существенное, а иногда и определяющее влияние на этнонациональное развитие соответствующих этнических групп в других регионах их компактного расселения.

Закономерный процесс реализации прав финно-угорских народов на свободную этнополитическую, этнокультурную и этноязыковую самоидентификацию и самовыражение в рамках внутринациональной эволюции и межэтнического взаимодействия в многонациональных сообществах наиболее полно представлен в Приволжском федеральном округе, в который входят 14 субъектов Российской Федерации. Среди них 6 республик, 7 областей и 1 край. На территории округа действуют 1 федеральная НКА, 55 региональных и 94 местных. 27 НКА исключены. Здесь функционируют почти каждая 5-я НКА Российской Федерации, более чем каждая 4-я региональная и более чем каждая 5-я местная. Наряду с положительными моментами в деятельности субъектов Федерации Приволжского федерального округа нельзя не заметить отдельные факты вольного правоприменения ряда статей закона «О национально-культурной автономии». В первую очередь, это частые случаи незаконной регистрации региональных НКА, особенно в Ульяновской области, где в 2002 — 2003 гг. были образованы региональные НКА татар, чувашей, немцев, евреев, мордвы, причем без наличия местных автономий. Кроме того, для округа характерны «новации», когда в отдельных субъектах Федерации начинают делить татар на этнографические (татары сибирские, казанские, тюменские) и этноконфессиональные

(татары-кряшены) группы, в Пермской области регистрируются полиэтничные НКА татаро-башкир по группам расселения (южные, северные, центральные), а в Саратовской области — региональные НКА немцев и белорусов с претензией на весь Поволжский регион.

В республиках Марий Эл, Чувашии и Мордовии по сравнению с Татарстаном образован минимум этнических общностей (от 2 до 3). При этом в Чувашии нет региональных НКА, а в Мордовии, ныне претендующей на роль столицы российских финно-угров, функционируют 1 региональная НКА татар и 1 местная НКА украинцев.

Что касается Ямало-Ненецкого автономного округа, то в нем русские составляют 65,8 %. Поэтому образование НКА поморов не соответствует Федеральному закону о НКА. В то же время если бы в Архангельской области были созданы НКА ненцев, численность которых составляет 0,5 % от общего количества населения региона, то их регистрация обогатила бы общую этническую палитру.

Однако в этом округе в нарушение Федерального закона, не разрешающего создавать НКА на базе целой этнической группы, была зарегистрирована региональная НКА тюрок без наличия здесь местных организаций. В Ханты-Мансийском автономном округе таким же образом была зарегистрирована региональная НКА чечено-ингушского народа. Видимо, определяющими мотивами продвижения северокавказцев в эти края являются залежи нефти и газа. Причем общественная аккредитация непременно сопровождает экономическую легализацию⁶.

Таким образом, дальнейшее развитие финно-угорских народов России будет всецело зависеть как от проведения продуманной федеративной реформы в государстве, так и от активности самих финно-угров, призванных развивать и поддерживать на должном уровне свои НКА. Необходимо отметить, что действующая модель федеративных отношений в стране включает в себя важную национальную компоненту, о гипертрофированности или устарелости которой говорить сегодня преждевременно. Игнорирование этой компоненты ради «сокращения» формального числа субъектов Федерации, по нашему мнению, может обернуться серьезными дополнительными угрозами национальной целостности и безопасности России как многонационального государства.

В то же время сегодняшняя модель федеративных отношений, возникшая в период ранней суверенизации, и ее отражение в действующей Конституции Российской Федерации 1993 г. — очевидные продукты переходного этапа в развитии Российского государства, его политической и экономической системы. Все это обуславливает ее реформу. Однако весь мировой опыт показывает, что в государствах федеративного типа формирование и тем более реформирование внутренних структур происходит весьма сдержанно, консервативно.

Этот процесс объективно ограничен рамками баланса интересов Федерации и ее регионов, а также принципами или критериями федерализма, которые всеобъемлюще и универсально нигде не зафиксированы, но фактически действуют и оказывают мощное влияние на политическую жизнь всех современных федераций, особенно тех, кто интегрирует в себя определенную компоненту национально-территориального обособления.

Сегодня объективно население национальных финно-угорских регионов заинтересовано в укреплении России в целом, ее Федерации, в укреплении единства территориальных сообществ, ибо только при этом можно наиболее полно и эффективно реализовать их социальные, культурные и национальные интересы.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Надиев А. С.** Национально-культурная автономия как наиболее эффективный инструмент сохранения этнической самобытности // VII Конгресс этнографов и антропологов России : докл. и выступления. Саранск, 9 — 14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 144.

² См.: О национально-культурной автономии (с изменениями на 9 февр. 2009 г.) : федер. закон // Рос. газ. 2009. 13 февр.

³ **Ерофеев Ю. И.** Национально-культурные автономии: статистика и комментарий. М., 2010. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ См.: **Шабаев Ю. П.** Финно-угорская культурная политика в контексте межрегиональных и межгосударственных связей // Финно-угроведение. 2002. № 1. С. 24.

⁶ См.: **Ерофеев Ю. И.** Указ. соч. С. 20, 23.

Поступила 03.11.2010 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 94(470.5)(=511.152):331.556.2

М. М. Фадеева
M. M. Fadeeva

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ МОРДВЫ НА УРАЛ

ECONOMIC PREREQUISITES FOR AGRICULTURAL MIGRATION OF THE MORDVINS TO THE URALS

Ключевые слова: мордва, Урал, план переселения, эвакуация, экономическая характеристика, хозяйство, сравнительные данные, деятельность колхозов.

В статье анализируются архивные документы о переселении мордвы на Урал, содержащие сведения об экономике колхозов МАССР и Челябинской области.

Key words: the Mordvins, the Urals, plan of migration, evacuation, economic characteristic, economy, comparative data, activity of collective farms.

Archive documents about the migration of the Mordvins to the Urals, which contain the information about the economy of collective farms of the MASSR and the Chelyabinsk province, are analyzed in the article.

Урал — географический регион в России, протянувшийся между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами. Его основную часть составляет Уральская горная система¹. 13 мая 2000 г. был образован Уральский федеральный округ (УрФО). В его состав входят 6 субъектов Российской Федерации: 4 области (Свердловская, Челябинская, Курганская и Тюменская) и 2 автономных округа (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий)².

В УрФО проживают представители почти 120 национальностей. Среди них довольно многочисленной является финно-угорская группа народностей³. Согласно переписи населения 1926 г., численность мордвы в Уральской области составляла 5 985 чел. (из них городского населения — 384 чел., сельского — 5 601 чел.)⁴.

Сегодня из общей численности мордовского народа — 1 200 тыс. чел. — только $\frac{1}{4}$ часть живет в Мордовии⁵, остальные проживают в разных районах мира и России.

Одной из главных причин резкого снижения численности населения в Мордовии в 1940-х гг. была миграционная политика: переселение целых семей в различные ре-

гионы страны, и главным образом в Сибирь и на Урал. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 26 апреля 1940 г. «О мероприятиях по обеспечению плана переселения в восточные районы Союза ССР» из МАССР в Новосибирскую и Челябинскую области должны были переселить 4 130 семей. Кроме того, до 1 октября 1940 г. предусматривалось переселить в Карелию, обезлюдившую из-за эмиграции в Финляндию, еще 1 500 семей⁶. Невыполнение плана переселения объяснялось, как правило, неудовлетворительной работой ряда переселенческих отделов областей и автономных республик. В 1941 г. он предусматривал выезд из республики в Челябинскую область 1 300 хозяйств⁷.

В октябре-декабре 1940 г. в места переселения для ознакомления должны были выехать 3 тыс. глав семей, которые намечалось переселить в 1941 г. Однако из них поехали лишь 212 чел. (7 %). Многие переселившиеся семьи возвращались обратно из-за плохих или непривычных жизненных условий в местах целевого переселения. Так, в Ковылкинский район из 17 семей, переселившихся в Челябинскую область, вернулись 14, в Ичалковский — 12, в Ромодановский — 28. В районы, где социально-экономические условия были удовлетворительными, мордовские крестьяне уезжали по собственному желанию⁸.

По данным 1937 г., МАССР являлась одним из наиболее малоземельных районов СССР — на один колхозный двор приходилось 10 га земель сельскохозяйственного назначения, тогда как в целом по СССР эта цифра составляла 20 га. Совершенно иная ситуация наблюдалась в Челябинской области, обладавшей обширными территориями плодородных земель, — за одним колхозным двором было закреплено более 40 га⁹. Кроме того, в МАССР из общей площади всех сельскохозяйственных угодий посевами было занято 55 %, а в Челябинской области от 18,1 до 31,5 %. Это говорит о том, какими возможностями располагала последняя в расширении посевных площадей, а следовательно, в увеличении производства сельскохозяйственной продукции¹⁰. Однако из-за острого недостатка людей эти возможности не были реализованы в полной мере, причем выработка трудодней на одного трудоспособного человека в области составляла 234 (в МАССР она равнялась 147)¹¹. Данные годовых отчетов колхозов свидетельствуют о том, что колхозники Мордовии были мало задействованы в общеколхозных работах¹².

Богатейшие черноземные почвы (несмотря на сравнительно суровые климатические условия), четкая организация работы в борьбе за урожай и высокую степень использования энерговооруженности позволили колхозам Челябинской области в 1937 г. получить значительный урожай зерновых — по 12,3 ц/га (в колхозах МАССР эта цифра составляла 10,5 ц/га). На выработанные трудодни один колхозный двор в Челябинской области получал 38,1 ц хлеба (в МАССР — 15,9 ц)¹³. Необходимо отметить также, что в Челябинской области было сильно развито животноводство, что обеспечило высокую прибыль от этой отрасли — 36,3 % (в МАССР — 14,7 %)¹⁴.

Приведенные сведения об экономике колхозов МАССР и Челябинской области дают полное основание утверждать, что колхозникам-переселенцам из Мордовии было гораздо продуктивнее использовать свой труд на новом месте¹⁵.

Данные о социально-экономическом положении рассмотренных регионов представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Хозяйственная деятельность
колхозов МАССР и Челябинской области
по итогам 1937 г.**

Показатель	МАССР	Челябинская обл.
Выработано трудодней на 1 двор	365	526
Выработано трудодней на 1 трудоспособного	147	234
Количество колхозников, вырабатывавших		
до 100 трудодней	48,4	30,7
от 100 до 300	38,0	40,0
от 300 и выше	13,6	28,7
Урожай зерновых с 1 га, ц	10,5	12,3
Приходилось сельскохозяйственных земель на 1 га, %	10	40
Удой на 1 фуражную корову, л	1 087	1 047
Настриг шерсти с 1 гол., кг	1,6	1,7
Средняя выдача зерна на 1 трудодень, кг	4,2	7,3
Выдано зерна на трудодни на 1 двор, ц	15,9	35,1
Выдано на трудодни денег, руб.	113	166
Доход на 1 двор, руб.	295	561
Удельный вес зерновых в общей посевной площади, %	87,2	94,5
Распределение трудодней, % к итогу:		
в земледелии	64,5	55,1
в животноводстве	15,0	23,8
на прочих работах	20,5	21,1
Приходилось на 100 га посева:		
лошадей	8,5	6,8
КРС	3,5	14,4
В том числе коров	1,4	4,5
овец и коз	8,5	23,9
свиней	5,3	7,2

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 52. Л. 48.

Один из районов Челябинской области, куда выезжали переселенцы из МАССР, был Кургамышский. В 1937 г. в его 20 колхозах насчитывался 1 541 двор, причем только в 3 колхозах имелось более 100 хозяйств, в остальных от 38 до 100. Все население в колхозах составляло 5 138 чел., из них 2 335 чел. были трудоспособные¹⁶. Общая площадь земель включала 51 799 га, из них 31 617 га пашни, или на одного трудоспособного в среднем во всех колхозах приходилось 13,5 га. В отдельных колхозах земельная обеспеченность колебалась от 7,5 до 17,4 га. Из 31 617 га пашни под посевы использовалось 22 907 га, или 72,5 %¹⁷. В некоторых хозяйствах на эти цели отводилось 40 — 60 % пашни, и только в одном эта цифра достигала 96 %. Неиспользуемая площадь представляла собой резерв для расширения посевных площадей и давала возможность принять значительное число колхозников-переселенцев из малоземельных районов.

В 1938 г. урожайность зерновых в колхозах Куртамышского района составила в среднем 12,8 ц/га (в МАССР — 4,9 ц/га), в 1939 г. — 7,0 ц/га (в МАССР — 2,9 ц/га), в 1940 г. — 5,9 ц/га¹⁸.

Данные об урожайности зерновых в Куртамышском районе приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Урожайность зерновых культур в Куртамышском районе
Челябинской области в 1938 — 1940 гг.**

Урожайность, ц/га	Кол-во колхозов		
	1938	1939	1940
До 5	—	6	9
6 — 9	1	10	10
10 — 12	7	3	—
13 — 15	8	1	—
16 и выше	2	—	—

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 52. Л. 49.

В 1941 г. территория Куртамышского района занимала 3 098 км². Районный центр — с. Куртамыш — находится в 52 км от железнодорожной станции Юргамыш. Ближайшие города Курган и Челябинск располагаются в 85 и 200 км от районного центра. В начале 1940-х гг. железной дороги в районе не было. Сообщение внутри него осуществлялось по грунтовым дорогам на автомашинах и лошадях, с городами — по железной дороге от станции Юргамыш. Действовала телефонная связь с сельсоветами и колхозами¹⁹.

Население в колхозах составляло 28 940 чел., из них трудоспособными являлись 13 224 чел.²⁰

Почва (выщелоченный и солонцеватый чернозем) была пригодна для возделывания зерновых, технических, овощных и бахчевых культур и садов. С запада на восток район пересекала р. Куртамыш. Почти равномерно по его территории были расположены 13 небольших озер. Район располагал хвойными и лиственными лесами местного значения, использовавшимися в строительстве, в качестве топлива и служившими защитой от ветра и снега²¹.

В районе насчитывалось 33 сельсовета, 93 колхоза, 8 307 дворов колхозников²². Весь земельный колхозный фонд включал около 217 тыс. га, из них пахотнспособной земли было 146 929 га, сенокосов — 12 813 га, выгонов — 35 710 га. Под лесами и кустарниками находилось 12 098 га, под водой — 8 600 га. Посевная площадь в колхозах составляла 89 438 га, при этом пахотная земля использовалась на 97,6 %. Было поднято 23 200 га чистых паров²³.

Производственным направлением хозяйств являлось зерновое. В 1940 г. в районе возделывали яровую (40 846 га) и озимую (125) пшеницу, озимую рожь (14 053), овес (19 818), просо (3 594), вику (103), горох (668), лен кудряш (327), коноплю (84), подсолнечник (2 789), картофель (660), бахчевые культуры (309), кормовые корнеплоды (247); сеяли травы на силос (521), однолетние (2 682) и многолетние (люцерну, 2 117 га)²⁴.

В колхозах района функционировали животноводческие фермы: КРС — 93 (в них насчитывалось 12 616 гол., из них — 3 756 маток, 1 704 — рабочих гол.), коневодческие — 23 (5 624 гол., из них 1 539 маток, 2 820 рабочих гол.), овцеводческие — 93 (28 509 гол., из них 21 015 овцематок), свиноводческие — 64 (6 924 гол., из них 1 390 свиноматок), птицеводческие — 61 (11 000 гол.). Кроме общественного скота в индивидуальном пользовании колхозников находилось 12 247 гол. КРС, 16 363 гол. овец и 2 682 гол. свиней. Было развито колхозное пчеловодство: имелось 11 пасек с 242 ульями²⁵.

Следует отметить, что район в достаточной мере был обеспечен сельскохозяйственными машинами. В 1941 г. в 4 МТС насчитывалось 190 комбайнов, 114 гусеничных и 247 колесных тракторов, 94 грузовых автомашины. Посевные и уборочные работы были механизированы на 87,9 %²⁶.

На одного трудоспособного колхозника приходилось 14,8 га пашни и 11,3 га посевов в переводе на зерновые. Несмотря на высокую степень механизации посевных и уборочных работ, такая нагрузка приводила к тому, что колхозы не справлялись с работой, несвоевременно и не в полной мере проводили агротехнические мероприятия, затягивали сроки сева и уборки сельскохозяйственных культур, в результате имелись потери в урожае²⁷.

В районе в это время действовали 57 начальных сельских, 9 неполных средних и 2 средние школы, педагогическое училище, сельскохозяйственный техникум, 6 библиотек, 31 изба-читальня, больница на 75 койко-мест, 3 амбулатории, 6 фельдшерских пунктов, 4 ветеринарных пункта, 7 зооветеринарных пунктов и бактериологическая лаборатория²⁸.

Для выполнения задач развития сельского хозяйства (освоение на 100 % пахотнoспособной земли, расширение площадей посева, повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства) району была необходима дополнительная рабочая сила. Поэтому в 1941 г. намечалось принять переселенцев в 208 хозяйств района.

Таким образом, колхозники-переселенцы из Мордовии более продуктивно использовали свой труд в районах Челябинской области. На новом месте у мордвы была возможность расширить свои посевные площади и увеличить поголовье скота, что позволяло повысить им свой доход.

Библиографические ссылки

¹ См.: Урал. История Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%80%D0%B0%D0%BB> (дата обращения 10.10.2009).

² См.: Уральский федеральный округ [Электронный ресурс]. URL: http://www.llr.ru/razdel4.php?id2249&id_r3=67&simb=%D3&page=#up (дата обращения 10.10.2009).

³ См.: **Панфилова Л.** Национальные меньшинства в семье уральских народов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chrab.chel.su/archive/10-04-02/4/A179597.DOC.html> (дата обращения 10.10.2009).

⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. С 103 — 107.

⁵ См.: **Панфилова Л.** Указ. соч.

⁶ См.: **Абрамов В. К.** Переселение из Мордовии накануне Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://fr.gae.ru/pdf/2006/02/Abramov.pdf> (дата обращения 22.03.2010).

⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 52. Л. 46.

- ⁸ См.: **Абрамов В. К.** Указ. соч.
⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 52. Л. 46.
¹⁰ Там же.
¹¹ См.: **Абрамов В. К.** Указ. соч.
¹² ЦГА РМ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 52. Л. 46.
¹³ Там же.
¹⁴ Там же. Л. 47.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же. Л. 49.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же. Л. 16.
²⁰ Там же. Л. 16 об.
²¹ Там же. Л. 16.
²² Там же.
²³ Там же. Л. 16 об.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. Л. 16 об., 17.
²⁸ Там же. Л. 17.

Поступила 05.10.2010 г.

УДК 39(470.345)(=19):347.189

А. А. Шевцова
A.A. Shevtsova

**ИМЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ТРАДИЦИИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ У АРМЯН
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

**THE NAME AND ETHNIC IDENTITY:
NAMING TRADITIONS OF THE ARMENIANS
IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Ключевые слова: имя, крещение, семья, этнокультурная адаптация мигрантов, этнический маркер, межнациональные браки.

В статье на основе полевого экспедиционного материала, собранного в Республике Мордовия в семьях добровольных армян-мигрантов из Армении, Азербайджана и Грузии, рассматриваются изменения в традиции их имянаречения в условиях влияния универсальной западной городской культуры и поликультурного окружения. Говорится, что в диаспоре российских армян, обладающей высоким уровнем «культурологического иммунитета», выбор имени становится демонстрацией этнической идентичности, способом сохранить от размывания национальную самобытность. Особое внимание уделено межнациональным бракам, которых немало среди мигрантов из Армении.

Key words: name, christening, family, ethnocultural adaptation of migrants, ethnic marker, interethnic marriages.

Transformations of traditional naming rites in the families of voluntary Armenian migrants from Armenia, Azerbaijan and Georgia in the Republic of Mordovia under the influence of universal western urban culture and multinational environment are considered in the article on basis of field expedition materials. It is indicated that in the diaspora of Russian Armenians, that possesses «cultural immunity» of high level, the selection of a name becomes the demonstration of ethnic identity, the method to keep national originality from erosion. Special attention is paid to a quantity of international marriages among the migrants from Armenia.

Лучше глаза лишиться, чем доброго имени.

Армянская пословица

Республика Мордовия в отличие от Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, Москвы не принадлежит к числу российских регионов, где исторически проживала большая армянская община. Всероссийская перепись 2002 г. зафиксировала в Мордовия 1 310 армян¹. Оценки экспертов отличаются от официальных данных. Так, они приводят цифры от 2 800 до 3 500 чел. [ПМА: Газарян, Саргсян]. В межпереписной период 1989 — 2002 гг. численность армянского населения республики удвоилась за счет добровольных трудовых мигрантов и в меньшей степени — естественного прироста. Большинство мигрантов — это добровольные переселенцы, приехавшие в Мордовию в поисках работы и лучших условий жизни. Многие информанты переехали в Россию после землетрясения 1987 г. [ПМА: Назинян, Степанян, Фиданян], бакинские армяне — после печально известных событий 1988 г. По сравнению с общей численностью населения региона мигранты из Закавказья, в частности Армении, составляют доли процента, однако в ближайшем будущем поток трудовых мигрантов в Россию, скорее всего, не уменьшится². Армянские мигранты предпочитают селиться в крупных городах республики (Саранске, Рузаевке), вблизи транспортных центров и железнодорожных путей. Лишь треть армян республики — сельские жители³.

По данным переписи, армянским языком владеет большинство армян-переселенцев. Нередко по-армянски говорят члены межнациональных семей (как правило, жены мужей-армян). Армянский остается языком семьи, причем многие информанты обеспокоены тем, что дети забывают родной язык, говоря с ровесниками и учителями в школе только по-русски. Большинство переселенцев хотели бы, чтобы их дети знали армянские народные традиции, историю Армении, владели родным языком на должном уровне. Они дома с детьми стараются говорить по-армянски. Этнокультурные потребности родителей школьников-армян призвана удовлетворить армянская воскресная школа, которую собирается открыть в 2011/12 учебном году в Саранске Мордовское отделение Союза армян России [ПМА: Саргсян].

Однако единственным местом, где дети могут приобщиться к национальной культуре, остается семья. Как известно, традиция не может быть унаследована, поэтому в данном направлении необходимо много работать. Это ярко подтверждают полевые исследования в местах расселения армян-мигрантов в Мордовии (2008 — 2010 гг.) под руководством доктора исторических наук профессора Л. И. Никоновой (Саранск), выявившие такие адаптационные стратегии армянских переселенцев, как интегра-

ция и ассимиляция, причем последняя в большей степени характерна для межнациональных браков бакинских армян.

Этническое самосознание — это относительно устойчивая система осознанных представлений о реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентах жизнедеятельности этноса и их оценок, квинтэссенция всех составляющих этничность человека⁴. Большинство армян, живущих в Мордовии, позитивно оценивают свою этничность и этническую идентичность, стремясь к этнокультурной преемственности, прилагая максимум усилий, для того «чтобы дети помнили, кто мы», при этом с уважением относятся к местным традициям. Даже под давлением универсальной западной городской культуры, адаптации к иноэтническому окружению армянская община республики продолжает сохранять стойкий «культурологический иммунитет», т. е. «способность народа сохранять и защищать от чужеродных наслоений свои духовные ценности, язык, устои, обряды, обычаи — свое видение мира»⁵, высокую приверженность национальным культурным традициям⁶. Выбор имени для новорожденного, давно ставший личным делом отдельной малой семьи, может служить как этническим маркером, так и показателем социальной адаптации и психологического комфорта семьи из армянской диаспоры (*стюрк*), живущей в инокультурной среде.

Традиционно у армян ребенка нарекали именем в возрасте одной недели при обряде крещения (*кнунк*)⁷. Имя выбирали родители, обычно руководствуясь списком святых, которым был посвящен день крестин. Сегодня будущие родители выбирают имя заранее, как только становится известно о беременности, причем имя держат в тайне, не говоря даже близким родственникам. Заметим, что у армян, как и многих других народов, существует запрет на покупку детских вещей (коляски, кроватки, одежды, игрушек и т. п.) для еще не родившегося ребенка [ПМА: Манукян, Саргсян].

Имени как в прошлом, так и в настоящем времени придают символическое значение, ведь большинство армянских мужских и женских имен содержит определенный смысл. Например, имя Амаяк означает искренний, Арсен — благородный воин, Ашот — надежда мира, Багдасар — сияющий, Ваган — щит, Гагик — небесный, Давид — дающий знания, Ерванд — святая вера, Завен — благовоспитанный, Карен — щедрый, великодушный, Левон — лев, Нерсес — рождение героя, Нубар — первенец, Овик — данный Богом, Оганес — огненный, Татевос — путь предков, Татул — радость отца, Шмавон — миролюбивый; Ануш — сладостная, Аревик — солнышко, Ашхен — небесная, Варсеник — длинноносая, Ерджаник — счастье, Карине — прославляющая Бога, Манушак — фиалка, Наира — свободная, Нарине — жена, Рипсиме (Рипсиме) — выше всяких похвал, Сирун — красивая, Шагане — кроткая, благочестивая, Шушан — лилия, красота и т. п. Все более популярными, в том числе среди армян Мордовии, становятся национальные имена, к которым относятся имена древних армянских богов: Анаит — покровительница Армении, детей и женщин, богиня воды и плодородия; Ара — бог природы, всего живого на земле, hАйк (в паспорте пишут Гайк или Айк) — верховное божество, прародитель армян.

Необходимо отметить тесные и непрерывающиеся связи армянской диаспоры Мордовии со своей исторической родиной. Они имеют важный сакральный смысл, обусловленный особым отношением к исторической родине — Айастану, Армянскому нагорью. Исключение в этом отношении составляют армянские переселенцы из

Азербайджана, уже во втором поколении считающие своей родиной Россию [ПМА: Асерян, Газарян].

Мальчиков также называют в честь древних царей, воинов-освободителей, просветителей: Тигран, Мгер, Артавазд, Григор, Ваагн, Мушег, Ашот, Месроп, Давид и т. д. В старину имя ребенка, если он был слабым и болезненным, иногда меняли, чтобы обмануть злых духов⁸. В то же время двойные имена, популярные среди ряда народов Северного Кавказа (такие как Магомед-Али, Мир-Теймур и т. п.), у армян практически не встречаются.

Если в армянских ЗАГСах родителям при регистрации ребенка предлагают длинный список традиционных национальных имен, то в Мордовии обычно имя обсуждают в кругу семьи до прихода в эти учреждения. Причем нередко мальчика (особенно долгожданного) называет отец, девочку — мать. Например, в семье жителей Саранска Левона Гарниковича и Тамары Ашотовны Саргсян — четыре дочери (Лилита, Оксана, Лоретта, Наира), и, наконец, родился сын, которого отец назвал древним армянским именем Нарек. В последние годы это имя — безусловный лидер в самой Армении, за ним следуют Давид, Эрик, Арман, Айк, Артур, Гор, Тигран и Самвел. Среди мужских имен у армян-переселенцев популярны также Георг (варианты — Геворг, Геворк, Георгий), Мгер, Арев, Миран, Артак, Арсен, Гарик, Эдгар, Наргиз, Андраник, Мативос, Ваагн, Санасар, Оганес, Саак, Левон, Татул, Дерен, Карен, Вартан, женских — Зепюр, Карине (Карина), Марине (Марина), Наира, Аида, Гаяне, Арпинэ, Сусанна, Асмик, Лусине, Лиана. Часто называют именем Анна, популярным и в Армении.

Армяне уменьшительно-ласкательные формы имен образуют при помощи окончания *-о* (Карен — Каро, Каренчо, Саак — Сако), суффиксов *-ик-* (Гевор — Геворик), выходцы из Степанакерта — *-уш-* (Тигран — Тигрануш) или на русский манер — *-чик-* (Арсен — Арсенчик, Вартан — Вартанчик) [ПМА: Айвазян], *-ушк-* (Левон — Лёвушка). Нередко к имени прибавляют ласкательное *джан*, *джанна* (душа, милый/милая) — Вартан-джан, Ануш-джанна.

Некоторые армяне Мордовии как и донские армяне⁹ по традиции называют детей именами их живых и умерших бабушек и дедушек, обычно по отцовской линии, что способствует сохранению старинных армянских имен (Мгер, Ваагн, Анаит, Арпинэ, Арусяк). мода на западноевропейские имена (особенно любили называть детей в честь героев Шекспира — Гамлет, Офелия, Джульетта) и фамилии политических деятелей, характерная для Армении 1930 — 60-х гг., почти прошла, хотя в Мордовии живут 43-летняя Офеля (так в паспорте), 17-летняя Лоретта, 26-летний Тельман, а в Армении новорожденных девочек и сейчас называют Миленами, Эленами и Мониками.

Среди выходцев из сельских районов Армении популярны также русские имена, в том числе в усеченной, уменьшительной или искаженной формах: Серож, Сережа (Сергей), Валод (Владимир), Надя, Люба, Катя, Совет (Елизавета). Это создает определенные трудности в ЗАГСах, где родителям предлагают зарегистрировать ребенка «по правилам», в случае с мальчиками апеллируя к тому, что от имени Серож и Валод отчество будет неблагозвучным. Как известно, в Армении отчества записывают лишь в официальных документах. Это имя отца в родительном падеже, например, Саркисян Вартан Арташеси (Вартан, сын Арташеса). Российским гражданам отчество необходимо, и в подавляющем большинстве случаев родителям идут

навстречу, в результате появляются Сережаевичи, Володевичи, Гришаевны [ПМА: Давоян, Назинян, Степанян].

Тенденция к смешанным бракам (чаще в такой брак вступает мужчина-армянин с местной жительницей — русской или мордовкой, что объясняют общностью религии) довольно четко прослеживается у российских армян¹⁰ и выступает мощным адаптационным фактором, облегчает коммуникацию в местном сообществе, позволяет переселенцу обрести новые социально-родственные связи и новые перспективы. Во многом облегчает адаптацию также русское имя общего ребенка, которого окружающий социум воспринимает как своего. Иногда соседи, знакомые или коллеги называют армян русскими именами, созвучными армянским (например, Бакшик становится Борисом).

Армяне (выходцы из Баку и Еревана), особенно вступившие в браки с русскими женщинами, сравнительно часто называют детей русскими или интернациональными именами (Сергей, Степан, Григорий, Дмитрий, Виталий, Роман, Семен, Давид, Анна, Алина, Жанна, Диана, Елена и т. п.), нередко не только руководствуясь благозвучием, но и прислушиваясь к мнению русской родни жены [ПМА: Симонян]. Иногда русская мама выбирает имя для дочери (Мария, Анна, Ирина, Олеся), а отец-армянин — для сына или даже внука, хотя бывает и наоборот. Так, в семье Апета Хуршудовича и Зинаиды Петровны Казарян сына зовут Владимиром, дочь — Рузанной. Сын назвал своих сыновей Сергеем и Ованесом — в честь своего прадеда. У Левы Тачатовича и Галины Александровны Фиданян — дочери Анна и Олеся, внучка Алина (Адамян).

Детям верующих армян, не имеющих в Мордовии своего прихода и часто вынужденных их крестить в православных храмах, даются церковное русское имя и имя святого покровителя (например, Сергей и Сурен, Александр и Гайк). Это характерно также для тех армян в самой Армении, чьи имена не входят в святцы. Так, любимому многими поколениями россиян армянскому актеру Фрунзику (Фрунзе) Мкртчяну при крещении было дано имя Мгер.

Итак, по данным полевых исследований, большинство армян, вступивших в смешанные браки, считают своих детей армянами, указывая на отчество, которое дается по отцовской линии, что свидетельствует о позитивном восприятии собственной этничности, и косвенно — об успешной адаптации. Расхожая формула «имя — это судьба» превращается в формулу «имя — это идентичность».

Библиографические ссылки

¹ См.: Национальный состав населения Республики Мордовия : Итоги Всерос. переписи населения 2002 г. : стат. сб. № 932. Саранск, 2005. С. 8 — 11.

² См.: **Тишков В. А.** Этнология и политика : науч. публицистика. М., 2001. С. 169.

³ См.: Национальный состав населения Республики Мордовия.

⁴ См.: **Хогинец В. Ю.** Этническое самосознание. СПб., 2000. С. 7, 88 ; **Тишков В. А.** Указ. соч. С. 229 — 230.

⁵ **Мелик-Шахназарян Л. Г.** Характер армянского народа. Ереван, 1999. С. 3 — 4.

⁶ См.: **Крысько В. Г.** Этническая психология. М., 2002. С. 190.

⁷ См.: **Тер-Саркисянц А. Е.** Армяне : История и этнокультур. традиции. М., 1998. С. 191 — 193.

⁸ Там же. С. 193.

⁹ См.: **Тер-Саркисянц А. Е.** Основные тенденции развития современной семьи и семейных обрядов у донских армян (по материалам полевых исследований 1990-х годов) // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 94.

¹⁰ См.: **Корякин К. В.** Условия адаптации и интеграции мигрантов-армян в Краснодарском крае // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М., 2006. С. 48.

Полевой материал автора

Айвазян Мариам Саргисовна, 1967 года рождения, пгт Чамзинка Чамзинского района, запись 2008 г.

Айвазян Мативос Амаякович, 1961 года рождения, пгт Чамзинка Чамзинского района, запись 2008 г.

Асерян Сергей Григорьевич, 1967 года рождения, г. Саранск, запись 2010 г.

Газарян Анна Владимировна, 1948 года рождения, г. Рузаевка, запись 2010 г.

Газарян Дмитрий Шмавонович, 1944 года рождения, г. Рузаевка, запись 2010 г.

Давоян Надя Гарниковна, 1966 года рождения, г. Саранск, запись 2010 г.

Давоян Татул Сурикович, 1963 года рождения, г. Саранск, запись 2010 г.

Казарян Апет Хуршудович, 1938 года рождения, с. Архангельское Голицыно Рузаевского района, запись 2008 г.

Казарян Зинаида Петровна, 1938 года рождения, с. Архангельское Голицыно Рузаевского района, запись 2008 г.

Манукян Карен Мигранович, 1970 года рождения, г. Саранск, запись 2010 г.

Назинян Раиса Гришаевна, 1959 года рождения, с. Ельники Ельниковского района, запись 2008 г.

Назинян Эдуард Георгиевич, 1956 года рождения, с. Ельники Ельниковского района, запись 2008 г.

Саргсян Левон Гарникович, 1964 года рождения, г. Саранск, запись 2010 г.

Саргсян Тамара Ашотовна, 1966 года рождения, г. Саранск, запись 2010 г.

Симонян Мхитар Радикович, 1967 года рождения, г. Ардатов, запись 2008 г.

Симонян Наталья Владимировна, 1967 года рождения, г. Ардатов, запись 2008 г.

Степанян Андраник Ишханович, 1971 года рождения, г. Ардатов, запись 2008 г.

Степанян Зепюр Сениковна, 1975 года рождения, г. Ардатов, запись 2008 г.

Фиданян Галина Александровна, 1960 года рождения, с. Пушкино Ромодановского района, запись 2008 г.

Фиданян Лева Тачатович, 1947 года рождения, с. Пушкино Ромодановского района, запись 2008 г.

Фиданян Нина Андраниковна, 1954 года рождения, пос. Атьма Ромодановского района, запись 2009 г.

Поступила 12.10.2010 г.

УДК 39:71

П.В. Рябов

P. V. Ryabov

САДОВО-ПАРКОВАЯ СКУЛЬПТУРА КАК ЭТНООБЪЕДИНЯЮЩИЙ ФАКТОР

LANDSCAPING SCULPTURE AS THE ETHNOS CONSOLIDATION FACTOR

Ключевые слова: резьба по дереву, деревянная скульптура, садово-парковая скульптура, с. Подлесная Тавла, семинары резчиков, этнокультура, национальное мировидение.

В статье рассматривается творчество тавлинских мастеров резьбы по дереву в контексте фольклорно-мифологического мировидения эрзянского народа, дается информация о выставках и семинарах.

Key words: wood engraving, wooden sculpture, landscaping sculpture, Podlesnaya Tavla Village, seminars of engravers, ethnoculture, national world view.

Works by masters of wood engraving from Tavla in the context of folklore and mythological ideology of the Erzya people are considered in the article. The information about exhibitions and seminars is given as well.

Резьба по дереву — одно из базовых направлений этнического искусства, имеющее в каждой культуре ряд важнейших не только технических, но и семиотических и семантических особенностей. Определенная трудность в раскрытии проблемы места и значения скульптурной резьбы в культуре мордовского этноса обусловлена практически полным отсутствием региональных исследований по этой теме. Поэтому в рамках данной статьи предпринята одна из первых попыток рассмотрения садово-парковой скульптуры как этнообъединяющего фактора.

Неразрывная связь между человеком и природой воплощается в объектах материальной культуры, изготовленных мастерами из самых разнообразных и удивительных природных материалов. Особое место среди них занимает скульптурная резьба по дереву, которая характеризуется тем, что в ней рельефное изображение частично или полностью отделяется от фона, превращаясь в скульптуру. В отличие от одностороннего изображения объекта в плоскорельефной и рельефной резьбе в объемной резьбе объект изображается всесторонне, что дает возможность зрителю более полно вникать в заложенное автором его ценностное значение. Пропаганда традиционного мировидения, национальной стилистики, реализованной в деревянной скульптуре, является одной из главных задач большинства практических мероприятий, связанных с резьбой по дереву.

В современном мире в огромном количестве проводятся всевозможные международные, всероссийские, межрегиональные, региональные, республиканские и местные фестивали, симпозиумы, семинары, конкурсы по созданию садово-парковой скульптуры. Актуальность и востребованность данной этнообъединяющей идеи очевидны. Стало престижно принимать участие в подобных мероприятиях, востребованных в этнонациональной среде, так как здесь можно делиться опытом

и перенимать его, общаться со своим зрителем как начинающим, так и известным скульпторам. Во всех районах планеты проходят мероприятия по созданию скульптур из песка, льда, камня, зеленых насаждений и других материалов. Пожалуй, самый востребованный материал садово-парковой скульптуры — это дерево. Тяга к нему художников-резчиков неслучайна, поскольку, как отмечал известный в России реставратор В. В. Сологуб, этот материал «предоставляет мастеру уникальную возможность передачи пластического выражения, объема»¹.

Дерево как природный материал, окружавший человека издревле, формировало его отношение к миру, развивало поэтическое мироощущение, определяло национально-нравственное поведение. Основанием этого тезиса могут служить многочисленные примеры исследований быта мордовского народа этнографов и археологов, подтверждающие значительную роль дерева в повседневной жизни. В частности, в работе А. С. Лузгина отмечается, что в мордовском крае в конце XIX — начале XX в. насчитывалось около 100 видов кустарных промыслов, среди которых «более половины промыслов приходилось на обработку дерева и растительного волокна»². Сходную мысль, подтверждающую наличие традиций деревообработки в с. Подлесная Тавла Кочкуровского района Мордовии, которое стало сегодня одной из визитных карточек культурного облика республики, мы обнаружили в специально посвященном этой теме труде исследователя Н. И. Шибакова, который подчеркнул: «...у мордовского народа есть пластические традиции в этой области, и на них можно опереться»³. Все обозначенные фрагментарные подходы к осмыслению феномена садово-парковой скульптуры приводят к выводу о наличии в нем особого этнически универсального объединяющего начала, нуждающегося в фактологическом обосновании.

Народное искусство во все времена опиралось на мифологическое сознание народа, которое является фундаментальной базой и для современного искусства, в том числе Мордовии. Так, в своей монографии известный исследователь мифологии мордовского этноса Н. Г. Юрченкова отметила: «В изобразительных видах творчества мировоззрение мордвы отразилось также своеобразно. Орнамент вышивки и резьбы по дереву (в которой прослеживается взаимосвязь), выполняя наряду с эстетической и смысловую нагрузку, передавал через знаковую систему символический смысл изображаемого»⁴. Далее автор дополнила мысль выводом о том, что процесс «ремифологизации в искусстве мордовского народа выразился в создании многочисленных стилизаций и вариаций на мифологические сюжеты и образы, в том числе в тавлинской деревянной резьбе»⁵. Поэтому неслучайно все чаще при проведении симпозиумов резьбы по дереву мастера, скульпторы (большинство из них — выходцы из народной среды) обращаются к мифологии, фольклору, истории народа, его мировидению как наиболее понятному аккумулирующему началу. Художники разных направлений, работающие в таких видах искусства, как резьба по дереву, керамика, вышивка, а также с берестой и другими материалами, умышленно или неосознанно ищут варианты пластического решения духовной связи с культурой этноса. Яркое подтверждение тому — произведения финно-угорских этнофутуристов / этносимволистов, к когорте которых искусствоведы порой некритически причисляют работы, не поддающиеся традиционной классификации. Заостряя внимание общественности на генетической бли-

зости своих работ с народным мировидением, художник Ю. Дырин подчеркнул, что «культуры нет — корни существуют. Корни из деревни... они в душе... Они поднимаются на поверхность сознания через руку и карандаш и переходят на холст... они связаны с воспоминаниями о детстве... это начинает говорить через тебя»⁶.

В 2000 г. в с. Подлесная Тавла по инициативе общественной организации (ОО) «Союз тавлинских мастеров „Эрьмезь“» и при поддержке администрации Кочкуровского района, спонсоров и деятелей культуры Мордовии состоялся 1-й республиканский практический семинар резчиков по дереву под девизом «Традиции предков в резьбе по дереву в современную жизнь». Это значимое событие состоялось здесь неслучайно, так как обращение к крупной пластике для тавлинских мастеров далеко не первое. Село славится своими мастерами резьбы по дереву и знаменитой тавлинской игрушкой. Здесь функционирует детская художественная школа, указанная общественная организация, есть мастера, работающие индивидуально. Все они создают произведения на основе знаний о традиционной эрзянской культуре, устремления к своим корням. В селе под руководством заслуженного работника культуры РСФСР Н. И. Мастина была восстановлена традиционная форма резьбы по дереву, найден свой неповторимый тавлинский почерк. Н. И. Шибаклов полагал: «Прежде всего, важнейшей чертой народного искусства является его традиционность. Умение использовать накопленные веками безвестными мастерами приемы и способы обработки материала, основных сюжетов, росписи и т. д. Все крупные исследователи народного искусства показали, что именно традиция, покоящаяся на коллективном опыте, помогает сохранению народного искусства в его классической основе»⁷.

В 1980 г. группа молодых резчиков по дереву под руководством Н. И. Мастина оформила культовое место «Тавла прянь лисьма» («Тавлинский родник»), святой источник, исток реки Тавлы. Вот что писал по этому поводу искусствовед из Москвы Ю. В. Максимов: «Проникновение в традиции народной игрушки мордвы, в языческий строй орнамента, особенно сохранившегося на мордовских пряхах и прялках, нашло отражение при создании больших объемных скульптур из дерева, которые украсили село и его окрестности. Так родилась в работах школьников идея родников... Не просто скульптура, а скульптура, связанная с природой, с памятными для тавлинцев и особенно любимыми ими местами. Там, где начинаются истоки реки Тавлы, установлена скульптура „Исток Тавлы“: три вырезанные из дерева фигуры — мать, отец, ребенок. Здесь же укреплен доска, на которой школьники вырезали обращение к жителям села о бережном отношении к природе, о памяти предкам, сохранившим лес, реку, поля, окружающие родное село. По сути, это место стало новым Родником памяти... Позаботились ученики школы и об убранстве въезда в село. Создана крупная скульптурная группа, установлены на шестах вертушки. На резном гербе села — хлебопашество, кони, резная деревянная игрушка,ковка из металла — символы художественных ремесел. Таким образом, ученики художественной школы участвуют в культурном преобразовании села. Активная творческая позиция юных художников проявляется в выборе тем скульптурных ансамблей, в основных разработках пластики скульптур, в умелом соединении декоративных и функциональных задач каждого комплекса»⁸. Следует добавить, что современный облик родника дополняют скульптуры,

выполненные на республиканском семинаре такими мастерами, как В. Ширманкин, А. Рябов, Д. Кокурин, А. Чекайкин, А. Тетяйкин.

Новое для республики и в целом для России мероприятие уже давно практикуется в мире, а в последнее время на волне этнофутуристического движения в финно-угорских регионах. Толчком для его проведения стало участие в симпозиуме по садово-парковой скульптуре ПУУ-99 в г. Валге (Эстония) одного из тавлинских резчиков по дереву П. Рябова.

Целями семинара в с. Подлесная Тавла являлись способствование развитию традиционной деревянной скульптуры, профессиональным и духовным контактам резчиков по дереву, создание основы парковой скульптуры, оформление окружающей среды, организация парка скульптуры в этом селе для будущего маршрута по этнотуризму. В качестве творческой задачи определено создание художественных произведений на основе эрзя-мокшанского фольклорного наследия для оформления и установления памятных знаков в тех местах, где проходили основные сельские сходы, моления, календарные праздники жителей. Для ее решения были взяты такие темы, как «Бука лисьма» («Жертвоприношение быка у колодца»), «Каша бабань лисьма» («Женские моления у колодца»), «Бабань киштема» («Женские пляски»), «Репештя» («Святое место моления»).

На открытие семинара были приглашены фольклорные ансамбли «Гайгев вайгель» («Звонкие голоса», с. Новая Пырма Кочкуровского района), «Норов-ава» (с. Напольная Тавла Октябрьского района Саранска), ансамбль «Ламзурь» (Саранск), заслуженная артистка Республики Мордовия А. Г. Атласова, заслуженный работник культуры МАССР, уроженка с. Подлесная Тавла Л. Кретинина и др. Участников семинара поздравили представители администраций с. Подлесная Тавла и Кочкуровского района, Союза художников республики.

А. Рябов представил скульптуру «Вирень атя» («Старик-лесовик») на традиционные сюжеты мордовского фольклора, Н. Бочкин — «Уцяска» («Судьба»), в которой наилучшим образом воплотились тавлинские пластические решения. Последнюю скульптуру отличают гармония формы и содержания, безукоризненное исполнение, рациональное использование национального орнамента. И. Козин стал автором самобытной скульптуры «Эрямонь чувто» («Древо жизни»). Оригинальна скульптура «Вирьава» («Богиня леса») А. Наумова. В. Ширманкин, член ОО «Эрьмезь», создал скульптуру эрзянской богини «Норовава». В работе семинара кроме представителей ОО «Эрьмезь» приняли участие мастера резьбы по дереву из Ичалковского, Большеигнатовского, Атяшевского районов и Саранска.

Р. Щанкина писала: «Такой семинар, который проходил в селе Подлесная Тавла Кочкуровского района Республики Мордовия, проводится впервые... Но не только в этом польза и достоинство семинара. Самое ценное звучит в названии „Традиции предков в резьбе по дереву в современную жизнь“. Эти традиции из года в год уходят, стираются. Как их сохранить, как передать будущему поколению — вот главная задача»⁹.

Опираясь на итоги республиканского семинара, мастерами ОО «Эрьмезь» был проведен в 2001г. 1-й международный семинар резчиков по дереву финно-угорских народов «Единые корни», посвященный 125-летию со дня рождения скульптора С. Д. Эрзи. Местом его проведения также стало с. Подлесная Тавла. Организаторами мероприятия выступили ОО «Эрьмезь», Министерство культуры, Государственный

комитет по национальной политике Республики Мордовия, Межрегиональный совет общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народов «Ине-кужо», администрации Кочкуровского района и с. Подлесная Тавла. В нем участвовали такие видные финно-угорские резчики по дереву, как Маури Корпи (Финляндия), И. Гашков (Карелия), В. Васяхин и М. Серенков (Республика Коми), Н.Тарасов и Г. Сидоров (Удмуртия), Ю. Михалев (Марий Эл), А.Туркичев (Пензенская область). Мордовию представляли мастера ООО «Эрьмезь» Н. Бочкин, А. Рябов, И. Водясов, Н. Рябов (член СХ России), а также известные в республике мастера А. Наумов, И. Козин, В. Чумаков.

Несмотря на общие родственные корни, языковую и культурную близость финно-угорских народов, у каждого из них есть свои неповторимые национальные особенности, продемонстрировать которые стало главной задачей участников семинара. «Яркое и самобытное видение каждого автора, умение передать теплоту материала и душевность персонажей, стремление воплотить настроение, отточенное мастерство — все это есть в работах участников. Здесь встретилось все: от традиций до новаторства как в технике исполнения, так и просто в идеях»¹⁰.

Немаловажным моментом в работе семинара было обсуждение проблем сохранения и развития народного искусства и в перспективе консолидации финно-угорских резчиков по дереву для укрепления дальнейших творческих контактов, проведения совместных выставок, семинаров и других творческих проектов.

Положительный общественный резонанс, вызвавший в республике прошедший семинар, поддерживался, как отмечалось, представителями местных СМИ. На страницах еженедельника «Республика Молодая» была помещена следующая информация: «Семинар лучших резчиков по дереву финно-угорских народов, посвященный 125-летию С. Д. Эрзи, открылся в минувшее воскресенье в селе Подлесная Тавла Кочкуровского района. Организаторы семинара предусмотрели в сценарии открытия элементы древних ритуалов мордвы — поклонение воде, огню, дереву... В местной картинной галерее, под которую отдано здание бывшего магазина, впервые были выставлены работы известного молодого художника Ю. Дырина»¹¹. Культурная программа, предложенная мастерам и гостям семинара, также включала цикл лекций по национальной культуре эрзи и мокши. Лекции читали известные в Мордовии исследователи Т. П. Прокина — заведующая отделом декоративно-прикладного искусства МРМИИ имени С. Д. Эрзи, кандидат искусствоведения В. С. Брыжинский, доктор филологических наук А. М. Шаронов.

В финале семинара каждый мастер демонстрировал свою работу и объяснял ее семантику. Н. Бочкин создал скульптуру «Единые корни», А. Рябов — «Эрьмезь» по мотивам одноименного произведения Я. Я. Кулдуркаева. Резчики по дереву из Удмуртии Г. Сидоров и Н. Тарасов воплотили свое видение удмуртской мифологии в работах «Масторава» («Мать-земля») и «Модань ёжо» («Дух земли»). Первое место за скульптурную группу «Лисьма лангсо» («У колодца») было присуждено Н. Рябову.

Практика проведения семинара доказала, что садово-парковая скульптура — один из самых демократичных видов искусства. Мероприятие стало основой его активного развития и распространения в России. Так, в августе 2002 г. в г. Сыктывкаре (Республика Коми) проводился пленэр садово-парковой скульптуры «Финно-угорский мир. Природа и этнос». В Удмуртской Республике по инициативе

Республиканского центра декоративно-прикладного искусства такие конкурсы проходят ежегодно (с 2003 г.).

На протяжении многих десятилетий садово-парковая скульптура развивалась в прибалтийских странах. Одним из показательных в ряду пропагандирующих его мероприятий стал международный семинар резчиков по дереву, посвященный 4-му конгрессу финно-угорских народов, проходившему в августе 2004 г. в национальном парке Сагади. В нем участвовали представители России (эрзя, удмурты, коми), Финляндии (саамы), Венгрии и Эстонии. В 2004 г. прошел международный семинар-конкурс в Швейцарии, куда выезжали мастера-резчики и руководители системы домов-ремесел из Ямало-Ненецкого округа. В том же году в Мордовии был проведен региональный фестиваль парковой скульптуры «Живое дерево». В 2007 г. в рамках празднования фестиваля «Шумбрат, Финно-Угрия!» состоялся межрегиональный фестиваль резьбы по дереву. В 2010 г. в г. Салехарде Ямало-Ненецкого округа прошел 4-й Международный фестиваль-конкурс парковой скульптуры «Легенды Севера», где принимал участие П. Рябов. Следовательно, можно говорить о том, что финно-угорский мир подхватил инициативу тавлинских мастеров по проведению фестивалей-конкурсов садово-парковой скульптуры: их география с каждым годом расширяется, а в некоторых регионах они становятся очень популярными и востребованными в этнической среде, приобретая статус традиционных. Основная заслуга 1-го тавлинского семинара в том, что здесь было определено идейное направление подобных мероприятий, связанное с национальной мифологией, философией и культурой.

Способы и формы проведения таких семинаров показывают, что здесь создается особое пространство приобщения к традиционной национальной культуре, происходит объединение вокруг общих тематики, целей и задач. В целом связь творчества народных мастеров и фольклорной среды, близкой каждому представителю этноса, наблюдается не только в сюжетах их работ, но и в объемной пластике, которая создается порой на основе словесно-действенных мотивов окружающей мастера среды. Так, А. С. Лузгин пишет о театрализованно-обрядовых формах мордовского фольклора как одном из способов передачи народных традиций и приближения к ним¹².

В сакральном пространстве магических действий, обрядов и ритуалов идейным обоснованием орнаментики деревянных скульптур служили древние культурные архетипы: вселенское мировое древо и священные воды; мать-прародительница (вселенское женское начало), связанная с культом плодородия; круг, солнце и колесо (круговорот созидания и разрушения Вселенной); священные животные, рыбы и птицы и т. д., применяемые мастерами в создании садово-парковых скульптур и комплексов. Художественный способ обработки дерева и сейчас в ряде случаев сохраняет свои ритуальные функции, являясь одним из базовых факторов становления и развития материальной и духовной культуры этнонационального сообщества, его объединяющим ядром.

Таким образом, феномен садово-парковой скульптуры, визуально объемно несущий в себе выраженные признаки культурного наследия этноса, в силу своей идейной и художественно-эстетической природы уникален.

Библиографические ссылки

- ¹ Дерево.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.derewo.ru/?p=14&t=41> (дата обращения 26.08.2010).
- ² Лузгин А. С. Жизнь промыслов: промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX — начале XX в. (этнокультурные аспекты). Саранск, 2007. С. 87.
- ³ Шibaков Н. И. Мастера из Подлесной Тавлы. Саранск, 1983. С. 10.
- ⁴ Юрченко Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002. С. 140.
- ⁵ Там же. С. 141.
- ⁶ Хейе Т. Речь и молчание // Ugriculture — Современное искусство финно-угорских народов. Хельсинки, 2000. С. 26.
- ⁷ Шibaков Н. И. Деревянная скульптура мордвы. Саранск, 1980. С. 85.
- ⁸ Максимов Ю. В. Родник творчества. М., 1988. С. 110.
- ⁹ Щанкина Р. Улить цёрат минек велетнесэ // Эрзянь правда. 2000. 8 авг.
- ¹⁰ Каталог 4-го Международного фестиваля-конкурса парковой скульптуры «Легенды Севера». Салехард, 2010. С. 3.
- ¹¹ От редакции // Республика Молодая. 2001. 15 авг.
- ¹² См.: Лузгин А. С. Указ. соч. С. 290.

Поступила 14.10.2010 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.511.152'367.625'37'373.611

С. И. Москина.

S. I. Moskina

ГЛАГОЛЫ БЫТИЯ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

VERBS OF EXISTENCE IN THE MORDOVIAN LANGUAGES: SEMANTIC AND WORD-BUILDING FEATURES (COMPARATIVE ASPECT)

Ключевые слова: производящий, производный, веерная парадигма, развертывающаяся парадигма, сема, модифицирующий суффикс, семантический компонент.

В статье выявлены сходства и различия глаголов бытия по лексическому значению и в плане возможностей их основ выступать в качестве производящих для образования новых слов.

Key words: productive, derivative, fan paradigm, developable paradigm, sema, modifying suffix, semantic component.

Similarities and differences of the verbs of existence in terms of their lexical meaning are revealed in the article as well as in the plan of their stems possibilities to stand as productive morphemes for new words building.

В словарях мокшанского¹ и эрзянского² языков насчитывается более 50 глаголов бытия. Рассмотрим некоторые из них.

М., э. **эрямс**. Лексическое значение этого глагола в МРС раскрывается одной семой или одним общим лексическим компонентом «жить» (с. 905); в ЭРС — одиннадцатью: 1) существовать, быть живым; 2) быть поглощенным, увлеченным кем-л.; 3) вести тот или иной образ жизни; 4) поддерживать свое существование кем-л.; 5) пребывать, проживать где-л.; 7) проживать совместно с кем-л.; 8) работать, служить в качестве кого-л., проживая в доме хозяина; 9) (разг.) находиться с кем-л. в любовной связи; 10) (перен.) существовать — о чувствах; 11) (перен.) слушаться, бывать (с. 787). Вероятно, и мокшанский глагол обладает указанными семантическими компонентами, но они не нашли отражение в словаре.

Словообразовательные возможности глагольной основы **эря-** в каждом из языков имеют различия. В мокшанском языке она отмечается в структуре шести производных, образуя при этом веерную парадигму: **эря-фт-о-мс** «(помочь) жить», **эря-й** «житель», **эря-ма** «жизнь», **эря-ф** «жизнь», **эряф-кш-у** «пожилой», **эряф-о-нь** «жизненный». Данная парадигма включает в себя разные части речи, в которых

словообразующими суффиксами являются: **-фт, -й, -ма, -ф, -у, -нь**. В эрзянском языке веерная парадигма с основой **эря-** представлена следующими образованиями: **эря-вт-о-мс** «(помочь) жить», **эря-кшн-о-мс** «(долго) жить», **эря-мо** «жизнь». Данная парадигма включает в себя три модифицирующих суффикса: **-вт, -кшн, -мо**.

М. шачфтомс, э. чачтомс. Лексическое значение данного глагола в МРС представлено двумя семами: 1) родить (о женщине); 2) дать урожай (о земле) (с. 860); в ЭРС — одной: родить (о женщине) (с. 742). В эрзянском языке значение «дать урожай» обозначено глаголом **чачомс**.

Производная основа **шачфт-** отмечается в четырех образованиях, являющихся компонентами веерной парадигмы с суффиксами **-н, -в, -ма, -ы**: **шачф-н-емс** «рожать», **шачфто-в-о-мс** «(смочь) родить», **шачфто-ма** «рождение», **шачфт-ы** «роженница»; основа **чачто-** — в трех образованиях с суффиксами **-н, -кшн, -ма**: **чачт-н-емс** «рожать», **чачто-кшн-о-мс** «(неодн.) рожать», **чачто-ма** «роды».

М. касфтомс, э. кастомс. Лексическое значение данного глагола бытия в МРС раскрывается пятью семами: 1) вырастить; 2) вырастить, воспитать; 3) увеличить, повысить; 4) повысить — перевести на более высокую должность; 5) возвысить — придать более высокое значение (с. 235); в ЭРС — четырьмя: 1) вырастить; 2) воспитать вырастить; 3) поднять, улучшить; 4) повысить (с. 239). У эрзянского глагола не отмечена сема «возвысить — придать более высокое значение».

Словообразовательные возможности рассматриваемых основ в мокшанском языке, как и в эрзянском, представлены двумя образованиями: в мокшанском — **касфто-в-о-мс** «(в состоянии) воспитать», **касфто-ма** «воспитание»; в эрзянском — **касто-кшн-о-мс** «воспитывать», **касто-ма** «воспитание».

М., э. улемс. Лексическое значение данного глагола в МРС представлено тремя семами: 1) быть, иметься, существовать; 2) присутствовать, находиться; 3) происходить, случаться (с. 779); в ЭРС — тоже тремя: 1) есть, иметься; 2) быть (находиться, присутствовать); 3) быть (с. 692). У эрзянского глагола не обозначена сема «происходить, случаться».

С основой **уле-** при помощи суффиксов **-в, -нд, -н** в мокшанском языке образуется следующая веерная парадигма: **уле-в-о-мс** «(мочь) существовать», **уле-нд-емс** «бывать»; в эрзянском — **уле-в-е-мс** «(в состоянии) существовать», **уль-н-емс** «быть, существовать». В каждом из языков от основы **уле-** возможно образование и развертывающейся парадигмы:

м. улемс → уле-нд-е-мс → уле-н-кшн-е-мс;

э. улемс → уль-н-е-мс → уль-н-е-кшн-е-мс.

М., э. лисемс. Лексическое значение этого глагола в МРС отмечено шестнадцатью семами: 1) выйти; 2) предстать, оказаться; 3) выйти из положения; 4) разойтись, израсходоваться; 5) стать кем-л.; 6) случиться, произойти; 7) дать всходы, взойти; 8) появиться; 9) исчезнуть, кончиться, пройти; 10) выйти, быть изданным; 12) выйти, быть обнародованным; 13) выходить — быть обращенным в какую-л. сторону; 14) выйти (из какой-л. организации); 15) разрешиться, получиться; 16) выйти, произойти (с. 337); в ЭРС — восемнадцатью: 1) выйти, уйти откуда-л.; 2) взойти (о солнце); 3) возникнуть, случиться, произойти; 4) получиться, выйти; 5) выйти замуж; 6) начать (какое-л. дело); 7) пойти; 8) взойти, появиться

(о растениях); 9) прорасти (о семенах); 10) найтись; 11) окончиться, истечь (о сроке, времени); 12) выйти из берегов; 13) высунуться наружу; 14) быть обращенным в какую-л. сторону; 15) выйти, получиться; 16) выходить, подниматься вверх; 17) выступить, показаться; 18) выйти, пролечь (с. 344). В мокшанском языке у глагола бытия **лисемс** отсутствуют семы «взойти (о солнце)», «выйти замуж» и «начать (какое-л. дело)».

В каждом из языков словообразовательные возможности основы **лисес-** достаточно широки: в мокшанском — **лись-фт-е-мс** «(помочь) взойти», **лисес-нд-е-ма** «выход»; в эрзянском — **лисес-в-е-мс** «(суметь) выйти», **лисес-вт-е-мс** «(помочь) выйти», **лисес-кшн-е-мс** «выходить», **лисес-н-е-мс** «выходить», **лисес-ма** «выход», **лисес-вкс** «всходы». В мокшанском языке кроме веерной парадигмы возможна и развертывающаяся: **лисемс** → **лись-фт-е-мс** → **лись-ф(т)-н-е-мс**.

М., э. **урядамс**. Лексическое значение данного глагола в МРС представлено шестью семями: 1) спрятать; 2) привести в порядок; 3) сжав, скосив, увезти с поля — о полевых культурах; 4) убавить; 5) нарядить; 6) (перен.) снять с должности (с. 787); в ЭРС — четырьмя: 1) убирать (урожаем); 2) убирать (уносить); 3) спрятать; 4) убрать (привести в порядок) (с. 698). У эрзянского глагола отсутствуют семы «убавить», «нарядить», (перен.) «снять с должности».

В мокшанском языке от основы **уряда-** образуется следующая веерная парадигма: **уряда-в-о-мс** «(в состоянии) убрать», **уряда-кшн-е-мс** «убирать», **уряда-фт-о-мс** «(попросить) убрать», **уряд (-ø-)** «порядок», **уряда-ма** «уборка», **уряда-ф** «убран». В ее образовании принимают участие суффиксы **-в, -кшн, -ф, -фт, -ма**. В эрзянском языке веерная парадигма от данной основы представлена следующими образованиями: **уряда-в-о-мс** «(мочь) убрать», **уряда-вт-о-мс** «(попросить) убрать», **уряда-кшн-о-мс** «убирать», **уряд (-ø-)** «порядок, чистота», **уряда-мо** «уборка», **уряда-зь** «очищенный», **уряд-на** «чисто». В ее образовании принимают участие модифицирующие суффиксы **-в, -вт, -кшн, -мо, -зь, -на**. В мокшанском языке кроме веерной парадигмы образуется и развертывающаяся: **урядамс** «убрать» → **уряда-фт-о-мс** «(попросить) убрать» → **уряда-ф(т)-н-е-мс** «(неодн.) убирать».

Итак, анализ некоторых глаголов бытия показал, что семантические компоненты (семы) и словообразовательные возможности у рассматриваемых глаголов в мокшанском и эрзянском языках имеют не только сходства, но и значительные различия.

Библиографические ссылки

¹ См.: Мокшень-рузонь валкс = Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др]. М. : Рус. яз. : Дигора, 1998. 920 с. Далее ссылки в тексте: МРС.

² См.: Эрзянь-рузонь валкс = Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. М. : Рус. яз. : Дигора, 1993. 804 с. Далее ссылки в тексте: ЭРС.

Поступила 16.12.2010 г.

УДК 811.511.152'367.625

В. П. Цыпкайкина

V. P. Tsyркаукина

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОЙ
ОТНЕСЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
С ФОРМАМИ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
(На материале мордовских языков)**

**PECULIARITIES OF EXPRESSION OF THE ACTION
TEMPORAL REFERRING IN STATEMENTS WITH
THE IMPERATIVE MOOD FORMS
(Based on the material of the Mordovian languages)**

Ключевые слова: повелительное наклонение, категориальное и некатегориальное значения форм, темпоральная семантика.

В статье рассматривается зависимость темпоральной отнесенности действия в высказываниях с формами повелительного наклонения от их категориальных модальных значений.

Key words: the imperative mood, categorial and non-categorial meanings of forms, temporal semantics.

The dependence of the action temporal referring in statements with the imperative mood forms from their categorial modal meanings is considered in the article.

Темпоральная семантика находит отражение в любом высказывании даже тогда, когда в ней отсутствуют грамматические формы выражения времени. Этот вопрос затрагивался в лингвистике в связи с проблемой предикативности в работах В. В. Виноградова¹, Н. Ю. Шведовой², Л. В. Бондарко³, Г. А. Золотовой⁴.

В. В. Виноградов писал, что «„синтаксическая категория времени“, представляющая собой один из составных элементов предикативности, „так или иначе, прямо или косвенно, дает себя знать в каждом предложении...“ При отсутствии морфологических способов выражения она может быть производной от модальности, как бы включенной в нее, подобно тому, как это происходит в рамках глагольного наклонения, например, повелительного, в котором потенциально заложено отношение к объективно будущему времени или желательному настоящему, сослагательного, в котором содержится отрицание факта в прошлом иногда с подчеркиванием неосуществимой возможности его проявления, иногда желательность течения действия в настоящем или выполнения его в будущем...»⁵.

Если рассматривать значения синтаксического времени в рамках структурной схемы предложения, то выявляется, что косвенные наклонения обладают временной неопределенностью, поскольку грамматического времени данные формы не выражают. На уровне же функционирования словоформ в высказываниях с формами косвенных наклонений всегда так или иначе выражена актуализационная, предикативная функция темпоральности. Особенности выражения данной функции вытекают из категориального модального значения данных форм и реализуются при участии средств темпорально значимого контекста и ситуации.

Модальные значения форм повелительного наклонения в мордовских и других финно-угорских языках рассматривались в ряде работ, в которых отмечалось, что данные формы употребляются не только в основном своем значении побуждения к действию, но и в ряде случаев для выражения других модальных значений, к которым применяется термин «переносные»⁶. В русистике вопрос о том, относятся ли значения форм повелительного наклонения, не выражающие прямого побуждения к действию, к прямому или переносному употреблению, рассматривался по-разному. В «Русской грамматике» они представлены как «далекие от собственно побуждения», однако возникновение этих значений связано с категориальным значением побуждения и возводится к нему⁷. В. В. Виноградов писал об употреблении форм повелительного наклонения типа «путают, путают, а я распутывай...» как о случаях, в которых, «быть может... следует видеть переходные, гибридные случаи, примыкающие к системе повелительного наклонения»⁸. Такие «переходные, гибридные» случаи употребления форм повелительного наклонения характерны и для мордовских языков.

В мордовских языках выделяются три основных типа употребления форм повелительного наклонения: 1) в значении непосредственного побуждения к действию; 2) при выражении модальных значений возможности, невозможности, долженствования, вынужденности действия при одновременной связи этих значений с основным значением побуждения; 3) в условном и уступительном значениях.

В каждом из указанных случаев употребления данных форм в разной степени проявляется их категориальное значение побудительности.

Первый тип употребления представляет собой функционирование форм повелительного наклонения в прямом категориальном модальном значении. Действие представляется как требуемое, к которому побуждает кого-либо говорящий: м. *Шабатне стясть и видеста варжакстсть сувайть лангс. — Озада, озада, — ляпоняста мярьгсь инспекторсь*⁹ («Дети встали и прямо посмотрели на вошедшего. — Садитесь, садитесь, — вежливо сказал инспектор»); э. *Никита бажась содамо весемедень ды секскак сыре озныцянтъ келяясо чайде симемстэ сон пикадсь тензэ истямо мель марто: — Энялдан, отец Тихон, икелеть: Ёвтнек тень тесэнь эрямодонть*¹⁰ («Никита стремился узнать обо всем, и поэтому во время чаепития в келье старого монаха он обратился к нему с такой просьбой: — Прошу, отец Тихон, тебя: расскажи мне о здешней жизни»).

Во втором типе употребления выражаются значения возможности, невозможности, долженствования, вынужденности действия, связанные с основным категориальным значением побудительности и вытекающие из него: м. *Лама пинге юмсесь тя или тона кизефксть кортамаса. Ученитт* (= эряви учемс), *мзярда сайхть оцязоронь каготтне, кошардоматне*¹¹ («Много времени уходило на решение того или иного вопроса. Жди (= надо ждать), когда придут царские бумаги, приказы»); э. *А тесэ тей чийть* (= эряви чиемс), *тонанень ускт-кандт* (= эряви ускомс-кандомс), *сень мелензэ витик* (= эряви витемс). *Монастырень кирдийтне ярсыть-памишть, кармавтомат макснить — тон сынст топавт-васькавт* (= эряви топавтомс-васькавтомс)...¹² («А здесь сюда беги (= надо бежать), тому привези-отнеси (= надо привезти, отнести), этому угождай (= надо угодить). Настоятели монастыря кушают-едят, приказы отдают — ты их выполняй (= надо выполнять)»).

Рассмотрим подробнее модальные значения, относящиеся ко второму типу употребления:

1) значение возможности совершения действия может быть представлено как вытекающее из первичного, основного значения побудительности с оттенком разрешения, которое в условиях речевой ситуации, далекой от непосредственного побуждения, обращенного к конкретному лицу, претерпевает определенные изменения. В данном случае адресат побуждения мыслится неопределенно (это может быть одно лицо или несколько лиц). Поэтому значение повелительности (с модальным оттенком разрешения) ослабляется, создавая условие для любого лица, возможности действия: м. — *Заводса пара! — шоворсь корхтама Данила. — Заводса семботь автоматсь тисы. Нолдайт, а тонць поталакти сельгонть!*¹³ («— На заводе хорошо! — вмешался в разговор Данила. — На заводе все автомат делает. Включи, а сам в потолок плюй (= можешь плевать)»); э. *Матвей Иванович келемтинзе пачалгошка кедь лапушканзо ды прянь ахолдамосо невтсь вандора лей чиренть пелев. — Тосо кирьпецень калямо-теема тарканок. Ожо сёвонденть зяро мелеть таргак (= можна таргамс)* [Доронин, 1996, с. 109] («Матвей Иванович развернул широкие, как сковорода, ладони и кивком головы показал на отлогий берег реки. — Там место наше, где мы делаем кирпич. Желтую глину сколько хочешь добывай (= можно добывать)»);

2) выражение значения необходимости, вынужденности действия также вытекает из основного значения побуждения к действию, но к действию, нежелательному для того, кто должен явиться его исполнителем. Косвенное побуждение в условиях обобщенной речевой ситуации может быть обращено (адресовано) к любому лицу: м. *А пилорамась кода работай! Ладяк (= эряви ладямс) шочкть рамати, люпитак (= эряви люпитамс) кнопкать, и пожалста, — доскат тейть пилай!* [Тяпаев, с. 154] («А пилорама как работает! Вставь (= надо вставить) в раму бревно, нажми (= надо нажать) кнопку, и, пожалуйста, — доски тебе пилит»); э. *Эрва чине, куш пиземе, куш лов, вачонь пекть, сэредят а сэредят — важодть (= эряви важодемс)*¹⁴ («Каждый день, хоть дождь, хоть снег, голодный, болеешь не болеешь — работай (= надо работать)»). Здесь косвенное побуждение к нежелательному действию обращено к первому лицу, представляющему себя адресатом высказывания. Так возникает значение вынужденности;

3) выражение значения долженствования также можно рассматривать как восходящее к побудительному: э. *Обран покитят од шкава ульнесь паро ялгам. Сон яла кортнесь: весень лангс, келя, савтомскак а эряви. Савтык теветень, конасонть аштят, сестэ весенень ули паро...*¹⁵ («Дед твой Обран в молодости был моим другом. Он все время говорил: на всех не угодишь. Соответствуй делу, за которое ты отвечаешь, тогда все будет хорошо»). Императивное действие с изначальным значением побуждения обращено не к конкретному лицу или лицам, а к обобщенному адресату. Обобщенность значения подчеркивается формой единственного числа повелительного наклонения. Значение долженствования выдвигается на первый план: человек должен соответствовать тому, за что отвечает.

В приведенных примерах модальные значения, находящие свое выражение в данном типе употребления форм повелительного наклонения, вытекают из различных модальных оттенков побудительности, наслаиваясь на основное значение, сосуществуя с ним. Возможность появления данных модальных значений связана с

ослаблением основного значения побудительности. Последнее вызвано трансформацией речевой ситуации прямого побуждения, которая предполагает наличие трех компонентов: субъекта побудительной ситуации (говорящий), побуждения (форма повелительного наклонения) и адресата побудительной ситуации (другое лицо).

В речевой ситуации косвенно передаваемого побуждения значение адресата претерпевает изменения и выражается в основном обобщенно: э. *зяро мелеть таргак* «сколько хочешь доставай», м. *ладяк, люштак* «надо сунуть, нажать каждому». Этот тип употребления повелительного наклонения, при котором выражаются описываемые модальные значения, можно считать переходным, промежуточным между употреблением повелительного наклонения в его категориальном значении побудительности и употреблением повелительного наклонения в некатегориальных значениях.

Третий тип употребления форм повелительного наклонения — употребление их со значением условно-гипотетической модальности, которое представляет собой проявление некатегориальных значений форм повелительного наклонения. Анализ фактического материала показал, что формы повелительного наклонения могут выступать в составе сложного предложения в разных значениях:

1) условном: м. *Макст* (= *максондярат*) *ярмак — товар муви*¹⁶ («Дашь (= если дашь) денег — товар найдется»); э. *Сак* (= *сындярат, бути сат*) *ояксчи марто, миньгак чевте седей оякс васттадызь...* [Доронин, 1996, с. 83] («Приди (= если придешь) с добром, и мы встретим тебя по-дружески, с теплым сердцем...»);

2) уступительном: м. *Кедсь коськи, таргазь таргави сяшкава кемоста, хоть киштик лангсонза — сударды*¹⁷ («Кожа высохнет, делается настолько прочной, хоть пляши на ней — выдержит»); э. — *Косто кельми, эрва чистэ уштат, — мизолдсь Ося, — Куш ушт, куш иля, ялатеке якшамо. Шканть теле лемезэ. Куватьсь тесэ а цидярдат*¹⁸ (« — Откуда остынет, каждый день топишь, — улыбался Осип. — Хоть топи, хоть нет, все равно холодно. Время зимнее. Долго здесь не выдержишь»).

В каждом из указанных типов употребления форм повелительного наклонения в разной степени проявляется их категориальное значение побуждения к действию, что в значительной мере определяет темпоральную отнесенность действия в высказываниях с участием этих форм.

Анализ материала показал, что по отношению к признаку темпоральности формы повелительного наклонения в его собственных функциях проявляют себя иначе, чем в случаях переносного употребления, а также переходных, когда наряду с семантическими элементами побудительной модальности в значении этих форм есть дополнительные модальные семантические элементы, указанные выше.

Употребление форм повелительного наклонения в высказываниях в их собственном императивном значении определяет темпоральную отнесенность действия в высказываниях к различным планам будущего: а) к ближайшему будущему: м. — *Тядяй, юстак аф ламос фермацень... минь корхтатама мазы стирть лемонц колга*¹⁹ («Мама, забудь на время свою ферму... мы говорим об имени красивой девушки»); э. *Нейке пурнак! Лишмесь кильдезь, учи* [Абрамов, с. 112] («Сейчас же собирайся! Лошадь запряжена, ждет»); б) к будущему определенному: м. *Звоняк ванды, Галина Васильевна, или вандыда меле, — тяни марнек ляпомсь Салмов...*²⁰ («Позволи завтра, Галина Васильевна, или послезавтра, — совсем смягчился Салмов...»);

э. — **Ванды**, *Кижеват, кильдть* лишме, мольтяно *церагнень кисэ*, — мерсь Литавась [Абрамов, с. 124] («— Завтра, Кижеват, запряги лошадь, поедем за мужчинами, — сказала Литава»); в) к будущему неопределенному: м. *Сергей, тон улишь летчинокс, тяни, няк, газетаса работат, опытце, чандан, ули. Тяиштть роман! Надиян — виїхне сатыхть. Озак иразень вакс и тяиштть!* [Тяпаев, с. 25] («Сергей, ты был летчиком, теперь, видишь, в газете работаешь, опыт у тебя, думаю, есть. Напиши роман! Надеюсь — сил хватит. Садись за стол и пиши!»); э. *Сестэ вестешка мартот саемак...* [Доронин, 1996, с. 45] («Тогда хоть разок с собой возьми...»). Это связано с особенностями побудительной модальности, которая включает в себя отношения между говорящим как источником побуждения и слушающим как производителем действия. Говорящий предполагает, что действие должно быть исполнено в будущем. Другие случаи темпоральной отнесенности в высказываниях с этим модальным значением повелительного наклонения не зафиксированы. Таким образом, категориальное значение формы ориентирует действие во времени, подчиняет себе значение темпоральной отнесенности действия, выраженного повелительным наклонением (в его прямом употреблении), к будущему. Это подтверждается многочисленными примерами, в которых можно наблюдать достаточно регулярную сочетаемость форм императива с формами индикатива в настоящем или будущем времени: м. — *А тон цёрась эрекат, кяттнень тййтть ноля* [Тяпаев, с. 31] («А ты парень бойкий, только руки не опускай»); э. *Изяр маризе пурнамонзо (аванть), пшкадсь: — Ков ней туйт веть? Тон аштек теске. Мон молян эсень тевс* [Абрамов, с. 37] («Изяр догадался, что она (женщина) собирается уйти, и спросил: — Куда сейчас ночью пойдешь? Ты оставайся здесь. Я пойду по своим делам»).

В высказываниях с формами повелительного наклонения во втором типе употребления наблюдается большая зависимость значения темпоральной отнесенности действия от контекста и речевой ситуации. В целом это связано с ослаблением значения «побудительности» в семантике этих форм, следовательно, с возможным отсутствием четкой темпоральной перспективы действия. Темпоральная определенность здесь зависит от большей или меньшей конкретности речевой ситуации. В этом типе употребления может находить выражение отнесенность модального содержания высказывания к разным временным планам:

1) к плану будущего: м. *Вов сай ваймама пингсь, эста мольхть, матт эше кужняс да мезе кельк тиентть...*²¹ («Вот настанет время отдыха, тогда иди, ложись на прохладную поляну, и делай что хочешь»); э. *Шкань ютазь ваксозонзо (Никитань) лоткась раужо оршамкасо ломань ды кевкстизе: — Тон церькованть потс мекс а соват — тосо сюпавтне ярмак явишть. Менстясак шканть — мейле эсеть лангс пеняцяк* [Доронин, 1996, с. 29 — 30] («Через некоторое время около него (Никиты) остановился человек в черной одежде и спросил: — Ты почему в церковь не заходишь — там богатые деньги раздают. Упустишь время — потом на себя пеняй»);

2) к плану настоящего: м. *Мезть и корхтамс, пара вирьса. Кочксеk (= можна кочксемс) кстыхть, саразонь сельмот, шулят — иможда лама шаченды. А туйхть панкне — кеняртфнек седицень пангонь кочкsezь*²² («Что и говорить, хорошо в лесу. Собирай (= можно собирать) землянику, костянику, чернику — ягоды много растут. А пойдут грибы — радуй сердце сбором грибов»); э. *Сыре нись*

аламодо энгамсь, озась пильгест песэ кертнень лангс. — Ней ялатеке, ёвтак (= *можно евамс*) *эли иля ёвта* (= *можно а ёвамс*), *зыянось теевсь* [Абрамов, с. 91] («Старшая жена немного успокоилась, села на лубки у их ног. — Теперь все равно, говори (= можешь говорить) или не говори (= можешь не говорить), беда случилась»). В рассмотренных конструкциях отнесенность выраженного императивом действия к настоящему в эрзянском примере подчеркивается обстоятельственным словом **ней** «сейчас», в мокшанском — окружающим контекстом;

3) к плану прошедшего (редко): м. *Сюльдяйкин эста куду сась колаф мяльхть. Марязе: мезе-бди полафни эряфсонза. Сядонголе кода улэндсь? Кода указовасть — стане и тик, козовок шири тят аерткине* [Тяпаев, с. 310] («Сюльдяйкин тогда пришел домой с испорченным настроением. Чувствовал: что-то меняется в его жизни. Раньше как было? Как приказали — так и делай (= надо, = должен делать), никуда в сторону не отходи (= не должен отходить)»); э. *Исяк, келя, куяр пандя саразонь кедьстэ сэвевть. Вантакая, сонсь удось паникудосо, Прошка пандят тензэ ванст...* (= *эряви ванстомс*) [Доронин, 1996, с. 126] («Вчера, говорят, грядку огурцов скормил курам. Смотри-ка, сам он спал на кухне, а Прошка ему грядки стереги... (= должен, = надо стеречь)»). На отнесенность императивных действий к плану прошедшего в рассматриваемых конструкциях указывают обстоятельственные слова м. **сядонголе** «раньше», э. **исяк** «вчера», а также глаголы прошедшего времени в окружающем контексте.

При наличии обобщенности речевой ситуации выражается темпоральная неопределенность (или обобщенность) темпорального плана действия: м. *Валясь апак пельхть азондозе, мезе арьсесь. Тракторть алу, кле, ладян пацят и кармай ведьге уема, ёвтак* (= *можно етамс*) *хоть томбава — аф ваят...* [Тяпаев, с. 41] («Валя смело сказала, о чем думала. Под трактор, говорит, приставлю крылья и будет по воде плыть, плыви (= можешь плыть) хоть на тот берег — не утонешь»); э. *Пуштось вельть паро паксянь ды вирень ярсамопелекс, пидемс а эряви. Товонть човорик* (= *эряви човорямс*) *ведьс, валык* (= *эряви валомс*) *кансеро ойсэ, салтык* (= *эряви салтомс*) *ды ярсак* (= *можно ярсамс*) *пекеть пешкедемс. Мейле ансяк симть ведте, нама, каундерят эйзэнзэ ламо сал* [Абрамов, с. 88] («Толокно очень хорошая еда в поле и лесу, варить не надо. Муку смешай с водой, полей конопляным маслом, посоли и ешь досыта. Потом только пей воды, если, конечно, положишь много соли»).

При употреблении форм повелительного наклонения в условном значении темпоральная отнесенность действия возможна лишь к плану будущего: м. *А Миша братозе колхозонь мастерскойса токарнай станокса работай. Корхтай: «Лятт* (= *лядондьят*) *колхозозонк, тев муви хоть мастерскойса, хоть коса* [Тяпаев, с. 29] («А брат Миша работает в колхозной мастерской на токарном станке. Говорит: «Оставайся в нашем колхозе, дело найдется хоть в мастерской, хоть где»); э. *Сёксня, кода кенерить модамартне, пидек* (= *пидиндерят*) *цела котел, ялатеке сэвсызь*²³ («Осенью, когда подойдет картошка, сваря целый котел, все равно съедят»).

Таким образом, в высказываниях с формами повелительного наклонения выражение темпоральной отнесенности действия находится в непосредственной зависимости от категориального модального значения рассматриваемой формы. Категориальное значение побудительности определяет темпоральную отнесенность действия

к будущему. Однако в зависимости от типа употребления форм повелительного наклонения наблюдаются следующие закономерности выражения темпоральной семантики в высказываниях с данными формами:

1) при употреблении форм повелительного наклонения в прямом императивном значении преобладает фиксированная темпоральная отнесенность действия к различным планам будущего;

2) при употреблении форм повелительного наклонения в высказываниях, не отражающих прямого побуждения к действию, темпоральная определенность нарушается, проявляется большая зависимость значений темпоральной отнесенности действия от средств контекста. При этом наблюдается возможность выражения отнесенности действия к настоящему, будущему и прошедшему.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Виноградов В. В.** Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Избр. тр. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 254 — 294.

² См.: **Шведова Н. Ю.** Парадигматика простого предложения в современном русском литературном языке (опыт типологии) // Русский язык : Граммат. исслед. М., 1967. С. 3 — 77.

³ См.: **Бондарко Л. В.** Основы функциональной грамматики : Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 2001. 260 с.

⁴ См.: **Золотова Г. А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 351 с.

⁵ **Виноградов В. В.** Основные вопросы синтаксиса предложения... С. 269 — 270.

⁶ См.: **Тараканов И. В.** Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка : сб. ст. Ижевск, 1984. С. 25 — 37 ; **Артемова А. Д.** Семантика косвенных наклонений в мокша-мордовском языке : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1985. 16 с. ; **Цыпанов Е. А.** Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005. 284 с. ; **Цыпкайкина В. П.** Темпоральность в мордовских языках и принципы ее описания. Саранск, 2007. 212 с.

⁷ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 624 — 625.

⁸ **Виноградов В. В.** Русский язык : Граммат. учение о слове. М., 1972. С. 472.

⁹ **Макулов Л. Ф.** Мокшень стирь. Кранч : повесть. Саранск, 1997. С. 71.

¹⁰ **Доронин А. М.** Баягань сулейть : роман. Саранск, 1996. С. 287. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1996, с.].

¹¹ **Ганичев В.** Ушаков адмиралсь // Мокша. 2003. № 11 — 12. С. 31.

¹² **Доронин А. М.** Кузьма Алексеев : роман. Саранск, 2001. С. 77.

¹³ **Тяпаев А. П.** Седть лангста тол : повесть, азкст, лятфнемат. Саранск, 1994. С. 154. Далее ссылки в тексте: [Тяпаев, с.].

¹⁴ **Арапов А.** Аштема ков : ёвтнемат. Саранск, 1995. С. 23.

¹⁵ **Абрамов К. Г.** Пургаз : роман. Саранск, 1988. С. 101. Далее ссылки в тексте: [Абрамов, с.].

¹⁶ **Петелин Г.** Аньцек шкайхнень аш пежесна // Мокша. 2000. № 3. С. 21.

¹⁷ **Брыжинский М.** Пингонь гайф // Мокша. 2002. № 7. С. 33.

¹⁸ **Моторкин М.** Сюрко Кумбрия // Сятко. 1999. № 11. С. 19.

¹⁹ **Мишанина В.** Вальмафтома куд // Мокша. 2002. № 2 — 3. С. 29.

²⁰ **Ларионов С. С.** Лямбе кядьса : роман. Саранск, 1962. С. 49.

²¹ **Арапов А.** Тоза кадовсь одкшизе // Мокша. 2003. № 9. С. 39.

²² **Петелин Г.** «Ужалдыть ломаттнень...» // Мокша. 2002. № 7. С. 9.

²³ **Чесноков Ф. М.** Од эрямонь увт : ёвтнемат, очеркт ды пьесат. Саранск, 1990. С. 17.

Поступила 20.12.2010 г.

УДК 811.511.152.1'367.63

Л. В. Самосудова.

L. V. Samosudova

ПОСЛЕЛОГИ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СТАТИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

POSTPOSITIONS IN THE ERZYZAN LANGUAGE, EXPRESSING SPATIAL RELATIONS OF STATIC LOCALIZATION

Ключевые слова: пространство, пространственное значение, инессив, элатив, латив, пролатив, послелого, падежи, статическая локализация, динамическая локализация.

В статье рассматриваются послелого эрзянского языка как один их способов выражения пространственных отношений статической локализации.

Key words: space, spatial meaning, inessive, elative, lative, prolative, postpositions, cases, static localization, dynamic localization.

Postpositions of the Erzyan language as one of the methods for expressing spatial relations of static localization are considered in the article.

Пространственные послелого (послелого, выражающие пространственные значения) используются в языке для обозначения реальных пространственных отношений. Диалектическое единство пространства и времени находит свое отражение и в семантике данных послелогов. Для выражения пространственных отношений в эрзянском языке используются падежные формы инессива, элатива, латива и пролатива. Аблатив и датив, занимая промежуточное положение между субъектно-объектными и местными падежами, кроме своих основных значений могут выражать и пространственные отношения. Пространственные послелого, сочетаясь с именами существительными в глагольных сочетаниях, создают послеложные конструкции, которые выражают разнообразные оттенки пространственных значений: одни — отношения в пределах данного предмета, другие — вне его границ, третьи — внутри и вне границ предмета¹. В пространственных значениях исследуемых послелогов представляется возможным выделить три группы компонентов на основании их различной роли в определении координации объектов: интегральные, дифференциальные и индивидуализирующие². Из них основополагающая роль в определении значений послелогов принадлежит интегральным и дифференциальным компонентам.

Интегральные компоненты определяют самую общую ориентацию объектов, осуществляя указание на изменяемость/неизменяемость их пространственной координации. В зависимости от данного признака интегральные компоненты в пространственных значениях послелогов способны обозначать:

1) статическую локализацию (СЛ) объектов — указание на место нахождения объектов или место протекания действия без изменения пространственной координации;

2) динамическую локализацию (ДЛ) объектов — указание на изменение пространственной координации объектов вследствие их перемещения.

Послелогои пространственной координации при актуализации в их значениях компонента СЛ служат обозначением места расположения объектов или протекания действия, при актуализации компонента ДЛ — осуществляют указание на конечный пункт движения (**велькссэ** «над», **ало, алов** «вниз, под», **вакссо** «около, рядом» и т. д.) или обозначают место как трассу (путь) движения объекта (**малава** «около», **трокс** «через», **перька** «вокруг» и т. д.). Некоторые послелогои (**икеле** «перед, до», **удало** «за, позади», **вакссо, маласо** «около», **ало** «под» и т. д.) объединяют в своей семантике обе возможности, проявляя тенденции к совмещению обозначений goal (цель) и path (тропа, путь).

По соотношенности корневых элементов пространственные послелогои эрзянского языка делятся на две группы: серийные и несерийные. К серийным относятся те, которые происходят от одного слова и образуют трех- или четырехчленные ряды, соотносительные с местными падежами имен: инессивом, элативом, иллативом, пролативом (нахождение в чем-либо, приближение к чему-либо, вхождение во что-либо, направление от чего-либо, кого-либо, передвижение по чему-либо)³. Несерийные послелогои восходят или к неформальной основе одного слова, или к одной-двум формам какого-либо имени. Среди них можно выделить как собственно мордовские послелогои, так и заимствованные, образованные от слов, воспринятых из других языков.

Подобно падежным формам имен существительных, выражающих пространственные отношения, можно выделить следующие два ряда значений послелогов: места и пространственного направления⁴. Послелогои со значением места указывают на местонахождение предмета, отвечают на вопрос к о с о? «где?» и в большинстве своем являются застывшей формой и н е с с и в а. Управляемые ими слова выступают в н о м и н а т и в е и г е н и т и в е основного, указательного и притяжательного склонений. Многие из послелогов этой группы синонимичны, хотя каждый имеет свои оттенки: **ало** «под», **боксо, вакссо, маласо** «возле, около, вблизи», **чирессэ** «возле, у», **велькссэ** «над», **куншкасо, потсо** «в, в середине, внутри», **лангсо** «на», **пессэ** «у, в конце», **каршо** «перед, против, напротив», **крайсэ** «у, на краю», **пеле** «на», **ютксо** «между, среди», **удало, экшсэ, томбале** «за, по ту сторону», **эйсэ** «в».

В статье предложены структурные модели, состоящие из падежной формы имени существительного и послелогоа, выражающие совместно то или иное грамматическое значение пространства. Подобно падежам и предлогам, обозначающим статическую локализацию, послелогои объединяются в подгруппы, указывающие на следующее:

1) положение, с о в п а д а ю щ е е с локализацией ориентира, — N gen + P **лангс** «на»: *Кинть лангс появась вете пограничникть, сех икеле мольсь заставань начальникесь*⁵ («На дороге появились пять пограничников, впереди всех шел начальник заставы»); N nom + P **лангсо** «на»: *Князьень цёрась озадо аштесь алкине озамка лангсо*⁶ («Княжеский сын сидел на низенькой скамейке»);

2) положение н а п о в е р х н о с т и ориентира — N nom + P **лангс** «на»: *Авам киинть панизе, / Каитомсто таргизе, / Ойнесэ вадизе/ Ды столь лангс пумызе*⁷ («Мама хлеб испекла, / Из печи извлекла, / Маслом намазала / И на стол поставила»); N gen + P **лангс** «на»: *Степан таргась потсо зепстэнзэ „шампанской“*

сулика ды пугызе ярсамкасо пештязь **столенть лангс**⁸ («Степан достал из внутреннего кармана бутылку „шампанского“ и поставил ее на накрытый стол»);

3) положение в н у т р и ориентира — N пом + Р **потс, потсо** «в»: *Авазо алтась ды эзизе кирде валонзо. Ней вана рудаз потсо ашти пульзядо*⁹ («Мать обещала, но не сдержала слово. Теперь вот стоит на коленях в грязи»); N gen + Р **потсо** «в»: *Куракиштнень потсо чоледсть нармушкат, пурнасть-сэрнясть сынст тейтертнень ладсо оймсеме* [Моторкин, с. 42] («В кустах щебетали птицы, они, как и девушки, собрались отдыхать»);

4) положение о к о л о ориентира — N пом + Р **ало** «под»: *Рига алояк теვენек мольсть беряньстэ: стрелецтнэнь куродынзе пеке орма, тюрость ламо ёмавкс марто*¹⁰ («Под Ригой тоже дела шли плохо: стрельцы страдали кишечными заболеваниями, сражались с большими потерями»); N пом + Р **экшсэ** «за»: *Лецинскойс удомась эзь педя, сон аштесь столь экисэ пеень порезь* [Доронин, с. 291] («Лецинский не мог заснуть, он сидел за столом сердитый (букв. скрипя зубами)»); N пом + Р **икельде** «перед»: *Райисполком икельде вастызе Пахом Васильевичень* [Абрамов, с. 544] («Перед райисполкомом встретил Пахома Васильевича»); N пом + Р **лангс, лангсо** «у, на» (в данном случае послелог указывает на нахождение около, возле чего-либо, кого-либо): *Вай, тесэ зяро инжеть!* — *веселасто мерсь Матря ды лотказевсь кенки лангс*¹¹ («Ой, сколько здесь гостей!» — весело воскликнула Матря и остановилась у двери»); N gen + Р **вакссо** «у, возле»: *Тикише иттементь вакссо аштевсть пелечис* [Абрамов, с. 97] («У стога сена засиделись до полудня»); N gen + Р **маласо** «вблизи»: *Самай те веленть маласо зярд-бути чавовсь Ваня лелямгак*¹² («Как раз вблизи этого села когда-то разбился (погиб) дядя Ваня»);

5) положение п е р е д ориентиром — N gen + Р **икеле, икельга** «перед», **каршо** «перед, напротив»: *Ознамась мольсь лазонь часовнянть икеле* [Доронин, с. 206] («Моление проходило перед дощатой часовней»); *Сави удомс теске, веле-сэнть. Лоткавтния машинанть веле песэ кудонть каршо, молинь малазонзо, токия сокорсто липница вальма суликанть*¹³ («Придется ночевать здесь, в селе. Остановил машину у дома на окраине села, подошел поближе, дотронулся до слепо светящегося оконного стекла»);

6) положение п о з а д и ориентира — N gen + Р **томбале, удалдо** «за»: **Леенть томбале** кувсесь якстере пичеть [Доронин, с. 258] («За рекой стонали красные сосны»); **Ансяк ютызе (Гарай) кудыкельксэнь поровтонть, сеске варштась кенкшенть удало** сывель паренть лангс [Куторкин, с. 129] («Только Герасим перешагнул через порог сеней, тут же посмотрел за дверь, где стояла кадка с мясом»); N пом + Р **экшсэ** «за»: *Попось васня ладсо аштесь столь экисэ, приставось седеяк капшазь яксесь комнатаванть мекев-васов*¹⁴ («Поп как и раньше сидел за столом, пристав все быстрее рассказывал взад-вперед по комнате»);

7) положение н а п р о т и в ориентира — N пом, gen + Р **каршо** «напротив, против»: *Сиякс цивтордыть ведьбайгетне чинть каршо, зярд минь семиянек кольнетяно лей чиресэ, ведьсэ!* [Моторкин, с. 33] («Серебром сверкают капельки воды на (против) солнце, когда мы всей семьей нежимся на берегу реки, в воде!»); N gen + Р **ёндо** «со стороны»: *Вармась пувась аволь васоло Суранть ёндо* [Куторкин, с. 151] («Ветер дул со стороны Суры»); N пом + Р **экшсэ** «за»: *Ялатеке Степаннэнь мезе-бути эзь сатно, сон копордась ды тошнакадозь аштесь столь*

эксисэ [Куторкин, с. 31] («Все равно Степану чего-то не хватало, он выпил и скучающий сидел за столом»);

8) положение **н а д** ориентиром — N gen + P **лангс, лангсо** «на, над», **велькс, вельксэ** «над»: *Чачозо кодамо-бути сумбура, черензэ кирьга видьгат, икельде новольсть сельмензэ лангс, турванзо эчть...* [Баргова, с. 79] («Лицо какое-то хмурое, волосы до шеи, спереди нависли на глаза, губы толстые»); *Те зданиянтъ парадной подъездэнзэ вельксэ ульнестъ кавто вывескат* [Куторкин, с. 166] («Над парадным подъездом этого здания висели две вывески»);

9) положение **п о д** ориентиром — N nom + P **ало** «под»: *Ванькс оришамонтъ ало ломанентъ оймезэяк ванькс* [Абрамов, с. 44] («Под чистым бельем и душа чистая у человека»); N gen + P **ало** «под»: *Мелем арасель совамс потс, ды мон лоткинъ кустембес, эжнинъ тундонъ чипаентъ ало* [Баргова, с. 79] («У меня не было желанья войти внутрь, и я остановилась у крыльца, грелась под весенним солнцем»);

10) положение **м е ж д у** ориентирами — N nom + P **ютксо** «среди»: *Ольга Ивановнанъ кочкизь командирэнь нитнень ютксо роботанть коряс комитетэнь прявтокс¹⁵* («Ольгу Ивановну выбрали главной по работе женсовета среди жен командиров»); N nom + P **юткова** «между»: *Икелест кевтнень юткова састыне шольнесь ведесь* [Куторкин, с. 43] («Перед ними между камешками журчала вода»); *Вай, пултызь иродтнэ варма ведьгевентъ монтемень! — моткодсь атясь ды чийнесь тонол петнень юткова¹⁶* («Ой, ироды, сожгли ветряную мельницу без меня! — бормотал старик и бегал между остатками пожарища»);

11) положение **в о к р у г** ориентира — N gen + P **перька** «вокруг»: *Патриархонтъ кудонзо перька цветясть умаринат ды груша чувтт* [Доронин, с. 195] («Вокруг дома патриарха цвели яблони и груши»);

12) положение **в д о л ь** ориентира — N nom + P **чирева** «по берегу», **кувалт** «вдоль»: *Кись тов таргавсь Мокшиа чирева, ды ардыцятне кармасть ванкшиномо, косо экшелямс* [Баргова, с. 38] («Дорога туда протянулась вдоль берега Мокши, и пассажиры стали смотреть, где искупаться»); N gen + P **чирева** «вдоль»: *Леентъ чирева сыргастъ стамбаро ды лецтнестъ эсь зрямодост* [Моторкин, с. 43] («Они медленно пошли вдоль берега реки и вспоминали о своей жизни»);

13) положение **п о п е р е к** ориентира — N gen + P **трокс** «через»: *Вай, авакай, вете латконъ трокс валгома-кузема... — мелявтозевсь Татю* [Баргова, с. 35] («Ой, матушка, через пять оврагов, переходить... — беспокоилась Татьяна»);

14) положение **в ц е н т р е** ориентира — N gen + P **куншкас** «в центр», **кунш-касо** «в центре»: *Степанида нардызе суликанть икельга пацясо, пумызе зярс чаво столентъ куншкас ды напустясь утомов — нать, сускомапелень мельга¹⁷* («Степанида вытерла стекло передником, положила на середину стола и побежала в амбар — видимо, за хлебом»); *Павел аштесь икельце рядонтъ куншкасо* [Куторкин, с. 249] («Павел стоял в середине переднего ряда»); N nom + P **куншкас** «в центр», **куншкасо** «в центре»: *Кузось рацянясто аштесь киякс куншкасо* [Моторкин, с. 31] («Елка раскидисто стояла в центре комнаты»).

Таким образом, нейтральные послелого в эрзянском языке указывают просто на местоположение объектов и характеризуются как неориентированные послелого (**ало** «под», **лангс** «на», **эксисэ** «за», **потс** «в»). Остальные послелого содержат ориентированные относительные компоненты — **икельде** «перед»,

вакссо «у, возле», **маласо** «вблизи», **томбале** «за», **каршо** «напротив», **юткова** «между», **кувалт** «вдоль», **перька** «вокруг». Локализация объектов, обозначаемая относительными предлогами и послелогоми, осуществляется с указанием на точку отсчета, на другой объект, служащий ориентиром, относительно которого определяются пространственные координаты исследуемых объектов, с включением в ориентацию субъекта речи, некоего наблюдателя, с точки зрения которого и воспроизводится описываемая ситуация.

Отличительная особенность предлогов и, вероятно, послелогов, содержащих относительные компоненты, заключается в том, что своей взаимообратимостью они дают возможность описывать одну и ту же реальную ситуацию с разных точек зрения даже при условии объективной ориентации (указание на объект).

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Майтинская К. Е.** Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982. С. 36.
- ² См.: **Закарян А. А.** Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1982. С. 3.
- ³ См.: **Дубровина З. М.** Послелог и предлог в современном финском литературном языке : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1953. С. 15.
- ⁴ См.: **Щанкина Н. А.** Падежи, выражающие временные отношения в мордовских языках // Проблемы межъязыкового контактирования : межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1981. С. 129.
- ⁵ **Абрамов К. Г.** Качамонь пачк : роман. Саранск, 1964. С. 109.
- ⁶ **Абрамов К. Г.** Пургаз : Кезэрень пингедэ ёвтнема. Саранск, 1988. С. 57. Далее ссылки в тексте: [Абрамов, с.].
- ⁷ Нолажа ки // Сятко. 2005. № 9. С. 110.
- ⁸ **Моторкин М. В.** Варма ковол : повесть ды ёвтнемат. Саранск, 1997. С. 31. Далее ссылки в тексте: [Моторкин, с.].
- ⁹ **Арапов А.** Кши // Сятко. 2005. № 9. С. 40.
- ¹⁰ **Доронин А. М.** Баягань сулейть : роман. Саранск, 1996. С. 365. Далее ссылки в тексте: [Доронин, с.].
- ¹¹ **Куторкин А. Д.** Лажныця Сура : роман. Васенце книга. Валдаевть. Саранск, 1969. С. 46. Далее ссылки в тексте: [Куторкин, с.].
- ¹² **Баргова Т. С.** Вечкемань усият : ёвтнемат, повесть, очеркть. Саранск, 1997. С. 112. Далее ссылки в тексте: [Баргова, с.].
- ¹³ **Лежиков А.** Косотано? : эссе // Сятко. 2005. № 7 — 8. С. 12.
- ¹⁴ **Щеглов А. С.** Кавксть чачозь : роман. Омбоце книгась. Овтонь уголсо. Саранск, 1988. С. 74.
- ¹⁵ **Любаев П. К.** Пожарский комиссарось. Саранск, 1994. С. 42.
- ¹⁶ **Мартынов А. К.** Розень кши : роман. Саранск, 1977. С. 194.
- ¹⁷ **Распутин В.** Мариянь туртов ярмакт : повесть // Сятко. 2005. № 7 — 8. С. 96.

Поступила 13.11.2010 г.

УДК 811.511.152.1'362'37

Л. А. Гурьянова

L. A. Guryanova

СЕМАНТИКА ЭЛАТИВА В ЭРЗЯНСКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

SEMANTICS OF ELATIVE IN THE ERZNYAN AND HUNGARIAN LANGUAGES

Ключевые слова: морфология, эрзянский язык, венгерский язык, падеж, элатив, исходный падеж, употребление, сравнение, значение.

В статье рассматриваются общие и частные случаи употребления форм исходного падежа в эрзянском и венгерском языках.

Key words: morphology, the Erzyan language, Hungarian, case, elative, the ablative case, use, comparison, meaning.

General and particular occurrences of forms of the ablative case in the Erzyan language and in Hungarian are considered in the article.

Падежи по выражаемым значениям и синтаксическим функциям в эрзянском языке можно разделить на три основные группы: субъектно-объектные, местные и атрибутивные; в венгерском — на две: субъектно-объектные и обстоятельственные. Последние подразделяются на пространственные и непространственные. По своей значимости и употреблению падежи в обоих языках неодинаковы, одни используются широко, сфера других ограничена.

В статье речь пойдет об одном из местных падежей — элативе (исходный падеж). Основное его значение — показ исходного места, откуда, из которого, с поверхности которого что-либо удаляется, отправляется, выходит: э. *Сех покш мелявксозо [Зосимень] ульнесь — пельсь якшамотнеде: кудыкельксэнь **пецькастонть** псись беряньстэ пачколи*¹ («Больше всего его [Зосима] беспокоило то, что он боялся холодов: тепло из печи сеней плохо доходило»); *Мезесь сонзэ [Кузьмань] апаркстомтызе — колмо **кудомнестэ** медесь таргазель* [Доронин, с. 199] («Он [Кузьма] расстроился — из трех ульев вытащили мед»); венг. *Az **udvar mélyéből** kávépörkölés illata emelkedett föl*² («Со двора доносился запах жареного кофе»); *Vacora után élővette az öregúr a **ládájából** a pipáját* [Gárdonyi, old. 32] («После ужина старик достал из машины сигару»).

В эрзянском и венгерском языках в этом значении суффикс элатива употребляется с названиями городов, стран, если они отвечают на вопрос: *откуда?*: э. *Астраханьстэ велявтомсто салонть кавксть седе питнейстэ купецесь микшивтсь* [Доронин, с. 294] («После возвращения из Астрахани купец соль заставил продавать в два раза дороже»); венг. *Edit **Franciaországból** jön*³ («Эдит приехала из Франции»).

В эрзянском языке часто встречаются предложения, где для указания поверхности места употребляются послелого с формантом элатива: *Миколь снартыксэль тандавтомонзо [уронть] — се уш ля **чувто прясто** пельнесь раужо сельмсэнзэ* [Доронин, с. 194] («Миколь хотел спугнуть [белку] — та уже с верхушки другого

дерева смотрела на него»); *Седеяк покш гув кепететсь, зярдо ошонь кремлянтъ потсто ношкстасть комсешка ласте* [Там же, с. 276] («Шум усилился еще больше тогда, когда из городской крепости выехало около десяти всадников»).

В венгерском языке формант элатива также встречается в составе послелогов: *A keze is falusias volt: nagy és barna, ha nem is olyan kerges, mint a parasztoké, látszott rajta, hogy fiatal korában sohasem hiányzott belőle a nehéz vadászpuska* [Gárdonyi, old. 13] («Рука у него была как у деревенского жителя, большая и загорелая, не такая мозолистая, как у крестьянина, но глядя на него, было видно, что в детстве у него ружья не было»); *A gyerek nevetett, persze csak úgy, mint a csecsemő szokott: az élet nevetett belőle* [Ibid, old. 20] («Подросток смеялся так, как смеется маленький ребенок: жизнь бьет ключом (букв. жизнь исходит из него)»).

Существительные в форме элатива указывают на предмет, служащий началом движения в пространстве (часто имя в форме элатива сочетается с иллативом, обозначающим предел распространения действия): э. *Мейле, варма-крандазок, скитстэ скитс ютниль* [Зосим] [Доронин, с. 88] («Потом, как ветер, носился от скита к скиту [Зосим]»); *Улянь прясто пильгс онкстызе [княгинясь] ёжов вавновтсо, теке снартыксэль мереме, лади а лади мирдензэ марто озавтомс ве венчс ды, неезденть мельспаросо кадовозь...* [Там же, с. 211] («С головы до ног осмотрела [княгиня] Ульяну хитрым взглядом, будто хотела сказать, стоит ли сажать ее в одну лодку с мужем, и, оставшись от увиденного довольной...»); венг. *A fiu kijön a házból és bement a moziba* [Hungar Lingua, old. 7] («Парень вышел из дома и пошел в кино»).

Элативные формы отглагольного существительного указывают на различные процессы труда, род занятий, работу, объект действий; откуда приходят, возвращаются и т. д.: э. *Вирень керямсто мирдесь одсто чавовсь, а раськень корёнт кадсь...* [Доронин, с. 32] («Муж молодым погиб при вырубке леса, но оставил потомство (букв.: родные корни)...»); *Паламсто ломаненть модас пульзьявтсак — те уш оймень покордамо* [Там же, с. 206] («При поцелуе человека до земли заставишь кланяться — это уже унижение»); *Петербургсто ардомсто яла дивсинь, мекс собортнэнь стенаст прок содсо ваднезь* [Там же, с. 280] («По возвращении из Петербурга я все удивлялся, почему стены соборов будто сажей измазаны»). В венгерском языке данная функция отсутствует.

Важное место в семантике исходного падежа занимают обозначения времени: а) конкретного времени, определяющего порядок выполнения действия: э. *Те сярдонть Сеськинань эрийтне те телестэнтъ ламоксть некинизь ды свал дивсильть покичинзэ кувалма* [Там же, с. 5] («Этого лося жители села Сеськина этой зимой много раз видели и всегда удивлялись его величине»); *Овторникстэ церьковасонть морасть камень тейтерде ды сынст уцяскадо* [Там же, с. 37] («Во вторник в церкви пели о десяти девушках и их счастье»); *Валскень сисем чассто Хвалынский кундась од тебезэнзэ* [Там же, с. 334] («Утром в семь часов Хвалынский принялся за новое дело»); венг. *Ez a könyv a XVIII századból van* [Gárdonyi, old. 3] («Эта книга XVIII века (букв. от XVIII века)»); *Azok az alacsony földszintes házak a Jozsefvárosban még a múlt századokból maradtak fenn* [Ibid., old. 46] («Те низкие одноэтажные дома в городе Йожефе стоят с прошлого века»); б) начала и предела действия, где предел времени действия выражается формой вносительного падежа: э. *Уголиясь ды поташось тундосто сёксес Строганов купеценть*

венчсэнзэ усковсть-пачтявсть Нижней Новгородов, Петербургов, Астраханев, лияв ков [Доронин, с. 7] («Уголь и поташ от весны до осени перевозились на лодках купца Строганова в Нижний Новгород, Петербург, Астрахань и в другие места»); **Чистэ чис** *яла пижелгалесть* [лисевкстнэ] [Там же, с. 103] («Изо дня в день [всходы] зеленели все больше»). В венгерском языке данная функция отсутствует.

Исходным падежом оформляется имя, называющее предмет, от которого (изнутри которого) что-либо отчуждается, отстраняется, исключается, отделяется: э. — *Эх, ялакс-палакс! Теке а вейке авань пекстэ* лисинек... — *стакасто уктазевсь Зосим* [Там же, с. 90] (« — Эх, братишка! Будто не одна мать нас родила... — тяжело вздохнул Зосим»); *Вантась эйсэст Перегудовонь ушмосто цёра* [Там же, с. 347] («Охранял их мужчина из войска Перегудова»); *Кувака пиксстэнтъ* *кавто локшот лиснить* [Там же, с. 241] («Из длинной веревки два кнута выйдут»); — **Сокиень раськестэ** *пургондавкске, сонсь, вантака, теке Зимней дворецэ чачсь, весе минек апаратнень цётынзе, — арсезевсь* [императорось] *туезь Серафимде* [Там же, с. 303] (« — Выходец из крестьянской семьи, а сам, смотри-ка, будто в Зимнем дворце родился, все наши изъяны заметил, — подумал [император] вслед уходящему Серафиму»); венг. — *Azt mondod, villám ez, valóságos villám. De hát honnan jön? A felhőből csak nem jön ide* [Gárdonyi, old. 15] (« — Скажи, молния, злая молния. Откуда ты пришла? Из-за туч не приходи сюда»); *Igyanak [betegeh] egy pohár tejet azon melegen, ahogy a tehénből kifejik* [Ibid., old. 10] («Они [больные] выпили по стакану теплого молока, будто парного (букв. от коровы взятого)»); *Az orvos cigarettát vont elő a zsebéből, s amíg azt meggyújtotta, ridegen folytatta a kérdéseit, anélkül hogy az asszonyra ránézne* [Ibid., old. 11] («Врач достал из переднего кармана сигарету, зажег, строго задал вопрос, вместо того чтобы ласково посмотреть на женщину»).

Чаще всего в вышеназванном значении в элативе выступают существительные, обозначающие части тела: э. *Сэредькст Зосим эзь маря, куш порксазь судостонзо цильсэ тусь верь* [Доронин, с. 78] («Зосим не чувствовал боли, хотя из разбитого носа текла кровь»); *Платонь турватнестэ* *менсь тошкамонь кондямо* [Там же, с. 124] («С губ Платона сорвался какой-то шепот»); венг. *A Jenő gyerekből is kitrucant a nevetés, de szerencséjére mindnyájan nevettek* [Gárdonyi, old. 20] («Женё теперь не смеется, он в своей жизни уже насмеялся»); — *Fájjin dohány, — mondotta az ügyelő szippantásokat az orrából eregetve* [Ibid., old. 32] (« — Проклятое курево, — сквозь нос дружно сказали курильщики»). Сюда же следует отнести существительные в исходном падеже, выступающие в партитивном значении: э. **Толбандястонть** *ноцковтсь* [цёрась] *кувака тонол, мартонзо чоподантень сыргась* [Доронин, с. 276] («Из костра [мужик] выхватил головешку и с ней пошел в темноту»); венг. *Az orvos metszett a tortából* [Gárdonyi, old. 19] («Врач разрезал торт (букв. от торта)»); *A cseléd a vörös borból talált felhozni, s az kiválóképpen ízlett az öregnek* [Ibid., old. 65] («Повар поставил на стол красное вино и много еды»).

Исходный падеж в эрзянском языке указывает на источник информации: — *Лияс пеоякшнынъ, — менсь Артамон Петровичень кургсто* [Доронин, с. 278] (« — К другой приставал, — вырвалось (букв. изо рта вышло) у Артамона Петровича»); *Менель Тетясь пурьгиневтеме, ёндолозояк арась... Библиястонть* *лиссъ*

ды *Евангелиятнестэ*, а, паряк... [Там же, с. 357] (букв. «Небесный Отец без грома и молнии... Он из Библии и Евангелия, хотя...»). В венгерском языке данная функция отсутствует.

Существительные в форме элатива обозначают предмет, материал, из которого что-либо производится, изготавливается, образуется, который служит материалом для создания другого предмета: э. *Икеле атянтень варакатне неавсть шожда рунго нармункс, ней икелензэ аштесть прок кишнистэ валозекс...* [Там же, с. 52] («Сначала старику вороны казались маленькими птицами, сейчас перед ним они были, будто литые из железа...»); *Сынь [келятне] эчке пичестэ чапозь, латост алкинеть, кукорьгадозь аштесть* [Там же, с. 86] («Они [кельи] рублены из толстой сосны, с низкими потолками, стояли скривившись»); *Савватий тонавтывзе Кузьмань тикишестэ ды чувто ундокксто надобиянь панеме* [Там же, с. 113] («Савватий научил Кузьму готовить лекарства из трав и корней деревьев»); венг. ...*Ez a szakasz nem fából fog készülni, hanem vasból* [Gárdonyi, old. 8] («...Эта часть будет сделана не из дерева, а железа»); *A kapu mellett fűszeres boltocska, s a kapun varga-cimer: fekete papirosból kivágott cipő* [Ibid., old. 47] («Рядом с воротами пряная лавка, на воротах герб: черные туфли (букв. сделанные из черной бумаги)»); *A felesége új ingeket varrt neki, szép fehéréket, valami újfajta gyolcsból* [Ibid., old. 79] («Жена сшила мужу новую рубашку, красивую, белую, из какого-то тонкого холста»).

В эрзянском языке существительные в исходном падеже обозначают орудие действия: *Сон [сярдось] пельсь, ружиясто бахадить* [Доронин, с. 6] (букв. «Он [лось] боялся, что выстрелят из ружья»); *Хвалынский кенерепакарьсэ порксызе сляникань вальминенть, ледсь пистольстэ* [Там же, с. 337] («Хвалынский локтем разбил оконное стекло, выстрелил из пистолета»).

Существительные в исходном падеже обозначают состояние предмета, т. е. выражают изменение, прекращение, устранение того или иного положения, состояния, указывают на изменение в психическом состоянии кого-либо, переход из одного этапа развития в другой: *Вирь кияванть модемстэ Видманонь превстэ эзь лисне Оксяк* [Там же, с. 10] («Идя по лесной тропинке, Видман все думал об Оксане»); *Видман а содыль, лади а лади истя кортамс эсь велень бачкадонть — кода иля велявтне, сон Пазнэнь служиця, ды, идемевсь стардовлизе, Иоанн, мерят, теке чарьчистэ лисезь: тенст ачарькодевикс озкст моравтни* [Там же, с. 47] («Видман не знал, следует ли так говорить о бабушке — как ни крути, он слуга Божий, да черт бы его побрал, Иоанн, скажешь, будто сумасшедший: какие-то непонятные молитвы читает»). В венгерском языке данные функции отсутствуют.

Таким образом, значения исходного падежа в эрзянском и венгерском языках многочисленны и разнообразны. Основное его значение — показ исходного места. Наряду с этим важными в семантике исходного падежа являются временное и партитивное значения. Формы элатива широко используются для обозначения предмета, материала, из которого что-либо производится, изготавливается и который служит материалом для создания другого предмета. В эрзянском языке сфера употребления исходного падежа шире, чем в венгерском.

Библиографические ссылки

¹ Доронин А. Кузьма Алексеев : роман. Саранск, 2001. С. 71. Далее ссылки в тексте: [Доронин, с.].

² Gárdonyi G. Az öreg tekintetes. Budapest, 1974. Old. 8. Далее ссылки в тексте: [Gárdonyi, old.].

³ Hungar-Lingua : magyar nyelvkönyv. Debrecen, 1991. Old. 40. Далее ссылки в тексте: [Hungar-Lingua, old.].

Поступила 07.12.2010 г.

УДК 811.511.152.1'362'367

Е. А. Кукушкина

E. A. Kukushkina

**КОМПОЗИТЫ ПОДЧИНИТЕЛЬНОГО ТИПА
С ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ — ИМЕНЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ
В ЭРЗЯНСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

**SUBORDINATE TYPE COMPOSITES
WITH THE ADJECTIVE AS THE FIRST COMPONENT
IN THE ERZNYAN LANGUAGE AND IN GERMAN**

Ключевые слова: композит, композитообразование, словосложение, имя существительное, имя прилагательное, атрибутивные отношения, фонетические отношения, деформированные компоненты.

В статье на материале эрзянского и немецкого языков рассматриваются именные определительные композиты, первым компонентом которых является имя прилагательное.

Key words: composite, composite formation, word-composition, the Noun, the Adjective, attributive relations, phonetic relations, deformed components.

The nominal attributive composites with the Adjective as the first component are considered in the article on basis of the material of the Erzyan and German languages.

Основное место среди композитов в эрзянском и немецком языках принадлежит композитам подчинительного типа. Обогащение словарного состава сложными именами существительными происходит главным образом за счет данного типа словосложения. Он является наиболее продуктивным на протяжении всей истории развития исследуемых языков.

В составе композитов первый компонент может быть выражен любой частью речи, второй — обычно именем существительным. В зависимости от того, какая часть речи выступает в качестве первого компонента, подчинительные композиты делятся на группы. В статье мы рассмотрим композиты с первым компонентом — именем прилагательным. Этот способ в немецком языке более продуктивен, чем в эрзянском.

Синтаксическая связь между составными частями композита, первый компонент которого — имя прилагательное, выражает атрибутивные отношения. Имя прилагательное в качестве определения указывает на качество, свойство, признак предмета, выраженного вторым компонентом: нем. **das Frühjahr** «весна» (**früh** «ранний» и **das Jahr** «год»): *Dieser brave alte Palazzo, im Frühjahr wollen sie ihn niederreißen...*¹ («Этот славный старый дворец, весной они хотят его разрушить...»); **der Spitzbart** «бородка клинышком, эспаньолка» (**spitz** «острый» и **der Bart** «борода, усы»): *Unter einem der Helme ein dunkler Spitzbart und zwei Augen, die fest auf mich gerichtet sind*² («Под одной из касок — темная острая бородка и два глаза, пристально глядящих прямо на меня»).

С точки зрения морфологического и фонетического оформления компонентов выделяются следующие типы композитов данной группы:

1) композиты, оба компонента которых имеют полную исходную форму: э. **in'evəd'** «море» (**in'e** «большой, великий» и **ved'** «вода»): *Ve книгась ульнесь менельсэ тештнеде, омбоцесь мастортнеде ды **иневедтнеде**, колмоцесэнтъ сёрмадозельть арабонь ёвтнемат, ёвкст ды вечкемадо морот*³ («Одна книга была о звездах на небе, вторая — о странах и морях, в третьей были написаны арабские рассказы, сказки и песни о любви»); нем. **der Oberstleutnant** «подполковник» (**oberst** «высший» и **der Leutnant** «лейтенант»): *Der Tausch schien übrigens nicht übel zu sein, denn der neue Oberstleutnant, der verheiratet, aber kinderlos war, mietete in der südlichen Vorstadt eine sehr geräumige Villa...*⁴ («Впрочем обмен, казалось, был не плохим, так как новый подполковник, который был женат, но без детей, снимал в южной части города очень просторную виллу...»); **die Großmutter** «бабушка» (**groß** «большой» и **die Mutter** «мама»): *Dieser Bursche wird un seines Tages noch seine eigene Großmutter als Feature servieren, und das Schlimme ist eben, daß eine seiner Großmütter auch meine war*⁵ («Этот парень будет представлять однажды свою собственную бабушку как очерк, и самое плохое то, что одна из его бабушек это также моя бабушка»);

2) композиты, компоненты которых подверглись фонетическим изменениям (ассимиляции, диерезе или гаплоггии — в эрзянском языке; эпентезе (за счет соединительного элемента) — в немецком): э. **jondol** «молния» (**jon** «хороший» и **tol** «огонь»): *...апак учо косто-бути верде, менельнь отьмастонть, теке кивчкадсь **ёндол***⁶ («...неожиданно откуда-то сверху, из глубины небес, словно сверкнула молния»); **in'azor** «царь» (**in'e** «большой, великий» и **azor** «хозяин»): *Мон... тень, архимандрит, библиотекастояк кой-мезе саян. **Инязоронтень** казнекс*⁷ («Я... это, архимандрит, и из библиотеки кое-что возьму. В подарок царю»); **pokšt'a** «дед, дедушка» (**pokš** «большой» и **t'et'a** «отец»): *Завторкто мейле **покитясь** тердизе [Феликсэнь] нешкень ваномо*⁸ («После завтрака дедушка позвал [Феликса] посмотреть улы»); нем. **das Krankenhaus** «больница» (**krank** «больной» + **en** и **das Haus** «дом»): *Es ist nun bestimmt Krebs, sie liegt schon im Krankenhaus und wird demnächst operiert...* [Remarque, s. 144] («Теперь уже выяснилось, что у нее рак, она лежит в больнице, и скоро ей будут делать операцию»);

3) сложные слова с деформированными компонентами⁹: э. **od'ir'va** «невеста, сноха, молодая женщина» (**od** «молодой» и **ur'va** «сноха» (**ur'e** «раб» и **ava** «женщина»)): *Сэредия атыкс кувсезевсть кезэрень кузтнэ, морянь толкунтнэ ашолдсть **одирь-***

ва пеекс [Доронин, 1996, с. 81] «Как больной старик, застонали древние ели, морские волны белели, как зубы невесты»); *košks'e* «сухарь» (*kos'ke* «сухой» и *kši* «хлеб»): *Симсь-копордась [князесь] ды ушодсь верьга вайгельть ёвтнеме, кода тей самсто Никон ве кошксезде порсь* [Там же, с. 77] («Выпил [князь] и начал громко рассказывать, как по пути сюда Никон грыз одни только сухари»).

Можно наметить несколько семантических групп сложных существительных такого типа:

1) композиты — наименования лиц:

а) по каким-либо признакам (принадлежность, свойство и т. п.): э. *in'azor* «царь» (*in'e* «большой, великий» и *azor* «хозяин»): *Кемень иесэ сон [Раужо Вася] ульнесь инязоркс Найманонь эмежспиретнень лангсо*¹⁰ («В десять лет он [Черный Вася] был царем огородов Наймана»); *in'eoat'a* «патриарх» (*in'e* «большой, великий» и *ozni at'a* «букв. молящийся старик»): *Мекс а ёвтан, ёвтан, инеозатя* [Абрамов, 1980, с. 140] («Почему не скажу, скажу, патриарх»); нем. *der Jungarbeiter* «молодой рабочий» (*jung* «молодой» и *der Arbeiter* «рабочий»), *der Altmeister* «старый мастер» (*alt* «старый» и *der Meister* «мастер»), *der Kleinbauer* «мелкий крестьянин» (*klein* «маленький» и *der Bauer* «крестьянин»); *die Jungfer / die Jungfrau* «девственница, дева, девица» (*jung* «молодой» и *die Fer / die Frau* «женщина»): „*Was Ihr redet!“ fiel die Alte hastig ein, „eine Jungfer ist's, sag' ich Euch“* [Heuse, s. 46] («Что Вы говорите! — поспешно набросилась старуха, — девственница она, это я Вам говорю»); *Sieben Jungfrauen saßen im Kreis um den Brunnen...* [Mann, s. 101] («Семь девушек сидели в кругу около фонтана...»);

б) по родственным отношениям:

общие термины родства: э. *od ava* «мачеха» (*od* «молодой, новый» и *ava* «женщина, мать»): *Мазяргонь, од аванть сазоронзо веженсь тейтеренть, парсте содылизе* [Доронин, 1996, с. 122] («Мазяргу, младшую дочь сестры мачехи, Тихон хорошо знал»); *vasolbaba* «бабушка по материнской линии» (*vasolo* «дальний» и *baba* «баба, бабушка»): *Калмизь сонзэ [Хилковонь нинзэ] аволь тескень калмазырьс — васоло Колычева велес, васолбабаст вакс, ды ней теде Хилков пек чуросто ледстни* [Там же, с. 24] («Похоронили ее [жену Хилкова] не на местном кладбище — в дальнем селе Колычеве, около бабушки (по материнской линии), и сейчас об этом Хилков очень редко вспоминает»); *pokšt'a* «дед, дедушка» (*pokš* «большой» и *t'et'a* «отец»): *Феликс а совиксэль кудов, покитясь тердизе ды озавтызе столь экис* [Абрамов, 1980, с. 31] («Феликс не хотел заходить в дом, дедушка позвал его и усадил за стол»); нем. *die Großmutter* «бабушка» (*groß* «большой» и *die Mutter* «мама»): *...ihre Stimme sank zu leisem Gemurmel herab — hab' ich mir als kleines Kind von meiner Großmutter sagen lassen*¹¹ («...ее голос опустился до тихого бормотания — маленьким ребенком я не терпел никаких возражений от моей бабушки»); *die Großeltern* «бабушка и дедушка» (*groß* «большой» и *die Eltern* «родители»): *Beide Möglichkeiten veranlaßten ihn, sich wütend über das Geschlecht unserer Großeltern auszulassen, dem wir die Anschaffung dieses wertvollen Möbelstückes verdanken* [Bell, s. 121] («Обе возможности дали ему повод гневно высказаться о семье (роде) наших бабушки и дедушки, которым мы обязаны за покупку этой драгоценной мебели»);

термины родства по браку: э. *od'ir'va* «невеста, сноха, молодая женщина» (*od* «молодой» и *ur'va* «сноха» (*ur'e* «раб» и *ava* «женщина»)): *Одирьвань ильтямсто*

Вася мик ёвтась вал. Симеме ней сон, келя, а карми, кадсы те обуцянтъ [Абрамов, 1980, с. 72] («Провожая невесту, Вася даже дал обещание. Пить теперь он, мол, не будет, бросит эту привычку»);

2) композиты — наименования минералов, видов почвы: э. **sen'kev** «медный купорос» (**sen'** «синий» и **kev** «камень»); **er'eks'ija** «ртуть» (**er'ek** «подвижный, живой» и **s'ija** «серебро»): *Ней весемесь вейсэндявсь, те ансяк поляктнэ съкамост шныть прят эйсэ: минек рунгова, келя, ансяк католикень верь чуди. Мезе, сынст вересь седе ванькс, ломантне аволь ве модань ведте симить — менелень эрексиядо?* [Доронин, 1996, с. 122] («Теперь все объединилось, это только поляки одни хвалятся: в нашем теле, мол, только католическая кровь течет. Что, их кровь чище, люди не одну и ту же земную воду пьют — небесную ртуть?»); нем. **der Braunstein** «перекись марганца» (**braun** «коричневый» и **der Stein** «камень»), **die Braunkohle** «бурый уголь» (**braun** «коричневый» и **die Kohle** «уголь»), **die Schwarzerde** «чернозем» (**schwarz** «черный» и **die Erde** «земля»);

3) композиты — наименования растений (деревьев, кустарников, трав, ягод и т. п.): э. **raužo inzej** «ежевика» (**raužo** «чёрный» и **inzej** «малина»); нем. **der Weißkohl** «белая капуста» (**weiß** «белый» и **der Kohl** «капуста»), **der Braunkohl** «красная капуста» (**braun** «коричневый» и **der Kohl** «капуста»), **die Schwarzbeere** «черника» (**schwarz** «черный» и **die Beere** «ягода»), **die Blaubeere** «голубика» (**blau** «голубой» и **die Beere** «ягода»);

4) композиты — наименования пищи, напитков: э. **lambamosal** «квасцы» (**lambamo** «сладкий» и **sal** «соль»); **vecajam** «кашица» (**veca** «жидкий» и **jam** «каша, суп»); **kel'moj** «сало (животное нутряное)» (**kel'me** «холодный» и **oj** «масло»); **košks'e** «сухарь» (**kos'ke** «сухой» и **kši** «хлеб»): *Туевель [Яхим] таго ков-бути, кошксензэяк уш анок ки лангс*¹² («Хочет уехать [Ефим] опять куда-то, и сухари уже готовы на дорогу»); нем. **das Schwarzbrot** «черный хлеб» (**schwarz** «черный» и **das Brot** «хлеб»); **das Hellbier** «светлое пиво» (**hell** «светлый» и **das Bier** «пиво»); **das Weißbrot** «белый хлеб, батон» (**weiß** «белый» и **das Brot** «хлеб»): *Haie hat außerdem ein dunes französisches Weißbrot erwischt und hinter sein Koppel geschoben wie einen Spaten* [Remarque, s. 89] («Хайе раздобыл, кроме того, длинную французскую булку и засунул ее за ремень, как лопату»); **der Rotwein** «красное вино» (**rot** «красный» и **der Wein** «вино»): *Was half es, dass sie ihr außer dem nahrhaften Bier ein Glas Rotwein täglich verabreichte?* [Mann, s. 133] («Это помогло, что она ежедневно выдавала ей вместо питательного пива стакан красного вина?»);

5) композиты — географические термины: э. **in'eved'** «океан» (**in'e** «большой» и **ved'** «вода»): *Сонзэ [вечкеманть] марто ломанентень кирдеви хоть кодамо стакачи. Апак сизе ютави кувака ки, кузеве сэрей пандо, увеи **иневедь*** [Абрамов, 1980, с. 59] («С ней [любовью] человек выдержит хоть какие тяготы. Без усталости преодолеет длинный путь, взберется на высокую гору, переплывет океан»); нем. **das Deutschland** «Германия» (**deutsch** «немецкий» и **das Land** «страна»); *Ein Berg in Deutschland kann doch einen Berg in Frankreich nicht beleidigen* [Remarque, s. 150] («Ведь не может же гора в Германии оскорбить гору во Франции»); **das Hochland** «высокогорье, горная страна» (**hoch** «высокий» и **das Land** «страна, земля»): *Die Kammer lag an der hintern Seite des Hauses, und keine der andern Hütten von Treppi wehrte ihm die Ansicht über das*

zerklüftete Hochland [Heyse, s. 102] («Конюшня находилась на задней стороне дома, и ни одна из других хижин Треппи не загораживала ему панораму рассеченного трещинами высокогорья»);

б) композиты, обозначающие чувства, ощущения, состояния: нем. **die Tollwut** «водобоязнь, бешенство» (**toll** «бешеный» и **die Wut** «ярость, бешенство»): *Also Euch hab' ich's zu danken, Sora Lalla, daß mich die Tollwut verschont hat...* [Ibid., s. 43] («Итак, я должен Вас поблагодарить, госпожа Лала, что у меня нет бешенства...»); **der Halbschlaf** «полудремота, полусон» (**halb** «половинный» и **der Schlaf** «сон»): *...und im Halbschlaf gehen wir in die Kniebeuge und richten uns wieder auf* [Remarque, s. 56] («...приседаем в полусне и снова выпрямляемся»);

7) композиты — анатомические понятия: нем. **die Unterlippe** «нижняя губа» (**unter** «нижний» и **die Lippe** «губа»), **die Oberlippe** «верхняя губа» (**ober** «верхний» и **die Lippe** «губа»): *...sie schob unaufhorlich die Unterlippe vor und wieder zurück, indem sie an der Oberlippe scheuerte* [Mann, s. 140] («...она двигала непрерывно нижней губой взад-вперед и терла ее о верхнюю губу»);

8) композиты — названия жилищ, различных помещений, учреждений и построек: нем. **das Krankenhaus** «больница» (**krank** «больной» + **en** и **das Haus** «дом»): *Der Flur war nur schwach beleuchtet, und es noch natürlich nach Krankenhaus* [Bell, s. 65] («Коридор был только слабо освещен и пахло, конечно, больницей»).

Таким образом, подчинительные композиты с первым компонентом — именем прилагательным в рассматриваемых языках характеризуются следующими особенностями:

1) оба компонента сложного слова связаны между собой способом подчинения: первый компонент уточняет, определяет, конкретизирует второй, причем зависимое слово всегда предшествует главному, определяющему;

2) обе составные части находятся в тесном единстве и в строгом порядке, нарушение которого привело бы к распаду сложного слова или к изменению значения сочетающихся слов;

3) одни композиты соединяются путем простого слияния без оформления компонентов, компоненты других сложных слов при слиянии в одно целое принимают определенные формы;

4) каждый компонент определительного композита по своей семантике значительно уже, чем при самостоятельном его употреблении;

5) в эрзянских сложных словах ударение может падать на любой слог первого или второго компонента; в немецком языке сложные слова характеризуются единым централизующим ударением при наличии второстепенных.

Библиографические ссылки

¹ Heyse P. Am Tiberufer. М., 2000. С. 14. Далее ссылки в тексте: [Heyse, s.].

² Remarque E. M. Im Westen nichts Neues. М., 2004. С. 85. Далее ссылки в тексте: [Remarque, s.].

³ Абрамов К. Г. Пургаз : роман. Саранск, 1988. С. 203.

⁴ Mann T. Der Tod in Venedig und andere Novellen. СПб., 2005. С. 138. Далее ссылки в тексте: [Mann, s.].

⁵ **Велл Н.** Mein trauriges Gesicht : Erzählungen. М., 2003. С. 237. Далее ссылки в тексте: [Велл, с.].

⁶ **Доронин А. М.** Кочкодькесь — пакся нармунь : роман. Саранск, 1993. С. 65.

⁷ См.: **Доронин А. М.** Баягань сулейть : роман. Саранск, 1996. С. 81. Далее ссылки в тексте: [Доронин, 1996, с.].

⁸ **Абрамов К. Г.** Велень тейтерь : роман. Саранск, 1980. С. 31. Далее ссылки в тексте: [Абрамов, 1980, с.].

⁹ См.: **Келин М. А.** Сложные существительные подчинительного типа в мордовских языках // Вопросы мордовского языкознания. Саранск, 1967. С. 39 — 72. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 32).

¹⁰ **Абрамов К. Г.** Найман : роман. Саранск, 1957. С. 43.

¹¹ **Meurink G.** Walpurgis nacht. СПб., 2005. С. 50.

¹² **Коломасов В. М.** Лавгинов : роман. Саранск, 1956. С. 68. Далее ссылки в тексте: [Коломасов, с.].

Поступила 01.11.2010 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.152-312.2

*И. И. Шеянова**I. I. Sheyanova***«ПРЕДАНИЯ» И «ЖИЗНЕОПИСАНИЯ»
В. С. САЮШКИНА, Р. Ф. УЧАЕВА И И. А. ЦЫБИНА
КАК ПЕРВЫЕ ОБРАЗЦЫ
МОРДОВСКОЙ НАРОДНОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XX В.*****«THE LEGENDS» AND «THE BIOGRAPHIES»
BY V. S. SAYUSHKIN, R. F. UCHAEV AND I. A. TSYBIN
AS THE FIRST PATTERNS OF MORDOVIAN FOLK PROSE
OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY***

Ключевые слова: фольклор, литература, предание, жизнеописание, сказ, сказовые формы повествования, сказовые традиции.

В статье показано место историзованных обработок легенд, преданий и жизнеописаний в процессе развития сказовых форм мордовской литературы.

Key words: folklore, literature, legend, biography, tale, tale forms of narration, tale traditions.

The place of the historical adaptations of legends and biographies in the process of the tale forms of Mordovian literature development is considered in the article.

Термином «сказ» в мордовской литературе обозначается жанровая форма поэтических и прозаических произведений, основанных на легендах и преданиях, где обязательным является наличие сказочной условности, вплоть до мифологических мотивов. Содержание мордовского сказа, как правило, передается от имени условного персонажа-рассказчика (обычно деда-сказочника, нередко с конкретным именем, хотя в повествовании его роль сводится лишь к функциям рассказчика).

Зародившись в недрах XVIII в., мордовская литература до 80-х гг. XIX в. формировалась как литература эволюционно-замедленного типа развития. В силу этого ее системные признаки и, прежде всего, связь с историей народа были непрочными и неглубокими, развивавшимися в сложных обстоятельствах зависимости языка и культуры народа в целом от социальных и идеологических задач

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-23407 а/В.

самодержавной политики царизма. Поэтому процесс формирования национального литературного движения вплоть до 80-х гг. XIX в. невозможно рассматривать в отрыве от традиций развития фольклора.

Целенаправленной тенденцией движения книжной словесности мордвы к собственно литературным формам стали историзованные литературные обработки легенд и преданий об истории тех или иных сел, различного рода «жизнеописания», «воспоминания», «разговоры», «описания» национальных народных обычаев. Особое место среди них занимают предания мордовских сел Оркино и Сухой Карбулак, собранные и обработанные И. А. Цыбиным¹ и Р. Ф. Учаевым², отличающиеся заметной тенденцией сказовости.

Рассказ об истории с. Оркина начинается в типично литературной манере изложения: «На месте нашей деревни были некогда разбойничьи притоны. Я слышал от старых людей, что там жил Стенька Разин...»³. За основу повествования автор взял легенды не только о С. Разине и Е. Пугачеве, но и о периодах христианизации и крепостничества. Причем главным предметом изложения были не сами исторические события и факты, а их социальная значимость и нравственный смысл, что неоднократно подчеркивалось критическим изображением действий правительственных солдат, приходивших «искать разбойников Разина», а также попа и сельского главы, запугивавших мирных жителей.

Для стилевой манеры И. А. Цыбина свойственны метафоричность описания, обилие сопоставительных характеристик, выразительность сравнений и эпитетов. Наиболее ярко это иллюстрирует описание окрестностей с. Оркина: «...это место и теперь можно очень хорошо узнать: огромная гора, похожая на двор; на середине ее бугор, на бугре дубовый лесок, а на самой середине, на вершине этого бугра три березы, под березами родник. Старики говорят, что на этом месте жили разбойники, а наружная сторона этой горы с одной стороны похожа на ворота. А вокруг нее есть двор. На самой вершине горы — лесок, словно крыша, а низ ее, словно каменная стена. Эту сторону называют лицевой стороной Каменного двора. В стороне от этого двора расположены еще две высокие горы, а вид их, словно девичьи титьки. Имя этих гор — Караульные горы...»⁴.

По мнению С. А. Алешкиной, особенностью литературно-историзованных преданий И. А. Цыбина стала их беллетризованная занимательность, которая является, с одной стороны, признаком литературной обработки народных представлений о том или ином событии, с другой — специфическим отражением исторической реальности⁵. Признаки историзованного повествования есть и в жизнеописательных рассказах «Старик Павел» и «Помещик Апраксин» Р. Ф. Учаева⁶. Эти первые мордовские очерки на историческую тему, разумеется, еще не оторваны от жанровых и стилистических канонов легендарных жизнеописаний. Прежде всего речь идет о наличии в них исторически достоверных персонажей (атаман Плетнев, помещик Апраксин, московские князья Голицын, Щербатов и др.), целого ряда конкретных названий находящихся около Сухого Карбулака сел и деревень (Аловка, Топоровка, Губажа и др.), а также кратких описаний судеб конкретных основателей села (Павла и Герасима).

Как уже отмечалось, формирование сказовых форм повествования связано и с появлением образа рассказчика. В данном случае, выступая в роли рассказчиков преданий, Цыбин и Учаев отражали читательское мнение с глубоким убеж-

дением в своей правоте, ибо за ними традиция и это передавалось через опору на коллективный опыт: «рассказывали еще...», «в старину считали...», «...старики говорят» и т. д.

Особую группу переходных от фольклора к литературе форм в дооктябрьской мордовской литературе представляли народные «рассказы» и «жизнеописания». Большинство такого рода произведений — воспоминания крестьян о прожитой жизни. Благодаря русским ученым и первым мордовским просветителям они стали доступны широкому кругу читателей, лучшие из них вошли в «Мордовский этнографический сборник» А. А. Шахматова. В основном они публиковались в научных целях — как образцы для изучения мордовских языков и источники исследования народных обычаев, поверий, легенд и преданий. Отрицать их историко-литературное значение было бы неверно. В особенности это касается произведений, написанных самими авторами, а не воссозданных по записям ученых, т. е. записанных на слух, например «рассказы» учителя Р. Ф. Учаева «О старике Федоре», «Разговор двух крестьян», «Разговор женщины с гостем», «Рассказ о рассеянном мордвине», «Рассказ соседа соседу о произведенной у него краже» и др., а также полуисторизованные воспоминания «Грузинский царевич и крещение мордвы», «Ребенок-жених», «Наказание мордвы за ослушание», «Кабак», «Барский двор», «Жестокие нравы», «Барщина» и др.

Среди них особое место занимает «Жизнеописание Р. Ф. Учаева»⁷. А. А. Шахматов отзывался о Р. Ф. Учаеве как о человеке самобытном, обладавшем «прекрасными способностями» в литературном творчестве, отлично знавшем музыкальную грамоту. Как один из самых активных корреспондентов русского ученого, Учаев представил ему не только собственное жизнеописание, но и большое количество мордовских песен, легенд и преданий, составивших основу «Мордовского этнографического сборника». «Жизнеописание Р. Ф. Учаева» — один из лучших образцов мордовской народной прозы начала XX в. По своим жанровым признакам это типичный литературный рассказ, дающий представление о судьбе Учаева и об отдельных явлениях крестьянской жизни. При этом критический пафос в жизнеописании, как и в других аналогичных произведениях дооктябрьской литературы, очень слаб. Автор лишь в одном эпизоде, рассказывающем о поступлении в Александровскую семинарию, говорит о социальном неравенстве бедных и богатых. Дух критицизма для мордовской жизнеописательной литературы тех лет не характерен, особенно в изображении крестьянского быта.

Как правило, мордовские жизнеописания не имеют сквозного сюжета, а представляют собой цепь повествовательных эпизодов (ситуаций), в которые попадают герои. Таково, например, «Жизнеописание В. С. Саюшкина»⁸. Уроженец с. Оркина В. С. Саюшкин был представителем той части мордовского крестьянства, которая через городской пролетариат приобщалась не только к идеологии революционной борьбы, но и к грамоте, а также к цивилизованным формам жизни. Повествователь, кратко описав судьбы членов своей родословной, дал сцены и эпизоды своей жизни в городе. Пройдя через мытарства в поисках работы, он возвращается в родные края, пытаясь наладить новую жизнь. В данном случае нетрудно уловить идейные и эстетические начала традиции рождения человека с личностным сознанием, которая впоследствии прочно утвердилась в реалистических формах мордовской литературы,

например, в таких произведениях, как «Волянка» («За волю») М. Безбородова (1929)⁹, повесть «Татю» Т. Раптанова (1933)¹⁰, роман «Кели Мокша» («Широкая Мокша») Т. Кирдяшкина (1953)¹¹.

Повествование Саюшкина имеет заостренную социальную мотивировку изображения событий и героев, хотя в нем нет четкого отражения истинных причин бедственного положения крестьянства. Однако сам факт поиска лучшей доли содержит намек на эти причины и выдвигает его образ в ряд тех литературных героев, с которых в предоктябрьские годы начиналось изображение так называемых новых людей нового времени.

Итак, сказовые формы повествования отражают осознанное стремление литературы к реализации принципов народности. Мордовские авторы сказовых форм опирались прежде всего на народный исторический опыт, на непосредственное проявление массового сознания как в самой действительности, так и в народном искусстве. В теоретических и историко-литературных концепциях мордовских литературоведов и критиков сказовые формы представляются как первые повествовательные жанры национальной литературы.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Цыбин И. А.** Оркино // Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 1 — 25.

² См.: **Учаев Р. Ф.** Сухой Карбулак // Там же. С. 25 — 56.

³ **Цыбин И. А.** Указ. соч. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ См.: **Алешкина С. А.** Формирование дооктябрьского историко-литературного процесса и ранних форм мордовской книжной словесности // Аспект — 1990. Исследования по мордовской литературе. Саранск, 1991. С. 40. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 102).

⁶ См.: **Учаев Р. Ф.** Указ. соч. С. 25 — 34.

⁷ См.: Жизнеописание Р. Ф. Учаева // Шахматов А. А. Указ. соч. С. 636 — 642.

⁸ См.: Жизнеописание В. С. Саюшкина // Там же. С. 621 — 630.

⁹ См.: **Безбородов М. И.** Сочинения : драматическая произведения, стиха повесть, стихотворения : 2 тома. 2-це томъ = Сочинения : драматические произведения, повесть в стихах, стихотворения : в 2 т. Саранск, 1941. Т. 2. 157 с.

¹⁰ См.: **Раптанов Т. А.** Татю : повесть ды ёвнемат = Татю : повесть и рассказы. Саранск, 1933. 79 с.

¹¹ См.: **Кирдяшкин Т. А.** Кели Мокша : роман = Широкая Мокша : роман. Саранск, 1953. 298 с.

Поступила 13.10.2010 г.

УДК 821-32(470.345)

Т. В. Шугаева

T. V. Shugaeva

**СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(На примере очерковой прозы)**

**SPECIFIC CHARACTER OF THE IMAGE
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE POSTWAR PERIOD
(According to the Example of Essay Prose)**

Ключевые слова: очерк, литература, герой, документальный очерк, портретный очерк, характер.

В статье раскрывается своеобразие изображения событий Великой Отечественной войны в очерковой прозе послевоенного периода.

Key words: essay, literature, hero, feature story, portrait essay, character.

The uniqueness of the image of the Great Patriotic War events in the essay prose of the postwar period is revealed in the article.

Произведения о Великой Отечественной войне послевоенного периода — это художественные исследования, в которых всесторонне рассматривается личность в переломные моменты жизни. Очеркисты пристальнее вглядывались в облик рядового участника войны, раскрывая мотивы его поступка, выдвигая на первый план нравственные аспекты.

В послевоенном мордовском очерке тесно переплелись героика военного времени и пафос мирного труда. Люди, возвратившиеся с войны, с энтузиазмом приступали к восстановлению разрушенного хозяйства, переводили страну на мирные рельсы. В то же время глубоки были в сердце каждого человека раны, нанесенные войной. Писатели, подчиняясь духу и требованиям времени, стремились показать все это в совокупности, в неразрывном единстве.

Художественные очерки преодолевали односторонность показа событий военных лет, через ратный подвиг, стремились осмыслить процессы объединения всего народа на фронте и в тылу ради достижения общей цели. Мордовские очеркисты желали восстановить истину, дать объективную оценку ранее замалчиваемым фактам и событиям. В художественном воплощении все чаще возникали ноты горечи от ничем не восполнимых потерь («В логове врага», «Риск», «Армейские будни» И. Афонова; «Солдат из Бреста» А. Соболевского; «Свал народонь седейсэ» — «Всегда в сердце народа» В. Дергунова; «Коштонь азорт» — «Хозяева неба» А. Ширяева; «Партизанонь тевть» — «Дела партизанов» А. Инчина; сборник «Дорогами испытаний» И. Калинкина; сборник «Вечная слава», посвященный молодым воинам, не вернувшимся с поля боя; «Аф юкштави шит» — «Незабываемые дни» С. Ларионова; «Эзьт синдеве» — «Не сломались» И. Шумилкина; «Толонь киява» — «Дорогами огня» И. Калинкина и др.).

Проблематика очерков послевоенного периода весьма разнообразна: о партизанах писал А. Инчин; о разведчиках — И. Пиняев, П. Бардин, А. Фролов; о летчиках — Н. Коломасов, А. Ширяев; о военврачах — М. Бычков; о танкистах — М. Кяшкин, М. Сайгин. Героями очеркистов были скромные, душевные, с виду ничем не приметные люди. Казалось, во внешнем описании нет ничего героического, но поступки и самоотверженная преданность Отчизне свидетельствовали о настоящем героизме.

В очерке «В логове врага» И. Афонин дал образ советского бойца, оказавшегося на вражеской территории. «Огонь и дым, треск автоматных очередей, грохот и несмолкающий гул — все слилось воедино. Улицы разворочены снарядами и бомбами. Повсюду куски серого асфальта и щебня, перекрученные чугунные балки разрушенных зданий, деревянные и железные бочки, огромные катушки с толстыми витками проводов, разбитые вывески пивных, магазинов и парикмахерских, сваленные телеграфные столбы, перебитые, разодранные деревья»¹. Описание разгромленных улиц немецкого города в начале сюжетной линии очерка дает читателю ощущение близости нашей победы.

В центре повествования главный герой — майор Кухарев, заместитель командира 17-го гвардейского полка по политической части. Образ майора типичен для поколения военного времени. Перед нами предстает человек серьезный, упрямый, стойкий, готовый отдать все силы во имя Родины. «...Кухарев опустил бинокль, торопливо вынул портсигар, закурил, жадно глотая дым. Взгляд его был задумчив и сосредоточен. Густые брови, как два черных крыла, опустились над глазами, майор смотрел на разрушенную, дымящуюся улицу» [Афонин, с. 3]. Он проявляет инициативу по поводу переговоров с неприятелем о капитуляции: «...Прошу разрешения на переговоры... Что! На меня уже заготовлены документы? Благодарю вас, товарищ генерал. Постараюсь оправдать доверие»; заботится о своих соратниках, предупреждая их: «...смертельно раненный зверь коварен и зол. — Я прошу, — нарушил тишину Кухарев, — я прошу вас, друзья не думать о пустяках. — Война есть война. Нам предстоит большая и ответственная работа» [Там же, с. 5 — 6].

Майор идет в стан врага на переговоры. Автор акцентирует внимание на описании места переговоров и внешней характеристике немецкого коменданта: «Небольшая комната с разбитыми окнами, обвалившимся во многих местах потолком и исковерканной мебелью являла неприглядный вид»; далее «Лысый череп Зингера тускло поблескивал. Редкие седые волосы торчали лишь около ушей и на затылке. Комендант часто помаргивал ресницами. Под глазами у него набрякли пухлые мешочки... Что-то отталкивающее было в лице, взгляде, жестах гитлеровца» [Там же, с. 9]. Пока Кухарев спокойно, не торопясь излагал предложение советского командования: капитулировать всему немецко-фашистскому гарнизону, сдать оружие и подземные укрепления, лицо коменданта поменялось: «Взломаченные, клочковатые брови Зингера напоззли на глаза. Вцепившись пальцами обеих рук за край стола, он медленно приподнялся. Бесцветные его глаза затуманились еще больше и сделались неподвижными» [Там же, с. 10]. Даже не имея никаких шансов на победу, немцы решились на хитрость. Они согласились на капитуляцию, но оставили Кухарева с переводчиком в заложниках, пытаясь этим изменить ход операции. Однако наши командиры и бойцы не дремали. Майор Кухарев рапортовал: «Немецкий гарнизон капитулировал. Взято в плен около трех тысяч человек, из них более сорока

офицеров и один генерал. Всего в подземелье три этажа. Здесь размещались склад с боеприпасами, оружейная мастерская, электростанция. С нашей стороны убито девять и ранено около тридцати человек» [Там же, с. 17]. На площади раздалось громовое нарастающее «ура». Через несколько дней Берлин капитулировал. За этот подвиг в центре фашистского логова, в Берлине — Григорию Никаноровичу Кухареву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Анализ данного произведения свидетельствует о том, что поэтика жанра заметно изменилась в сторону беллетризации повествования. Это придало очерку возможность психологически глубже художественно осмыслить изображаемое.

По мнению А. Ширяева, сплоченность полка, отряда во многом определяла причину успеха боя: «Ушодовсь пек стака тюрема. Чизэнзэ ветексть-котоксть савкшность ливтнемс врагонь войскатненень бомбамо ды эсенектненень лездамо. Истя лиссь-как. Эрьва раз летчиктненень лездась алкуксонь ояксчись². («Завязалась очень тяжелая борьба. За день приходилось совершать по пять-шесть вылетов бомбить вражеские войска и помогать своим. Так и вышло. Каждый раз летчиков спасала настоящая дружба»). Героизм и вера в победу над врагом — это могущество советского народа и его армии, не спасовавших в страшное время.

Все шире раздвигаются границы наших знаний об эпохе бессмертного народного подвига. С годами все острее затрагивается тема памяти о погибших у будущих поколений. Цикл очерков о героях продолжается и по сей день (очерки «Свал народонь седейсэ» — «Всегда в сердце народа» В. Дергунова, «Аф юкстави шит» — «Незабываемые дни» И. Пиняева, сборник «Верность Родине» И. Калининкина и др.).

В предисловии к сборнику очерков «Верность Родине» И. Калининкина есть слова: «...наши современники, близкие и далекие потомки должны навсегда сохранить память о тех, чья отвага, мужество и героизм спасли человечество от ужасов фашизма»³.

Автор повествует о своих земляках, о бесстрашных защитниках Родины, уроженцах Большеигнатовского района, удостоенных звания Героя Советского Союза — А. В. Асманове («Всегда с нами») и П. М. Куманеве («Герой Днепра»), погибших на полях сражений и не доживших до дня Великой победы. «Асманов прислонился к стенке вырытого недавно окопчика и по-отцовски, будто своих родных детей, оглядел отдыхающих бойцов расчета. Невольно подумал о них, о их фронтовой судьбе. Рядком, по-братски, спали рядовые Степанов, Сорокин, Темчук, Гребнев. Парни с твердым характером, словно и впрямь родились в одной семье, воспитаны одними родителями. За два военных года сержант прошел с ними очень много километров трудных и опасных дорог. На счету батареи девять боевых самолетов противника, сбитых на лету. Трех стервятников сожгли вот эти самые ребята. За это каждый из них награжден медалью солдатской славы. На груди же самого Асманова орден Боевого Красного Знамени. По этому поводу слышал в свой адрес приятные слова похвалы: вот, мол, совсем еще молодой человек, и двадцати лет ему нет, а имеет уже такую высокую правительственную награду. Значит, действительно храбрый солдат» [Калинкин, с. 8]. Духовная цельность, готовность ради спасения Отечества вынести любые физические и моральные испытания — вот что двигало главного героя к победе несмотря ни на что. У украинского селения в осенний день 1943-го г. похоронили бойцов расчета зенитной батареи. Среди них был и молодой эрзянин Александр

Асманов, павший смертью храбрых. Весной 1963 г. сержанту Асманову присвоили звание Героя Советского Союза.

И. Калинин в очерке «Поле жизни» затронул проблему безвыходного положения тыла — на долю мордовских женщин, подростков, стариков и детей выпали поистине героические испытания. «Зима стояла особенно суровая. И больше не от того, что пришли морозы, — к ним привыкали. Суровость ее исходила от страшной бедности и полуголодного существования, от взгляда на худых и болезненных малых детей, которые в такой жизни чудом выживали, подобно мелким кусточкам, по которым то и дело проносились чьи-то тяжелые копыта» [Там же, с. 131]. Несмотря ни на что, труженики тыла не только сами выживали, но и из последних сил помогали бойцам на фронте: отдавали свои сбережения на изготовление оружия, боеприпасов, приобретение продовольствия, одежды для советских воинов. «Последнее ведро картошки надо было ссыпать в проезжающую по селу подводу... Сборщики говорили: «Это для фронта, это для победы». И все верили этому» [Там же].

Драматичен очерк «Солдат из Бреста» А. Соболевского, созданный на основе свидетельств очевидца, прошедшего войну и испытавшего ужасы немецкого концлагеря. Во время войны Василий Павлович Тютин был молод, неопытен, горяч. Желание защищать свою страну, народ и близких было для него естественным и подсказывало ему линию поведения в экстремальной ситуации. «Атаки бойцов захлебывались в лавине огня. Захватив вал, гитлеровцы били прямой наводкой... Упрямо сдвинув брови, Тютин расстреливал врага, экономя патроны»⁴. Упрямство, стойкость характера, четкое следование жизненным ориентирам — вот что спасло Тютина в концлагере. Для него, как и для любого солдата, пребывание в плену само по себе было унижительным и драматичным. Попасть в руки врага — значит автоматически выбыть из битвы, усугубить и без того тяжелую участь оставшихся на фронте и в тылу соотечественников, перестать быть полезным для своей страны. Многие, попавшие в плен, не выжили в тяжелых условиях, многие продолжали бороться, используя малейшие возможности для поддержания духа военнопленных. Главным для героя очерка стало стремление выжить и вновь встать в ряды защитников Родины, отплатить ненавистному врагу за унижения и оскорбления, издевательства и муки, через которые пришлось пройти ему в застенках немецких лагерей. Автор воссоздал условия жизни в концлагерях, стойкость людей, без показного героизма борющихся за собственное человеческое достоинство. Этим А. Соболевский хотел показать, что человек — не просто жертва обстоятельств, а личность, способная, если это необходимо, противостоять всем обстоятельствам и выжить.

В очерке своеобразным является и сюжетное построение. Это не экскурс в прошлое, а показ разных временных пластов, в которых внешне нарушается последовательность событий, что усиливает трагическую насыщенность повествования и в конечном счете позволяет глубже и ярче осветить характер человека, воплотившего в себе типические черты борца. При этом героическое и обыденное, сюжетно объединенное автором, составляют основу типизации всего повествования. Характер Тютина вышел живым, полнокровным. Художественная убедительность образа достигнута отобранной автором системой художественно-изобразительных средств, а также мастерством писателя-очеркиста, который сумел поднять прав-

ду факта до уровня обобщения и воссоздания жизненно правдивого художественного образа.

Уроки правды, исповедуемые очерковой прозой, вызывают определенные раздумья, дают основание сделать вывод, что мордовская литература, рассказывая о подвигах народа на войне, трудностях, ошибках и поражениях, допущенных в ее ходе, позволяет читателю глубже познать прежде всего духовно-моральный потенциал российского народа.

Библиографические ссылки

¹ **Афонин С. Г.** Локоть друга : очерки. Саранск, 1971. С. 3. Далее ссылки в тексте: [Афонин, с.].

² **Ширяев А. К.** Коштонь азорт : очерк // Сятко. 1975. № 1. С. 55.

³ **Калинкин И. А.** Верность Родине : очерки о Героях Великой Отечеств. войны и работниках тыла. Саранск, 2003. С. 5. Далее ссылки в тексте: [Калинкин, с.].

⁴ **Соболевский А. А.** Солнечный ветер : очерки. Саранск, 1956. С. 65.

Поступила 28.06.2010 г.

УДК 821.511.152-311.5

Е. Н. Сапунова

E. N. Sapunova

СМЕХ В ТВОРЧЕСТВЕ М. В. МОТОРКИНА

LAUGHTER IN WORKS BY M. V. MOTORKIN

Ключевые слова: сатира, юмор, образ, смех, язык, индивидуальность, комизм характеров, анализ.

В статье рассматриваются произведения мордовского прозаика М. В. Моторкина, написанные в сатирическом и юмористическом стилях.

Key words: satire, humor, character, laughter, language, individuality, the comicality of characters, analysis.

Works by Mordovian prose writer M. V. Motorkin, written in satiric and humorous styles, are considered in the article.

В жизни мы нередко сталкиваемся с нелепыми, комическими явлениями, нарушающими жизненные закономерности и вызывающими у нас смех. В их строении имеется ряд своеобразных особенностей, позволяющих выделить их в особую группу.

В истории эстетической мысли комизм характеризуется как результат контраста, противоречия: безобразного — прекрасному, ничтожного — возвышенному, нелепого — рассудительному, бесконечной предопределенности — бесконечному произволу,

необходимого — свободному, ничтожного — великому. Смех вызывает радость овладения противоречиями действительности. Комизм в искусстве — средство раскрытия общественных противоречий путем их сопоставления с идеалами прошлого и настоящего¹.

Смех — особая, эмоционально окрашенная и эстетическая форма критики. Особый характер идейно-эмоциональной критики в смехе состоит в первую очередь в том, что она заведомо требует сознательно-активного восприятия со стороны аудитории. Поэтому смех — чрезвычайно доходчивая и острая форма критики.

Смех по своей природе демократичен. Обладая большой критической силой, он является мощным орудием прогресса, искусства, борющегося против предрассудков и заблуждений². Подлинное чувство юмора предполагает высокие эстетические идеалы. Активность восприятия комизма заключается в том, что читатель должен проделать самостоятельную мыслительную работу по противопоставлению эстетического идеала осмеиваемому явлению.

Зачинателями сатирического и юмористического начал в мордовской литературе являются Ф. Завалишин и Ф. Бездольный. Их сатирические произведения были популярны и имели воспитательное значение. Большое влияние на их творчество оказали агитпоэмы В. Маяковского и басни Д. Бедного: поэты брали на вооружение новизну поэтической манеры, остроту, тональность, политичность произведений.

Человек, его естественная природа, состояние и потребности — мера всех ценностей. Именно эта полная физической и духовной силы, ума и чувственности человеческая природа раскрепощается в веселом и озорном, фривольном и грубоватом, дерзком и жизнерадостном смехе М. В. Моторкина. Первые его сатирические и юмористические произведения вошли в сборник «Шквал ветра»³. Характеры героев произведений знакомы читателю с детства. Сатирик рассказывает о грубых и мягких, работающих и ленивых, хитрых и простых жителях деревни, наделяя их интересными именами и фамилиями, соответствующими особенностям характера (Каштанкины и Куяркины, Бибины и Дырботы, Киры и Мари, Сёки и Оки, Васолкины и Колгашкины). Главный герой Моторкина — человек действующий, всесторонне связанный с окружающим миром, имеющий индивидуальные и неповторимые черты. Названия деревень, где живут герои, помогают раскрыть истинное положение и значение жизни персонажей (Кырлай, Нартемка, Покш Карь).

Особое внимание автор уделяет языку героев, способствующему выражению их индивидуального жизненного опыта, культуры, психологии. Писатель должен так обрисовать явление словами, чтобы читатель ощутил его как индивидуальность, конкретный жизненный факт. Так, в рассказе «Кие кинь?» («Кто кого?») сатирик с легкой насмешкой повествует о людях, малообразованных и не интересующихся культурой как своего народа, так и других. Одна семейная пара (Кира и Маря) в речи использует слово «секс». В эрзянском языке это слово имеет одно значение, в русском — другое. Автор не осуждает их, понимая, что все недостатки героев исходят от малограмотности. Его смех над относительно безобидными комическими противоречиями соединяется жалостью к людям, проявляющим эту комичность.

В рассказе «Сёрмадыця» («Пишущий») сатирик дает образ бездарного писателя Самоила Таракина, каждый день приносящего в редакцию «шедевр». Редактор понимает, что перед ним человек, совершенно лишенный таланта. В новом цикле очерков «Вымя поросенка» Таракин рисует настолько неправдоподобные картины, взятые из сельской жизни (быки телятся, поросята с рогами, весом полтонны), что редактор выпроваживает Таракина из своего кабинета. В данном рассказе налицо смех с сатирическим пафосом. Это наиболее сильное и резкое, негодующе-насмешливое отрицание определенных сторон общественной жизни. Таракин по своим интересам, образу мыслей, чувствам и стремлениям пуст и ничтожен, но претендует на значительность своей личности, сам не представляя себя в этой роли. Люди сознают комизм его поведения и смеются над ним.

Склонность Моторкина подмечать комическое в жизни и творчески передавать это в произведениях определяется не только свойствами его таланта и особенностями мировоззрения, но и обращением внимания на несоответствие претензии и реальных возможностей в людях. Наиболее четко это представлено во втором сборнике: озаглавленном по названию горы, находящейся в деревне, где жил и рос автор⁴. Сборник состоит из трех частей: в первой дается одноименная повесть; во второй — сатирические и юмористические рассказы о деревенской жизни; в третьей — три пьесы, посвященные детям. В данном сборнике Моторкин не раскрывает внутренний мир героев (или делает это в слабой степени), но выделяет и усиливает в повествовании комизм внешних деталей изобразительности (портретов, речевой характеристики персонажей, сюжетных сцен). Так, комичен образ батюшки Эмели в рассказе «Топонь ознома» («Моление о твороге»). Автор повествует о том времени, когда в России начался процесс насильственной христианизации: людей заставляли креститься и молиться в любых ситуациях. Так, батюшка Эмеля в одном из домов стал просить Бога дать здоровья корове и теленку; заодно помолился и за творог, который томился в печи. Хозяева угостили батюшку свежим творогом. «Эмеля забыл обо всем на свете. Не спросив имя коровы, начал торопливо есть деревянной ложкой вкусный, свежий творог» [Сюрко Кумбрия, с. 70]. Комизм достигает кульминации в конце повествования, когда батюшка Эмеля, «сам отелился» [Там же, с. 71], т. е. прочистил организм.

Таких, как Эмеля, в сборнике Моторкина немало. Время меняется, но люди остаются жадными, хитрыми, наглыми и т. д. В рассказе «Идем туво» («Дикий кабан») Ванчо собирал в лесу грибы. Их было так много, что класть больше некуда. Тогда Ванчо снял с себя одежду и стал набивать грибами свои штаны и рубашку. Автор с неприязнью относится к жадности и ненасытности своего героя: «Согнувшись ходит посреди деревьев, голый, как будто дикий зверь, собирает-собирает, чихнет от вкусного запаха. Неожиданно услышав голоса, собачий лай, Ванчо бросился собирать оставшиеся грибы» [Там же, с. 84]. Справедливы слова Насты, которая, видя Ванчо голым, сказала: « — Что, не хватает еды дома, из-за грибов так стыдиться?!» [Там же, с. 85].

Из-за своей жадности пострадал и бухгалтер кооператива «Сёлмо» («Крыло») Гордей Укшторов в рассказе «Сэдь» («Мост»). Он не выделил деньги на строительство моста через реку и заплатил тем, что сам упал в холодную воду. Автор с воодушевлением пишет об этом событии, смеясь над героем.

Из приведенных примеров следует, что в основе юмористического образа Моторкина лежит известное искажение, преувеличение тех или иных явлений жизни, для того чтобы отчетливее обнаружился алогизм, т. е. их внутренняя неполноценность. Несоответствие цели и средств, несоответствие возможностей и претензий, несоответствие анализа и выводов — эти неожиданно обнаруживающиеся для нас несоответствия разоблачают данные явления, показывают его несостоятельность, вызывая смех у читателя.

Образы М. Моторкина находятся на грани комизма, так как несоответствие того, о чем они говорят, требованиям жизни настолько значительно, что это не только смешит, но и отталкивает, вызывая отвращение. Автор говорит о наиболее острых противоречиях жизни, которые, как представляется художнику, можно разрешить, вступив с ними в борьбу, причем эта борьба по силам человеку. Жадность как порок можно побороть героям представленных рассказов, если они очень захотят этого, исправиться никогда не поздно.

Есть люди, которые умеют и любят подшучивать над другими. Так, высокая, бойкая Сёка в рассказе «Кельме баня» («Холодная баня») любит поговорить, посплетничать о других, может даже обмануть. Ее соседка Ока прямая противоположность: мала ростом, широка в поясе, ходит не спеша, словно боится наступить на землю и упасть, неболтлива. Сёка часто подшучивала над Окой. Автор повествует об истории, которая произошла между двумя соседками. Однажды Сёка рассказала Оке о том, что в магазине за десяток яиц дают килограмм сахара. Та, не раздумывая, побежала в магазин и, к своему удивлению, обнаружила, что соседка обманула ее. Моторкин подмечает, что люди могут обманываться в истинном значении своих действий, переживаний, стремлений, своей роли в обществе и претендовать на значительность, которой у них на самом деле нет. Это вредит не столько окружающим, сколько им самим. Поэтому такие люди, как Сёка, вызывают насмешливое отношение, но не с негодованием, а с жалостью, грустью об их заблуждениях.

В рассказах Моторкина о современности многое понятно: в деревнях живут Чубайсы, Доллары, Валюты («Педявтозь лем» — «Приклеенное имя»); происходит ежедневный рост цен («Вай, кодат питнейть» — «Ой, какие дорогие»), популярными становятся заграничные поездки («Канартнэнь таркас — Карнай леев» — «Вместо Канаров — на речку Карнай»).

Довольно часто объектом осмеяния являются люди, любящие выпить («Тонавтыця Барбара» — «Обучающая Барбара», «Слабительное», «Муезесь зепеть а пештысы» — «Найденное карман не заполнит»). Семен Арсеньевич Калдоркин в рассказе «Баня бес» («Бес бани») так напился, что заснул в бане. В этот день его жена и соседка мылись в бане. Услышав подозрительные звуки, они испугались и, подумав, что это бес, выплеснули ковш горячей воды в то место, где слышались стоны. Очнувшись от внезапного всплеска воды, Калдоркин выбежал из бани.

Таким образом, смех М. В. Моторкина является отражением комического в жизни. Автор усиливает его, обобщая и показывая во всех индивидуальных особенностях, а также связывая с эстетическими представлениями, которые присущи образности как форме передачи жизни в искусстве.

Библиографические ссылки

¹ См.: Словарь литературоведческих терминов / под. ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. М. : Просвещение, 1974. С. 145 — 146.

² Там же.

³ См.: **Моторкин М. В.** Варма ковол : ёвтнемат. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1997. 126 с.

⁴ См.: **Моторкин М. В.** Сюрко Кумбрия : повесть, пеетькшнема, ёвтнемат, пьесат. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2007. 160 с. Далее ссылки в тексте: [Сюрко Кумбрия, с.].

Поступила 04.05.2010 г.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(=511.152)

А. М. Шаронов

A. M. Sharonov

ОБ ЭРЗЯНСКОМ И МОКШАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

ABOUT THE ERZYAN AND MOKSHIAN FOLKLORE

Ключевые слова: фольклор, эрзя, мокша, мифология, эпос, героический эпос, обрядовая поэзия, сказка, историческая песня, лирическая песня, предание, легенда, пословица, поговорка.

В статье рассматривается эрзянский и мокшанский фольклор Мордовии в его жанровом многообразии.

Key words: folklore, the Erzya, the Moksha, mythology, epos, heroic epos, ritual poetry, fairy tale, historical song, legend, proverb, saying.

The Erzyan and Mokshian folklore of Mordovia in its genre variety is considered in the article.

Эрзяне и мокшане вплоть до первых десятилетий XX в. относились к народностям, не имевшим развитой алфавитной письменности. В силу этого крайне скудная информация о них была запечатлена в различного рода произведениях иноязычных авторов, не всегда дававших достоверные сведения и комментарии к ним, поэтому особое внимание стало уделяться национальному фольклору, этнографическим и археологическим данным.

История отношений между народами есть соперничество в богатстве, силе, красоте и т. д. Главное богатство эрзянского и мокшанского народов — их фольклор, его тематическое и жанрово-видовое разнообразие, художественно-эстетическое совершенство. Фольклор относится к основным источникам сведений о жизни эрзян и мокшан, доставшимся нам в наследство от предков. В устно-поэтических произведениях отражены мысли и быт людей, живших тысячелетия и столетия назад.

Фольклор каждой эпохи содержит в себе старые и новые жанры, благодаря чему образуется многолинейный и разноуровневый поток времени, в котором параллельно существуют события и персонажи: первобытный строй (сказки о животных, загадки, обрядовые произведения); эпоха военной демократии (волшебные-фантастические сказки, предания, легенды); раннеклассовое общество (героические мифы, героический эпос, пословицы); зрелый феодализм (исторические песни, лирические песни, баллады); зарождающийся капитализм (рабочий фольклор, частушки). Одновременное бытование произведений с разными уровнями и формами

сознания делают фольклор уникальным явлением. В нем, не противореча друг другу, сосуществуют мифы о сотворении мира и человека, героические песни об избрании царя Тюштяна и его правлении, исторические песни о девушке Саманьке и Иване Грозном и др. Фольклорный мир вмещает в себя события и персонажи разных времен, позволяя им вести между собой активный диалог и обмен информацией. Таким образом, возникает единое фольклорное время, включающее прошлое и настоящее, отжившее и актуальное.

В понятие «мордовский фольклор» входит фольклор всех территориальных групп эрзянского и мокшанского населения: Мордовии, Чувашии, Татарии, Башкирии, Нижегородской, Ульяновской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Рязанской, Владимирской и Московской областей. Территориально и функционально он разобщен, не является единым художественно-эстетическим образованием и в национально-этническом плане понимается как творчество двух самобытных народов (фольклор мокшан-каратаев, эрзи-шокши, терюшевской эрзи, эрзи и мокши разных областей и республик). Поэтому наряду с понятием «мордовский фольклор» используются термины «эрзянь фольклор» и «мокшень фольклор». В 1928 г. М. Е. Евсевьев издал сборники фольклорных текстов под названиями «Эрзянь морот» («Эрзянские песни»), «Эрзянь ёвкст» («Эрзянские сказки») и «Мокшеть моронза» («Мокшанские песни»); в 1940 г. опубликован сборник «Мокшень фольклор» (сост. Д. Кеняев, Т. Талышкина); с разделением на мокшанскую и эрзянскую части напечатаны тома «Mordwinische Volksdichtung» (1938 — 1981), такой принцип выдерживается в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» (1963 — 1987), антологии «Памятники мордовского народного музыкального искусства» (1981 — 1988) и т. д. Сравнительный анализ показал: в эрзянском фольклоре преобладают мифология, героический эпос, исторические песни; в мокшанском — лирические и балладные песни. Доминирование эпических жанров у эрзян указывает на более богатую общественно-политическую традицию; лирических жанров у мокшан — на приоритетность в их жизни частно-семейных отношений.

Народное творчество составляет основу традиционной национальной культуры, охватывает все сферы духовной, хозяйственной, семейно-бытовой и социальной деятельности человека, включает в себя мифологию, устно-поэтические обрядовые и необрядовые произведения, героический эпос, музыку, танцы, изобразительное искусство, обычаи, традиции. Функции народного творчества подразделяются на духовно-культурные, когда осуществляется удовлетворение художественно-эстетических потребностей людей, и культурно-практические, когда через обряд, обычай, традицию регулируются хозяйственные, семейно-бытовые и социальные отношения в обществе. Фольклор как традиционное коллективное творчество, охватывающее все слои населения, передает молодому поколению опыт и знания предыдущих, предостерегает их от ошибок предшественников, открывает перед ними возможности для более плодотворного развития.

Фольклор всегда был связан с практической жизнью людей. Для возникновения художественно-эстетического начала были необходимы предпосылки отделения умственного труда от физического, зарождение зачатков абстрактного, аллегорического, метафорического, образного мышления, что связано с относительно высоким уровнем развития языка и мышления человека. Как самостоятельный

вид духовно-культурной деятельности фольклор оформился в тот исторический период, когда мысли и душа человека стали занимать относительно равное место с его материальной жизнью. С этого момента сюжеты и персонажи художественных произведений, эстетические образы начали идеализироваться и воплощаться в поэтическом мире фольклора.

Значение устного народного творчества заключается в реалистическом жизнеописании и в художественном разрешении, казалось бы, неразрешимых задач, в идеальном исполнении того, что на практике недостижимо. Фольклор знает способы и средства избавления от болезней, старости, бедности. Данная художественно-компенсационная функция наполняет его огромной жизненной силой, делая его мощным духовно-нравственным средством преодоления семейно-бытовых, общественных проблем и коллизий.

В фольклоре выделяются виды творчества, выполняющие относительно самостоятельные функции: мировоззренческое раскрывает процесс формирования представлений о земле и ее происхождении, роли Бога и человека; обрядовое — регламентации во времени и пространстве многообразия видов человеческой деятельности согласно установленным правилам и требованиям, упорядочения отношений Бога и человека (внесения в человеческую жизнь разума и порядка); эстетическое — познания и восприятия прекрасного; этическое — создания образов добра и зла, чести, совести, долга; словесное — складывания сказок, преданий, легенд; музыкальное — игры на музыкальных инструментах, создания специфических национальных мелодий; песенное — складывания и исполнения песен, частушек, сочетающих слово и мелодию; изобразительное — воспроизведения в вышивке и резьбе традиций национальной жизни; танцевальное — воспроизведения в фигурных движениях национального характера, мироощущения и мировидения.

К фольклору относится мифология как мировоззренческое, интеллектуальное, чувственно-эмоциональное, социально-психологическое, нравственное и обрядово-ритуальное творчество. Она отвечает на вопросы, возникающие перед человеком на уровне эмоций и логического мышления, в которых аккумулируются знания и представления, рожденные и проверенные опытом. Мифология предшествует появлению фольклора, ибо элементы художественности есть в мифах о сотворении мира и человека, в семейно-брачных мифах, имевших тенденцию к превращению в эпические песни. Мифология дала понятия теогонии и космогонии, иерархии богов. Пантеон как совокупность божеств во главе с верховными богами играл значительную роль в понимании истории народа и его духовной культуры.

В период военной демократии и раннего феодализма у мордвы сформировались образы Верховного бога (Чампаз, Нишкепаз, Шкай) и богини земли Масто-равы. С того времени произошло разделение божеств на небесных и земных. Из небесных богов шесть наиболее могущественных и высокочтимых (Анге Пятяй — мать-богиня; Верепаз — второй по значению бог, источник блага, владеет разумом и душами людей; Покшпаз — старший среди шести великих богов; Стакапаз — божество труда и тягот земной жизни; Пурьгинепаз — бог грома и войны, властелин небесных стихий; Веленьпаз — обладатель земли и устроитель человеческих обществ) находились в непосредственном подчинении у Верховного бога.

Земными божествами были: леса — Вирява, поля — Паксява, урожая — Норов-ава, воды, рек и морей — Ведява, ветра — Вармава и др.¹ В этом отношении эрзянский пантеон похож на шумерский, где вслед за Верховным богом по рангу расположено семь богов, «вершащих судьбы», и пятьдесят так называемых великих богов².

Эрзяне и мокшане верили в близкие отношения богов с людьми. В мордовской мифологии, как и в классической мифологии греков и римлян, а также в Библии прослеживаются любовные связи богов с земными женщинами: «Когда люди начали умножаться и родились у них дочери, тогда сыны божи увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал»³. В основном от браков богов с земными женщинами на свет появлялись князья и цари, выполнявшие функции героев. Так, от брака Пурьгинепазы с земной девушкой Литавой родился эпический царь Тюштян.

В эпоху военной демократии и раннеклассовых отношений в эрзянском фольклоре сформировалось мифолого-эпическое представление о «золотом веке», о счастливой жизни людей, когда верховный бог Чампаз заботился о них. Благодаря его покровительству земля не требовала удобрений и давала богатые урожаи, скота было неисчислимо множество, на каждом дереве в лесу были борти с пчелами, люди имели равное имущество и ни в чем не нуждались. В помощь народу Чампаз послал на землю своего сына Нишкепаза, который жил среди людей в образе человека, управлял ими, помогал во всем и учил добру. Люди не знали ни ссор, ни вражды. В ряде эпических песен представление о «золотом веке» трансформировалось в образ обетованной земли, на которой эрзяне не пахут, не сеют — калачи едят, не прядут, не ткуют — ходят в шелках.

«Золотой век» в эрзянском мифе (как и в Библии) закончился после послушания людьми Чампаза. Шайтан искусил доверчивых людей, научил делать пиво и вино, склонил к пьянству, возбудил в них враждебное отношение к Нишкепазу, заставив народ убить сына Бога. Нишкепаз воскрес и вознесся на небо. После этого солнце стало светить в семь раз меньше, зима сделалась в семь раз холоднее, земля оскудела, скот почти весь пал, между людьми начались ссоры. Для наведения порядка Чампаз назначил царей, князей и судей, учредил тюрьмы и казни. «Золотой век» сменился тяжелым и жестоким веком, в чем виноват сам человек, ибо он отказался жить по заповедям Чампаза⁴.

Героический эпос, представляющий собой совокупность мифов, эпических песен и сказаний, повествующих о возникновении мира, человека, эрзянского народа и его государственности на стадии формирования раннеклассовых отношений, состоит из героико-мифологических (мифы о сотворении Верховным богом при участии Идемевся (Черта) земли, неба, солнца, месяца, звезд, человека; о введении основ жизни — законов, обычаев, обрядов, традиций; о создании семьи богами и людьми) и героико-эпических (песни и сказания о создании первым эрзянским царем Тюштяном государственности) сюжетов. Обустроивая землю и общество, главные действующие лица выступали как герои-мироустроители, помощники и наставники человека, из чего следует, что герой — категория прежде всего социальная и духовно-культурная.

Основными персонажами героического эпоса выступали также антипод Верховного бога — Идемевсь; великая птица — Иненармунь, демиург, вестница

Нишкепаза; три рыбы — Белуга, Севрюга и Осётр, несущие на себе землю; земные девушки: Азравка — жена Пурьгинепазы, Литова — жена Ёндола, Васальге — жена Атямшкая, Сыржа — жена Пурьгинепазы; Тюштян — эрзянский царь и др.

Около 20 сюжетов и 67 основных персонажей свидетельствуют о богатстве и разнообразии тематики и содержания героической поэзии эрзян и мокшан, о сложности ее структуры. Нами выделены два стадийных уровня: архаико-мифологический, где излагаются мировоззренческие представления народа, отражается его космическое сознание, и эпико-исторический, воспроизводящий процесс образования эрзянского общества и социальные воззрения, концепцию человеческого мироустройства. Верховный бог творит землю и человека для управления отдельными частями природы и социальной жизнью людей. С усложнением социальных и трудовых отношений люди приходят к выводу о необходимости избрания царя, который бы главенствовал над ними и управлял ими, внося в общественную жизнь закон и порядок. Правитель эрзян — Тюштян (түсонь максыця «придающий оттенок, цвет»). Покровительство Нишкепазы и Пурьгинепазы Тюштяну объясняется двумя причинами: первая — родственные отношения (он приходится Пурьгинепазу сыном, Нишкепазу — внуком); вторая — забота о хорошей жизни эрзян. Тюштян выполняет управленческие функции и не занимается военной деятельностью. При нападении на эрзян он собирает свой народ и уходит с ним на другие земли, не вступая в бой, поэтому героика его деяний социально-культурная. Тюштян — культурный герой, он организует жизнь народа, опираясь на закон и справедливость. В отличие от Вяйнямейнена, Калевипоэга, Лачплесиса, Давида Сасунского и других эпических героев Тюштян не является героем с рождения, он приобретает данные черты после избрания царем. С этого момента из обыкновенного человека он превращается в богоподобного правителя, способного творить чудо. В народном сознании Тюштян воспринимается как реально существовавший царь, что подтверждается упоминаниями названий рек (Рав, Сура, Ока, Мокша, Клязьма) и городов (Копарц, Владимир, Москва, Наровчат), в районе которых в песнях происходит действие, а также его грозного противника — русского царя, часто именуемого Иваном Грозным. В развитии эрзянского героя (Тюштяна) можно выделить три стадии: мифологическую — как божества, эпическую — богочеловека и историческую — государственного деятеля.

Героический эпос — это поэтическая концепция национальной истории, в которой заключены социальная философия, идеология, эстетика, космогония народа, его представления о прошлом, настоящем и будущем, связанные с реализацией этнокультурной миссии, поэтому с точки зрения идейного содержания героический эпос вполне реалистичен. Он сформировался в эпоху господства мифологического мышления, поэтому мифологизации подверглись и события, и действующие лица, и пространство, и время, что выражается в их объективизации. Нишкепаз, покровительствуя царю Тюштяну, вмешивается в исторический процесс, становится соучастником совершаемых им действий. Однако на ход истории он не оказывает влияния, так как лишь помогает в осуществлении того, что должно произойти. До избрания царем Тюштяна он на семь лет отправляет на землю своего сына Веленьпазы, делает его правителем над эрзянами. Когда эрзяне с Тюштяном переселяются за море и на новой земле оказываются без средств

к существованию, Нишкепаз спасает их от голода. Таким образом, мифологизация истории в эпосе не искажает факты, а одухотворяет их, вносит элемент космической разумности.

Время действия в героическом эпосе — «Тюштянь пинге» («Век Тюштяна») — VIII — XIII вв., когда шло становление раннеклассовых отношений. Это время характеризуется как особый идеальный эпический мир, живущий самостоятельной жизнью (аналог — век Владимира Красное Солнышко в русских былинах). Одно из определяющих свойств данного этапа — его неагрессивность, ориентированность на мир и покой, поэтизацию семьи и трудовой деятельности, красоты и добра в человеке, эстетизацию Верховного бога и божества вообще в окружающем мире, прекрасном и благосклонном к людям. Понятие «Тюштянь пинге» и его поэтический образ указывают на развитость национально-государственных представлений у эрзи и мокши, возвышенность связанных с ними умонастроений и переживаний, что было возможно при наличии этнического государства с относительно сильными правовыми, социальными, экономическими и нравственными традициями. Крах счастливого Тюштянского века наступает вследствие пришествия русского царя, который приносит эрзянам и мокшанам неволю, нищету, национальное угнетение, социальную несправедливость. Столкновение двух миров не приводит к покорению эрзян русской силе, эрзяне уходят на необитаемые земли, чтобы сохранить свою национальную независимость.

Сформировавшись как художественная модель героического века, эпос обогатился собственными персонажами и событиями и получил относительно независимое от реальной истории существование. Он завершается сюжетом о кончине Тюштяна. Его уход за море или вознесение на небо означает конец существования эрзянской цивилизации. Однако есть версия, что этого не произошло. Один матрос из с. Козловка Темниковского уезда в 1886 г. рассказывал, что он попадал в «Эрзянское царство», когда служил на флоте. Во время плавания по морю штормом разбило их корабль. Он уцепился за обломок мачты и четыре дня его носило по морю, а на пятый день волнами прибило к берегу. В полубессознательном состоянии ему послышалась родная речь. Люди, жившие у берега, подобрали его, привели в чувство, накормили, напоили. Оказалось, что это были те самые эрзяне, предки которых ушли с Тюштяном за море. Жили они там богато, у них был свой царь. Провожая его, эрзяне взяли с него слово, что дома он не будет рассказывать о том, где был, чтобы русские не узнали о месте их жительства. «Эх, братцы, пойдете-ка за море искать нашего инязора Тюштяна! — восклицает мордва, когда на кого-нибудь из них найдет черный день. — Уж то-то нам будет жить с ним!»⁵.

Богатырство в эрзянском эпосе не сложилось по той причине, что эрзянский феодализм не был экспансивным, ориентированным на завоевание чужих земель, а был самозамкнутым, развивавшимся в пределах собственной страны и собственного народа.

В собирание и исследование героического эпоса основной вклад внесли Х. Паасонен⁶, А. И. Маскаев⁷, А. М. Шаронов⁸, Е. А. Федосеева⁹, Н. Г. Юрченкова¹⁰, А. Г. Эндюковский¹¹.

Большую роль в фольклоре и в жизнедеятельности этноса играла календарно-обрядовая поэзия как совокупность поэтических произведений, сопровождающих в течение года сельскохозяйственные работы и праздники. Календарно-обрядовая

поэзия была тесно связана с обрядом, придавала ему сознательность и целесообразность, наделяла магическим смыслом, выполняла утилитарно-практические, художественно-эстетические и мировоззренческие функции, содержала информацию о явлениях природы и общественной жизни, передавала знания от поколения к поколению, формировала нормы поведения и трудовой деятельности. В основе обрядовой поэзии лежала вера в существование божеств — покровителей природы, на которых можно воздействовать при помощи слова и умиловительной жертвы. Поэтический текст (трудовые песни, тексты молитв, заклинаний, заговоров), сопровождавший многообразие обрядов, подразделялся по художественно-эстетическому уровню в зависимости от общественной значимости проводимого мероприятия.

Календарно-обрядовая поэзия, возникнув в первобытную эпоху, постоянно развивалась и видоизменялась, дополнялась новыми представлениями людей об окружающей природе и человеке, иногда путем заимствований из фольклора соседних народов. В. А. Келтуяла писал: «Мордвины... молятся в день нового года богу Таунсяю — Великому Васяю и просят его, чтобы он дал им поросят черных и белых, каких он сам любит»¹². Таунсяй — мордовский бог свиней, а Великий Васяй — Василий Великий. Мордва перенесла черты своего национального бога на русского святого. В свою очередь русские заимствовали у мордвы имя Таунсяй¹³.

В собирание и исследование обрядовой поэзии основной вклад внесли Х. Пасонен¹⁴, М. Е. Евсевьев¹⁵, К. Т. Самородов¹⁶.

Для легенды характерно наличие чудесного, волшебного, фантастического повествования о событиях и лицах, связанных с мифологическим временем, процессом сотворения мира, божественным промыслом. Истории о деяниях мифологических или исторических персонажей, подлинность которых не подлежит сомнению, носят художественный характер, подчеркивается их необычность, способность оказывать влияние на судьбу окружающих людей, изменять течение событий. В отличие от мифа, где фантастическое — норма, в легенде фантастическое накладывается на реалистическое и поэтому воспринимается как нечто привнесенное извне, из сферы сверхъестественного. Миф интересует онтология явления, легенду — необычное деяние персонажа, случай, в котором присутствует волшебство.

В эрзянском и мокшанском фольклоре оформились три тематические группы легенд: 1) о сотворении мира и взаимоотношениях богов с людьми; 2) о животных, растениях и их свойствах; 3) об этноисторических героях (царь Тюштян, богатырь Гурьян, княгиня Нарчатка). Эти произведения отличаются развитыми сюжетами и развернутой повествовательностью, в них наиболее полно раскрыты художественные особенности легенды как жанра фольклора. Попытка создания литературной легенды принадлежит В. К. Радаеву и М. А. Втулкину¹⁷, написанные ими тексты исходят из фольклорно-мифологических мотивов, в которых повествуется о возникновении рек, сел, а также имен людей, названий деревьев («Качел», «Русяй», «Сурай», «Волга и Каспий» и др.). Своеобразными формами литературной легенды являются поэмы «Сияжар» и «Тюштя» В. К. Радаева, жанр которых можно определить термином «поэма-легенда». В «Мастораве» легендарными по художественной природе считаются сказания «Тюштян и Сарда»,

«Нарчатка», «Арса», «Канява», «Килява», «Кудадей», «Тёкшонь», представляющие собой синтез устно-поэтической и литературной традиций¹⁸.

Фольклор, делающий чувственно-воспринимаемым олицетворенные им мысли, идеи, умозаключения и различные жизненные ситуации, являлся оптимальной формой аккумуляции полезной информации. Благодаря этому она легко закреплялась в памяти людей и трансформировалась во времени. Знания философско-мировоззренческого и назидательного характера нашли поэтическое воплощение в пословице и поговорке. Пословица возникла как общезначимое образное умозаключение, основанное на опыте, обладающее способностью к многозначному употреблению в речи по принципу аналогии.

Пословицы разных народов сходны по форме, назначению, оценке жизненных ситуаций. Различия между ними обусловлены типологическими причинами и отчасти особенностями национального мировидения. Эрзянская пословица контактировала главным образом с русской пословицей и поэтому именно с ней имеет наибольшую общность в содержании и форме. Многие русские пословицы вошли в эрзянский пословичный состав и превратились в органическую часть национального фольклора. Пословица как афористический жанр отражает интеллектуальное развитие народа, но формируется на основе всего многообразия видов его деятельности: хозяйственной, семейно-бытовой, социальной, военной, нравственной, художественно-эстетической. Пословица — категория историческая. В пословичном составе происходит определенное движение: стародавние пословицы выходят из употребления, их место занимают новые, отражающие реалии современности. Однако в целом пословичный состав относительно стабилен. Большая заслуга в собирании, публикации и исследовании эрзянских и мокшанских пословиц принадлежит К. Т. Самородову¹⁹.

Фольклорные сюжеты, персонажи, события олицетворяют образы актуальных идей, проблем, интересов того или иного времени. Сюжет выступает как концепция социально-исторической или нравственно-духовной проблемы, а персонаж — как способ ее реализации. Идеальность фольклорного мира обуславливает его подвижность, динамичность, беспредельные возможности для разрешения самых невероятных задач. Проблемы власти, нищеты и богатства, жизни и смерти, молодости и старости, передвижения в пространстве — все это является предметом познания фольклора, и прежде всего жанра сказки. Специфика данного жанра заключается в сюжете, персонажах и в характере поэтического вымысла. В основном содержание и сюжетный состав мокшанских и эрзянских сказок зависят от внутриэтнических факторов, а также от влияния иноязычного фольклора. Эстетика сказки сводится к преодолению ограниченности человека в семейно-бытовой, социальной и духовно-нравственной сферах; идеальному удовлетворению его интересов и потребностей в вымышленном мире, где добро и справедливость торжествуют над злом, осуществляются невероятные мечты и желания, в полной мере реализуется человеческая сущность. Национальная сказка испытала влияние русской сказки и при этом не потеряла своей самобытности. Изучением теории сказки как жанра фольклора занимался А. И. Маскаев²⁰.

В XVI — XVIII вв. бытовали исторические песни, повествующие о реальных событиях и лицах. Время возникновения и жанровое своеобразие эрзянской исторической песни во многом совпадают с русской. Основные сюжеты этих песен —

о взятии Казани Иваном Грозным в 1552 г., о присоединении нижегородской эрзи к Московской Руси, о татаро-ногайском полоне, о восстании Е. Пугачева, о крещении эрзян и мокшан в XVII — XVIII вв., о царе Павле I и об Отечественной войне 1812 г. Наибольшее развитие среди указанных циклов получили песни о полоне, ибо татаро-ногайские набеги, продолжавшиеся более двух веков, были трагедией для мордовского и русского народов. В исторической песне соотношение реализма и историзма относительно симметрично, поэтому ее можно назвать жанром реалистического историзма, в котором подлинные события и лица не теряют соответствия своему времени, несмотря на то что преподносятся сквозь призму поэтического вымысла. Реалистичность исторической песни способствует появлению в ней лирических мотивов, оценки происходящего с точки зрения того, как оно отражается на личной судьбе персонажа. Объективный мир субъективизируется, становится объектом не только социально-исторического, но и духовно-нравственного переживания. Такая особенность поэтики исторической песни наметилась с появлением конкретной личности в жизни общества.

Вслед за исторической песней оформились жанрообразующие признаки лирической песни, изображающей субъективные переживания личности. В фольклорной лирике мысли, чувства и переживания в коллективном бытовании сохраняют свою субъективность, ибо восприятие песни всегда индивидуально. Лирическая песня отличается от других жанров фольклора достоверностью в раскрытии чувств и мыслей конкретного человека. Л. С. Кавтаськин указал на отсутствие художественно-эстетических критериев разграничения мордовских лирических песен, что затрудняет их жанрово-видовую, тематическую и хронологическую классификацию. Во многих песнях, отнесенных ученым к данному жанру, лирическое мировидение выражено слабо, в них воспроизводятся картины природы или семейного быта во внешнем их восприятии, без преломления через внутренний мир субъекта²¹. В фольклоре Мордовии лирическая песня до конца не преодолела лиро-эпическую традицию. Мокшане и эрзяне выражали любовные чувства в основном с помощью русской песни.

Начиная с 30-х гг. XX в. устное народное творчество взаимодействует с письменной художественной литературой. На основе творческого использования фольклорных сюжетов и образов были созданы известные произведения национальной литературы «Эрьмезь» Я. Я. Кулдуркаева, «Сияжар» и «Тюштя» В. К. Радаева, «Масторава» А. М. Шаронова. Фольклорные мотивы есть в произведениях А. Моро, П. С. Кириллова, М. А. Бебана, И. М. Девина, К. Г. Абрамова, М. Н. Втулкина, Ф. С. Атянина и др. Народно-поэтическая традиция прослеживается в работах скульпторов и художников Мордовии: «Портрет матери», «Эрзянка», «Старик мордвин» С. Д. Эрзи, «Моление о лошадях» В. А. Попкова, «Инешкипаз», «Анге-Патяй», «Масторава», «Ведява», «Норовава», «Вармава», «Комлява», «Велява», «Веленьпаз» Н. С. Макушкина и др. Образы из мифологии активно используют мастера художественной резьбы по дереву из с. Подлесная Тавла Кочкуровского района Н. И. Мاستин, Н. В. Рябов, П. В. Рябов.

В конце XX — начале XXI в. традиционные формы бытования устного поэтического творчества стали заменяться книжными, что означает коренное изменение природы фольклора, его общественной роли и художественно-эстетических функций.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001. С. 40 — 47.
- ² См.: **Крамер С. Н.** История начинается в Шумере. М., 1991. С. 5.
- ³ Библия : Книги Свящ. писания Ветхого и Нового завета. М., 1976. С. 5.
- ⁴ См.: **Мельников П. И.** Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 55 — 57.
- ⁵ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 : Легенды, предания, былички / сост., пер., предисл., коммент., указ. Л. В. Седовой. Саранск, 1983. С. 199 — 200.
- ⁶ См.: *Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von. H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1. 509 p. ; 1941. Bd. 3. 343 p. ; 1947. Bd. 4. 898 p.*
- ⁷ См.: **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. 440 с.
- ⁸ См.: **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос.
- ⁹ См.: **Федосеева Е. А.** Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. Саранск, 2007. 212 с.
- ¹⁰ См.: **Юрченкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009. 412 с.
- ¹¹ См.: **Эндюковский А. Г.** Сюжет Тристана и Исольты в мордовском фольклоре // Тристан и Исольты : От героини любви феодал. Европы до богини матриархал. Афреварзии. Л., 1932. 286 с.
- ¹² **Келтуяла В. А.** Курс истории русской литературы : в 2 кн. СПб., 1911. Кн. 1. С. 378.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: *Mordwinische Volksdichtung. Bd. 1, 3, 4.*
- ¹⁵ См.: **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5. 552 с.
- ¹⁶ См.: **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980. 168 с.
- ¹⁷ См.: Эрзянь легендат, преданият ды ёвтамот. Саранск. 1977. 184 с.
- ¹⁸ См.: **Шаронов А. М.** Масторава. Саранск, 2010. 264 с.
- ¹⁹ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4 : Пословицы, присловья и поговорки / сост., подгот. текстов, предисл., пер. с мордов. яз. К. Т. Самородова. Саранск, 1967. 376 с.
- ²⁰ См. : **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947. 186 с.
- ²¹ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2 : Лирические песни / сост., подгот. текстов, предисл., пер. с мордов. яз. Л. С. Кавтаськина. Саранск, 1995. 372 с.

Поступила 05.07.2010 г.

УДК 398.221

А. М. Шаронов, В. Н. Пашуткина
A. M. Sharonov, V. N. Pashutkina

ВЕРХОВНЫЙ БОГ ЭРЗИ И МОКШИ В ОПИСАНИИ У. ХАРВЫ

THE SUPREME GOD OF THE ERZYA AND THE MOKSHA IN THE DESCRIPTION BY U. HARVA

Ключевые слова: бог, Нишкепаз, Шкай, пантеон, обряд, обычай.

В статье рассматриваются этимология и развитие образа Верховного бога эрзи и мокши в описании У. Харвы.

Key words: god, Ineshkipaz, Shkay, pantheon, rite, custom.

The supreme gods of the Erzya and the Moksha in the description by U. Harva, represented as the highest essences ruling over the world, are considered in the article.

Научное наследие У. Харвы, касающееся эрзянской и мокшанской мифологии и религии, представляет интерес в силу его недостаточной изученности и большого значения использованных исследователем источников. В связи с этим заслуживают особого внимания сведения о пантеоне эрзян и мокшан в интерпретации У. Харвы¹. Верховные боги представлены им не только как высшие сущности, творцы и властители мира, но и как антропоморфные существа, имеющие активные и многообразные контакты с людьми. Следуя сложившейся традиции, У. Харва считал мордву единым народом, но в пантеоне выделил эрзянские и мокшанские божества.

Мокшанский Верховный бог Шкай, или Шкабаваз, Шкайбаз, Шкабаз («создатель», «творец»; второй компонент **паз** образован от слов **pavas, pas** «бог» иранского происхождения)² впервые был упомянут в мордовском словнике к книге «Северная и Восточная Тартария» (1692) голландского ученого Н. Витсена³. Верховный бог эрзян — Нишке (Нишки), Нишкепаз (Инешкипаз). У. Харва считал, что «Нишке» — это краткая форма имени Инешке (Инешки), тем самым опровергая ошибочное отождествление слова **Нишке** «творец» и мордовского слова **нешке** «пчелиный улей». В ранних источниках о религии мордвы, в том числе во введении к «Словарю языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих...» (1785) епископа Дамаскина есть упоминание о боге Инешкипазе с обращенной к нему молитвой. Там же разъясняется, что мордва-христиане Нижегородской губернии так называли Бога Отца, Бога Сына (паз) и Богиню Мать (пазонь ава). В кратком катехизисе (1788) и библейском предании (1790), хранящихся в Публичной библиотеке г. Санкт-Петербурга, под Инешке явно подразумевался Христос. В одном из них наряду с полной формой «Инешкипаз» употребляется краткая форма «Нишкепаз», которая бытовала среди эрзян⁴. По мнению П. Мельникова, на взаимосвязь с христианством указывало и то, что Нишкепаз, как и Христос, был убит людьми и вознесен на небо⁵. Однако эта точка зрения не учитывает того обстоятельства, что боги бессмертны, их убийство или смерть — лишь поэтическая метафора, а вознесение на небо — явление, обусловленное их божественной природой. Кроме того, отождествляя Инешкипаза с Христом, У. Харва упускал из виду, что эрзян-

ский Верховный бог в фольклорных текстах изображается национальным божеством, а Христос воспринимается как бог всех христиан.

Опираясь на мнение Х. Паасонена, У. Харва писал о том, что эрзянское **Инешке** является сложносоставным словом, состоящим из двух компонентов: **ине** «великий» и **шки** «творец»; в мокшанском языке — **оцю** «большой» и **шкай** «творец»⁶. Верховного бога мокшане называли также Вердяшкаем, а эрзяне — Верепазом, что означает «находящийся на небе (наверху)». Последний тезис ученого верен лишь отчасти, так как название «Верепаз» употребляется как имя собственное.

В мокшанских преданиях о возникновении земли, по мнению У. Харвы, Верховный бог Шкай выступал как олицетворенный создатель, но эти предания уже не отражали первоначальные представления, как и идея творения мира, которая, как полагал Х. Паасонен, совершенно чужда мордве⁷. Глагол **шкамс**, названия от которого (мокшанское — **Шкай** и эрзянское — **Шки**) сохранились только в устно-поэтическом творчестве, означал первоначально «производство», «создание». Х. Паасонен полагал, что слово **шкай** в этом смысле обозначало только приписываемые небу свойства⁸. Подтверждение этому есть в устно-поэтическом творчестве: *шкай мазэмсь «небо стало красным»*. К. Милькович утверждал, что мокшане словом **шкай** обозначали само небо⁹. Об этом говорил и П. Паллас¹⁰.

У. Харва привел сведения о супруге Верховного бога: у мокшан — Шкайпазава, у эрзян — Нишкеава, или Шкиава¹¹. В одной из мокшанских песен поется: «Колет Шкайпазава сосновые лучины на небе». В эрзянских заговорных молитвах Нишкеава, как и персонажи финских народных песен, описывается обычно многогрудой: «Большая, большая межа, на большой-большой меже мшистый холм, а на том холме сидит жена Нишке-паза, Вере-паза, у ней 77 грудей, она изгонит 77 болезней из Ивана»¹². Х. Паасонен подверг сомнению наличие мифологического образа Нишкеавы и предположил, что «то за мужское, то за женское начало принимается одно и то же „творящее небо“»¹³.

Кроме того, в различных образцах устно-поэтического творчества говорится о детях верховных богов. В одной из мокшанских песен поется о дочери Шкайпазавы, которая, сидя на пуховой подушке, держала на коленях белоснежное рукоделие. В устно-поэтическом творчестве эрзян дочерьми Нишкепаза отводилось значительное место¹⁴. По словам К. Мильковича, эрзяне в различные времена года приносили жертвы как самому Нишкепазу и его супруге Нишкеаве, так и их дочерям с просьбой о долгой и счастливой жизни¹⁵. В одних случаях упоминались три дочери Нишке, целительницы болезней (старшая в белом одеянии, средняя — в голубом, младшая — в зеленом); в других две — Кастарго и Везорго¹⁶. Имя Кастарго как целительницы часто встречалось в заговорах, например: «Я лечу больной глаз от катаракты, я лечу от черной катаракты. Кастарго, старшая дочь Нишкепаза, великого бога! У ее ворот стоит снежный ком больше земли, выше неба. За час, за минуту разбивает ее Кастарго. Перед лестницей стоит серебряный столб больше земли, выше неба. За час, за минуту она убирает его. В середине двора ее растет кривая ольха, а под ней родник, словно золото бьет он, словно серебро течет, он смоет катаракту с глаз Ивана и высушит ее полотенцем из белого шелка. Старшая дочь Нишкепаза ушла странствовать и в конце света нашла белую березу, на первой ветке той березы сидит белый лунь. Она изгонит катаракту, она уничтожит ее своим правым

крылом, высушит своими золотыми перьями, она раздерет ее своими когтями, она раздробит и уничтожит ее своим дыханием»¹⁷.

У. Харва проанализировал миф о свадьбе второй дочери Нишкепаза Везорго с земным парнем Левонтеем. Один несчастный юноша никак не мог найти себе жену и, попросив благословения родителей, пошел нищенствовать, при этом упрекнув Нишкепаза в своей доле. Вот однажды перед юношей появилась красивая девушка, которая представилась младшей дочерью Нишкепаза и рассказала, что ее послал несчастному в жены отец. Нишкепаз благословил их, и зажили они счастливо, родили семь сыновей, взяли семь снох¹⁸.

В эрзянских песнях говорится и о сыне Нишкепаза. В песне, записанной в Самарской губернии, рассказывается о том, как один богач хвалится своими детьми и пренебрегает Богом:

Потому не молюсь я Нишке пазу,
Потому не молюсь я Вере пазу.
У Нишке паза всего один сын,
У Верепаза всего одна сноха,
Всего одна колыбелька,
Да и в той девочка лежит¹⁹.

У. Харва рассмотрел также песню о девушке Насилке, записанную от мокшан Пензенской губернии. У старых супругов не было детей. Но вот случилось чудо. Три года носила она дитя, три недели его рожала. Девочка плакала день и ночь. Мать с молитвой обратилась к Богу: «Ах, Шкабаваз, кормилец, кто успокоит моего ребенка, тому отдам я ее в невестки». Пришли двое нищих, один покачал ребенка — ребенок перестал плакать, другой покачал — ребенок уснул. Девочка выросла. Как-то сидела она у окна, шила, в это время под окном прошел седой старец и сказал: «Шей, мое дятко, моя сношенька! Сегодня праздник, я не возьму тебя, а возьму завтра». Девушка заплакала и рассказала обо всем матери. Мать успокоила Насилку и обещала не отдавать ее нищему. На следующий день пришли подруги и пригласили ее на улицу. Как только девушка подошла к дверям, поднялся тихий ветер и унес ее на небо. Верховный бог взял ее к себе в снохи²⁰.

В другой мокшанской песне, описываемой У. Харвой, мать прокликает свою непослушную дочь. Девушка с подругами пошла на Троицу к реке, чтобы по старому обычаю пустить в воду венки. Ее венок поплыл против течения. Через некоторое время поднялся сильный ветер и унес красавицу на небо, прямо под окна Шкая. Бог взял ее в снохи²¹.

У. Харва приводит сведения о жилище Верховного бога. В волшебных формулах, молитвах указываются лестницы, которые ведут вверх на небо и обратно: «Нишке паз, Шки паз, наверху живущий Нишке паз, внизу живущая Масторава, защитите меня!»; «Нишке паз, Шки паз, Вере паз, Великий бог! Твое жилище за облаками». В одних источниках его жилище находится между двумя небесами, в других оно недосыгаемо для властительницы над ветрами (Вармазей), так как расположено за семью небесами, огорожено железным забором, никто не может заглянуть туда. Там живет и супруга Верховного бога — Нишкеава, Пазова, там же живут «его собственные писцы, исполняющие его волю»²². У. Харва привел точку зрения епископа Макария о месте жительства мордовского бога: «Они [мор-

два] утверждают, что Оцю Шкай живет на небе и правит только небом. Материальным же миром правят другие, более низшие боги»²³.

П. Мельников писал, что мордва нигде не проводила жертвоприношение в честь своего Верховного бога, но исключительно на всех праздниках самым первым вспоминала его имя, даже когда обращалась к другим богам²⁴. Однако неизвестно, верила ли мордва в то, что их Шкай, Нишкепаз нуждается в еде, одежде и т. д., как другие боги, которые, подобно людям, едят, пьют и одеваются. Согласно источникам, Верховный бог не пренебрегал едой, во всяком случае жертвенными кушаньями. Примером тому может служить, в частности, описание домашнего праздника, устраиваемого в пасхальную пятницу. Самый пожилой из семьи на пороге молился Верховному богу Шкабавазу, чтобы тот послал им обильный урожай и скот. Затем на порог выливали несколько кружек браги, а на дымоход ставили хлеб, мясо, говоря при этом: «Шкабаваз, пусть наши подаяния вместе с брагой поднимутся к тебе!»²⁵. Не исключено, что это жертвоприношение первоначально было связано непосредственно с обрядом поминовения умерших. В других случаях, принося в жертву животное, мордва обращалась ко всем богам сразу. Например, эрзяне Симбирской губернии молились: «Паз, дай дождя!», не обращаясь ни к одному из богов конкретно. Жертвы приносили Нишкеаве и ее дочери Кастарго. В честь Нишкеавы в с. Степная Шентала Ставропольского уезда Самарской губернии на Пасху варили кашу, а в честь ее дочери Кастарго в пасхальную субботу пекли сдобные пироги с медом²⁶.

В 1840 г. Т. Леонтьев рассказывал священнослужителю Якову, что мордва молилась своему Верховному богу не только в большие праздники, но и ежедневно перед обедом и собираясь в дорогу: «Бог, великий бог, Нишкепаз, кормилец! Храни нас в дороге, храни нас, когда мы бодрствуем и когда спим, в часы бодрствования днем и в часы сна ночью. Бог утра и вечера, храни нас при солнечном свете и при лунном свете от недоброго человека и разбойника, и от непредвиденного случая, и от тяжелого несчастья, и чтобы мы здоровыми возвратились домой!»; «Верепаз, великий бог, кормилец, будь нам помощником во всех делах, сохрани нас от превратностей судьбы и несчастий, от непредвиденных случаев и тяжелых несчастий, от злого взгляда, от дурного человека, от разбойника и злоумышленника, протяни над нами свои руки, защити нас, окружи как забором!»²⁷.

С просьбой о защите к Верховному богу обращался в молитве дружка (уредев) на свадьбе: «Помоги, Нишке паз, защити, Вере паз! Ты все знаешь, ты все видишь, смотри своими глазами, слушай своими ушами, о чем я попрошу, то дай, чего я опасюсь, от того защити! Для себя самого я не прошу ничего, я, уредев, призванный выполнить почетное поручение, я тот, кто идет перед юной женщиной, я тот, кто за нее говорит. Посмотри, господи, перед тобой жених и невеста, они как нежные цветы, как новорожденные дети, они не могут выдержать завистливого взгляда, они беззащитны перед колдуном, они честные люди, которые почитают Нишке пазу. Защити их, Нишке паз, от колдуна, окружи железным забором, заключи их в железное кольцо, дай им счастья, пусть родятся у них дети»²⁸. Следует отметить, что «железный забор» как защита человека от недобрых начал часто встречается в русских и финских заговорах.

Мордва просила Верховного бога и о содействии в различных делах, например: «Нишке паз, Шки паз, Великий бог, Седьмой бог, кормилец, на седьмом месте ты

сидишь, ты повелитель шести богов. Мы принесли тебе жертву, мы пришли пред твои очи, мы склонились пред тобой, прими нашу жертву, увидь наши поклоны, пусть растет наш хлеб, множится добро, дай нам здоровья и долгой жизни, защити нас от колдунов, завистников, защити наш хлеб от порывистого ветра и мороза»²⁹. У. Харва привел молитву из предисловия к словарю Дамаскина с просьбой к Верховному богу о ниспослании всевозможных благ: «Инешкепаз, пусть родится мой хлеб, пусть наполняются до краев мои сусеки! Ниспошли мне и хлеба, и меда, есть и пить, здоровья и достойную жизнь! Инешкепаз, наполни мою конюшню лошадьми, овцами и козами! Инешкепаз, благослови мой дом, чтобы я мог позвать гостей, накрыть стол и угостить их!»³⁰.

Считалось, что Верховный бог являлся также повелителем над ветром и погодой. Вот как об этом говорится в эрзянской песне: «Вначале они помолились Нишке пазу, / На коленях просили они его милости, / Затем стали они молиться мне. / Нишке пазу так молились они: / Дай нам, Нишке паз, вечером тихого ветра, / Ниспошли нам, Вере паз, тихий дождик, / Дай землепашцам здоровья, / Дай силы тем, кто водит плуг!»³¹; в мокшанской молитве, записанной в Инсарском уезде Пензенской губернии: «Кормилец — (тряка) Шкабаваз, кормилец, Вердя Шкабаваз, кормилец, восходящий и заходящий Шибаваз, кормилец, дай нам дождик и тихую погоду, дай нам тихий ветерок!»³².

У мордвы во многих регионах бытовал обычай на время обрядов жертвоприношения выбирать человека, исполняющего функции Верховного бога. В частности, один из таких дней жертвоприношения (Велень озкс), устраиваемого ранней весной, описал П. Учаев, корреспондент Х. Паасонена в с. Дубровка Петровского уезда Пензенской губернии. До начала полевых работ, как только было готово так называемое Нишкенъ пуре «напиток Нишке» (готовили его только пожилые овдовевшие женщины, хранили до праздника в трех сосудах по трем углам), собирались вместе старые люди и выбирали из числа присутствующих «Нишке». Он взбирался на крышу дома, а остальные начинали просить его спуститься: «Посмотри, я даю тебе сосуд Нишке. Дай живым здоровья, дай им обильный урожай, дай им плодящийся скот! Пусть жизнь живущих будет радостной, как веселый солнечный день, в золоте и в серебре, дай доброго здоровья!» На что «Нишке» отвечал: «Я дам вам это!». Затем старик вешал на один из углов сосуда, которые долгое время еще хранились там, и спускался вниз. Каждый год данный обряд повторялся и по возможности функции Бога исполнял один и тот же человек³³. Подобный обычай бытовал в с. Оркино Саратовского уезда³⁴, в д. Кармалка Бугульминского уезда³⁵ Саратовской губернии, а также в Тамбовской губернии³⁶ и др.

Исполняющего функции Верховного бога выбирали и в других случаях. В Бугульминском уезде, например, после строительства дома одного из стариков одевали во все новое. Нарядный он ходил под окнами нового дома до тех пор, пока хозяин не замечал его и не приглашал в дом, где его уже ждал накрытый стол: «Шкай-паз, Нишкепаз, заходи, мы построили новый дом, дай нам плодящийся скот» и т. д. Старец отвечал: «Я дам вам то, о чем вы просите, я дам это!»³⁷. В Саратовской губернии бытовал обычай выбирать исполняющего функции Нишке на Пасху, в родительский день. В ночь перед Пасхой «Нишке» проходил под окнами домов, стучал в них со следующими пожеланиями: «Он желает вам жить. Растить урожай и скот, быть здоровыми...»³⁸.

Предполагается, что обычай выбирать исполняющего функции Верховного бога в различных обрядах мордвы возник под влиянием поминального обряда. По поверьям, замещающие богов выполняли свои обязанности в то время, когда выходили на свет призраки покойных. Например, в с. Оркино проходившему ночью под окнами «Нишке» кто-то протянул в окно брюки и рубашку с просьбой передать их на том свете сыну. «Нишке» принял подаяние и обещал передать³⁹.

Итак, верховные боги эрзян и мокшан, описанные У. Харвой, выступают как высшие сущности, повелевающие и управляющие миром. В то же время они представлялись антропоморфными существами, имевшими жену и детей, ведущими образ жизни, сходный с человеческим. Будучи человекоподобными, они контактировали с людьми в сфере их хозяйственной деятельности, как правило, оказывая им помощь, а также в социальной, чаще всего в сфере брачных связей.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Harva U.** Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. 456 s.
² Ibid. S. 143.
³ Ibid.
⁴ Ibid. S. 144.
⁵ См.: **Мельников П. И.** Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 55 — 56.
⁶ См.: **Harva U.** Op. cit. S. 144.
⁷ Ibid. S. 145.
⁸ Ibid.
⁹ См.: **Милюкович К.** Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18. С. 825.
¹⁰ См.: **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1. С. 70.
¹¹ См.: **Harva U.** Op. cit. S. 146.
¹² Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki ; Turku, 1941. Bd. 3. S. 129.
¹³ Цит. по: **Harva U.** Op. cit. S. 146.
¹⁴ Ibid.
¹⁵ См.: **Милюкович К.** Указ. соч. С. 826, 831.
¹⁶ См.: **Harva U.** Op. cit. S. 147.
¹⁷ Mordwinische Volksdichtung. Bd. 3. S. 105.
¹⁸ См.: Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von. I. Zorin ; durchges. u. transkr. von H. Paasonen ; übers. von K. Heikkilä u. P. Ravila ; hrsg. von M. Kahla. Helsinki, 1977. Bd. 5. S. 86 — 98.
¹⁹ Mordwinische Volksdichtung. Bd. 3. S. 46.
²⁰ См.: Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki ; Turku, 1947. Bd. 4. S. 5 — 14.
²¹ См.: **Harva U.** Op. cit. S. 149.
²² Ibid. S. 150 — 151.
²³ Ibid. S. 151.
²⁴ См.: **Мельников П. И.** Указ. соч. С. 219, 397.
²⁵ **Harva U.** Op. cit. S. 152.
²⁶ Ibid.
²⁷ Ibid. S. 153.
²⁸ Ibid.
²⁹ Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von. I. Zorin ; durchges. u. transkr. von H. Paasonen ; übers. von K. Heikkilä u. P. Ravila ; hrsg. von M. Kahla. Helsinki, 1977. Bd. 6. S. 16.

³⁰ Цит. по: **Harva U.** Op. cit. S. 154.

³¹ Ibid. S. 154 — 155.

³² Ibid. S. 155.

³³ Ibid.

³⁴ См.: **Шахматов А. А.** Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 57.

³⁵ См.: Mordwinische Volksdichtung. Bd. 3. S. 29.

³⁶ См.: **Дубасов И. И.** Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1890. Вып. 1. С. 124.

³⁷ Mordwinische Volksdichtung. Bd. 3. S. 29.

³⁸ **Harva U.** Op. cit. S. 157.

³⁹ См.: **Шахматов А. А.** Указ. соч. С. 59.

Поступила 27.09.2010 г.

УДК 398.224

Ю. Н. Уханова

Yu. N. Ukhanova

ЭРЗЯНСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ О ЛИТОВЕ (СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ)

ERZYAN FOLKLORE PLOTS ABOUT LITOVA (HOME AND FAMILY RELATIONS)

Ключевые слова: брачный союз, иерархические отношения, матриархат, мифологический сюжет, обряд похищения, патриархальный уклад, сватовство, эпическая песня, эрзянский фольклор.

В статье рассматриваются эрзянские фольклорные сюжеты о женитьбе богов на земных девушках (на примере песен-мифов о Литове), раскрывающие семейно-бытовые отношения между ними.

Key words: conjugal unit, hierarchical relations, matriarchy, mythological plot, the rite of abduction, patriarchal way of life, asking in marriage, epic song, the Erzyan folklore.

Erzyan folklore plots about the marriage of gods to earthy girls (based on the example of the myth-songs about Litova), revealing home and family relations between them, are considered in the article.

Формирование божеством небесной семьи — часто встречаемый сюжет в эрзянских фольклорных произведениях. В этом плане показательными являются песни-мифы о Литове¹, которая, выделяясь определенными качествами среди других земных девушек, привлекала внимание богов. Основной акцент этих сюжетов — личные переживания полюбившейся богам девушки, которой по той или иной причине (в зависимости от интерпретации сюжета народом-сказителем) не суждено устроить семейную жизнь на земле, так как ее судьба — продолжить род богов.

В песне «Литова — невеста сына Пурьгинепазы» хваленая на весь уезд девушка привлекала внимание множества завидных женихов. Каждый из них был рад взять ее в жены, но сердце красавицы оставалось неприступным. Не желала она прощаться со своей беспечной девичьей жизнью и просила батюшку отказать всем женихам:

Илямак чия сюпавне, Илямак чия, тетякай, Илямак лады эрьмевне: Сюпаунь ламо робота, Эрьмевень ламо забота. Монь мазыть, мазыть монь палян, Седеяк мазыть монь руцянь, — Вай, валскень росас гадявить, Вай, валскень росас сынь олыть.	(Не просватай меня богатому, Не просватай меня, батюшка, Не отдай меня зажиточному: У богатого много работы, У зажиточного много забот. У меня красивые, очень красивые платья, Еще красивей у меня рубашки, — Ой, в утренней росе они испачкаются, Ой, от утренней росы они поблекнут.)
---	--

[Литова I, р. 283]

Услышав эти слова, отец рассердился на Литову и запретил ей выходить из дома. В наказание за послушание девушка должна была сидеть в одиночестве в верхнем амбаре. Причина нежелания Литовы выходить замуж в зажиточную семью раскрыта частично, поэтому, по мнению А. И. Маскаева, «эпизод нежелания дочери выйти замуж в богатый дом явно поздний и в песне чужеродный»².

В песне «Литова — жена Ёндола» у девушки не спрашивают мнения по поводу замужества, что было довольно частым явлением в мордовской патриархальной семье: «Согласия молодежи на брак не спрашивалось, в первую очередь учитывалось мнение старших членов семьи, рода»³. В данном случае и в небесной семье сноху в дом выбирал отец жениха, а о желаниях будущего мужа в тексте не упоминается. В варианте песни [Литова IV] о внешности и достоинствах девушки ничего не говорится. Подобное явление — редкий факт для произведений такого рода, ибо девушка является избранницей божества. Рассерженные родители прокляли Литову и были готовы выдать нелюбимую дочь за первого встречного.

Причина нелюбви родителей к своей дочери в песнях также не раскрыта. Возникает вопрос — за что проклята единственная дочь? Если в песне «Литова — невеста сына Пурьгинепазы» девушка представлена строптивой, не желающей вступать во взрослую супружескую жизнь и тем самым идущей против воли отца, то в остальных трех вариантах — робкой и покорной. Возможно, последние являются сокращенными вариантами песни, где повествуется о строптивой девушке. Интересен также факт, что проклятая родителями Литова живет в роскоши и достатке:

Косо, косо тиряты, Косо, косо вануты? — Вере утомсо, Вере утомонь нупальсэ, Нупаль красна вальмало. Вальмань сэрсьэ тёшакзо, Лавсянь сэрсьэ тодовзо. <...>	(Где, где она живет-растет, Где, где ее растят-лелеют? — В верхнем амбаре, В светлице верхнего амбара, У красного окошка светлицы. С окно высотой ее перина, До полатей вышиной ее подушка. <...>
--	---

Колмо парнеть одюжазо.	Три кадушки у нее одежды:
Ве парьсэнэ ашонзо,	В одной кадушке — белого цвета,
Омбоцеснэ тужанзо,	В другой кадушке — желтого цвета,
Колмоцеснэ тужанзо,	В третьей кадушке ее рубашки.)
Колмоцеснэ палянзо.	

[Литова III, с. 172 — 174]

Чем объяснить это противоречие? Вероятно, мотив нелюбви родителей к Литове неслучаен. Таким образом народ-сказитель преподносит образ девушки, вызывающей сочувствие у слушателя. Описание достатка девушки свидетельствует о том, что даже нелюбимая дочь должна иметь хорошее приданое как показатель зажиточной семьи.

Образ Литовы, живущей в чужой небесной семье, где она находится на правах невольницы, отождествлен с трагической судьбой эрзянских девушек в замужестве. Трагический момент в образе Литовы усиливается тем, что от природы она красива, трудолюбива, умна, ее любят и уважают подруги. Этот момент — «подчеркивание достоинств Литовы — чисто художественный прием, и он еще раз показывает, каковы пути трансформации мифологических сюжетов в поэтические произведения»⁴.

Есть несколько вариантов того, как Литова попадает на небо. В одном из них родители выдают дочь замуж в чужую страну за неизвестного жениха:

— Митядызь, Литова, митядызь.	(— Продадим тебя, Литова, продадим.
Сыре ногайнень макстадызь.	За старого ногайца выдадим.
Нарань прянень митядызь.	Бритоголовому продадим.
Сыре ломань цёранень митядызь.	Старому мужику продадим.)

[Литова IV, с. 49]

После сватовства вихрь подхватывает девушку и уносит на небо. Пророченная родителями несчастная судьба оборачивается для Литовы счастливым браком с сыном Бога.

В другом варианте Литова знает, что она любима Верепазом. Становится очевидным, что судьба девушки предрешена, и эрзянская красавица с нетерпением ждет момента ее свершения. Однажды в ясный день она выходит с подругами погулять.

Тамань налксеме	(В разгар игры
Кепететьс благой буря,	Поднялась страшная буря,
Сыргась благой пель,	Приплыла грозная туча,
Сергедсь благой пурьгине,	Прогремел сердитый гром,
Вергедсь благой ёндоп...	Сверкнула злая молния...)

[Литова III, с. 178]

После сильного дождя вновь становится солнечно, но среди девушек уже нет их подруги Литовы. Всем становится понятно, что ее забрал к себе Верепаз.

В песне «Литова — невеста сына Пурьгинепазы» сюжет почти полностью повторяет предыдущий. Однако непогода описана иначе: дождь — тихий, молния —

— Ульсь Литовань благой Варма ававсо,
Благой Пурьгине атявсо,
Благой Ёндол мирдезэ.

[Литова III, с. 179]

(— Сердитый ветер у Литовы свекровь,
Грозный Пурьгине у нее свекор,
Злой Ёндол у нее муженек.)

Однако эти характеристики достаточно условны, и их можно объяснить боязливым отношением народа к природным явлениям, которые эти божества олицетворяли. Условность этих эпитетов подтверждается и тем, что сама Нишке-ава называет своего сына «благой Ёндол, цёракай» (злой Ёндол, сыночек). Она использует этот эпитет не как оценочную характеристику, а как приложение к имени.

Кроме того, девушка не является полноправным членом семьи. Она просит мужа о свидании с родителями. Супруг не может отпустить жену в гости на землю, не спросив позволения у небесных родителей:

— Тон, полай, полай Литова,
Вай, кевкстикая тон тятень,
Азе кевкстика монь авань.
Коданя мери монь тетям,
Коданя корты монь авам.

[Литова I, р. 292].

(— Ты, жена моя, жена Литова,
Ой, сприси-ка ты отца,
Иди сприси-ка мою мать.
Что скажет мой отец,
Что скажет моя мать.)

Из-за господства строгих иерархических отношений в небесной семье Литова иногда даже не решается показать свою тоску или о чем-то попросить. Тоскующую девушку случайно застаёт золовка или супруг. Просьбу Литовы съездить в гости к родителям удовлетворяют. Причем свекровь не только разрешает Литове свидание, но и помогает ей собраться. Она велит запрячь лучшую пару лошадей и печет гостинцы ей в дорогу. Перед отъездом Литова получает наказ: она должна побыть в отчем доме определенное время и по первому знаку вернуться обратно.

Подобно богам Литова спускается на землю с раскатами грома и вспышками молний, чем пугает жителей своего села:

— Коданя Литова сыргакшность-туекшность,
Коданя молекшность, ардокшность,
Менелесь пешксель Пурьгинень толдо,
Масторось пешксель пси ёндолдо.
Мода-масторось ульнесь зэртъ потсо.
Менелесь-масторось сорнокшность.

[Литова IV, с. 50]

(— Как Литова тронулась, поехала,
Как Литова поехала-поскакала,
Небо светилось огнем Пурьгине,
Земля осветилась огнями молний.
Земля гудом загудела.
Небо и земля задрожали.)

В то же время девушка спускается с неба на землю на запряженных лошадях, т. е. обычным способом, знакомым земным жителям. «Вероятно, по представлениям древних эрзян, небо связывалось с землей при помощи обыкновенных дорог где-то там за горизонтом»⁶.

Представление народа о способах перемещения богов с неба на землю двоякое. С одной стороны, в отличие от людей боги умеют летать, превращаясь в соколов;

спускают зыбку, с помощью которой можно подняться на небо, и т. д. В этом народ-сказитель не видит ничего особенного, так как боги наделены высшими способностями. С другой стороны, они сходны с людьми, поскольку могут спускаться на землю на обычных лошадях.

Во всех вариантах песни Литова возвращается на землю, чтобы повидаться со своими родителями. Однако варианты их свидания различны. Так, увидев свою дочь через много лет, родители не узнают ее, принимая за иноземную боярыню, а узнав, радуются этой встрече, поют дочери песни. Неприязнь, испытываемая к ней, исчезает. Теперь Литова уважаема и любима [Литова, IV]. В другом варианте дочь гостит у родителей со своим супругом. Брачная пара просит благословить их. Однако отец и мать не успевают сделать этого, потому что отведенное время пребывания Литовы и ее мужа на земле заканчивается, и они возвращаются на небо [Литова, I]. Кроме того, в двух вариантах песни Литова, приехав в отчий дом, не застаёт родителей, которые в это время находятся на гуляньи. Она просит соседей позвать родителей. Однако мать и отец не верят в возвращение Литовы и обвиняют соседок во лжи. Литова уезжает, так и не повидавшись с матерью и отцом [Литова, II, III]. Отсутствие родителей в день приезда дочери А. И. Маскаев связывал с нежелательностью их встречи для небесного повелителя⁷. Разрешая снохе погостить у матери и отца, Нишкепаз (Пурьгинепаз) отпускает Литову на очень короткое время, и то только тогда, когда родителей нет дома. Эти действия небесного повелителя исследователь объяснял различными запретами, существовавшими у мордвы вплоть до XX в. Так, «Литова, взятая в небесную, чужую семью, становится членом этой новой семьи, пусть даже и неравноправным, поэтому старшие члены этой семьи, естественно, намерены оберегать ее от контакта с земной жизнью, с родом „людей“ <...> чтобы не потерять ее вследствие такого общения»⁸. Однако следует иметь в виду, что прямых ссылок на нечестность громовика в тексте нет, как и нет других подтверждений, что свекор обижал невестку.

Успела девушка увидеться с родителями или нет, но в определенный час она видит знак, по которому ей необходимо вернуться обратно. В сюжетах о Литове мы не встречаем мотив ослушания.

Песни о Литове вопреки наличию в них мифологического персонажа воспринимаются во многом как реалистические. В них показаны семейно-бытовые отношения, характерные для мордовского народа. Небесная семья предстает как обычная мордовская семья с патриархальным устоем, со строгими иерархическими отношениями.

Таким образом, анализ песен-мифов о Литове свидетельствует о том, что основной акцент в данных произведениях делается на жизненных перипетиях девушки в чужой семье. Личные переживания героини поэтизируются, что характерно в большей степени для эпической песни. При этом восприятие жизни девушки в песнях о Литове уже не мифолого-мировоззренческое, а социально-бытовое.

Библиографические ссылки

¹ См.: Литова — невеста сына Пурьгинепаз // *Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen ; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1. P. 282 — 295.* Далее ссылки в тексте: [Литова I, p.] ; Литова — жена Ёндола // Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск,

1963. Т. 2. С. 223 — 225. Далее ссылки в тексте: [Литова II, с.]; Литова // Образцы мордовской народной словесности. Казань, 1882. С. 172 — 188. Далее ссылки в тексте: [Литова III, с.]; Литова // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982. С. 49 — 51. Далее ссылки в тексте: [Литова IV, с.].

² **Маскаев А. И.** Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964. С. 121.

³ Там же. С. 122.

⁴ **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001. С. 93.

⁵ Там же. С. 97.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ См.: **Маскаев А. И.** Указ. соч. С. 152 — 154.

⁸ Там же. С. 153.

Поступила 02.09.2010 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 94 (470.345):008

Н. О. Шкердина

N. O. Shkerdina

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (На примере мордовского края)

REALIZATION OF THE LENINIST CONCEPTION OF CULTURAL REVOLUTION (Based on the Example of the Mordovian Land)

Ключевые слова: культурная революция, культурная политика, всеобщая грамотность и просвещение, марксистская идеология, пролетарская культура, народный комиссар по делам просвещения, отдел просвещения национальных меньшинств, школьные советы, школьная реформа, культпросвет.

В статье проанализирована культурная политика, проводившаяся в мордовском крае в условиях реализации ленинской концепции культурной революции.

Key words: cultural revolution, the cultural policy, universal literacy and education, Marxist ideology, proletarian culture, people's commissar on education, department of national minorities education, school councils, school reform, cultural enlightenment.

The cultural policy, which was carried out in the Mordovian land under the conditions of the realization of the Leninist conception of cultural revolution, are analyzed in the article.

С победой Октябрьской революции советская власть внесла существенные коррективы в социокультурную жизнь общества, впервые провозгласив доступность культуры для всего населения страны. Под новой культурной политикой подразумевалось создание иного типа культуры — пролетарской, которая аккумулировала бы в себе самые передовые идеи революции. Культурная политика базировалась на идеологии марксизма и ставила перед собой ряд глобальных целей: воспитание человека нового типа, распространение всеобщей грамотности и просвещения, создание монументальных художественных произведений, воспевающих трудовые подвиги простых людей и т. д.

Теоретической базой культурной революции были идеи В. И. Ленина, который явился вдохновителем и организатором культурного строительства в Советской России. Приступая к разработке плана социалистического строительства в стране, В. И. Ленин считал крайне важным поднять культурный уровень народа, ибо он «создает ту твердую, здоровую почву, из которой вырастут мощные неисчерпаемые силы

для развития искусства, науки и техники»¹. В приобщении трудящихся к культуре, усвоении ими духовных богатств, выработанных человечеством, В. И. Ленин видел основную задачу государственной политики. Именно через культурное влияние марксистско-ленинская идеология стала господствующей в сознании советских людей².

Культурная революция охватила все стороны общественной жизни, в процессе ее осуществления решались следующие задачи: а) подъем народного просвещения; б) распространение социалистической идеологии и организация на ее принципах всей духовной жизни народа; в) преодоление мелкобуржуазных взглядов и нравов³. Кроме того, предполагалось перевоспитание кадров старой интеллигенции и формирование новой многонациональной социалистической интеллигенции; создание советской социалистической литературы и искусства, всестороннее развитие науки; ликвидация существенных различий между городом и деревней и пережитков капитализма в сознании людей; воспитание коммунистической нравственности и сознательности и др.⁴

Преобразования в области культуры В. И. Ленин рассматривал как часть общего плана строительства социализма. Без развития культуры и образованности трудящихся масс невозможно было достичь роста производительности труда. Без «осуществления культурной революции, помощи рабочего класса крестьянству нельзя было и мыслить о переводе деревни на путь социалистического развития, о привлечении многомиллионных крестьянских масс к управлению общественными делами и производством»⁵. При этом В. И. Ленин указывал, что «Коммунистическая партия не может давать процессу культурной революции развиваться стихийно, хаотически, она должна планомерно руководить этим процессом, формировать его результаты»⁶.

Как уже было сказано выше, одной из заслуг культурной революции являлся подъем народного просвещения. В период с декабря 1917 г. по март 1919 г. В. И. Лениным был подписан 41 декрет по различным вопросам в этой области, а с января 1920 г. по февраль 1921 г. — 64⁷. Эти декреты стали законодательной основой строительства советской средней и высшей школы. Многие из декретов были написаны самим В. И. Лениным, разрабатывались при его участии или были приняты по его инициативе.

Для руководства и планомерного осуществления революционных преобразований в области народного просвещения необходимо было создать соответствующий орган. Согласно постановлению II Всероссийского съезда Советов «Об образовании Рабочего и Крестьянского Правительства» от 26 октября 1917 г., учредившему Совет народных комиссаров, «заведование отдельными отраслями государственной жизни» поручалось комиссиям, возглавляемым народными комиссарами⁸. В состав Совнаркома вошел и народный комиссар просвещения. Им стал А. В. Луначарский. Государственная комиссия по просвещению была создана в соответствии с декретом от 9 ноября 1917 г. Ее целью являлось «общее руководство народным просвещением». В состав комиссии должны были входить представители широкого круга государственных и общественных организаций — ВЦИКа, центральных профсоюзных органов, Всероссийского центра фабзавкомов и т. д.⁹ Ведомством, непосредственно осуществлявшим руководство системой образования, стал Наркомпрос РСФСР.

С первых дней существования Советская власть приступила к ликвидации культурной отсталости нерусских народов и подготовке национальных кадров. В решении X съезда РКП(б) указывалось на необходимость помочь нерусским народам в развитии всех культурно-просветительных учреждений, которые должны были осуществлять свою деятельность на родном языке, в организации широкой сети курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера для ускоренной подготовки национальных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников во всех областях управления, и прежде всего просвещения¹⁰. Правовой основой для ликвидации неграмотности среди нерусских народов стал декрет СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г., в котором указывалось, что «все население республики в возрасте от восьми до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучиться грамоте на родном или на русском языке, по желанию»¹¹.

В стране, в том числе в мордовском крае, развернулась кампания по ликвидации неграмотности среди взрослых и детей. Так, II съезд Советов Инсарского уезда Пензенской губернии постановил: «Ввести с настоящего (1918) года в уезде всеобщее обязательное обучение, к проведению в жизнь которого необходимо, в помощь учащим привлечь все население уезда в лице волостных, сельских и деревенских Советов»¹². Однако подход к вопросам образования был довольно своеобразным. Комиссар по народному образованию Инсарского уезда указал на «необходимость введения всеобщего обучения по программе более близкой к жизни, чем существующая», и рекомендовал «кроме общеобразовательных знаний дать учащимся сельскохозяйственные знания; девочек нужно выучить, как вести домашнее хозяйство и т. д. Не нужно также забывать и взрослое, но неграмотное или полуграмотное население, нужно предложить учащим заниматься с ними по праздникам»¹³. Причем предполагалось, что уездный Совет по народному образованию разработает программу учебных курсов, «удовлетворяющую принципам трудовой, единой, свободной школы»¹⁴. Один из участников четвертого заседания съезда Советов Инсарского уезда Пензенской губернии П. Романов подчеркивал, что «главный недостаток нашей школы — это ее книжность и вытекающая отсюда пассивность; дети нашей школы, начиная с малыша и кончая студентом, только и делают в нашей школе, что сидят за чтением и зубрежкой. Между тем жизнь требует навыка к труду — к труду общепольному, коего как раз и не дает школа. Поэтому лучшие школьные работники стали говорить о замене метода школьной работы, метода пассивного — методом активным, или трудовым, и вместе с введением его о замене всей старой школы школой трудовой, т. е. такой, из которой выходили бы дети с определенным навыком к тем или другим отраслям труда и с определенно воспитанной волей к труду. Решено было в 1918 г. в Инсарском уезде основать показательную трудовую школу. Такая школа была открыта в с. Пушкине в быв. экономии Столыпина, куда деятелем пошел быв[ший] зав[едующий] отделом народного образования т[оварищ] Шадрин»¹⁵. На III съезде Советов Саранского уезда по вопросам образования (1918 г.) было принято следующее решение: «...1) приветствовать реформу старой буржуазно-реакционной школы, которая, безусловно, являлась одним из главных тормозов переустройства общественного строя по пути равенства, братства и свободы, почему съезд Советов обязывает волостные,

сельские и деревенские общества, в лице своих школьных советов, неуклонно проводить школьную реформу в жизнь, дабы реформированная школа быстрее стала оплотом и очагом нового, социалистического строя. Население на местах само должно, по возможности, с настоящего учебного года, где это предоставляется возможным, принять горячее участие в приспособлении старых школьных зданий к 5-му курсу единой трудовой школы; 2) для широкого распространения внешкольного образования ввести занятия со взрослым населением в виде чтения и бесед, организовать кадры лекторов, которые бы совместно с участковыми агрономами подняли культурно-политический уровень населения уезда. На осуществление указанных мероприятий по внешкольному образованию отпустить из кассы уездного Совдепа 15 тысяч рублей; 3) для большего углубления и понимания населением уезда политической жизни страны, обязать волостные, сельские и деревенские общества в лице школьных советов выписать газету „Известия Центрального Исполнительного Комитета Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и казачьих депутатов“; 4) открыть с 1919 года в гор[оде] Инсаре крестьянский университет как самый верный и надежный источник знаний, закрепляющий завоевания трудящимся классом, Октябрьской революцией свободы; 5) все затраченные местным населением средства на ремонт и приспособление школ для занятий внести в общую уездную раскладку подоходных налогов»¹⁶.

В свете революционно-культурных преобразований большое внимание уделялось социально-классовому происхождению учителей, которые не всегда соответствовали потребностям новой революционной школы. К учителям, работавшим до революции, отношение варьировалось от открытой неприязни до скептицизма. Отмечалось, что «случаев открытого саботажа в уезде со стороны учащихся не было, все почти они являются какими-то беспомощными существами, чувствуют, что от них многого хотят и, в то же время, сознавая, что они и нам много не в состоянии дать»¹⁷.

На II съезде Советов Инсарского уезда была высказана точка зрения, что «школа нуждается в политике. Необходим особенный воспитанный в духе времени учитель. С этой целью в городе Инсаре предполагается открыть педагогические курсы, которые должны заполнить существующий пробел. Настоящее учительство к этому не подготовлено... Учительство до сих пор не может определить, к какому классу им примкнуть, к классу пролетариата или противоположному лагерю, они колеблются, но заметно, что оно ближе подходит к классу пролетариата, да иначе быть не может, так как оно само по себе таковое. Как это не странно покажется, но... учительство до сих пор „политический младенец“ и только потому, что оно пропитанное старым, блуждает как коза в трех осинах»¹⁸.

По решению некоторых партийных ячеек сел и уездов на территории мордовского края вводилось преподавание истории Советской республики. Так, 24 ноября 1918 г. в с. Кочкурове Саранского уезда на заседании партийного собрания было принято решение «всем учителям и учительницам здешних школ вменить в обязанность, чтобы последние ежегодно преподавали ученикам 3, 4 и 5 отд[елений] по одному уроку о существовании социалистической Советской республики, и если будет замечено, что учителями и учительницами это не будет проводиться в жизнь, то последних считать врагами Советской власти»¹⁹.

С 1918 г. в мордовском крае стали создаваться школы-коммуны. В Инсарском уезде такая школа была создана «с целью сообщения сельскохозяйственных знаний

громадной массе населения и приучения к коммунальному строительству сельскохозяйственной жизни...»²⁰. Такая же школа-коммуна была создана в г. Ардатове²¹.

Положительным моментом культурной революции в мордовском крае была резко возросшая культурно-просветительская деятельность. Предусматривалась едва ли не универсализация школы, которая помимо образовательной и просветительской функций должна была выполнять функции культурного центра для всего населения. При школах создавались избы-читальни, всевозможные клубы, просветительские организации для взрослых. Так, в 1918 г. в Инсарском уезде было организовано более 30 чтений, на которых присутствовало около 3 000 человек. «Чтения устраивались главным образом в помещениях народных школ и сборных избах и сопровождалась демонстрацией картин проекционного фонаря и картин кинематографа „Кок“. По окончании лекций велись беседы, раздавались листовки по вопросам сельского хозяйства. Кроме систематических чтений все агрономы и специалисты при своих разъездах вели беседы на тему текущего момента реорганизации сельского хозяйства на новых основаниях»²². Наряду с чтением лекций в школах проводились консультации и распространялась политическая и культурно-просветительская литература. Были оборудованы «передвижные книжные киоски на колесах».

В первые годы советской власти в Мордовии получили развитие культурно-просветительские учреждения. Советское государство взяло на себя финансирование, формирование и подготовку кадров для них. С этой целью в ноябре 1917 г. были созданы Внешкольный отдел при Наркомпросе и подотделы внешкольного образования при губернских и уездных отделах народного образования. На селе наиболее массовым видом культурно-просветительских учреждений являлись избы-читальни, работа которых развертывалась под руководством партийных организаций и при содействии волостных и сельских Советов. В городах наряду с избами-читальнями создавались также партийные, рабочие и красноармейские клубы, народные дома (например, Дом мордовки в г. Саранске), дома работников промышленности и др.²³

На совместном заседании Усть-Рахмановского волостного Совета и комитета бедноты этой волости Краснослободского уезда в декабре 1918 г. было принято решение «открыть по возможности в каждом селении культурно-просветительские учреждения: избы-читальню, народный дом, библиотеку. Для этой цели реквизируют дома местных кулаков и богачей, а равно и другие необходимые предметы: мебель, книги и пр.»²⁴. Основой всех видов учреждений внешкольного образования были культурно-просветительские кружки. В 1919 г., например, в с. Теньгушево был открыт культурно-просветительский кружок «Пробуждение». Согласно уставу он должен был: «а) заботиться о культурном развитии членов кружка; б) содействовать проведению в жизнь начал внешкольного образования; в) заботиться о поднятии культурного уровня среди населения»²⁵.

В то же время деятельность партийных ячеек в сфере культурно-просветительской работы в регионе сталкивалась с серьезными проблемами материально-финансового характера. Так, Пушкинская ячейка коммунистов обращалась в УКОМ г. Саранска с просьбой выслать газеты и политическую литературу: «Ощущая острый недостаток вообще в современной литературе, а главным образом в газетах, в связи с открытием изб-читален и вновь организовавшейся ячейки коммунистов и

не имея средств и возможности приобрести [литературу] на свои членские взносы, Пушкинская ячейка обращается с просьбой в [уездный] комитет партии, не найдет ли он возможность выслать бесплатно и своевременно газеты „Известия ЦК РКП (большевиков)“, „Известия ВЦИК Советов“, „Правда“, „Красное знамя“, „Пензенская экономическая жизнь“, „Саранская правда“ и „Беднота“ и новые брошюры последнего времени о текущем моменте»²⁶.

В 1918 — 1919 гг. на территории края при уездных отделах народного образования создавались подотделы искусств, которые должны были через искусство пропагандировать социалистические идеи народным массам. Так, в г. Саранске при музыкальном училище предполагалось открыть оперный класс, который должен был устраивать «концерты-митинги в Саранске и его уезде», а в кинематографах должны были идти «научно-воспитательные картины с сопровождением лекторов»²⁷. С 1919 г. в Саранске действовал Дом работников промышленности с клубом для культурно-массовой работы, в котором проводились диспуты, вечера художественной самодеятельности, встречи с учеными, писателями, поэтами.

В 1920 г. в Саранском, Рузаевском и Краснослободском уездах действовали 337 библиотек и изб-читален, около 30 народных домов, 130 культурно-просветительных кружков. Достаточно широко была развита сеть учреждений внешкольного образования в Рузаевском уезде: здесь функционировали 20 изб-читален, 2 народных дома, 5 клубов и 65 культурно-просветительных кружков²⁸.

В организации культурно-просветительской работы в Мордовии значительную роль сыграла Н. К. Крупская. Она долгое время вела переписку со многими работниками культпросветучреждений, интересуясь состоянием культурной работы в колхозах, уровнем грамотности детей и взрослых и др.²⁹

Отделы народного образования тесно сотрудничали с организационно-агитационными отделами губернских комитетов РКП(б). Особенно активной эта деятельность стала с конца 1919 г. Так, в 1920 г. Симбирский губком РКП(б) принял решение об активизации «ведения партийной работы среди мелких национальностей нерусского языка надлежащим образом для того, чтобы не дать движению партийной работы остановиться на точке замерзания, 3-я губернская конференция коммунистов-большевиков нашла целесообразным и необходимым создать подотделы национальностей оргагитотделов, которые будут вести всю политическую и партийную работу среди мелких национальностей путем устной и печатной агитации... Первым шагом его работы была подготовка к проведению надлежащим образом „Дня советской пропаганды“. С этой целью были выпущены воззвания на языках: чувашском, татарском и мордовском, причем воззвания на мордовском языке были напечатаны на двух наречиях: на мокшанском и эрзянском...»³⁰. Губернские организационно-агитационные отделы поставили на учет все культурно-просветительные организации, совместно с которыми должна была вестись в будущем партийно-просветительская работа среди нерусского населения в мордовском крае.

Одновременно с ликвидацией старой интеллигенции шло формирование новой — советской, причем ускоренно — через выдвигенчество, рабфаки (подготовительные факультеты для ускоренного обучения и подготовки рабоче-крестьянской молодежи к поступлению в вузы). Для реализации этой задачи предпринимались попытки создать вузы в регионах. Не стал исключением и мордовский край. Так, в

1919 г. г. Ардатовом были запрошены средства на создание Пролетарского подвижного университета. В указанный год планировалось открыть 11 отделений в «Апраксине, Талызине, Тетюшах, Пичеурах, Маколове, Киржеманах, Козловке, Силине, Вечкусах, Медаеве и Тазине...» с общим финансированием на «первую половину 1919 года — 202 754 руб.»³¹.

В 1920 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Общество «Долой неграмотность» возглавили В. И. Ленин, М. И. Калинин и А. В. Луначарский. К этому важному делу были привлечены все культурные силы страны, в городах и селах создавались школы грамоты, кружки, пункты по ликвидации неграмотности. В мордовском крае эта работа осуществлялась под руководством мордовской секции ЦК РКП(б) и Наркомпроса РСФСР. В 1920 г. при последнем было создано бюро просвещения мордовского народа. В Симбирской, Пензенской и других губерниях, где проживала мордва, при губернских отделах народного образования были созданы мордовские подотделы, которые с помощью местных партийных и советских органов вели работу по созданию пунктов ликвидации неграмотности среди населения, школ и культурно-просветительных учреждений.

Ликвидация неграмотности мордовского народа дала возможность осуществлять подготовку национальных кадров. Впервые в годы Советской власти для повышения экономического и культурного уровня нерусских народов в соответствии с указаниями В. И. Ленина Коммунистическая партия и советское правительство привлекали лиц из местной интеллигенции, знающих язык, быт, нравы и обычаи своего народа (Ф. Ф. Советкин, З. Ф. Дорофеев, Е. Б. Буртаев, Ф. А. Лазарев, Г. К. Ульянов, Е. В. Скобелев, И. Х. Бодякшин, Ф. И. Петербургский, М. Н. Коляденков, М. Е. Евсевьев, А. П. Рябов и др.)³². Необходимость этого подчеркивалась в решениях XII съезда РКП(б) и IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. В решении последнего указывалось, что «окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлекаем на сторону Советской власти всеми силами»³³. Однако, несмотря на достигнутые успехи в работе по ликвидации неграмотности мордовского народа, на XIII съезде партии РКП(б) было принято решение «всемерно усилить эту работу, уделив ей больше сил и средств»³⁴.

Если в 1923 — 1924 гг. в Мордовском округе действовало 14 мордовских пунктов по ликвидации неграмотности, то в 1925 — 1926 гг. — 137 и 7 опорно-инструкторских школ, в которых с 1924 по 1927 г. прошли обучение 8 394 человека. Из года в год расширялась школьная сеть. Так, если в «1923/24 учебном году в мордовских селах Пензенской губернии насчитывалось 144 школы с 11 322 учащимися, то в 1925/26 учебном году количество таких школ увеличилось до 205, а число учащихся в них — до 18 420 человек. Процент обучающихся детей мордовской национальности за этот период увеличился с 12,6 до 17,7»³⁵. Значительные успехи были достигнуты в переводе обучения в школах на родной язык. В 1926/27 уч. г. обучение на родном языке осуществлялось в 67 % мордовских школ Пензенской губернии, а в 1927/28 уч. г. — в 80 %³⁶. В результате проделанной работы уже к концу 1927 г. грамотность мордовского населения повысилась до 22,9 %³⁷.

Особую роль в культурной региональной политике играла коренизация аппарата государственного управления. Законодательно она была закреплена постановлением

ВЦИК от 18 февраля 1924 г. В 1919 г. при Наркомнаце РСФСР был образован мордовский отдел, призванный заниматься нуждами мордвы. Такие отделы и секции были созданы и на региональном уровне при государственных и партийных структурах. Их работу координировало Центральное бюро мордовских секций. В 1921 г. в Московском коммунистическом университете трудящихся Востока училось 11 человек из мордвы, в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова — 5 человек. В 1922 г. Наркомпрос предоставил для мордвы 22 места в Московском коммунистическом университете трудящихся Востока и 49 мест в других центральных вузах. Число представителей мордовского народа в органах власти увеличилось. Впоследствии политика коренизации усилилась³⁸.

Для подготовки мордовских национальных кадров в 1920-е гг. открывались специальные учебные заведения или мордовские отделения при существующих учебных заведениях. Подготовка кадров мордовской национальности осуществлялась также через сеть центральных и местных курсов. Так, за 1926 — 1927 гг. на курсах было подготовлено 1 546 человек (пропагандисты, секретари ячеек и волостных комитетов партии, волостные женорганизаторы, учителя)³⁹. В 1920-е гг. стало практиковаться направление выходцев из мордвы на учебу в высшие учебные заведения страны. Их направляли в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, Коммунистический университет трудящихся Востока и Коммунистическую академию им. Н. К. Крупской⁴⁰.

В сентябре 1924 г. по инициативе мордовской секции ЦК РКП(б) и мордовской секции Наркомпроса РСФСР в Москве состоялся I Всероссийский съезд по просвещению мордовского народа, на котором присутствовали деятели народного образования Пензенской, Ульяновской, Нижегородской, Саратовской, Самарской губерний, Татарской и Башкирской АССР. На съезде обсуждался вопрос о работе по ликвидации неграмотности мордовского народа и повышению его культурного уровня, были намечены конкретные меры по ее улучшению, в частности взятие на учет всех мордовских школ и культурно-просветительных учреждений, расширение сети школ, открытие семилетних школ, школ 2-й ступени, крестьянской молодежи, а также подготовка и переподготовка учителей мордовской национальности. Было решено реорганизовать Алатырский педтехникум в мордовский, а в Казанском — открыть мордовское отделение. На съезде было отмечено, что дело просвещения мордвы может быть улучшено лишь при условии обучения на родном языке, поэтому было признано необходимым ввести в школах 1-й ступени обучение на родном языке, а овладение русским языком начинать со второго года обучения⁴¹.

В постановлении Оргбюро ЦК РКП(б) от 8 декабря 1924 г. предлагалось «усилить работу по переводу преподавания в школах, находящихся в мордовских селениях, на мордовский язык и разработать план вовлечения учащихся из мордвы... в школы второй ступени и специальные учебные заведения и подготовки мордовского учительства», выделить средства «для обслуживания этих ведомств в Пензенской губернии»⁴².

13 сентября 1925 г. состоялся II Всероссийский съезд по просвещению мордвы. На нем были обсуждены следующие вопросы: советская власть и школа национальных меньшинств; отчет о работе мордовского бюро совнацмена Наркомпроса РСФСР; подготовка и переподготовка учителей для мордовских школ;

перевод обучения в мордовских начальных школах с русского на мордовский язык и др.⁴³

Новая культурная политика была идеологизированной, происходило активное вторжение партийных органов во все сферы жизни. Советская власть стремилась стереть из памяти людей все упоминания о прошлом и решительно порвать со всеми «пережитками старого режима». В связи с этим, например, в ноябре 1918 г. к годовщине Октябрьской революции улицы г. Саранска были переименованы следующим образом: «Базарная — в Советскую, Соборная площадь — в Гражданскую, Троицкая — в Володарского, 1-я Казанская — в Пензенскую, 2-я Казанская — в Казанскую, Ильинская — в Толстого, 1-я Успенская — в Красноармейскую, Заводская — в Рабочую, 2-я Богословская — в Пролетарскую...»⁴⁴.

Активнее других со старой культурой боролся Пролеткульт — культурно-просветительская организация при Наркомпросе РСФСР, существовавшая в 1917 — 1932 гг. Пролеткульт имел более 200 местных организаций в различных областях искусства, особенно в литературе и театральном искусстве. Его идеологи (А. А. Богданов, В. Ф. Плетнев) нанесли серьезный ущерб художественному развитию страны, отрицая культурное наследие. Пролеткульт решал две задачи: разрушить старую дворянскую культуру и создать новую пролетарскую. При этом использовались экстремистские способы. Однако, убедившись в их непригодности, большевики перешли к постепенным и более продуманным мерам.

В. И. Ленин, определяя социальное содержание культурной революции, указал, что новая социалистическая культура должна являться закономерным продолжением и развитием предшествовавшей культуры. «Не выдумка новой пролеткультуры, — писал он, — а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»⁴⁵.

В то же время новая культурная политика ставила целью сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства. Самым эффективным средством стала всеобщая национализация.

В 1918 г. был открыт Саранский уездный музей родного края. Под него было выделено помещение в национализированном доме инсарского мещанина Н. П. Ветчинкина. Первые экспонаты стали поступать в конце мая от частных лиц и различных учреждений. В мае 1919 г. в газете «Саранская правда» было опубликовано обращение к населению с просьбой помочь в сборе ценных вещей и предметов для музея. Пензенский естественно-исторический музей передал часть коллекции полезных ископаемых. У саранского священника А. И. Любимова была приобретена нумизматическая коллекция из 400 предметов, у жителя с. Ромоданова Н. Карева — гербарий трав Пензенской губернии. Коллекции музея пополнялись предметами из бывшей городской управы, земства, часть вещей была конфискована из имений Саранского уезда. Для посетителей в июне 1919 г. в экспозиции были представлены коллекции собрания фарфора, картин, скульптур, нумизматики, образцы минералов и гербарии. В 1920 г. музей перевели в дом бывшего городского головы М. Г. Никитина, в 1928 г. — в бывшую Владимирскую церковь Петропавловского монастыря⁴⁶. Предполагалось, что ознакомление народа с национальной и мировой культурой должно способствовать всеобщему просвещению России. Одновременно национализация памятников культуры была призвана защитить их от разрушения.

Важное значение в повышении культурного уровня трудящихся масс мордовского народа и их коммунистическом воспитании имела печать. В послереволюционный период стали издаваться газеты, журналы и книги на мордовском языке. Уже в 1919 г. отдел книгоиздательства ЦИК РСФСР начал печатать и распространять коммунистическую литературу на мордовских и чувашском языках⁴⁷. В 1920 г. была разработана мордовская азбука, а в 1922 — 1923 гг. изданы первые буквари на мордовских языках. Значительный вклад в составление учебников на мордовских языках внесли М. Е. Евсевьев, З. Ф. Дорофеев, Г. К. Ульянов, Е. В. Скобелев, Ф. И. Завалишин. Издание учебников и другой литературы на национальных языках способствовало повышению успеваемости учащихся и развитию культуры трудящихся мордовских сел⁴⁸.

В 1920 г. в Симбирской губернии начала издаваться первая газета на мордовском языке — «Чинь стямо» («Восход солнца») ⁴⁹. На I Всероссийском съезде коммунистов мордвы (июнь 1921 г., г. Самара) делегаты решили приступить к выпуску центральной общемордовской газеты «Якстере теште» («Красная звезда»). Первый номер этой еженедельной газеты вышел 24 сентября 1921 г.⁵⁰ Бюро мордовской секции при ЦК РКП(б) стало налаживать издание газет на местах. Уже с декабря 1921 г. в свет вышла газета «Якстере сокиця» («Красный пахарь»), с 1924 г. в Саратовской губернии стали издаваться еще две газеты на эрзя-мордовском языке — «Од веле» («Новая деревня») в Петровском уезде и «Якстере веле» («Красная деревня») в Кузнецком. В мае 1926 г. мордовская секция Сибирского крайкома ВКП(б) начала выпускать специальную газету для мордовского населения, проживающего в Сибири, под названием «Од эрямо» («Новая жизнь») ⁵¹. Газеты и журналы пропагандировали идеи Коммунистической партии и декреты советского правительства, высмеивали предрассудки и суеверия.

На территории края издавались газеты и на русском языке. Сначала они были уездными. Так, в середине 1920-х гг. в Краснослободском уезде выходила газета «Смычка», в Спасском — «Плуг и молот». С образованием Мордовского округа органом окружкома ВКП(б) и окрисполкома стала газета «Завод и пашня». С января 1930 г. она стала областной, а с осени того же года начала выходить под новым названием — «Красная Мордовия» ⁵².

Одновременно с изданием газет на мордовских языках выпускались общественно-политические и литературно-художественные журналы. В 1927 г. в г. Пензе на мордовском-мокша языке вышел журнал «Валда ян» («Светлый путь»), а с 1929 г. в г. Самаре на мордовском-эрзя языке стал издаваться журнал «Сятко» («Искра») ⁵³.

С первых лет советской власти на мордовском языке печаталась общественно-политическая литература. Так, в 1921 г. на мордовский язык были переведены брошюры «Кто такие коммунисты», «Биография В. И. Ленина», «Что дала революция женщине», «Программа коммунистов», «Религия и коммунизм» ⁵⁴.

1920-е гг. характеризовались развитием художественной самодеятельности. Инициаторами создания и руководителями кружков (драматических, хоровых и музыкальных) выступали коммунисты, комсомольцы, члены сельских Советов, руководители культурно-бытовых секций и передовая часть интеллигенции. Например, драматическим кружком в г. Ардатове руководил артист Г. С. Свободин-Перемышев — один из активных участников революции 1905 — 1907 гг., член партии с 1918 г., деле-

гат X съезда РКП(б). В 1919 г. учитель П. Богаев организовал молодежный драмкружок в с. Ичалки; учитель Учаев создал коллектив театральной самодеятельности в Саранском педтехникуме (1925 — 1929 гг.). Наряду с русскими пьесами ставили мордовские — «Овто» («Медведь»), «Кода берянь улемс апак тонавтне» («Как плохо быть неграмотным») и др.

Следует отметить, что мордовские коллективы художественной самодеятельности переводили русские пьесы и песни на мордовский язык, а нередко создавали небольшие пьесы и музыкально-драматические инсценировки на родном языке. Зрителю были представлены такие пьесы на мордовском языке, как «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «На дне» А. М. Горького, «Бедность не порок», «Не все коту масленица» А. Н. Островского и др. С 1922 г. пьесы на мордовском языке для национальных самодеятельных драматических коллективов стали издаваться, в частности, в газетах «Якстере теште», «Од веле» и др.⁵⁵

В 1927 г. с целью улучшения работы драмкружков Центриздат при Наркомпросе объявил конкурс на лучшую мордовскую пьесу. Среди присланных на конкурс пьес были «Вишка морыця» («Маленький певец») М. Талабаева, «Пазонь содыть ды пазтомот» («Верующие и безбожники») А. Куторкина и др.⁵⁶

1920-е гг. были временем зарождения и становления профессиональной культуры в регионе. В указанный период развивалась газетная графика, которая наглядно раскрывала процесс создания социалистической промышленности, начало коллективизации, становления социалистической культуры мордовского народа. В эти годы развивалось творчество известного художника Ф. В. Сычкова, скульптора С. Д. Эрзи, художника-пропагандиста Н. В. Ерушева, участника штурма Зимнего дворца и делегата II Всероссийского съезда Советов, который одним из первых среди художников выступил против религиозных предрассудков, за коммунистическое воспитание советских людей, за новый быт в мордовской деревне. В тот же период началась музыкальная деятельность будущих композиторов Л. П. Кирюкова, Л. И. Воинова и певцов И. М. Скобцова и И. М. Яушева.

В 1920-х гг. значительно расширилась исследовательская деятельность научных обществ: Саратовского и Тамбовского обществ истории, археологии и этнографии, Пензенского общества любителей естествознания и краеведения и др. Член Саратовского общества истории, археологии и этнографии Н. К. Арзютов проводил раскопки археологических памятников; М. Т. Маркелов и Б. М. Соколов занимались сбором этнографических материалов; профессор А. А. Гераклитов извлек из центральных и местных архивов ценные документы по истории мордовского народа XIII — XVIII вв. На основании этих материалов он написал такие работы, как «История Саратовского края в XVI — XVIII вв.», «Кирдановская мордва», несколько позднее — «Алатырская мордва», «Арзамасская мордва» и др. исследования по экономике и быту средневолжской мордвы. Пензенское общество любителей естествознания и краеведения опубликовало работы «Очерки по истории Пензенского края» А. Хвощева, «Некоторые сведения о промышленности Пензенского края в XVIII в.» Б. Н. Гвоздева, сборник «Мордовское население Пензенской губернии» с кратким историческим очерком А. Е. Любимова по истории мордовского народа. Тамбовское общество истории, археологии и

этнографии, переименованное в 1923 г. в «Общество изучения природы и культуры местного края», также выпустило несколько работ, в которых освещались отдельные вопросы истории мордовского народа. Среди них труды известного краеведа-историка П. Н. Черменского «Древнейшая этнография Тамбовского края», «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии (до конца XVIII в.)», «Объяснительная записка к программе (по изучению истории, этнографии и быта населения Тамбовского края)» и др.⁵⁷

Неоспоримым является вклад советского правительства в развитие литературы малых народов, в том числе мордовского. В первые годы советской власти в литературу пришли А. Бухарев, Н. Егоров. Зачинатели мордовской письменной литературы (Ф. Завалишин, И. Кривошеев, Ф. Бездольный) опирались на творчество русских писателей. Во второй половине 1920-х гг. в мордовскую литературу вступила большая группа молодежи, среди которой были П. Глухов, В. Радаев, М. Безбородов, А. Мокшони, П. Кириллов, Т. Раптанов, А. Моро и др. Произведения мордовских писателей и поэтов затрагивали темы победы социалистической революции, гражданской войны, Красной армии, свободной мордовской женщины, коренных изменений в жизни мордовских селений, произошедших за годы советской власти.

Итак, в первое десятилетие советской власти в результате масштабных экономических, политических и социальных преобразований в культурной жизни мордовского края произошли значительные изменения. В эти годы в рамках концепции культурной революции В. И. Ленина были заложены основы развития региональной культуры. Начался процесс ликвидации неграмотности, подготовка национальных кадров культуры, что в конечном счете обеспечило рост культурного уровня населения края. 1920-е гг. стали периодом зарождения и становления национальной мордовской школы, науки, литературы и искусства.

Библиографические ссылки

¹ Цит. по: Воспоминания о В. И. Ленине : в 5 т. Т. 5 : Воспоминания зарубежных современников. М., 1970. С. 62 — 63.

² См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 125.

³ См.: К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина : тез. ЦК КПСС. М., 1970. С. 29 — 30.

⁴ См.: Мордовия в братской семье народов СССР / М. В. Дорожкин и [др.]. Саранск, 1972. С. 165 — 166.

⁵ Культурное строительство в Мордовской АССР : сб. док. : в 2 ч. 1986. Ч. 1. С. 153.

⁶ Цит. по: **Цеткин К.** Воспоминания о Ленине. М., 1955. С. 13.

⁷ См.: В. И. Ленин и проблемы народного образования. М., 1961. С. 205.

⁸ См.: СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 1.

⁹ Там же. № 3. Ст. 32.

¹⁰ См.: **Букин М. С.** Образование и развитие Мордовской автономии. Саранск, 1977. С. 58.

¹¹ СУ РСФСР. 1919. № 67. Ст. 592.

¹² ЦГА РМ. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.

¹³ Там же. Л. 43.

¹⁴ Там же.

- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 13. Л. 144.
- ¹⁷ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М. ; Л., 1931. С. 348.
- ¹⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.
- ¹⁹ Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны : док. и материалы. Саранск, 1959. С. 144.
- ²⁰ СУ РСФСР. 1919. № 67. Ст. 592.
- ²¹ ЦГА РМ. Ф. Р-55. Д. 9. Л. 182 — 183.
- ²² Там же. Ф. Р-364. Оп. 1. Д. 2. Л. 38
- ²³ См.: **Житаев В. Л.** Культурно-просветительская деятельность в Мордовии (XIX — 80-е гг. XX в.). Саранск, 2006. С. 78.
- ²⁴ Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1961. С. 204.
- ²⁵ **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 79.
- ²⁶ Мордовия в период упрочения Советской власти... С. 184.
- ²⁷ Там же. С. 187.
- ²⁸ См.: **Житаев В. Л.** Указ. соч. С. 93.
- ²⁹ См.: **Ежова В. П., Лопатина В. И., Сластихин Н. Н.** Женщины Советской Мордовии. Саранск, 1964. С. 159.
- ³⁰ Очерки истории Мордовской АССР. С. 239.
- ³¹ Там же. С. 200.
- ³² Очерки истории Мордовской АССР. С. 207 — 208.
- ³³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М., 1970. Т. 3. С. 107.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ **Киселев А. Л.** Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959. С. 33.
- ³⁶ См.: **Букин М. С.** Образование и развитие Мордовской автономии. Саранск, 1977. С. 62.
- ³⁷ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 206.
- ³⁸ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 428.
- ³⁹ См.: Директивы ВКП(б)... С. 62.
- ⁴⁰ Там же. С. 61.
- ⁴¹ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 205.
- ⁴² Цит. по: **Васькин И. А.** Национальное возрождение мордовского народа. Саранск, 1956. С. 33.
- ⁴³ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 206.
- ⁴⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 13. Л. 144.
- ⁴⁵ Цит. по: Мордовия в братской семье народов СССР. С. 166.
- ⁴⁶ См.: Мордовия. 2004. Т. 2. С. 52.
- ⁴⁷ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 158.
- ⁴⁸ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 206.
- ⁴⁹ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 158.
- ⁵⁰ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 203.
- ⁵¹ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 12 — 13, 145.
- ⁵² Там же. С. 13.
- ⁵³ См.: Очерки истории Мордовской АССР. С. 146.
- ⁵⁴ Там же. С. 211.
- ⁵⁵ Там же. С. 209.
- ⁵⁶ Там же. С. 207 — 208.
- ⁵⁷ Там же. С. 211 — 212.

Поступила 18.01.2011 г.

УДК 329.7(470.345)

Д. С. Щукин

D. S. Schukin

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ И ТВОРЧЕСКИЕ СОЮЗЫ МАССР В 1953 — 1985 гг.

PARTY AND STATE ORGANS AND CREATIVE ASSOCIATIONS OF THE MASSR IN 1953 — 1985

Ключевые слова: Союз писателей МАССР, Союз театральных деятелей МАССР, Союз художников МАССР, Союз композиторов МАССР, функции творческих союзов, съезды творческих союзов, литературная дискуссия, социалистический реализм, идеологизация творческого процесса.

В статье анализируются особенности взаимодействия партийно-государственных органов МАССР и творческих союзов деятелей литературы и искусства республики в послесталинское тридцатилетие.

Key words: the Union of writers of the MASSR, the Union of dramatic workers of the MASSR, the Union of artists of the MASSR, the Union of composers of the MASSR, functions of creative associations, the congresses of creative associations, literature discussion, the socialist realism, ideologization of creative process.

Peculiarities of interaction of the party and state organs of the MASSR and creative associations of workers of literature and art of the republic in thirty years period after Stalin's rule are analyzed in this article.

К началу 1950-х гг. литературно-художественные объединения и организации СССР находились под жестким контролем со стороны партаппарата. Унификация разрозненных многочисленных пролетарских творческих объединений Советского государства в виде союзов была оформлена после принятия постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. В соответствии с ним были ликвидированы Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей, российские ассоциации пролетарских писателей и музыкантов и другие подобные организации. Все писатели, поддерживавшие платформу советской власти и стремившиеся участвовать в социалистическом строительстве, были объединены «в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем». В постановлении также указывалось на необходимость проведения «аналогичных изменений по линии других видов искусства», что и было осуществлено до 1935 г. Тем самым, по мысли ЦК ВКП(б), была устранена опасность «кружковой замкнутости» пролетарских организаций в области литературы и искусства¹.

В Мордовии творческие союзы стали возникать в середине 1930-х гг. В 1934 г. в г. Саранске был создан Союз писателей (СП) Мордовии как отделение Союза писателей СССР — объединение поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков, критиков, литературоведов, пишущих на русском, мокшанском, эрзянском и татарском языках. Союз ставил перед собой следующие задачи: поддержка начинающих литераторов, поднятие авторитета писателя в обществе, обращение внимания власти

на условия творческого труда и быта писателей. Согласно планам ВКП(б), писатели были призваны активно участвовать в духовном становлении общества, создавая художественные произведения, отражающие социалистическую действительность. Первыми членами союза были В. И. Виард, Я. П. Григошин, П. С. Кириллов, И. П. Кривошеев, А. Д. Куторкин, П. М. Левчаев, А. М. Лукьянов, А. Морро, Ф. М. Чесноков; руководителем — К. Г. Нуянзин². С начала 1950-х гг. Союз писателей республики возглавляли И. Д. Воронин (1951 — 1960), С. Е. Вечканов (1960 — 1964), А. К. Мартынов (1964 — 1971), И. М. Девин (1971 — 1984). В 1984 г. председателем правления союза был избран И. А. Калинин, занимавший эту должность до 2000 г.³

На деятельность организации в 1930-х — начале 1950-х гг. непосредственное влияние оказывали общественно-политические факторы, среди которых — репрессии, Великая Отечественная война и кампания против космополитизма конца 1940-х гг. В начале 1950-х гг. давление цензуры на союз усилилось. В частности, в декабре 1950 г. бюро Мордовского обкома ВКП(б) постановило «признать работу правления Мордовского отделения Союза писателей неудовлетворительной» и «направить работу писателей так, чтобы они на основе постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства уже в ближайшее время создали новые произведения на высоком идейном и художественном уровне»⁴. Поскольку фактически единственным направлением в советской литературе и искусстве на официальном уровне признавался социалистический реализм, то в качестве недостатка отмечалось слабое знание мордовскими писателями современной действительности и неумение наладить контакт с передовиками производства⁵.

В период «оттепели» не произошло кардинальных изменений во взаимоотношении партийно-государственных органов и СП. Так, в постановлении бюро Мордовского обкома КПСС от 3 июля 1958 г. отмечалось улучшение содержания литературных произведений, но вместе с тем подчеркивалось, что «мордовская литература еще во многом отстает от жизни и запросов читателя»⁶. Члены обкома предложили правлению СП МАССР провести литературные тематические вечера и творческие отчеты мордовских писателей и поэтов на предприятиях, в колхозах, учебных заведениях, опубликовать статьи по проблемным вопросам дальнейшего развития мордовской художественной литературы, активизировать работу литературных секций и литературных объединений, усилить творческую работу с молодыми писателями. 24 июня 1960 г. в г. Саранске прошло выездное заседание секретариата правления СП РСФСР, на котором первый секретарь Мордовского обкома КПСС Г. И. Осипов выступил с подобной критикой развития мордовской литературы. Вместе с тем проведение такого заседания способствовало укреплению связей мордовских писателей с писателями других республик и областей, накоплению их опыта, повышению творческой активности⁷.

В постановлении бюро Мордовского обкома КПСС о работе правления СП республики от 17 мая 1962 г. подверглись критике за «низкий идейно-художественный уровень» повести «Васенце пургондакст» («Первые побеги») И. С. Брыжинского, «Эрямос совамо» («Вхождение в жизнь») С. З. Платонова, «Толонь крганят» («Огненное ожерелье») М. Л. Сайгина, «Велень цёра» («Сельский парень») А. П. Тарасова; рассказы «Хрустальной сечь» («Хрустальный мост») В. И. Виарда, «Оратф

крня» («Размотанный клубок») П. Мелинзова. Подчеркивалось, что «мордовская литература недопустимо медленно поворачивается к темам современности, не имеет полноценных произведений о рабочем классе». В свою очередь, положительных отзывов удостоились романы «Найман», «Ломантне теевсть малацекс» («Люди стали близкими») К. Г. Абрамова, повести «Алёшка» Н. Л. Иркаева, «Учительница» Л. Ф. Макулова, детские рассказы Я. М. Пинясова, поэма «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги») А. Д. Куторкина⁸.

В Мордовский обком КПСС регулярно поступали информационные справки председателя правления СП МАССР о работе организации. Например, в отчете от 29 июня 1972 г. было указано, что «с марта 1971 г. по настоящее время мордовским и московскими книжными издательствами издано около 50 книг, написанных авторами... республики», а в конце 1971 г. «создано Бюро пропаганды художественной литературы при правлении Союза писателей Мордовии», деятельность которого дала возможность значительно укрепить связи писателей с читателями. По данным правления СП МАССР в этот период было организовано около 350 выступлений писателей республики перед рабочими, служащими, колхозниками и учащимися⁹.

В резолюции X съезда писателей МАССР «Мордовская литература на современном этапе коммунистического строительства» от 24 апреля 1980 г. было сказано, что «мордовская литература с каждым годом завоевывает все большую популярность», «произведения мордовских писателей все чаще становятся предметом большого серьезного разговора на заседаниях творческих советов и на выездных заседаниях правления Союза писателей РСФСР»¹⁰. Особо были выделены романы «Бурливая Сура» А. Куторкина, «Сын эрзянский» К. Абрамова, удостоенный Государственной премии Мордовской АССР, «Румянцев-Задунайский» М. Петрова, диалогия «Цидярдома» («Выстояли») П. Прохорова, «Давол» («Ураган») М. Сайгина и повесть «Все мы люди» В. Радина. О возросшем интересе к мордовской литературе свидетельствовал и тот факт, что произведения стали чаще публиковаться в центральных издательствах. Например, с 1976 по 1980 г. в издательстве «Современник» было опубликовано 4 романа, 1 книга повестей и 4 сборника стихов мордовских писателей¹¹.

Особое место отводилось работе с молодыми писателями. Правление СП выделяло начинающим писателям материальную помощь из средств литфонда, предоставляло творческие командировки, ежегодно проводило семинары. Печатные органы правления СП республики — журналы «Мокша», «Сурань толт», альманах «Литературная Мордовия» — публиковали произведения молодых поэтов, прозаиков, драматургов. К недостаткам работы с молодежью правление СП относилось не всегда объективную оценку их произведений, что выражалось либо в ненужной снисходительности, либо в излишне суровой критике¹².

Широкое распространение получили пропагандистские выезды СП, основной целью которых являлось просвещение трудящихся. Например, в информационной справке правления СП МАССР от 29 июня 1972 г. была отмечена необходимость проведения двух выездных заседаний на следующие темы: «Сельская действительность в произведениях мордовских писателей» — в колхозе им. Калинина Атяшевского района и «Писатель и производство» — на Саранском электроламповом заводе¹³. Подобные мероприятия организовывались по указанию партийно-государствен-

ных органов республики. В 1980 г. в г. Москве были проведены Дни литературы и искусства Мордовской АССР, в которых непосредственно участвовали члены СП Мордовии. В ходе подготовки данного мероприятия было принято постановление Совета министров МАССР, поручавшее Министерству культуры Мордовской АССР и отделу социально-культурных учреждений управления делами Совета министров МАССР обеспечить «высокий идейно-художественный и организационный уровень программы»¹⁴.

В 1962 г. численность СП Мордовии составляла 73 человека, из которых 40 являлись также членами СП СССР¹⁵. В дальнейшем на каждом из последующих съездов правление СП МАССР рекомендовало принять в союзную организацию несколько новых кандидатов, которые со временем становились ее полноправными членами. Кроме того, возрастал и статус членов СП. Так, на X съезде писателей Мордовской АССР в апреле 1980 г. было отмечено, что «за отчетный период... организация пополнилась четырьмя членами Союза писателей СССР, три наших молодых представителя учатся в Литературном институте имени Горького»¹⁶.

В рамках СП республики проводились литературные дискуссии, показательно обсуждались недостатки произведений, выпадающих из общего русла социалистического реализма. Характерным примером является обсуждение 1 июня 1971 г. на заседании правления СП МАССР романа «Своя ноша не в тягость» К. Г. Абрамова. Выступившие на заседании члены организации Т. Ф. Якушкин, С. С. Ларионов, А. В. Алешкин, С. Г. Фетисов, Н. И. Черапкин, И. Д. Пиняев единодушно отметили, что в данном произведении много недочетов в художественном плане и в решении социальных задач романа, в частности наличие сцен, «которые не работают на основную мысль автора, не обязательны для сюжетного решения», незнание автором советской действительности, отсутствие национального колорита, натуралистический показ отдельных человеческих отношений и т. д.¹⁷ Многие писатели отмечали, что критика носила конструктивный, товарищеский характер, имела целью помочь автору в доработке произведения. Председатель правления СП МАССР И. М. Девин подвел итог прений: роман имеет определенные художественные достоинства, но тем не менее нужна доработка всех недостатков¹⁸.

Другим примером литературного спора была ситуация с авторством поэмы «Сияжар». 21 сентября 1971 г. в правление СП МАССР поступило заявление В. К. Радаева о признании произведения «Сияжар» его авторской эпической поэмой и об оказании содействия в ее издании. В 1960 г. поэма была издана в сокращенном виде, а затем отправлена на доработку. Однако в исправленном виде «Сияжар» был исключен из плана издательства в связи с тем, что не был выяснен вопрос «народное это произведение или авторское». Несмотря на то, что специально созданная в 1969 г. комиссия обкома КПСС и Совета министров МАССР признала «Сияжар» эпической поэмой В. К. Радаева, написанной по мотивам мордовского фольклора, издательство продолжало высказывать сомнения по данному поводу и не включала произведение в план на протяжении 1970 — 1972 гг. В связи с этим автор обратился с ходатайством в правление СП с просьбой о повторном созыве комиссии с целью разрешения указанной проблемы¹⁹. В итоге вопрос был решен административным путем в пользу автора. Таким образом, в силу идеологизации творческого процесса литературная полемика в 1950 — 80-е гг. заострялась

исключительно на проблемах соблюдения принципов социалистического реализма, либо на вопросах авторства.

Кроме СП в Мордовской АССР были организованы Союз театральных деятелей (СТД) и Союз художников (СХ). СТД появился в 1936 г. как Мордовское отделение Всероссийского театрального общества. Председателями правления СТД были: с 1936 г. — А. П. Сернова и Н. А. Иванов, с 1963 г. — С. И. Колганов, с 1978 — Д. И. Еремеев, с 1983 г. — В. В. Долгов (до 2001 г.)²⁰. Основными задачами организации являлись: оказание материальной и профессиональной помощи театральным деятелям, коллективам, народным театрам, содействие развитию массовых форм театрального искусства, организация фестивалей, бенефисов и отчетов театральных деятелей, обсуждение спектаклей, учреждение премий за лучшие женские и мужские роли сезона²¹. Кроме того, одной из главных задач СТД на протяжении многих лет оставалось осуществление идеологического контроля за репертуаром театров, хотя ведущая роль в этом всегда принадлежала партийно-государственным органам — обкому ВКП(б), затем КПСС и Совету министров МАССР. Репертуары театров неоднократно подвергались строгой цензуре на уровне центральных партийных ведомств. Постановка подобной задачи неизбежно диктовала участие СТД в борьбе с такими явлениями в театральной жизни республики, как «малосодержательность и безыдейность» ряда пьес в репертуаре, низкий художественный и политический уровень спектаклей, и провоцировала на «очищение творческих коллективов и административно-хозяйственного аппарата театров... от профессионально непригодных и не пользующихся доверием людей»²². Например, из программных постановок были исключены такие драматические пьесы, как «Поединок», «Три мушкетера», «Пигмалион», оперы «Травиата», «Севильский цирюльник», «Сильва», «Пиковая дама», «Русалка». Широкое развитие получила театральная критика, выражавшая официальное мнение. В связи с этим полемика театрального руководства республики с представителями надзорных ведомств по творческим вопросам была сведена к минимуму. В 1950 — 60-е гг. цензурный контроль был несколько ослаблен, но театры так и не стали полностью свободными в выборе репертуара и способах воплощения своих идей на сцене.

В 1950 — 80-е гг. СТД МАССР принимал активное участие в организации выездных гастролей трупп республиканских театров. В 1959 г. Совет министров МАССР выступил организатором гастролей Мордовского государственного театра драмы в г. Ленинграде. В письме начальнику Управления культуры Ленинградского горисполкома был отмечен творческий рост мордовского театра, наличие талантливых актеров с большим сценическим опытом. При этом в документе подчеркивалось, что в Ленинградском театральном институте работает мордовская студия, пополняющая республику артистическими кадрами, и выражалась надежда, что «гастроли... обогатят опыт работников театра» и порадуют не одну тысячу мордовских граждан, проживающих в Ленинграде²³.

В информационной справке Министерства культуры МАССР за 1970 г. были подведены итоги гастролей театральных коллективов Мордовии в сезоне. За пределы республики выезжал Государственный театр музыкальной комедии МАССР, работавший в июле на сценах г. Тулы, в августе — г. Херсона. Они дали 68 спектак-

лей, которые посетили 44 449 человек. В этом же сезоне Государственный театр драмы МАССР представил свою программу зрителям республики. В колхозах и совхозах было показано 186 спектаклей, которые посмотрели 36 800 зрителей. Республиканский театр кукол гастролировал с 12 мая по 4 августа 1970 г. по селам, райцентрам и пионерским лагерям МАССР и Горьковской области. Было организовано 213 спектаклей для детей, которые посетили 58 058 человек. В целом в справке было отмечено, что все выступления прошли на профессиональном уровне и имели успех²⁴.

Общественная организация СХ МАССР была образована в 1937 г. усилиями энтузиастов живописи И. Н. Абрамова, В. А. Березина, Б. П. Ермилова, С. В. Солдатова и В. Д. Хрымова. Основными задачами объединения являлись: создание условий для творческой деятельности членов союза, повышение профессионального уровня художников, организация республиканских и персональных художественных выставок, выпуск альбомов, каталогов и других изданий о художниках Мордовии. В 1953 — 1985 гг. председателями правления СХ были: В. Д. Хрымов (1952 — 1958), В. Д. Илюхин (1958 — 1963, 1967 — 1975), Е. Ф. Яшин (1963 — 1964), М. С. Шанин (1964 — 1965), В. А. Беднов (1965 — 1966, 1984 — 1988), А. И. Коровин (1975 — 1977), Н. С. Макушкин (1977 — 1981), Н. И. Шибаков (1981 — 1984)²⁵.

Направления деятельности СХ в полной мере раскрывают доклады его правления. Например, в годовом отчете председателя правления СХ МАССР В. Д. Хрымова от 5 апреля 1954 г. о работе союза в 1953 г. отмечалось, что за указанный период было проведено 4 общих собрания и 12 заседаний правления. На них решались вопросы об оказании денежной помощи художникам и председателю СХ на суммы соответственно 7 500 и 2 500 руб.; выделении путевок в дома творчества четверым членам организации; предоставлении творческих командировок в г. Москву на всероссийскую выставку и осмотр музеев пятерым художникам²⁶.

Особое внимание уделялось организации выставок и участию в них. В частности, в мае 1953 г. была проведена 12-я отчетная республиканская выставка, на которой экспонировалось 136 работ, в том числе 89 живописных, 3 скульптурных и 44 графических. С 28 июня по 1 сентября 1953 г. в 6 районах республики была проведена передвижная выставка, в которой приняли участие 13 членов СХ. На ней было представлено 60 работ, из которых 49 произведений живописи и 11 — графики. За два месяца выставку посетили 9 000 зрителей. В 1953 г. художники республики В. Д. Илюхин и В. Д. Хрымов приняли участие во Всероссийской выставке в г. Москве, в феврале 1954 г. В. Д. Илюхин участвовал в выставке маринистов.

В отчете было оценено состояние персональной творческой работы «по станковой живописи, графике и скульптуре за 1953 и 1954 гг.» каждого из мастеров, входивших в СХ, с указанием, что произведения, над которыми они работают, «готовятся к предстоящей в январе 1955 г. художественной выставке, посвященной 25-летию Мордовской АССР»²⁷. Дополнительным мероприятием, проведенным СХ, стала организация совместно с Домом народного творчества изостудии для самодеятельных художников Саранска. В отчете отмечалось также, что «систематически проводится работа по оказанию помощи самодеятельным художникам

путем консультации и вовлечения наиболее одаренных на занятия в студии при Союзе художников и при Доме народного творчества», оказывается поддержка Дому народного творчества по подготовке и организации выставок самодеятельного искусства²⁸.

СХ МАССР оказывал содействие Мордовскому обкому КПСС и Совету министров МАССР в подготовке и проведении юбилейных торжеств известных художников и деятелей искусств республики, например 100-летия со дня рождения Ф. В. Сычкова в 1970 г. и С. Д. Эрзи — в 1976 г., 150-летия со дня рождения академика портретной живописи, уроженца мордовского края И. К. Макарова в 1972 г.²⁹

В июне 1958 г. Совет министров МАССР постановил создать в Саранске при Мордовском отделении СХ СССР отделение Художественного фонда РСФСР с художественно-производственной мастерской со штатом в количестве трех человек. Целью отделения было улучшение условий практической работы мордовских мастеров живописи. Постановление явилось примером позитивного взаимодействия государственного органа власти и одного из творческих союзов республики³⁰.

В целом к середине 1980-х гг. изобразительное искусство Мордовии в результате активной творческой деятельности художников 1960 — 70-х гг. имело немало достижений. Творческий потенциал, накопленный талантливыми мастерами, во многом способствовал успешному развитию художественного искусства Мордовии и в последующие десятилетия. Реализм оставался ведущим методом в течение всего советского периода, так как имел сильную идеологическую поддержку. Нетерпимое отношение к малейшему несоответствию общепринятой норме тормозило развитие творческого сознания, затрудняло возникновение иных художественных тенденций. Альтернативные движения в художественном творчестве в данных условиях не получали дальнейшего развития. Однако с середины 1980-х гг. возникла новая общественная ситуация, которая способствовала устранению идеологического давления, долгое время оказываемого государственными органами культуры и СХ. Наряду с реалистической традицией стало проявляться искусство, заявившее о своей независимости от общепринятой иерархии эстетических ценностей. Важную роль в данном процессе играло молодежное объединение, основанное при СХ МАССР в 1970 г. и во многом определившее поступательное движение нового в искусстве республики³¹.

Рост числа профессиональных композиторов в Мордовии способствовал созданию Союза композиторов (СК) МАССР. Существовавшее до этого Объединение композиторов Мордовии (1955 — 1982) организовывало творческую деятельность только мордовских композиторов-любителей, чьи сочинения входили в репертуар участников музыкальной самодеятельности. В 1955 — 1965 гг. во главе объединения стоял основоположник мордовской профессиональной музыки Л. П. Кирюков, а в 1965 — 1982 гг. Г. И. Сураев-Королев. Среди наиболее известных членов организации были Л. В. Воронин, В. А. Белоклоков, С. И. Мишечкин, Г. В. Павлов, А. П. Путушкин из г. Саранска, М. И. Волков из г. Ардатова, Н. В. Киселев из г. Рузаевки, С. И. Тихов из г. Краснослободска, Г. А. Мазаев из с. Кочкурова, С. Н. Торбин из с. Ичалки. Со временем некоторые из них вошли в состав Верхневолжской организации композиторов³².

В докладной записке Л. П. Кирюкова в Министерство культуры МАССР о развитии мордовской музыкальной культуры за 1957 г. говорилось, что «в Мордовской республике имеется музыкальное училище с 200 учащимися и 36 преподавателями»; филармония, объединяющая ансамбль песни и пляски, симфонический оркестр и вокальную группу; группа композиторов из 12 человек; 12 детских музыкальных школ; самодеятельные хоровые коллективы при школах, домах культуры, клубах. Далее отмечалось, что «композиторская работа идет слабо и неорганизованно» за неимением достаточного количества кадров, а также слабое внимание уделяется развитию мордовской национальной музыкальной культуры. В итоге руководитель объединения композиторов рекомендовал: организовать теоретико-композиторское отделение в музыкальном училище для подготовки кадров композиторов, а также создать Союз композиторов за счет приглашения на работу специалистов из г. Москвы и других республик³³.

Несмотря на ограниченные возможности любительское объединение композиторов оказывало посильную помощь Мордовскому обкому КПСС, Совету министров и Министерству культуры МАССР в организации концертов, гастрольных выездов ведущих мордовских музыкальных коллективов — «Умарина», «Келу» и др. Так, по отчету инструктора Мордовского обкома КПСС М. Л. Сараева за 1964 г. Мордовский государственный ансамбль песни и танца за 9 месяцев выступил в республике с 311 концертами, которые посетили 114 094 зрителя. Выручка превысила 50 тыс. руб. В 1972 г. к 50-летию со дня образования СССР был запланирован показ достижений мордовского музыкального искусства. Мордовию в г. Москве и Марийской АССР представлял ансамбль «Умарина»³⁴. В апреле — мае 1973 г. Министерством культуры РСФСР была организована гастрольная поездка Мордовского народного ансамбля песни и танца «Келу» в ГДР. На проведение поездки из республиканского бюджета выделили 8 тыс. руб.³⁵

В 1982 г. был образован СК Мордовии. Первыми его членами стали композиторы А. А. Нестеров, Г. Г. Вдовин, Г. И. Сураев-Королев, музыковеды и педагоги Н. И. Бояркин, А. И. Макарова, Н. М. Ситникова, председателем правления — Г. Г. Вдовин (1982 — 1997). Основными задачами СК являлись: создание и улучшение условий для творческой деятельности членов организации; воспитание национальных кадров композиторов; укрепление творческих связей с музыкальными деятелями других регионов России; проведение фестивалей, музыкальных вечеров, концертов, конференций, т. е. популяризация музыки. В 1982 г. СК Мордовии выступил одним из организаторов ежегодного Фестиваля музыки композиторов Поволжья и Урала³⁶. Сочинения композиторов республики, изданные в сборниках вокально-хоровой и инструментальной музыки, стали широко известны за пределами Мордовии³⁷.

Реалистическая тенденция преобладала и в музыкальном искусстве. В резолюции Первого съезда композиторов МАССР от 26 февраля 1982 г. в качестве первоочередной задачи было выделено «всемерное укрепление связей музыкального творчества с жизнью народа», которое подразумевало «развитие масштабных жанров... и решительную борьбу против штампов, мелкотемья и дурных вкусов», а также содержался призыв к творческому содружеству композиторов с СП Мордовии «в деле создания массовой песни большого гражданского звучания». Кроме того, рекомендовалось уделить внимание созданию произведений, направленных на музыкально-

эстетическое воспитание подрастающего поколения; были определены меры по улучшению пропаганды мордовской музыки, в том числе изданию собранного музыкального фольклора³⁸.

Таким образом, период 1953 — 1985 гг. характеризовался прежде всего доминированием партийно-государственного аппарата в культурной жизни, литературе и искусстве Мордовской АССР. Союзы деятелей литературы и искусства проводили активные мероприятия, направленные на поддержку новаторских начинаний коллег по творческому цеху, однако они действовали под бдительным идеологическим контролем государственных органов. Поэтому литературные произведения, выправленные цензурой, выставки, спектакли, концерты, организованные и сыгранные с оглядкой на «верх», часто страдали шаблонностью, недостатком свежих творческих идей. Однако в 1970 — 80-е гг. началось вызревание новых тенденций в творческой жизни республики, которые в полной мере проявились в последующие десятилетия.

Библиографические ссылки

¹ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М., 1984. Т. 5. С. 407 — 408.

² См.: Писатели Мордовии : биограф. справ. Саранск, 2004. С. 5.

³ Там же. С. 10.

⁴ Культурное строительство в Мордовской АССР : сб. док. : в 2 ч. Саранск, 1988. Ч. 2. С. 179 — 180.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Там же. С. 181.

⁷ Там же. С. 182 — 183.

⁸ Там же. С. 186.

⁹ Там же. С. 199 — 200.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-356. Оп. 2. Д. 207. Л. 128 — 129.

¹¹ Там же. Л. 129 — 130.

¹² См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 184 — 185.

¹³ Там же. С. 200.

¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 703. Л. 39.

¹⁵ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 184.

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-356. Оп. 2. Д. 207. Л. 133.

¹⁷ Там же. Д. 126. Л. 35 — 36.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 47 — 48.

²⁰ См.: Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2004. Т. 2. С. 353.

²¹ Там же.

²² Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 206 — 207.

²³ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1804. Л. 417 — 418.

²⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-1122. Оп. 3. Д. 421. Л. 24 — 25.

²⁵ См.: Мордовия. С. 353.

²⁶ ЦГА РМ. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1. Л. 76 — 77.

²⁷ Там же. Л. 78, 81.

²⁸ Там же. Л. 83.

²⁹ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 246, 250, 252.

³⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1790. Л. 183.

³¹ См.: Искусство Мордовии конца XX — начала XXI века: новые пути : альбом. Саранск, 2004. С. 6 — 9.

³² См.: Союз композиторов Республики Мордовия : справочник. Саранск, 2007. С. 4.

³³ ЦГА РМ. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 224. Л. 21 — 24.

³⁴ Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 224, 227 — 228.

³⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 181. Л. 63 — 64.

³⁶ Мордовия. С. 352.

³⁷ См.: Союз композиторов Республики Мордовия. С. 4.

³⁸ См.: Культурное строительство в Мордовской АССР. С. 230 — 231.

Поступила 20.09.2010 г.

УДК 323(470.345):008

Л. В. Сульдина

L. V. Suldina

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА МОРДОВИИ В 1970 — 80-е гг.

THE CULTURAL POLICY OF MORDOVIA IN 1970 — 80s.

Ключевые слова: культура, культурная политика, партийные и государственные органы, учреждения культуры.

В статье рассматриваются вопросы управления учреждениями культуры Мордовии и развития их материально-технической базы.

Key words: culture, the cultural policy, party and state organs, institutions of culture.

Problems of institutions of culture administration of Mordovia and development of their material and technical basis are considered in the article.

В СССР с начала 1970-х гг. наблюдалось отставание развития культуры от экономического и социального роста страны. Поэтому остро встал вопрос о повышении престижа учреждений культуры как важных центров общественной и культурной жизни городов и сел. В связи с этим в 1970 — 80-е гг. были приняты меры, направленные на совершенствование управления учреждениями культуры и их работы.

В советском обществе осуществлялся плановый подход к развитию культуры, целью которого являлось обеспечение максимального числа людей культурными благами. Советское государство было тем внешним органом, который полностью регулировал культурную деятельность.

Непосредственное управление культурными процессами в республике, согласно Конституции МАССР, осуществляли министерства культуры и просвещения, а также Комитет по телевидению и радиовещанию (утвержден постановлением Совета министров МАССР от 21 декабря 1973 г.¹), управления кинофикации

(утверждено постановлением Совета министров МАССР от 16 февраля 1973 г., впоследствии — государственный комитет²), по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (утверждено постановлением Совета министров МАССР от 18 ноября 1974 г., впоследствии — государственный комитет³). Они подчинялись Совету министров Мордовской АССР и соответствующим государственным органам РСФСР.

Наиболее значимыми в системе государственных органов управления культурой были министерства просвещения и культуры. Министерство просвещения МАССР осуществляло руководство общим средним образованием и дошкольным воспитанием в республике, несло ответственность за состояние и дальнейшее развитие системы народного образования, за качество обучения и воспитания детей и молодежи в общеобразовательных школах, детских дошкольных и внешкольных учреждениях⁴. Министерство культуры МАССР контролировало сферу управления наукой и культурой. В частности, оно руководило выпуском учебников, направляло деятельность высших учебных заведений, устанавливало порядок утверждения литературно-режиссерских сценариев, осуществляло прокат отечественных фильмов на территории региона и т. д.

20 января 1971 г. постановлением Совета министров Мордовской АССР было утверждено Положение о Министерстве культуры Мордовской АССР, согласно которому оно стало осуществлять руководство развитием театрального, музыкального, хореографического, изобразительного, декоративно-прикладного и эстрадного искусства, а также культурно-просветительской работой в республике. Кроме того, министерство несло ответственность за состояние и дальнейшее повышение идейно-художественного уровня работы подведомственных учреждений культуры и искусства⁵. Министерство культуры осуществляло практическую деятельность в тесном сотрудничестве с союзами писателей, художников и композиторов, Мордовским отделением Всероссийского театрального общества, хоровым обществом МАССР, Мордовским республиканским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также с профсоюзными, комсомольскими и другими общественными организациями.

Основой роста культуры Мордовской АССР являлось создание необходимой инфраструктуры — материальной базы учреждений и институтов культуры в виде развитой сети учебных заведений, клубов, дворцов и домов культуры, библиотек, театров, музеев и подготовка необходимых для них кадров. Особое внимание уделялось техническим средствам, способствующим распространению культуры, что обеспечивало доступность народу печатных изданий, кино, радиовещания, телевидения. Эти вопросы систематически обсуждались на заседаниях бюро обкома КПСС и Совета министров МАССР⁶.

Материально-техническая база культуры в начале рассматриваемого периода выглядела следующим образом: в 1970 г. в республике работали 845 клубных учреждений, 883 киноустановки, 7 музеев, 2 театра⁷, 615 массовых библиотек с книжным и журнальным фондом свыше 6 тыс. экземпляров⁸. В то же время на сессии Верховного Совета Мордовской АССР отмечалось, что в республике около одной тысячи населенных пунктов не имели клубных учреждений, а из действовавших 100 — находилось в аварийном состоянии, 301 — размещалось в приспособленных помещениях,

в 111 — не было баянов, в 372 — технических средств для культурно-просветительской работы⁹.

Разработка культурной политики была одним из основных направлений в деятельности КПСС. По различным вопросам культуры были приняты следующие постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР: «О литературно-художественной критике» (1972 г.), «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии», (1972 г.), «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов» (1975 г.), «О работе с творческой молодежью» (1976 г.), «О мерах по дальнейшему развитию самостоятельного художественного творчества» (1978 г.), «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» (1978 г.), «Об улучшении производства и показа кинофильмов для детей и подростков» (1981 г.), «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» (1982 г.) и др.¹⁰

Меры, принятые партийными и советскими органами в соответствии с данными постановлениями, способствовали увеличению капитальных вложений в строительство учреждений культуры и искусства в Мордовии. На их содержание в республике за девятую пятилетку (1971 — 1975 гг.) было израсходовано около 36 млн руб., что почти на 11 млн руб. больше, чем за восьмую пятилетку. Расширилась сеть культурно-просветительных учреждений. Так, были открыты дома-музеи Ф. В. Сычкова (с. Кочелаево Ковылкинского района, 1970), Л. П. Кирюкова (с. Анаево Зубово-Полянского района, 1970 г.), С. Д. Эрзи (с. Баево Ардатовского района, 1976 г.); кинотеатры «Луч» (с. Старое Шайгово Старошайговского района, 1971 г.), «Искра» (г. Рузаевка, 1971 г.); Саранское художественное училище (1976 г.); Республиканская юношеская библиотека (1978 г.) и др. Во всех городах республики и почти в каждом районном центре были созданы любительские коллективы, детские музыкальные школы, в некоторых райцентрах работали детские художественные школы. В клубных учреждениях функционировало около 4 500 различных кружков и любительских объединений, в которых занимались самостоятельным художественным творчеством более 50 тыс. человек¹¹.

В 1972 — 1973 гг. в ряде областей РСФСР, в том числе в Мордовии, был проведен эксперимент по централизации библиотечных фондов. На базе городских и районных библиотек была создана единая сеть с общим штатом, книжным фондом, централизованным комплектованием и обработкой литературы. Реорганизация была вызвана наличием многочисленных фондов библиотек, их разобщенностью, обособленностью, что создавало трудности в пополнении книжных фондов учреждений. Активная работа в этом направлении началась после выхода постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» от 8 мая 1974 г.¹² Централизованные библиотечные системы г. Саранска, Ардатовского, Большеигнатовского, Ковылкинского и Темниковского районов перевыполнили в 1978 г. производственные планы и социалистические обязательства. Во всех системах значительно были улучшены качественные показатели библиотечного обслуживания читателей, эффективно велась информационная работа. Заметно активизировали работу детские библиотеки республики. Так, в 1978 г. их фонды насчитывали 874 тыс. экземпляров, что на 116 тыс. экземпляров больше по сравнению с 1970 г. Число читателей в 1975 г. составило 69 тыс. детей и подростков, что

на 17 тыс. больше, чем в 1970 г.¹³ В 1980 г. в республике действовало 26 централизованных систем, объединявших 594 государственные и 34 профсоюзные библиотеки¹⁴. В 1978 — 1979 гг. читательская аудитория в республике составила 53,2 %, читаемость — 20,7 % при плане 20,6 %¹⁵.

В связи с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» от 10 сентября 1977 г.¹⁶ местные Советы народных депутатов стали глубже вникать в содержание политической и культурно-просветительной работы, больше заниматься деятельностью сельских клубов и библиотек. Так, в 1978 г. бюро обкома КПСС и Совет министров Мордовской АССР одобрили инициативу Ардамовского района о проведении трехлетки (1978 — 1980) по дальнейшему улучшению материальной базы культуры и культурного обслуживания сельского населения в связи с 50-летием образования Мордовской АССР. За этот период клубные учреждения провели более 200 тыс. различных мероприятий, которыми было охвачено около 16 млн человек. В большинстве домов культуры, клубов, библиотек заметное развитие получили такие формы и методы работы, которые позволяли осуществлять дифференцированный творческий подход к социальным и возрастным группам населения. Главными показателями эффективной культурной политики были развитие сети учреждений культурного обслуживания населения, ее рациональное размещение и укрепление материальной базы. В указанный период было открыто 7 библиотек, 3 детские музыкальные школы, создано 6 любительских народных коллективов, 6 автоклубов, научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы, было построено 28 клубов и домов культуры на 5 600 мест, приобретено необходимое количество музыкальных инструментов и сценических костюмов для участников художественной самодеятельности. На эти цели было израсходовано более 1 млн руб. Наибольших успехов в выполнении заданий трехлетки культуры добились Чамзинский, Темниковский и Инсарский районы, а памятное Красное знамя было присуждено Ковылкинскому району¹⁷.

Однако, провозгласив социальную и культурную политику как одну из важнейших целей, партия и правительство в 1970 — 80-е гг. не смогли в полной мере обеспечить ее реализацию. Например, в 1979 г. капиталовложения, выделенные на строительство Zubово-Полянского Дома культуры, были освоены на 77 %. Низкими темпами велось строительство Атяшевского (из 306 тыс. руб. капиталовложений освоено 165 тыс. руб., или 54 %) и Теньгушевского (соответственно из 259 тыс. руб. — 11 тыс. руб., или 4,3 %) районных домов культуры. Совхозами республики из 977 тыс. руб., выделенных государством, было освоено 211 тыс. руб., или 21 %¹⁸. Это объяснялось не только серьезными недостатками в работе строительных организаций, но и отсутствием ответственности некоторых руководителей исполкомов местных Советов, а также колхозов и совхозов.

Одним из примечательных явлений в развитии культуры и искусства республики в 1980-е гг. стало создание широкой сети культурно-просветительных учреждений. Так, по сравнению с 1970 г., количество клубов увеличилось на 39, массовых библиотек — на 47, составив 652 с книжным и журнальным фондом 7 214 экземпляров, киноустановок — на 2 (885), музеев — почти вдвое — 12¹⁹.

Это объяснялось укреплением экономики республики и возросшими культурными запросами людей. В связи с ростом авторитета культурно-просветительных учреждений среди населения постоянно совершенствовались содержание, формы и методы работы средств массовой информации — печати, радио, кино и телевидения. Работа библиотек республики получила высокую оценку правительства РСФСР и ВЦСПС. По итогам Всероссийского социалистического соревнования «За лучшую постановку библиотечного обслуживания населения» по Волго-Вятской зоне в 1979 г. Мордовской АССР присуждено переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСП²⁰.

Однако, если рассматривать позитивные сдвиги в социокультурной сфере не в целом, а с точки зрения оснащенности ее компонентами каждого конкретно взятого района, населенного пункта и его жителя, то ситуация будет выглядеть значительно хуже. Так, к середине 1980-х гг. из 1 420 сельских поселений в 550 (39 %) отсутствовали клубные учреждения, в том числе в 247 поселениях с числом жителей до 50 человек, в 184 с числом жителей до 1 тыс. человек, 90 — до 200, 18 — до 500 и в 11 — 1 тыс. человек и более. Многие клубные учреждения были малопригодными или непригодными для эксплуатации, например в Дубенском районе доля таких составляла 48 %, в Инсарском — 25 %, в Ковылкинском — 9 %. Более 40 % опрошенных сельских клубных работников указывали на необходимость пополнения домов культуры музыкальными инструментами, видеомагнитофонными комплексами, студийными магнитофонами, кино- и фотоаппаратурой. Лишь 19,6 % респондентов были удовлетворены материально-технической базой своего клубного учреждения. Еще более тревожная ситуация сложилась с обеспеченностью клубов квалифицированными кадрами: из 1 248 сельских культпросветработников только 3 % имели высшее образование, в том числе 1,4 % — специальное, 30,6 % — среднее специальное, а 66,4 % — не имели среднее образование²¹.

В Программе КПСС говорилось: «В стране осуществлена культурная революция. Она вывела трудовые массы из духовного рабства и темноты, приобщила их к богатствам культуры, накопленным человечеством. Страна, большинство населения которой было неграмотным, совершила гигантский взлет к вершинам науки и культуры»²². Эта оценка имела отношение и к мордовскому народу, но, несмотря на значительные успехи в культурном строительстве, работа учреждений культуры республики не отвечала современным требованиям. На V пленуме Мордовского обкома КПСС, состоявшемся в марте 1987 г., подчеркивалось, что за последние годы создано немало посредственных, лишенных эстетического вкуса, серьезного художественного и философского обобщения произведений. Ряд спектаклей республиканских театров драмы и музыкальной комедии страдает мелкотемьем, не вызывают должного интереса у зрителей. Требуется дальнейшего улучшения и материальная база культпросветучреждений²³. Несмотря на то, что за последние годы в республике велось строительство культурных учреждений, однако потребность в строительстве новых была велика. Например, в Рузаевском районе за годы девятой пятилетки введен в действие всего один сельский Дом культуры, а в Атюрьевском районе он отсутствовал. Ни одно промышленное предприятие г. Саранска не имело своего Дома культуры. Поэтому XXVII съезд КПСС нацелил деятельность партийных организаций в области культурного строительства «...на решение задач все более полного

удовлетворения духовных запросов и интересов людей, обеспечения условий для реализации их способностей, содержательного использования свободного времени»²⁴.

Таким образом, культурная политика, проводившаяся в 1970 — 80-е гг. в СССР, в том числе в Мордовии, представляла собой систему партийно-государственного руководства сферой культуры и искусства. При этом главное внимание уделялось укреплению материальной базы учреждений культуры, а не вопросам управления и качества содержания их деятельности.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Собрание действующего законодательства Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1981. Т. 2. Ч. 2. С. 234.
- ² Там же. Т. 2, ч. 2. С. 227 ; Т. 2, ч. 3. С. 109.
- ³ Там же. Т. 2, ч. 2. С. 217 ; Т. 2, ч. 3. С. 109.
- ⁴ Там же. Т. 2, ч. 3. С. 140 — 141.
- ⁵ Там же. Т. 2, ч. 2. С. 182.
- ⁶ Там же. С. 183.
- ⁷ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР за годы девятой пятилетки. 1971 — 1975 гг. : стат. сб. Саранск, 1976. С. 191.
- ⁸ См.: Мордовии 70 лет : юбилейн. стат. сб. Саранск, 1999. С. 77.
- ⁹ См.: **Житаев В. Л., Седина И. В.** Культурное строительство на селе Мордовии 1945 — 1995 гг. Саранск, 2006. С. 31 — 32.
- ¹⁰ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М., 1986. Т. 12. 576 с. ; Т. 13. 512 с.
- ¹¹ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 2. Д. 31. Л. 340 ; Д. 403. Л. 82 ; Д. 66. Л. 16 ; Д. 88. Л. 124 ; Д. 31. Л. 340 ; Д. 557. Л. 390.
- ¹² См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях... Т. 12. С. 418.
- ¹³ См.: **Сурков В. М.** К вопросу о деятельности местных Советов Мордовской АССР по культурному обслуживанию населения (1971 — 1978 гг.) // Вопросы истории Мордовской АССР. Саранск, 1982. Вып. 66. С. 130 — 131.
- ¹⁴ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР... С. 190.
- ¹⁵ См.: **Зусин А. Э.** Социокультурное развитие Мордовии : Вторая пол. 1960-х — сер. 1980-х гг. Саранск, 2006. С. 362.
- ¹⁶ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях... Т. 13. С. 218.
- ¹⁷ См.: **Зусин А. Э.** Указ. соч. С. 362 — 363.
- ¹⁸ Там же. С. 364 — 365.
- ¹⁹ См.: Народное хозяйство Мордовской АССР... С. 230 — 233.
- ²⁰ **Бовтун В. С.** Культурная политика в 1970 — 1990-х гг. (на примере Сибирского региона). Барнаул, 2004. С. 356.
- ²¹ См.: **Балашов В. А.** Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск, 1992. С. 223.
- ²² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976. С. 14.
- ²³ Цит. по: Действовать активно, настойчиво // Совет. Мордовия. 1987. 3 марта.
- ²⁴ **Зусин А. Э.** Указ. соч. С. 19.

Поступила 19.01.2011 г.

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИИГН В 2010 г.

В 2010 г. в НИИГН работали 64 сотрудника, из которых 47 — научные сотрудники, в том числе 11 докторов (23,4 %) и 35 кандидатов (74,5 %) наук. Общая доля научных кадров, имеющих ученую степень, составляет 97,9 %. Действовала аспирантура. Осуществлялась образовательная деятельность по 9 специальностям послевузовского образования: отечественная история; археология; этнография, этнология и антропология; литература народов Российской Федерации (финно-угорская); фольклористика; языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки); экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика); политические институты, процессы и технологии; теория и история культуры.

Институт вел работу по трем направлениям, посвященным вопросам социально-экономического развития республики, развития культурных связей диаспоры и информатизации общества, изучения исторического прошлого и настоящего региона.

В отчетном году сотрудники института завершили работу над следующими исследовательскими проектами: «**Мордовия в период реформ конца XX века**», «**Этнокультурный мир Мордовии**», «**Толковые словари мордовских (мокшанского и эрзянского) языков**», «**Литературная энциклопедия**», «**Саранск: история и современность**». Продолжалась работа над исследовательскими проектами «**Православная Мордовия**» (т. 2), «**Археология Мордовского края**» (т. 2), «**Экономика Мордовии 1991 — 2000 гг.**», «**Свод документов и материалов по истории и культуре Мордовского края**». Общий объем исследовательских проектов в этом году составил 245 авт. л.

В 2010 г. вышли в свет 4 номера научного журнала «**Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия**». Тираж — 300 экз. Общий объем номеров составил 80,3 усл. изд. л. Издано 4 номера научно-публицистического журнала «**Центр и периферия**». Его тираж — 500 экз. Общий объем номеров составил 66,0 усл. изд. л.

В серии «**Современные исследования**» вышла монография «**Колхозная деревня Мордовии в условиях „оттепели“ (1953 — 1964)**» Т. Ю. Задковой. Книга посвящена социально-экономическому развитию колхозной деревни Мордовии в середине 1950-х — первой половине 1960-х гг. В ней проанализированы основные тенденции развития колхозного производства в эти годы и подведены итоги реформирования аграрного сектора экономики республики. Рассмотрены демографические процессы в деревне, выявлены изменения, произошедшие в материальном положении крестьянства. Освещена кадровая политика республиканского руководства в отношении председателей колхозов и специалистов сельского хозяйства.

В серии «Мордовия. XX век» издан энциклопедический справочник **«Мордовия, XX век: культурная элита»** (т. 1). В нем представлены биографические статьи о руководителях и организаторах культурной политики в Мордовии, ученых, организаторах науки, педагогах, организаторах образования, писателях, журналистах, художниках, композиторах, артистах, людях творческих профессий, библиотечных и клубных работниках, внесших существенный вклад в культурное развитие региона.

В связи с празднованием 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства в рамках исследовательского проекта «Свод документов и материалов по истории и культуре Мордовского края» подготовлен сборник материалов уездных съездов Советов Мордовии **«Общество и власть (1918 — 1920)»** (т. 1).

Вышли в свет материалы научной сессии, посвященной 75-летию создания НИИГН, которая состоялась в феврале 2008 г., — **«Современные гуманитарные науки: история и современность»**. В сборнике опубликованы доклады и выступления участников научного мероприятия.

Кроме плановых издательских проектов институтом были осуществлены следующие проекты:

— книга **«Патриарх Никон: стяжание Святой Руси — созидание Государства Российского»** (т. 2). Монография посвящена наследию выдающегося церковного и государственного деятеля России Святейшего Патриарха Никона (1605 — 1681). В ней освещается широкий круг проблем не только эпохи Патриарха Никона, но и ее исторического контекста, — от прошлого к будущему: социально-политическая динамика развития церковно-общественных и государственно-политических, земельно-имущественных и правовых отношений, международная политика и социокультурное взаимовлияние, становление государственной идеологии и безопасности, развитие отечественной философской, богословской, аксиологической, святоотеческой, социально-политической мысли и др. Все представленные материалы выполнены на основе широкого круга источников, среди которых впервые главными являются собственно труды Патриарха Никона. Проект выполняется совместно с Российской академией государственной службы при Президенте Российской Федерации;

— книга **«Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакасия»** Л. И. Никоновой, Л. Н. Щанкиной, Т. В. Гармаевой. В ней впервые представлен материал, раскрывающий переселенческое движение мордовского народа в Сибирский регион с конца XIX в. до 1970-х гг. На основе собранных материалов рассмотрена повседневная жизнь мордвы: ее хозяйственная деятельность, промыслы, поселения, жилища и хозяйственные постройки, традиционная пища и утварь, семейный и общественный уклад. Исследование основано на архивных, статистических и полевых материалах. Приведено большое количество документов (постановления, указы, решения и т. п.), касающихся переселенческого движения в XIX — XX вв.;

— книга **«Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 — 1920 гг.»** В. А. Юрченкова. В монографии анализируются проблемы взаимоотношения власти и общества в российской провинции в условиях социальных конфликтов 1918 — 1920 гг. В качестве объекта исследования

выступили уезды Мордовии, в которых реалии Гражданской войны и «военного коммунизма» имели определенную специфику.

Общий объем издательской продукции института в отчетном году составил 390,1 усл. изд. л.

Сотрудники института принимали участие в международных, всероссийских и республиканских научных мероприятиях. По их итогам было подготовлено около 50 авт. л. докладов и сообщений, опубликованных в материалах конференций. Кроме того, сотрудники и аспиранты института опубликовали более 100 авт. л. научных статей в международных, российских и региональных научных журналах и сборниках статей.

НИИГН выступал в качестве ведущей научной организации на защите докторских и кандидатских диссертаций. Научными отделами института были подготовлены отзывы и рецензии на диссертационные исследования, другие научные, учебные и учебно-методические работы.

Важной составляющей научной деятельности НИИГН являются **этнографические экспедиции**. В августе 2010 г. сотрудники института под руководством главного научного сотрудника — заведующего отделом археологии и этнографии, доктора исторических наук, профессора Л. И. Никоновой при поддержке РГНФ провели этнографическую экспедицию на Урал и в Зауралье. В ходе экспедиции были исследованы Сысертский район (пос. Двуреченск, с. Ключи) Свердловской области, Троицкий район (пос. Искра, Садовое, Каменная Речка, с. Скалистое) Челябинской области, Кетовский (с. Меньшиково, Садовое), Юргамышский (с. Горохово, Гагарье) и Половинский (с. Башкирское) районы Курганской области.

В отчетном году сотрудники и аспиранты института выполнили научные исследования по 9 проектам Регионального конкурса РГНФ «Волжские земли в истории и культуре России»:

— Языковое строительство в мордовском крае в 1920 — 30-е гг. (руководитель проекта — А. В. Чернов);

— Наследие. Сборник историко-этнографических документов о мордве. А. А. Герасимов — основоположник научного изучения истории мордовского народа (руководитель проекта — В. А. Юрченков);

— Исследование тенденций развития инновационной деятельности организаций региона в условиях финансового кризиса и оценка эффективности мер государственной поддержки (на примере Республики Мордовия) (руководитель проекта — В. Н. Кечемайкин);

— Архетипы мордовского этноса (руководитель проекта — Д. Ф. Ильин);

— Переселенческие движения мордвы на Урал в XIX — XX вв. (историко-этнографический аспект) (руководитель проекта — Л. И. Никонова);

— Налоги и повинности дворцового населения Арзамасского уезда в XVII — начале XVIII в. (руководитель проекта — С. В. Видяйкин);

— Семантико-структурные особенности сложноподчиненных предложений в эрзянском языке (руководитель проекта — О. Ю. Цыплякова);

— Сказовые формы мордовской литературы (руководитель проекта — И. И. Шенянова);

— Мордовская мифология: генезис и трансформации (руководитель проекта — Н. Г. Юрченкова).

В 2010 г. институтом и творческим объединением «Куйгорож» в рамках подготовки к 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства был создан документальный фильм **«Вместе против Орды»**, рассказывающий о совместной борьбе русских и мордвы с золотоордынским игом. Авторы сценария — В. А. Каланов и В. А. Юрченков. Режиссер — В. А. Каланов. В январе 2011 г. фильм был отмечен дипломом Главы Республики Мордовия.

В отчетном году сотрудники института выполняли научно-экспертную работу в составе Регионального экспертного совета РГНФ. В апреле 2010 г. представители института приняли участие в форуме «Дни Республики Мордовия в Приморском крае». Кроме того, на протяжении года сотрудники института участвовали в работе Совета исполкома Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, Координационного совета Поволжского центра культур финно-угорских народов, Общественной палаты Республики Мордовия, Общественной палаты Российской Федерации. В рамках сотрудничества с Общественной палатой Республики Мордовия на базе института осуществлялся мониторинг состояния институтов гражданского общества в Мордовии, проводились слушания Комиссии по здравоохранению, формированию здорового образа жизни, спорту и туризму, а также Комиссии по вопросам развития гражданского общества, местного самоуправления.

В 2010 г. научные издания НИИГН были представлены на ряде конкурсов и получили высокое общественное признание. В июне 2010 г. на состоявшемся в г. Ижевске III Приволжском межрегиональном конкурсе «Университетская книга — 2010» институт был награжден дипломами в трех номинациях: «Лучшее издание по истории и культуре региона участника» — за монографии «Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы» В. Н. Шитова, В. В. Ставицкого, А. И. Королева, В. В. Гришакова и «Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации» Н. Г. Юрченковой; «Лучшее сериальное издание» — за монографии «Мордва юга Сибири» Л. И. Никоновой и др., «Мордва Западной Сибири. Часть 1. Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции» Л. И. Никоновой, Л. Н. Щанкиной, Ж. В. Шерстобитовой, «Мордва Саратовской области. Часть 1. Петровский район» Л. И. Никоновой, Л. Н. Щанкиной, Т. Н. Охотиной, С. А. Махалова и «Мордва Дальнего Востока» Л. И. Никоновой, Л. Н. Щанкиной, Н. Н. Авдошкиной, В. П. Савки, представляющие серию «Мордва России», и «Лучшее периодическое издание» — за научно-публицистический журнал «Центр и периферия» (2009, № 1 — 4).

В сентябре 2010 г. издания института стали призерами V Международного конкурса «Университетская книга — 2010», проходившего в г. Москве. В номинации «Лучшее краеведческое издание» дипломами были отмечены книги «Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы» В. Н. Шитова и др. и «Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации» Н. Г. Юрченковой; в номинации «Лучший издательский проект» — проект «Мордва России» (руководитель Л. И. Никонова).

В октябре 2010 г. журнал «Центр и периферия» был удостоен почетного диплома Фонда им. Д. С. Лихачева как победитель российского конкурса краеведческих периодических изданий.

Подготовила Г. А. Куришева.

О ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ СЕМИНАРОВ В НИИГН В 2010 г.

Одной из форм повышения квалификации сотрудников НИИГН в 2010 г. являлись научно-методические семинары, которые позволяют формировать умение анализировать, обобщать, выявлять и применять инновационные идеи в своей профессиональной деятельности.

Семинары проводились во всех научных отделах института. Так, в отделе истории состоялось шесть семинаров. В ходе семинара на тему «Мордовский край в период монголо-татарского ига» (ответственный — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом Е. Н. Бикейкин) рассматривалась история разгрома монголо-татарскими войсками государств Восточной Европы в целом и опустошения мордовского края, в частности. Была выявлена специфика существования мордовских территорий в свете взаимоотношений Руси и Золотой Орды. Семинар «Российское государство и мордовский край: этапы интеграции в XIV — XV вв.» (ответственный — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник С. В. Видяйкин) был посвящен анализу одного из важнейших этапов процесса единения мордовского народа с народами многонационального Российского государства — XIV — XV вв., когда мордва активно участвовала в совместных с русскими выступлениях против татарского ига. С. В. Видяйкин особо остановился на начальном периоде территориального вхождения мордовского края в состав русских земель. Тема следующего семинара — «Казанские походы XVI в.». Научный сотрудник С. В. Батаев рассказал о казанских походах Ивана IV, в которых активное участие принимали представители мордовского народа, чьи подвиги были высоко оценены царем. Особое внимание С. В. Батаев уделил Свяжской присяге, ознаменовавшей окончание процесса вхождения мордовского края в состав Российского государства. Семинар «Смутное время Российского государства в начале XVII в. и мордовский край» (ответственный — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник С. А. Ивлев) представлял собой обсуждение одного из узловых этапов отечественной истории — Смутного времени, оказавшего значительное влияние на жизнедеятельность мордовского края в XVII в. С. А. Ивлев сделал акцент на участии мордвы в составе ополчения Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, а также на подвиге мордовского мурзы Баюша Разгильдеева, разгромившего крупный ногайский отряд, угрожавший ударить в тыл второму ополчению. На следующем семинаре С. В. Батаев рассмотрел историческую концепцию видного историка XIX в. М. П. Погодина, раскрыв как положительные стороны, так и отдельные недостатки его научного подхода и методологии, касающихся отечественной истории. В ходе обсуждения книги «Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ)» Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной были представлены их взгляды на развитие национального самосознания финно-угорских народов на рубеже XX — XXI вв. и влияние этого процесса на гражданскую консолидацию в России. Возникла дискуссия о правомерности их методологии, а также о сильных и слабых сторонах их подхода к данной проблематике.

Эта монография стала предметом обсуждения и в отделе современного регионального развития. Кроме того, один из семинаров отдел посвятил теме «Понимание финно-угорского мира в современной этнополитической литературе» (ответственный — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом А. Н. Чекушкин). Были подробно проанализированы позиции ученых, занимающихся вопросами финно-угорского мира сквозь призму этнополитических процессов и политических реалий современности. А. Н. Чекушкин отметил, что происходит очевидное смещение интересов в области «финно-угорского сотрудничества» из сферы культурных обменов и культурных инициатив в сферу политики. Повышенный интерес политической науки к исследованию финно-угорского мира предопределен мобилизацией этничности под патерналистским влиянием региональных элит. Отсюда появляется необходимость выработки адекватных современным реалиям и их вызовам теоретических представлений о возможных границах этнонационального самоопределения народов России, в частности финно-угорских. В ходе семинара «Основные проблемы и перспективы экономического развития Республики Мордовия» (ответственный — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела И. Г. Кильдюшкина) была дана оценка экономического состояния региона и сделан вывод о том, что к сдерживающим факторам развития внешней и внутренней среды республики относятся финансовый кризис и снижение мировых цен на сырьевые составляющие российского экспорта, бюджетный дефицит, кризис платежей, ослабление роли государства в регулировании экономического развития, несовершенство законодательной базы, сложность налоговой системы, а также большая налоговая нагрузка на предприятия и отсутствие реального бюджетно-налогового федерализма.

Научно-методические семинары отдела археологии и этнографии проводились в рамках приоритетного направления его работы в 2010 г. — изучение культурного наследия мордвы, русских, татар и других народов, населяющих Республику Мордовия, обобщение и систематизация этого материала с учетом современного развития этнологической науки. В ходе семинаров «Исследование мордовской диаспоры: вчера и сегодня» и «Этнокультурное исследование народов, проживающих на территории Республики Мордовия» (ответственный — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий отделом Л. И. Никонова) было отмечено, что назрела необходимость создания единой программы по изучению не только мордовской диаспоры, но и народов Поволжья в целом, что поможет организации этнологической службы в регионах, способной взять на себя работу по координации всестороннего изучения народов России, созданию программ сотрудничества, проектированию программ кросс-культурного обмена и взаимодействия. Семинар «Этноархеология: к постановке проблемы» (ответственный — старший научный сотрудник Т. Н. Охотина) был посвящен анализу методолого-теоретических положений и историографических аспектов проблемы интеграции археологии и этнографии при исследовании проблем культуры и социума. Темой следующего семинара стали особенности организации этнографических экспедиций. Л. И. Никонова рассказала об экспедициях в Сибирь, на Дальний Восток (2001 — 2009 гг.) и Урал (2010 г.), в ходе которых были выявлены, обработаны, систематизированы и проанализированы материалы, хранящиеся в архивах исследованных регионов, а также собран обширный полевой и фотоматериал. На двух других семинарах была рассмотрена специфика

архивной работы по переселению мордвы на примере Сибири, Дальнего Востока (ответственные — Л. И. Никонова, соискатель В. П. Савка, докторант Института этнологии и антропологии РАН Л. Н. Щанкина) и Урала (ответственные — Л. И. Никонова, научный сотрудник Т. В. Аксенова, младший научный сотрудник М. М. Фадеева). Кроме того, один из семинаров традиционно был посвящен знакомству вновь зачисленных и прикрепленных к аспирантуре института аспирантов и соискателей отдела с работой отдела и института, а также с деятельностью ведущих отечественных и зарубежных археологов и этнографов.

В отделе языкознания в рамках методического семинара состоялось обсуждение словаря «Эрзянь-рузонь антонимень валкс» («Эрзянско-русский словарь антонимов») Р. Н. Бузаковой и Е. Н. Лисиной, вышедшего в 2009 г. в Издательстве Мордовского университета. Кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом А. Н. Келина отметила, что основными задачами словаря являются показ нормативного употребления антонимов в современном эрзянском языке, раскрытие их значений и показ приемов их использования в разных стилях. Темой другого семинара стало обсуждение учебника «Неень шкань эрзянь келесь. Фонетика» («Современный эрзянский язык. Фонетика») М. Д. Имайкиной, изданного в 2008 г. Основной вывод, сделанный в ходе работы семинара, заключается в том, что учебник написан на высоком профессиональном уровне, подготовлен в соответствии с университетской программой по современному эрзянскому языку и будет способствовать повышению качества преподавания вопросов фонетики — фонологии, а также уровня лингвистической подготовки студентов. На семинаре «Возрождение устаревших слов в романе А. Доронина „Кузьма Алексеев“» (ответственный — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Л. А. Гурьянова) основное внимание было уделено богатству языкового колорита, который достигается благодаря использованию автором устаревших, давно забытых слов. Л. А. Гурьянова отметила, что этот прием способствует совершенствованию и обогащению лексического фонда мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. На семинаре «Подача омонимов и омоформ в „Мокшанско-русском словаре“» (ответственный — А. Н. Келина) был поднят вопрос о том, что омонимия в мордовском языкознании недостаточно разработана и остается вне поля зрения исследователей. Отсутствие четкой методики, общетеоретической основы различения и описания омонимов, чтобы можно было принимать однозначные решения в бесконечном количестве разнообразных конкретных случаев, приводит к путанице в словарной работе.

В отделе литературы и фольклора одной из тем для обсуждения было выбрано театральное искусство Мордовии XX в. в социокультурном пространстве республики (ответственный — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом И. В. Зубов). Были рассмотрены основные подходы к изучению театрального искусства в истории и культуре финно-угорских областей и республик России, выявлены общие тенденции развития. Особое внимание было уделено вопросам периодизации развития театрального искусства и драматургии как его основы в контексте взаимосвязи с историко-культурными изменениями в стране и республике. Темой следующего семинара стал жизненный и творческий путь народных писателей и поэтов Мордовии К. Г. Абрамова, И. М. Девина, А. М. Доронина и И. А. Калинкина (ответственный — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник И. И. Шеянова). Были выявлены жанрово-видовая специфика

и особенности воплощения авторского замысла в творчестве этих писателей. На семинаре «Жертвоприношение под строящийся город или другой объект» (ответственный — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник А. М. Шаронов) анализировался обряд приношения в жертву девушки под строящееся сооружение — город Казань, церковь, мельницу, пруд в большом цикле лиро-эпических мордовских песен. Акцент делался на сюжетах, персонажах, поэтике и эстетике произведений, связи их содержания с мифологией. А. М. Шаронов показал историческую обусловленность воспроизводимого в песнях обряда жертвоприношения, раскрыл причины популярности этих песен, сохранившихся до настоящего времени, и провел параллели с песнями данной тематики у других европейских народов. На семинаре «Отражение в архетипах своеобразия первобытного сознания и творческого потенциала народа» (ответственный — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Д. Ф. Ильин) были подняты такие вопросы, как мифологичность архетипов и эмоционально-образная синкретичность общественного сознания родоплеменной общности; поэтичность архетипов и их отражение в мордовском эпосе и песенном творчестве; образная трактовка архетипов в изобразительном искусстве. Выводы, сделанные в ходе обсуждения, подтверждают мысль о недостаточной разработанности архетипического подхода в гуманитарной науке Мордовии и возможности его применения (в соответствии с концепцией К. Г. Юнга) для изучения архетипов этнонациональных групп и сообществ.

В отделе теории и истории культуры прошел семинар «Теоретико-методологические проблемы использования мемуаров и путевых очерков как исторических источников» (ответственный — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом Т. М. Гусева), в ходе которого рассматривалась одна из проблем современной исторической науки — особенности отражения действительности в источниках. Предметом дискуссии стал вопрос о том, насколько достоверными являются мемуары и путевые очерки, основным источником сведений в которых выступают личный опыт и память мемуаристов. Следующий семинар был посвящен обсуждению монографии «Из истории провинциальной культуры» В. И. Лапуна (ответственный — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Д. С. Щукин). Было отмечено, что в книге представлены малоизученные страницы культурной истории мордовского края в XVII — середине XX в., а также биографии известных культурных деятелей различных эпох. Кроме того, автор обратился к неразработанным пластам документально-архивной информации. В ходе семинара «Основные принципы создания геральдических знаков в регионах» (ответственный — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Н. О. Шкердина) сотрудники отдела познакомились с требованиями, которые геральдическая комиссия предъявляет к создаваемым гербам и флагам. В рамках методического семинара состоялось обсуждение диссертационного исследования «Соотношение традиционализма и нетрадиционализма в религиозной жизни региона в постсоветский период (на примере Республики Мордовии)» А. К. Моисеева. Сотрудники отдела высказали замечания и дали рекомендации для подготовки работы к защите.

Кроме того, в 2010 г. научными отделами были проведены научно-методические семинары для сотрудников института. Сотрудники отдела истории Т. Ю. Задкова, С. В. Батаев и С. В. Видякин рассказали об особенностях составления генеа-

логических таблиц. Особое внимание было уделено источниковой базе генеалогического исследования.

Отдел современного регионального развития провел семинар, посвященный анализу вышеупомянутой монографии Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной. А. Н. Чекушкин отметил, что эта книга вызвала большой общественно-политический резонанс в мировом сообществе и обозначила неоднозначную палитру мнений по данной тематике. В круг ее основных вопросов входят анализ этнического национализма и определение роли этнических элит в конструировании националистических концептов. Особое внимание авторы уделили характеру политической эволюции этнонациональных движений финно-угров Российской Федерации и изменениям в их идейных позициях и политической практике, а также тому, в какой мере гражданские идеалы и ценности восприняты этнонационалистическими движениями.

Темой заключительного семинара стало оформление литературы в научном журнале «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» и научно-публицистическом журнале «Центр и периферия». Главный научный сотрудник — заведующий редакционно-издательским отделом Е. В. Глазкова познакомила участников семинара с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Кроме того, для сотрудников была подготовлена памятка по оформлению затекстовых библиографических ссылок.

Подготовила *О. В. Зарубина*.

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА

В 2010 г. вышла в свет монография «Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ)» Ю. П. Шабаяева и А. М. Чариной. Книга сразу привлекла к себе внимание и вызвала общественный резонанс, в первую очередь из-за громкого названия — «Финно-угорский национализм...». Современное понимание национализма во многом вызвано терминологической путаницей, так как данное понятие в российском обществе значительно отличается от используемого авторами монографии и не несет строго отрицательную смысловую нагрузку. В сегодняшней трактовке национализм — это представление об идентичности, которое может коллективно ощущаться членами некоторого государства, нации, общества или территории. В результате понятие «национализм» может исходить только из определения природы самой нации. Однако возникает вопрос: может ли понятие «нация» иметь универсальное определение, которое адекватно описывало бы сущность всех общностей, именуемых данным термином. На сегодняшний день нет единого определения и грани между такими понятиями, как «нация», «национальность», «народ», «народность», «этнос», «этническая группа».

В современной этнополитической литературе существует несколько подходов к определению понятий «нация» и «этнос». Поэтому ученые, работающие в том или ином парадигмальном поле, часто приходят к крайним выводам и суждениям. Определенный ответ на вопрос о происхождении нации является свидетельством принадлежности к тому или иному теоретическому подходу, среди которых выделяются примордиалистский (от англ. слова *primordial* — первородный, первобытный, изначальный, исконный) и инструменталистский, или конструктивистский.

В основе работы Ю. П. Шабаяева и А. М. Чариной лежит конструктивистский подход, предполагающий рассмотрение проблемы этничности, этнической идентификации и национальной государственности вне политической плоскости и во многом противопоставленный примордиалистскому подходу. Исследователи, руководствуясь данным подходом, указывают на ситуативность возникновения современных национально-государственных образований, субъективность этнической идентификации, релятивность природы наций. Конструктивистская парадигма видится как процесс постепенной деполитизации этносов, унификации статусов всех регионов федерации, создания гражданского сообщества, российской нации. Данный подход четко обозначен в работах директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова, в которых он отрицает объективность российских наций-этносов, считая их мифологизированными, и предлагает использовать термин «нация» только в узкогражданском смысле. По его мнению, «национальные движения» и «национальное возрождение» есть не что иное, как миф, который успешно используется и подогревается местной политической элитой, стремящейся к власти. Существование же новой российской государственности «на зыбкой основе этничности» таит в себе угрозу политизации этнических процессов и возникновения острых межэтнических противостояний.

Подобная позиция просматривается и в монографии «Чувашия девяностых. Этнополитический очерк» В. Р. Филиппова (2001 г.), где дается хроника этнополитических событий в Чувашии в конце XX в., в том числе содержатся сведения о конституционном процессе и изменениях в системе государственной власти. Особенностью данной монографии является то, что автор акцентирует внимание на динамике этнополитической ситуации в регионе, а также анализирует феномен чувашского национализма. Довольно резко критикуются «этнические мифы», к которым В. Р. Филиппов относит идеи «Большой Чувашии», национальной государственности, возрождения языка и культуры, язычества и т. д. Автор твердо стоит на позиции отрицания этнической государственности, права этноса на политизацию, указывает на мифологизацию идей. Данная точка зрения была выражена и в более ранних работах В. Р. Филиппова и во многом сходна с выводами Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной.

Таким образом, монография Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной не является единственной в современной этнополитической литературе, но ее содержание вызывает у многих исследователей неоднозначную оценку. Это прежде всего критика общетеоретических оснований финно-угорского движения, таких как концепция финно-угорского мира, общность народов финно-угорского происхождения, а также деятельности АФУН и власти регионов компактного проживания финно-угров России.

В январе 2011 г. в НИИГН в рамках заочного круглого стола было проведено обсуждение книги «Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ)» Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной. В круглом столе приняли участие: **И. В. Бахлов** — доктор политических наук, доцент, заведующий и профессор кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса, руководитель НОЦ «Политический анализ территориальных систем» Мордовского государственного университета (г. Саранск); **В. С. Воронцов** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск); **В. Ф. Кирдяшов** — кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета (г. Саранск); **О. Ю. Малинова** — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, почетный президент Российской ассоциации политической науки (г. Москва); **А. В. Мартыненко** — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПИ им М. Е. Евсевьева (г. Саранск); **В. В. Полещук** — магистр права, юрист-аналитик Центра информации по правам человека (г. Таллинн, Эстония); **А. Сурво** — доктор философских наук, научный сотрудник кафедры фольклористики Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия). Вел круглый стол А. Н. Чекушкин — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом современного регионального развития НИИГН.

А. Н. Чекушкин. *Некоторые оппоненты авторов монографии полагают, что использование термина «финно-угорский национализм» недопустимо. Они заявляют, что само включение его в сферу научных дискуссий оскорбляет народы, принадлежащие к уральской языковой семье. Каково ваше мнение? Что, на ваш взгляд, стоит за попытками внести элементы морализаторства в научные дискуссии?*

О. Ю. Малинова. К сожалению, «элементы морализаторства» как «встроенный элемент» сложившегося языка — это неотъемлемая (по крайней мере, на сегодняшний день) данность. Это проблема не только русского языка. Когда мы пишем по-английски, обращаясь к международной аудитории, мы тоже имеем дело со словами, обремененными шлейфом ценностно нагруженных коннотаций, позитивных или негативных (один из примеров, о котором мне приходилось писать, — концепт культуры в политических исследованиях, но этот пример, безусловно, не единственный). Наверное, проблемы такого рода неизбежны, поскольку между языком научного описания и анализа и языком общественной практики (а значит, языком, который используют политики и идеологи) нет непроницаемой стены. Конечно, там, где выбор возможен, предпочтительнее ценностно нейтральные понятия. Однако порой альтернативных вариантов нет. В таких случаях остается одно — четко определять объем рабочих понятий и внимательно контролировать их употребление, чтобы не выйти за рамки оговоренного объема. Очевидно, что многое здесь зависит от профессионализма академического сообщества и его готовности выстраивать корпоративные терминологические конвенции, отделяя обыденное словоупотребление от профессионального. Это очень важно, потому что без такого рода конвенций невозможно найти «точки опоры», позволяющие объективно изучать явления и процессы, которые порой вызывают в обществе шквал противоположных эмоций. «Национализм» — яркий пример такого рода «проблемных» понятий. В русском языке это слово имеет негативную окраску, ассоциируясь с «национальным эгоизмом», «возвеличиванием» одной нации в ущерб другим, ксенофобией и прочими разрушительными для многоэтничного и многоконфессионального государства устремлениями, которые «приличным людям» разделять зазорно. Это действительно проблема, поскольку термин, который в международном академическом дискурсе более или менее успешно применяется для анализа широкого спектра явлений, связанных с использованием символа нации в политических (и не только политических) практиках, в русском языке относится лишь к их крайним, ксенофобским формам. К сожалению, такое употребление понятия было характерно и для советского обществознания, поэтому оно имеет широкое распространение в российской академической среде. Однако, если безоговорочно его принимать, мы лишимся инструмента для анализа широкого набора практик использования идеи нации, которая является одним из столпов современной политической картины мира. Это очень разные практики, и их, безусловно, необходимо классифицировать; однако важно не упускать из виду и их «общий знаменатель» — борьбу за символический ресурс, связанный с идеей нации. Поэтому без родового понятия не обойтись. Слово «национализм» вполне могло бы играть такую роль. Нельзя сказать, что терминологическая конвенция, предлагающая использовать это понятие более широко и ценностно нейтрально, стала общепринятой, однако даже те, кто предпочитает говорить и писать иначе, не могут не знать о ее существовании. Поэтому употребление понятия «финно-угорский национализм» в научном издании, адресованном специалистам, ни в коем случае не может рассматриваться как «оскорбление народов».

И. В. Бахлов. Соотнесение терминов «финно-угорский национализм» и «гражданская консолидация» фактически означает противопоставление двух идентично-

стей — государственно-гражданской и этнической, симбиоз которых в идеале может служить основой устойчивого развития государства-нации. Формирование государственно-гражданской идентичности в полиэтническом государстве является длительным и сложным процессом, от успешности которого зависят национальная безопасность и обеспечение национальных интересов России. Особую значимость он приобретает в условиях трансформации основ государственности, в частности модернизации территориального устройства.

Весьма плодотворным, на мой взгляд, представляется подход к определению идентичности современного отечественного философа В. Д. Соловья, сформулированный им в работе «Русские против империи» (Свободная мысль — XXI. 2002. № 12). Под идентичностью он понимает глубинное основание субъектности как личности, так и различных социальных, политических и этнических общностей, а применительно к государству и нации таким фундаментальным основанием выступают государственно-гражданская и этническая идентичности. Государственная идентичность подразумевает образ государства в массовом сознании и стремление к интеграции с ним (или, наоборот, отталкивание от него); гражданская — то же самое, но в отношении страны и общества. Эти линии идентификации тесно переплетены, но не совпадают. Расхождение между ними, по мнению В. Д. Соловья, тем заметнее, чем более общество автономно от государства. В России же категории «народ» («общество») и «Отечество» («страна») традиционно рассматривались как подчиненные «государству», которое выступало стержнем русской политической мифологии, что было следствием имперской политики идентичности, направленной на отождествление гражданских и государственных идентичностей. Этническая идентичность в широком смысле отождествляется с этническим самосознанием и включает не только идентификацию — самоотнесение к той или иной национальности, но и образ «мы» как комплекс представлений о своей этнической общности и ее национальном характере, историческом прошлом своего народа, его образе действий в истории и способе освоения мира, культуре, языке, территории, а также о других этнических общностях.

В полиэтническом федеративном государстве, на мой взгляд, термин «национализм» не вполне применим к недоминирующим (в количественном или иных планах) этносам. В этом случае речь может идти о сепаратизме.

В нашей стране исторически сложилась ситуация, когда этническая идея (образ «мы») не может стать основой государственной идеологии и соответственно государственной идентичности. Противопоставление гражданской консолидации (формирования государственно-гражданской идентичности) и этнической идентификации означает рост сепаратизма и тем самым представляет угрозу национальной безопасности государства. Выявление подобных угроз — актуальная задача ученого-исследователя.

А. В. Мартыненко. Сам по себе термин «национализм» не несет в себе той негативной нагрузки, которая прочно закрепилась за ним в обывательском сознании. По большому счету, в данное понятие входит любовь к культуре и истории своего народа, к его традициям. В этом смысле национализм тесно связан с патриотизмом, ценность которого вряд ли кто-то будет отрицать. Встречающееся же в отдельных идеологиях принижение других наций совсем не является обязательной и неотъемлемой составляющей национализма. Что касается «финно-

угорского национализма», вернее — этнокультурного движения конца XX — начала XXI в., то, на мой взгляд, для него в большей степени характерен именно критический взгляд на реальные проблемы (скажем, ассимиляционные процессы среди эрзян и мокшан) в сочетании с выстраиванием конструктивного социального партнерства с государством. Например, съезд мордовского народа — яркое тому подтверждение. В то же время существуют движения, достаточно маргинальные, которые я обозначил бы термином «ненаучный», или «антинаучный радикализм». Это движения, которые всю свою риторику строят на идеях якобы существовавшего веками и продолжающегося по сей день «этнокультурного геноцида» финно-угорских народов со стороны Российского государства.

В. С. Воронцов. Если рассматривать национализм как принцип, согласно которому политические и национальные единицы должны совпадать, то сам факт того, что на политической карте мира существуют такие независимые государства, как Венгрия, Финляндия и Эстония (а в рамках российского федеративного государства сформированы и функционируют «титовые» республики карелов, коми, марийцев, мордвы, удмуртов), доказывает реальность этого явления. Как известно, в ходе научных дискуссий в качестве доказательств своей правоты принято приводить факты, анализировать реальные события и практики, а не «прикрываться» мнением «оскорбленных» народов.

В. В. Полещук. То, как представители миноритарной этнической группы артикулируют свои интересы, в каких терминах они стремятся их обсуждать, — обычно вписывается в рамки некоей общей стратегии. В ходе дискуссии о положении финно-угорских народов в России недопонимание между ее участниками может быть связано не только с терминологией, но и с разными (даже несовместимыми) подходами к определению этничности и соответственно групповой идентичности. Очевидно, что авторы обсуждаемой монографии стояли на позициях конструктивизма, о чем они открыто заявили в соответствующем разделе книги. Это предопределило их отношение к природе этничности. С учетом данного обстоятельства для них вполне логично поддержание идеи гражданской идентичности, укреплению которой способствует, кроме всего прочего, преодоление этнического партикуляризма.

А. Сурво. У меня не было возможности ознакомиться с опубликованными текстами, в которых выражены критические взгляды, поэтому могу исходить лишь из текста самой монографии. Термин «финно-угорский национализм» подразумевает наличие «финно-угорской нации», но таковой, насколько известно, не существует. Тема межнациональных отношений не утрачивает актуальности, что требует осторожности в выборе терминологии, поскольку в дальнейшем может отмечаться ее «нецелевое» использование теми, кто в своей исследовательской или чиновничьей практике будет опираться на выводы данной монографии.

В то же время взаимосвязь нации и национализма имеет и более существенный обратный характер, отвечающий взаимоотношениям «текста» и «аудитории». (Согласно Ю. М. Лотману, текст навязывает аудитории свою систему кодов и стремится уподобить аудиторию себе, в то же время аудитория наделяет текст понятными и близкими ей кодами. Иначе говоря, текст «отбирает» себе идеальную аудиторию, так же как и аудитория конструирует «свой» текст.) «Великофинляндский проект», о

котором не раз упоминается в монографии, имел в своих истоках национализм без нации, т. е. текст, экстраполяция которого происходила на народ-аудиторию. В 1811 г. манифестом Александра I к Суоми была присоединена территория так называемой Старой Финляндии, в течение сотен лет бывшая зоной военных конфликтов между Швецией и Россией. Население Финляндии, впервые в истории не обремененное войнами, за неполное столетие выросло в три раза. Это был самый высокий показатель в Европе на переломе XIX — XX вв. Общество столкнулось с целым спектром социально-политических и религиозных противоречий, разрешение которых было возможно лишь при наличии объединяющей идеи, позволявшей элите удерживать власть. Так была востребована мифология, представлявшая Россию и русских «извечными угнетателями».

А. Н. Чекушкин. *Есть еще одно суждение, которое высказывается критиками позиций, изложенных в монографии Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной. Некоторые исследователи заявляют, что авторы придерживаются «радикальных взглядов» на «финно-угорский вопрос». Может ли в принципе рациональный научный подход классифицироваться как «радикальный», «умеренный» и т. п.?*

В. Ф. Кирдяшов. Уже само название работы вызвало споры среди ученых и политиков. Некоторые считают идею Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной «научным радикализмом», с чем вряд ли можно согласиться. Это глубокий всесторонний критический анализ реальной проблемы, которую нам надо решать, привлекая внимание широких кругов научной общественности, политиков и граждан страны.

Финно-угорский мир, на мой взгляд, существует. Его можно рассматривать как супер- или даже гиперэтническое образование (Л. Н. Гумилев). Следовательно, суперэтнос как система (группа близкородственных этносов и отношений между ними) — это реальность, поэтому, как и всякому этническому целому, суперэтносам присущ национализм. Другой вопрос: каков его характер и чего в нем больше — элементов гражданского или этнического национализма? Будучи делегатом многих съездов и конгрессов финно-угорских народов, я убедился в мысли, что практически все финно-угорские народы России считают себя прежде всего гражданами России, а потом уже представителями того или иного финно-угорского этноса (мордвой, коми, удмуртами и т. д.). Однако среди лидеров национальных движений финно-угорских народов есть ярые сторонники этнического национализма, выражающегося в отрицании первичности гражданского национализма и обвинении великого русского этноса в геноциде финно-угорских народов. Неслучайно поэтому на всех съездах, конгрессах и других подобных мероприятиях они находили сторонников такого видения проблемы из Венгрии, Финляндии, и особенно Эстонии. Именно через представителей этих стран финно-угорские националисты часто апеллируют к международным организациям, чтобы «надавить» на Россию. Так, на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов в г. Ханты-Мансийске представитель Эстонии договорился до того, что только самостоятельная государственность финно-угорских народов может позволить им самореализоваться как эстонцам после распада СССР и образования независимого государства. Ему был дан достойный отпор. Однако с каким энтузиазмом был воспринят этот призыв некоторыми лидерами национальных движений. В связи с этим следует отметить, что в монографии такие националистические уклоны были достойно разоблачены. Позиция авторов не

содержит никаких элементов радикализма. Скорее, наоборот, они раскрывают опасное для судеб страны и самих финно-угорских народов заигрывание на антирусской почве с некоторыми представителями зарубежных ассоциаций, фондов и т. д.

В. С. Воронцов. После прочтения монографии Ю. П. Шабая и А. М. Чариной лично у меня не сложилось мнение, что авторы придерживаются «радикальных взглядов» на «финно-угорский вопрос». Хотя не со всеми выводами авторов можно согласиться, но это их точка зрения, которой они вправе придерживаться и выносить на суд научной общественности. Нетрудно заметить, что дискуссия выходит за рамки монографии. В настоящее время в отечественной науке сосуществуют и соперничают друг с другом две основные концепции природы этноса — примордиалистская (онтологическая) и конструктивистская. Обе концепции получили широкое распространение и обрели своих последователей как среди ученых, так и среди политиков. Отметим, что природа этноса и этничности настолько сложна, что вместить ее в рамки какой-то одной методологической модели, скорее всего, нереально. Главное, на мой взгляд, не абсолютизировать предложенные точки зрения, не апеллировать к чувствам «оскорбленных» народов, а попытаться найти консенсус в ходе открытых научных дискуссий.

А. В. Мартыненко. Хотел бы отметить, что знаю Юрия Петровича Шабая лично: мне доводилось слушать его научные доклады на конференциях, организованных Институтом этнологии и антропологии РАН в Египте, Израиле и Швейцарии. Считаю, что это специалист-этнолог высокого уровня, придерживающийся достаточно взвешенных взглядов, в том числе в отношении «финно-угорского вопроса».

А. Н. Чекушкин. *Одно из дискуссионных утверждений авторов рассматриваемой монографии состоит в том, что институты гражданского общества являются самоорганизующимися и независимыми, поэтому этнонациональные организации финно-угров, деятельность которых осуществляется лишь за счет постоянной финансовой поддержки федеральной и региональной власти, относить к ним вряд ли возможно. Каково ваше мнение?*

В. Ф. Кирдяшов. Данная позиция авторов монографии вызывает определенное сомнение. В связи с этим хочу напомнить, что абсолютное большинство этнонациональных организаций и движений возникло по инициативе и воле самих народов, как говорится, «снизу», а не «сверху». Помнится, отношение власти, например, к этнокультурной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа «Масторава» было, мягко говоря, негативным. Между тем эта организация смогла привлечь внимание представителей и власти, и широких кругов общественности на катастрофическое положение мордовского народа, который нуждался в развитии языка, культуры, в обновлении школьной программы на национальном языке, развитии профессионального искусства, народных промыслов и т. д. Разве эти вопросы можно было решать без совместных усилий государства и институтов гражданского общества, каковыми мы считаем этнонациональные организации и движения? Другое дело, что по прошествии определенного времени государство вернуло себе патерналистские функции, а в ряде мест этнонациональные организации полностью сложили с себя функции представителя своего этноса, всецело полагаясь на «мудрость» «патрона».

А. Сурво. Вряд ли существуют абсолютно независимые и самоорганизующиеся институты, будь то гражданские или этнические. Финансирование представляет собой скорее «техническую» проблему, связанную с эффективностью использования данных «институтов» в тех или иных целях, что в немалой степени подтверждается и представленным в монографии материалом. Если в отношении этнических, религиозных и миграционных процессов отсутствует внятная и последовательная государственная политика, то появляются возможности для «самоорганизации извне» с сопутствующей финансовой и пропагандистской поддержкой.

О. Ю. Малинова. Не будучи знакомой с практикой этнонациональных организаций финно-угров, я не могу ответить на этот вопрос. Могу лишь отметить, что реальность всегда сложнее теоретических схем, и в деятельности одной и той же организации могут сочетаться типологически разные практики (в какой пропорции — это отдельный вопрос). По-видимому, для институтов гражданского общества характерен особый тип социального действия, который отличается, с одной стороны, от солидаристских отношений, организованных по принципу родства, с другой — от бюрократической модели коллективных действий, предполагающей безличные способы организации и координации. Немецкий историк и социолог Ю. Кокка выделил следующие характерные особенности этого типа социального взаимодействия: 1) ориентация на компромисс и достижение понимания в обществе (*understanding in public*); 2) упор на независимость индивидов и самоорганизацию; 3) принципиальная установка на плюрализм интересов, взглядов и подходов; 4) ненасильственные методы; 5) ориентация на общее благо (пусть и по-разному понимаемое). Как видим, источники финансирования — не единственный индикатор типа социального действия.

А. В. Мартыненко. Обозначенное мнение имеет право на существование, но, конечно, не является истиной в конечной инстанции. Насколько понимаю, авторы затрагивают проблему финансовой зависимости ряда таких организаций от власти предрержащих. С другой стороны, большинству финно-угорских этнонациональных организаций подобная зависимость не мешает выступать с критикой власти по тем или иным вопросам этнокультурного строительства...

А. Н. Чекушкин. *В связи с предыдущим вопросом логично возникает следующий: насколько, на ваш взгляд, соединимы гражданские и этнические интересы, как соотносятся этничность и гражданство?*

О. Ю. Малинова. На мой взгляд, точнее говорить об интересах разных групп или, если угодно, сообществ. В этой логике гражданство представляет собой совокупность институционализированных социальных практик взаимодействия между индивидами, их ассоциациями и конкретными агентами, выступающими от имени государства. Гражданство связано с тем, что можно было бы назвать макрополитической идентичностью — принадлежностью к сообществу, «стоящему за государством». Этничность, в свою очередь, может быть связана с множеством практик, закрепляющих и репрезентирующих принадлежность индивида к той или иной этнической группе (или группам). Очевидно, что и в первом, и во втором случае мы имеем дело с разными «антрепренерами», выступающими от имени соответствующих групп/сообществ и определяющими их интересы. В роли таковых могут выступать и публичные политики, и чиновники, и «общественники»,

и интеллектуалы. Очевидно и то, что в современном мире индивиды связаны со множеством групп/сообществ, и членство в одних не исключает членства в других. Однако нередко в контексте борьбы за символические, а иногда и вполне материальные ресурсы «антрепренеры» стремятся представить проблему членства в разных сообществах по принципу игры с нулевой суммой, что влечет за собой конфликт, иногда с весьма тяжелыми последствиями. Это в полной мере относится к гражданству и этничности.

В. Ф. Кирдяшов. Размышляя об этой проблеме, мы не можем не затронуть важный и теоретический, и практический вопрос: соединимы ли гражданские и этнические интересы, этничность и гражданство?

Нация и национальность в литературе рассматриваются и как этничность, и как гражданство, т. е. они имеют как этнический, так и государственно-политический смысл. Диалектика здесь в том, что и этническое, и гражданско-политическое находятся в равновесии, дополняют друг друга. В условиях многонациональной России это равновесие должно поддерживаться государственной национальной политикой. Именно она должна обеспечивать гармонию этнонациональных и государственно-национальных интересов. Возможно ли это? Что первично, а что вторично: гражданская или этническая идентификация? Попробуйте ответить на вопрос: кто вы — представитель своего этноса или гражданин страны? Кажется все просто: мы и россияне, и мордва, татары чувашаи и т. д. Но по традиции, в нашей стране большинство граждан обычно, отвечая на этот вопрос, называют себя представителем родного этноса, а не родного государства.

Это противоречие в полиэтнической России не изучается должным образом, хотя попыток было сделано достаточно много. Для многих лидеров этнонациональных движений этническая идентификация — основная, для них мы прежде всего ингуши, кабардинцы, чеченцы и т. д. В российской науке гражданско-политическая нация — это сограждане, совокупность подданных государства. Такое понимание пришло к нам с Запада, где ключевым является наличие государства, степень его развития и формирование на этой основе новой надэтнической идентификации. Политическая нация в странах Запада тоже полиэтническая, но гражданские права в рамках нации-государства ставятся выше этнических. В нашей стране национальная идея еще не стала общенациональной, поэтому и возможно политическое, а нередко и правовое противопоставление людей, принадлежащих к разным этническим общностям. Особенно часто это наблюдается в подборе и расстановке руководящих кадров управления. В результате устанавливается этнократия, которая использует власть с позиций примата этнических интересов в ущерб интересам других этносов.

В постсоветской России официально признано, что мы должны строить (формировать) гражданскую нацию, нацию-согражданство россиян как некий суперэтнос с надэтнической идентичностью. Действительно в многонациональном народе России отражен синтез этнической и политической идентичности, поэтому желательно, чтобы они были в одинаковой степени основаны на солидарности, лояльности и толерантности, поднимаясь на общность гражданского уровня, при чувствительном восприятии общих этнокультурных корней, ценностей, идей. Государство прикладывает некоторые усилия к формированию такой надэтнической общности россиян, в которой

этническая составляющая будет иметь значение только в рамках культурного взаимодействия.

В. В. Полещук. Классическая либеральная демократия должна быть слепа к этническим или языковым особенностям индивида. Однако мало найдется стран, которые во всех случаях придерживаются такого нейтралитета. В последнее время среди исследователей находит все большее понимание тот факт, что абсолютная нечувствительность к различиям ставит тех, кто в силу каких-то причин отличается от большинства населения, в особо неудобное положение. Европейский суд по правам человека в знаковом деле «Тлимменос против Греции» признал дискриминацией равное обращение с людьми, находящимися в различном положении. По сути, вся европейская система защиты прав национальных меньшинств призвана создать некий компенсаторный механизм, который позволит представителям миноритарной группы иметь полный доступ к реализации своих прав человека. У человека в силу принадлежности к национальному меньшинству могут иметься проблемы/интересы, которые отличают его от большинства населения, хотя и большинство, и меньшинства являются гражданами одной страны.

В. Димитриевич считает, что в отличие от почти всех бывших партнеров по соцлагерю Россия в целом отвергла этнонационалистическую идею «национального государства» как государства, принадлежащего прежде всего к доминантной, наиболее многочисленной, «исторической», «учредительной», «государствообразующей» нации. Этнонационалистический проект не смогли реализовать и «национальные республики» в североевропейской части страны. В российских условиях объединение всех жителей страны на гражданской основе вокруг общих, преимущественно этнически нейтральных ценностей является, видимо, наименее конфликтным способом обеспечения социальной стабильности и поступательного развития.

В. С. Воронцов. Вопрос очень непростой. Если абсолютизировать этнические интересы, то они не соединимы с гражданскими. Если искать и находить консенсус, а в полиэтнической стране мы обречены это делать, то соединимы. Каждый человек обладает определенным набором идентичностей, в том числе гражданской и этнической, в нашем случае очень важно найти разумный баланс между ними. В настоящее время разнонаправленные векторы общественного развития породили дисбаланс идентичностей, а идентификационная размытость послужила питательной средой для роста асоциальных явлений в обществе. В свою очередь, неспособность или нежелание государства защищать своих граждан ослабляет гражданскую идентичность и толкает людей к самозащите. Происходит смещение ориентации от государства и государственности к другим институтам – этничности, конфессиональности, клановости. «Русский национализм», «кавказский национализм», «финно-угорский национализм» и др. по своей сути являются защитными типами национализма, что совсем не оправдывает радикальных форм его проявления (притеснения, побои, убийства на национальной почве).

А. В. Мартыненко. Эти интересы, безусловно, тесно переплетены, взаимосвязаны. Однако, думаю, в основе их взаимодействия должна лежать несложная и, по сути, прописная истина: интересы одной нации не должны ущемлять интересы других наций (то же самое мы можем сказать об интересах отдельных граждан).

А. Н. Чекушкин. *Как вы относитесь к позиции, согласно которой концепт групповых прав призван «девальвировать» индивидуальные права, т. е. права человека? И насколько приемлем в современном демократическом обществе диктат культурной общины над ее отдельным членом?*

В. С. Воронцов. С научной точки зрения, можно согласиться с позицией авторов, согласно которой концепт групповых прав призван «девальвировать» индивидуальные права (права человека). Не вызывает сомнений и тезис о том, что в современном демократическом обществе не должно быть диктата культурной (этнической) общины над отдельным ее членом. Однако российская реальность далека от теоретических концептов, когда не действует диктат закона. Чтобы избежать человеческих жертв, необходимо использовать все возможности, в том числе «диктат этнических общин». После молодежных межэтнических столкновений в г. Москве и других регионах России хочется надеяться, что власть и общественность осознают опасность произошедших событий, а также то, что помимо «хлеба и зрелищ» люди хотят справедливости, защиты от коррупции, продажных чиновников, судей, представителей правоохранительных структур, преступных сообществ. В противном случае радикализм в обществе, в самых разных его проявлениях, будет только нарастать.

А. Сурво. Сложно объяснить какими-либо нормами «гражданского общества», например, то, что футбольные команды несут ответственность за поведение болельщиков. Так же свою роль в урегулировании и профилактике межэтнических конфликтов играют диаспоры, хотя это не регламентировано законодательно. В этом смысле групповое право является одной из реалий. Мультикультурная модель общественного устройства показала свою несостоятельность. «Культура» нелиберальной идеологии, согласно которой «рынок» и «толерантность» все расставят по своим местам, не более чем набор симулякров, предназначенных для пассажиров последних вагонов пелевинской «Желтой стрелы».

А. В. Мартыненко. В современном российском обществе, все еще очень сильно дезориентированном в ценностном плане, проблема некоего культурного диктата проявляется, пожалуй, только в отдельных религиозных общинах и политизированных группах деструктивного или радикального толка... Большинство же сегодняшних россиян живут в условиях свободного выбора тех или иных культурных, духовных, нравственных ценностей, или, к сожалению, полного отказа от таковых. Что касается прав той или иной группы (этнической, конфессиональной), то, повторюсь, они завершаются там, где начинаются права другой группы.

А. Н. Чекушкин. *Каково ваше мнение относительно утверждения авторов монографии о том, что этнизация как можно более широкого круга социальных отношений и сфер социальной жизни (особенно тех, которые имеют интернациональный или внеэтнический характер) потенциально опасна?*

В. Ф. Кирдяшов. Это утверждение авторов монографии, на наш взгляд, является спорным. Рассматривая этнизацию как разновидность процесса социализации личности, включающую в себя формирование у человека этнических стереотипов, этнического самосознания, представлений об особенностях образа жизни своей общности, усвоение им правил поведения и норм этикета, принятых в данном этносе, следует отметить важность и необходимость этого явления. Другое дело, когда

происходит чрезмерная этнизация политики, в результате чего увеличивается значение этнического фактора в политических отношениях и он превращается в средство политики, а также когда этничность становится фактором политической мобилизации, инструментом в руках этнократии при решении узкокорыстных задач. Результатом подобной политики являются межэтническая напряженность и конфликты.

А. Сурво. Авторы рассматриваемой монографии пишут, например, следующее: «В сфере сотрудничества с неправительственными организациями финансовое участие финской стороны и ее инициатива довольно масштабны. Но здесь финская сторона уподобляется властям российских регионов, которые превращают этнонациональные организации финно-угров в своих политических клиентов. Принципы либеральной демократии и политической конкуренции в этой сфере откровенно не признаются, поскольку они, вероятно, применимы лишь на Западе, в том числе в Финляндии» (с. 236 — 237). С данным утверждением можно отчасти согласиться, но типичное для подобных суждений заблуждение состоит в том, что «западная» модель принимается за реальность и априори представляется в качестве эталона без учета местной конкретики и специфики. Принципы «либеральной демократии» в Финляндии также относятся, скорее, к сфере риторического, на практике же это — «контроль и учет». Поэтому в Суоми ситуация с мигрантами далека от шведской, французской или германской, когда иностранцы создают обособленные и отторгающие интеграцию анклавов компактного проживания за счет социальных и мультикультурных предпочтений «гражданского общества».

В. В. Полещук. Авторы рассматриваемой монографии уделили большое внимание критике «арифметического» подхода к анализу этнокультурных явлений и процессов в докладе о положении финно-угорских народов, который был подготовлен К. Сакс для Комитета по культуре, науке и образованию ПАСЕ. Следует отметить, что бывший эстонский министр по делам народонаселения во многом экстраполировала ситуацию в своей стране на положение в ряде республик Российской Федерации. Этот подход в целом оправдан для анализа ситуации в прибалтийской республике с ее обществом, четко разделяемым на две жестко конкурирующие за ресурсы этнолингвистические общины. Однако он явно не всегда пригоден для анализа положения интегрированных частей населения российских регионов.

Ситуация в Эстонии является классическим примером возможности этнизации таких социальных проблем, как, например, безработица или размер оплаты труда. Социологи К. Лепинг, О. Тоомет и Е. Хелемяэ уверенно показывают, что этничность является тем фактором, который влияет на успехи человека на эстонском рынке труда. Возможно ли это в финно-угорских республиках России? Ю. П. Шабаев и А. М. Чарина, видимо, полагают, что нет. Например, имеющиеся различия демографического или социально-экономического характера они предлагают рассматривать прежде всего в контексте проблем северной российской деревни, поскольку финно-угры обычно доминируют именно среди сельского населения. Лучшей поддержкой развития идентичности этих народов они считают сельскохозяйственные проекты и проекты, направленные на жителей села в целом.

Очевидно, что в ряде областей представители миноритарных групп будут иметь свои интересы. Особенно это касается развития и использования языков меньшинств, в том числе в публичной сфере и в сфере образования. Однако здесь возможна разница в подходах. Международные стандарты однозначно запрещают акты геноцида и насильственную ассимиляцию. Миноритарные сообщества также находятся под защитой норм, запрещающих дискриминацию. Однако если дискриминация имеет косвенный характер, то юридические механизмы защиты уже не столь действенны. Те же нормы, которые касаются прав (национальных) меньшинств (как на международном, так и на национальном уровне), редко целиком поддерживают подходы, характерные для лидеров общественного мнения из среды меньшинств.

На фоне слабых стандартов неизбежны апелляции к общественному мнению, к моральным обязательствам и т. п. В итоге каталонский региональный национализм, например, пошел по пути жесткой языковой политики, призванной искусственно повысить статус каталонского языка в публичной сфере и в сфере образования. Однако вряд ли в каком-либо из рассматриваемых российских регионов подобная политика встретила бы понимание не только представителей русского большинства, но и самих финно-угорских меньшинств. Таким образом, остаются иные, умеренные и заведомо не столь эффективные для стороннего наблюдателя, способы продвижения языков меньшинств.

Авторы монографии демонстрируют полное неприятие этнизации политической жизни в регионах. Это не только связано с мировоззрением авторов, но и логично вытекает из их неприятия примордиалистского подхода к этничности.

А. Н. Чекушкин. *Каково ваше отношение к утверждению Ю. П. Шабаяева и А. М. Чариной, что гражданские ценности и идеалы постепенно становятся все более значимыми для россиян и все более активно конкурируют с этническими ценностями?*

О. Ю. Малинова. Во всяком случае, именно об этом свидетельствуют работы социологов, изучающих данную проблему в динамике, — Л. М. Дробижевой, М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой и др.

В. Ф. Кирдяшов. Вполне очевидно, что XXI в. для России будет переломным в становлении гражданского общества, когда гражданские ценности и идеалы постепенно станут приоритетными для всех россиян независимо от их национальности и форм самоопределения. На данном этапе мы не можем утверждать, что гражданское общество и гражданская самоидентификация существуют. Никто не отрицает того факта, что этническая самоидентификация, этнические ценности пока для большинства россиян более понятны и близки. Сейчас мы находимся в своеобразной переходной стадии, когда ценности гражданского общества осознаются, но еще очень сильно влияние этничности на идентификацию и личности, и этноса.

А. Н. Чекушкин. *Как вы оцениваете в целом монографию Ю. П. Шабаяева и А. М. Чариной и каково, на ваш взгляд, ее научное и общественное значение?*

А. Сурво. Анализируемые авторами монографии современные тексты и материалы часто повторяют (подчас буквально) пропагандистские памфлеты столетней давности. За исключением исследователей, специализирующихся в дан-

ной области, «великофинляндские» тексты известны читательской аудитории последних десятилетий лишь на уровне общих положений и стереотипов. В послевоенный период в Финляндии было запрещено множество националистических и фашистских организаций и изданий. Изымавшаяся из библиотек и книжных магазинов литература сегодня обычно представлена в единичных архивных экземплярах. Не всякий читатель будет утруждать себя штудированием подобной экзотики в читальных залах. Поэтому складывается ситуация, когда выражаемые мнения редко подкрепляются знанием «матчасти», способствуя воспроизводству квазимифов. Наглядным примером тому служит «культурологический» доклад, рассматриваемый авторами особенно подробно (с. 205) и, очевидно, ставший одной из основных причин написания монографии.

Авторы осознанно выбрали полемический стиль изложения (с. 31), провоцируя своих оппонентов на продолжение дискуссии и вывод ее из невменяемого кулуарного состояния.

Представленные в монографии интерпретации по-своему радикальны, не совпадая с привычными представлениями о «финно-угорском мире», в чем проявляется противоречие между двумя формами критики, о которых писал Р. Барт: «университетская» критика нацелена на собирательство фактов, в то время как «интерпретативная» откровенно идеологична, чем, по сути, и отличается от «университетской», идеологичность которой не рефлексирована или просто-напросто замалчивается. Апеллируя к идеологии, Р. Барт уточнял, что «хотя это слово некоторых еще пугает». В последовавшие десятилетия негативное отношение к идеологии — одной из базовых ценностей общества — в массовом сознании лишь усугубилось, вследствие чего преобладает «университетская» критика и соответствующая ей инертность мышления.

В. В. Полещук. Монография Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной, безусловно, заслуживает внимания уже потому, что ситуация в целом ряде финно-угорских регионов и проводимая там этнополитика была последовательно проанализирована прежде всего с конструктивистских позиций. В научный оборот был введен большой объем материала, который вряд ли доступен для специалистов из других регионов, и тем более из-за рубежа. Монография уже вызвала общественные и академические дискуссии, что непременно должно привести к «переоценке ценностей» в региональной этнополитике, а также повлиять на стратегии как этнических националистов, так и сторонников общегражданской консолидации.

В. Ф. Кирдяшов. В заключение следует отметить, что данная работа, вне всякого сомнения, является фундаментальной в области финно-угорской этнополитики. Помнится, в 2008 г. все мы ожидали выхода широко разрекламированной книги «Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра» под редакцией А. К. Конюхова (Сыктывкар, 2008). И что мы получили? Труд с сомнительными цифрами и субъективизмом авторов. Сравнивая эти две работы, мы можем констатировать, что обсуждаемая книга, несмотря на некоторые незначительные погрешности, вызывает глубокую удовлетворенность анализом процессов, протекающих в финно-угорском мире.

В. С. Воронцов. Монография Ю. П. Шабаева и А. М. Чариной, несомненно, нужна и актуальна. Авторы, опираясь на широкий круг разнообразных источников, профессионально и аргументированно проанализировали этнополитические процессы

в финно-угорских республиках России, показали неоднозначность и противоречивость эволюции этнонациональных движений российских финно-угров. Пожалуй, это первая работа, в которой «финно-угорский национализм» и его идеологи подвергаются столь резкой критике. Создается впечатление, что авторы преднамеренно внесли элементы «провокационности» в некоторые свои выводы и оценки, с тем чтобы «разбудить» общественность, вовлечь ее в обсуждение архиважных проблем финно-угорских (и не только!) народов России. Хочется надеяться, что обсуждение монографии будет проходить корректно, в рамках научной дискуссии — ведь именно «в спорах рождается истина»!

А. В. Мартыненко. Обсуждаемая монография — добротное, выполненное на достойном теоретическом уровне исследование, с которым, как с любым другим исследованием, читатель волен соглашаться или не соглашаться по тем или иным позициям. Но не более того.

Подготовил *А. Н. Чекушкин.*

РЕЦЕНЗИИ

Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне : в 2 кн. / отв. ред. А. Н. Сахаров, ред.-сост. Л. П. Колодникова. — М., 2010. — Кн. 1. — 480 с. ; Кн. 2. — 520 с.

В 2010 г. исполнилось 65 лет со дня эпохального для России события — окончания Великой Отечественной войны. Великая Отечественная война — особая героическая страница в истории страны. После катастрофического ее начала избежать разгрома, отразить вражеское нашествие мог только народ, имевший глубокие исторические корни, духовные и физические силы, веру в справедливость своей борьбы. В ходе войны раскрылись лучшие стороны народа: любовь к Отечеству, чувство гражданства, великодушие, энтузиазм, бесстрашие, самопожертвование. Несмотря на очевидность этого, в настоящее время достаточно остро на первый план выдвигается проблема освещения подлинной, а не фальсифицированной истории Великой Отечественной войны. В исторической науке формируется целое направление по разоблачению фальсификаций истории, борьбе с сознательным искажением исторических событий и мифотворчеством. Сегодня противостоять этому позволяют серьезные научные публикации, подводящие итог 65-летнего изучения истории войны на основе рассекречивания широкого круга источников и вовлечения их в научный оборот, обновления теоретико-методологического потенциала, новой концептуализации проблем, активного диалога российских и зарубежных ученых. Именно на решение данных задач направлено рецензируемое издание.

Подвиг советского народа и его армии в Великой Отечественной войне стал основной темой дополненного и расширенного сборника, подготовленного Институтом российской истории РАН, посвященного проблемам современных подходов к изучению этого события. Несомненное достоинство и своеобразие книги заключается в том, что ее авторами выступают не только отечественные исследователи — специалисты Института российской истории РАН, Института славяноведения РАН, Института военной истории МО РФ, ученые крупных региональных научных центров и вузов, но и историки из Украины, Белоруссии, Казахстана, Польши, Литвы.

В 1-й книге отражено состояние современной российской и зарубежной историографии и источниковедения, рассмотрены достижения и просчеты военной политики СССР в 1930 — 40-е гг., вскрыт процесс «советизации» Западной Белоруссии, проанализированы уроки советско-финляндской войны, определено место «восточного похода» в стратегии Гитлера, прослежен характер чрезвычайных мер, принимавшихся в СССР в начальный период войны, вскрыто значение технологической интерпретации ее истории. Значительное место в рецензируемом издании отведено рассмотрению социально-политических и внешнеполитических проблем в годы войны.

Во 2-й книге помещены статьи, преимущественно охватывающие вопросы становления тыла и трудового подвига народа, острые проблемы сущности патриотизма и коллаборационизма, анализируются последствия войны, включая демографические, экономические, внешнеполитические, военные и социально-структурные. Особое внимание уделяется вопросам реституции российских культурных ценностей и репатриации граждан.

Важность и концептуальная новизна рецензируемой работы состоят в том, что определяющее значение на выход в свет данного проекта оказало активное сотрудничество сотрудников Института российской истории РАН с историками из Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Самары, Чебоксар, Саранска. Благодаря работе ученых с материалами региональных архивов путем документального системного их исследования удалось всесторонне раскрыть роль отдельных регионов в достижении Победы. Так, предметно-смысловая и критическая обработка обширного документального материала позволила историкам НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия не только показать вклад Поволжья в достижение общенародной Победы, но и раскрыть его значение как мощного промышленного региона России в годы Великой Отечественной войны. Бесспорен их вывод о том, что создание отлаженного военного хозяйства и установление новых экономических связей в короткие сроки первых военных лет определили важную роль Поволжья в структуре советского тыла. Выводы участников проекта позволяют уяснить ряд значительных фактов и обстоятельств региональной экономической истории и узловых моментов русской истории в целом.

Материалы интересной и содержательной работы изложены современным, живым и увлекательным языком, понятным и убедительным как для представителей научных кругов, так и студентов вузов, учителей и учеников общеобразовательных учебных заведений, а также для всех, интересующихся проблемами истории страны.

В целом рецензируемое издание отличается широким охватом и скрупулезной проработкой фактического материала и исторической проблематики, презентацией обширного спектра интерпретационных подходов, взвешенностью суждений и детализированной аргументацией, привлечением и обработкой фундаментальной статистической информации. Оно представляет собой интересное, добротное, серьезное и глубокое научное исследование по актуальной в научном и практическом отношении проблеме и призвано сыграть важную роль в осмыслении событий прошлого столетия российской истории.

*Доктор исторических наук, профессор
И. А. Чуканов.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баулина Наталья Викторовна — аспирант отдела истории НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Гурьянова Любовь Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Еремкина Ольга Алексеевна — аспирант отдела истории НИИГН, e-mail: olkaae@mail.ru

Зарубина Ольга Владимировна — главный научный сотрудник — заведующий отделом периодических изданий НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Кемаев Евгений Николаевич — аспирант отдела археологии и этнографии НИИГН, e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Кочетова Юлия Михайловна — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: kochetov.y@yandex.ru

Кукушкина Елена Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саранского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», e-mail: guniign@list.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Лаптун Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: vil@rambler.ru

Моськина Светлана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: swetlana.moskina@yandex.ru

Пашуткина Валентина Николаевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Рябов Петр Владимирович — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Самусудова Лилия Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саранского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», e-mail: lilya.a13@mail.ru

Сапунова Елена Николаевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: lenasapunowa09@rambler.ru

Соколов Александр Викторович — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: sokolov.aleksandr@mail.ru

Сулдына Людмила Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Топорков Сергей Николаевич — аспирант отдела современного регионального развития НИИГН, e-mail: topgrey@yandex.ru

Уханова Юлия Николаевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: Uhanova_Ulya@mail.ru

Фадеева Мария Михайловна — младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии НИИГН, e-mail: congress7@list.ru

Храмов Алексей Викторович — аспирант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса МГУ им. Н. П. Огарева, e-mail: guniign@list.ru

Цыпкайкина Валентина Павловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой эрзянского языка МГУ им. Н. П. Огарева, e-mail: guniign@list.ru

Чекушкин Александр Николаевич — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом современного регионального развития НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Чуканов Иван Альбертович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета, e-mail: chia58@rambler.ru

Шаронов Александр Маркович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Шевцова Анна Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра международных образовательных программ Московского института открытого образования, e-mail: ash@inbox.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: shnadejda@bk.ru

Шугаева Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник редакционно-издательского отдела НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Щукин Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: schukin53@rambler.ru

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

---

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Baulina Natalia Viktorovna — Postgraduate Student of Department of History, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Bikeykin Evgeny Nikolaevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher - Head of Department of History, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Guryanova Lubov Aleksandrovna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Eremkina Olga Alekseevna — Postgraduate Student of Department of History, NIIGN, e-mail: olkaae@mail.ru

Zarubina Olga Vladimirovna — Principal Researcher - Head of Department of Periodicals, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kemaev Evgeny Nikolaevich — Postgraduate Student of Department of Archaeology and Ethnography, NIIGN, e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Kildyushkina Irina Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kochetova Julia Mikhaylovna — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: kochetov.y@yandex.ru

Kukushkina Elena Alekseevna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Foreign Languages, Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, e-mail: guniign@list.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Associate Professor, Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Laptun Vladimir Ivanovich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of Pedagogics, Mordovian Pedagogical Institute named after M. E. Evsejev, e-mail: vil@rambler.ru

Moskina Svetlana Ivanovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Mordovian Languages, Mordovian Pedagogical Institute named after M. E. Evsejev, e-mail: swetlana.moskina@yandex.ru

Pashutkina Valentina Nikolaevna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Rjabov Petr Vladimirovich — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Samosudova Lilia Vyacheslavovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Foreign Languages, Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, e-mail: lilya.a13@mail.ru

Sapunova Elena Nikolaevna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: lenasapunowa09@rambler.ru

Sokolov Aleksandr Viktorovich — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: sokolov.aleksandr@mail.ru

Suldina Ludmila Viktorovna — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Toporkov Sergey Nikolaevich — Postgraduate Student of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: topgrey@yandex.ru

Ukhanova Julia Nikolaevna — Postgraduate Student of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: Uhanova_Ulya@mail.ru

Fadeeva Maria Mikhaylovna — Junior Researcher of Department of Archaeology and Ethnography, NIIGN, e-mail: congress7@list.ru

Khramov Aleksey Viktorovich — Postgraduate Student of Department of General History and World Political Process, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: guniign@list.ru

Tsypkaykina Valentina Pavlovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of the Erzyan Language, Mordovian State University named after N. P. Ogarev, e-mail: guniign@list.ru

Chekushkin Aleksandr Nikolaevich — Candidate of History, Principal Researcher - Head of Department of Modern Regional Development, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Chukanov Ivan Albertovich — Doctor of History, Professor, Head of Department of Regional Studies and Foreign Affairs, Ulyanovsk State University, e-mail: chia58@rambler.ru

Sharonov Aleksandr Markovich — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: sharon.ov@mail.ru

Shevtsova Anna Aleksandrovna — Candidate of History, Senior Researcher, Center of International Educational Programs of Moscow Institute of Open Education, e-mail: ash@inbox.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Shkerdina Nadezhda Olegovna — Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: shnadejda@bk.ru

Shugaeva Tatiana Vladimirovna — Candidate of Philology, Researcher of Editorial and Publishing Department, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Shchukin Dmitry Sergeevich — Candidate of History, Senior Researcher of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: schukin53@rambler.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

---

СОКРАЩЕНИЯ

- ГАПО — Государственный архив Пензенской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики
Мордовия
НИИЯЛИЭ, МНИИЯЛИЭ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» основан в 2006 г. и является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности отделов института и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале: региональная экономика; отечественная история; политология; археология; этнография; языкознание; литературоведение; фольклористика; теория и история культуры.

Журнал выходит 4 раза в год как в печатном, так и в электронном виде. Электронная версия журнала размещается на сайте НИИГН: <http://www.niign.ru/>

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения.

2. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

3. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

4. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) УДК (в левом верхнем углу);

2) инициалы и фамилия автора на русском языке (под УДК);

3) инициалы и фамилия автора на английском языке;

4) название статьи на русском языке;

5) название статьи на английском языке;

6) ключевые слова на русском языке;

7) ключевые слова на английском языке;

8) аннотация на русском языке;

9) аннотация на английском языке;

10) текст статьи;

11) литература (литература и источники; для этнографов — литература и полевой материал авторов);

12) сведения об авторах.

5. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

6. *Формулы и буквенные обозначения* по тексту:

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы:

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; располагаются после ссылки в тексте.

8. Библиографические ссылки:

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом; располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию; оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

Повторная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

Первичная

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

Повторная

Власть и общество в XX в. ... С. 30.

Первичная

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

Повторная

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я

⁵ **Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я

⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я

³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я

⁴ Ibid. или ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я

¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я

⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я

² **Paasonen H.** Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1992. Bd. 2. S. 590.

П о в т о р н а я

⁶ **Paasonen H.** Op. cit. или ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd. 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ **Юрченков В. А.** Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; **Его же.** Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти (1917 — 1920 гг.) //

Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

Первичная

Литчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

Повторная

Литчфорд Е. У. Указ. соч.

Первичная

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

Повторная

Жизнь прекрасна...

Первичная

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Повторная

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

9. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

10. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 1 (17) 2011

Редакторы *Т. П. Савинова, Т. В. Шугаева*
Макет *О. И. Федосеевой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 15.03.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.